

управляется с толпой.

Вот наоборот получается далеко не всегда: я знал немало великих полководцев, которые так и не сумели навести порядок у себя дома...

— Подождите! — Жалобно попросил я. — Имейте в виду: я действительно ничего не понимаю! Какая армия? Какая последняя битва? При чем тут зимнее солнцестояние? И самое главное: при чем тут я, если уж на то пошло?

— Макс, этому прекрасному Миру пришел конец. — Жестко сказал мой собеседник. Если честно, он употребил другое слово: то самое, которое отлично рифмуется со словом "конец" и почти никогда не уходит живым из хищных лап цензоров. Услышав матерное словечко из божественных уст, я нервно рассмеялся, а потом заткнулся, поскольку на этот раз смысл его слов был мне совершенно ясен — яснее некуда!

— Полный? — Глупо переспросил я. Аллах недоумевающе пожал плечами.

— А какой же еще?

— И все исчезнет? — Растерянно уточнил я. — Жаль: здесь много изумительно красивых мест...

— Думаю, я не совсем правильно выразился. — Задумчиво сказал мой собеседник. — Этот конец Мира касается только людей и еще некоторых созданий — тех, кого люди называют "богами". Земля и небо — они останутся, просто станут иными. Думаю, в новом Мире тоже будет немало изумительно красивых мест, так что тебе не о чем сожалеть...

Кроме того, ты же давно отдал свое сердце совсем другому небу, я не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь. — Кивнул я. — И не только сердце. И все же...

— Кстати, тебе тоже не обязательно говорить мне "вы". — Мягко заметил он.

— Да? — Рассеянно удивился я. — Знаете, вообще-то мне несколько неловко говорить "ты" существу, которое считается богом... Я никогда не был религиозным человеком, но излишняя фамильярность тоже не в моем вкусе!

— Дело хозяйское. — Миротвориво согласился он. — Ладно, давай вернемся к нашим баранам.

— Самое время! — Усмехнулся я. — Вы мне для начала вот что объясните: при чем тут все-таки я? Ну, будет какая-то "последняя битва", и все такое... Но Макс здесь больше не живет: я отдал этому самому, как вы выразились, "другому небу" не только свое сердце, но и прочие потроха. Так что я вряд ли смогу принять участие в этом вашем мероприятии.

— Сможешь, если захочешь. Собственно говоря, именно об этом я и пытаюсь с тобой договориться. — Терпеливо сказал он. — Я собираюсь предложить тебе самое невероятное приключение, о каком ты и мечтать не смел.

— Возглавить одну из армий, да? — Усмехнулся я. — Вынужден вас огорчить: я никогда в жизни не мечтал о карьере военачальника... и вообще, у меня очень плохо функционирует тот участок мозга, который заведует честолюбивыми устремлениями.

— Не говори глупости. — Устало вздохнул мой собеседник. — При чем тут твои честолюбивые устремления? Я же не предлагаю тебе пост главнокомандующего НАТО!

Соберись с мыслями, ладно?

— Не могу: у меня их нет! — Злорадно огрызнулся я. — Ну сами подумайте: как

Макс Фрай

"Мой Рагнарёк"

Хроники Ехо

9

— Да нет, поминайте на здоровье. — Равнодушно отозвался мой собеседник. — Мне все равно, если честно... Я назначил вам встречу, поскольку хочу предложить вам работу.

— Надеюсь, вы не вербуете муэдзинов? — Рассмеялся я. — Предупреждаю: голос у меня всю жизнь был так себе, слабенький, а слух и вовсе дерьмовый!

Я распугаю все население Ближнего Востока... или, по крайней мере, навсегда отвращу этих бедняг от истинной веры.

— Да нет, ерунда какая! — Удивленно возразил он. — При чем тут ваш голос...

— Ну тогда ладно. — Великодушно сказал я. Немного подумал и понял, что мне следует временно притормозить со своими дурацкими шуточками: хорош я буду, если этот красавчик обидится, назовет меня дураком и уйдет, а я останусь, чтобы скоростижно скончаться от любопытства прежде, чем принесут счет. Я постарался придать своему лицу осмысленное выражение и выжидательно уставился на своего странного собеседника.

— Даже не знаю, как сформулировать, чтобы вы правильно поняли суть проблемы... — Задумчиво протянул тот.

— А вы просто скажите, как есть. — Предложил я. — Аллах с ними, с формулировками! Ой, извините...

— Не нужно извиняться, я же сказал, что мне все равно. — Великодушно отмахнулся он. — Ладно, пожалуй, вы правы: я не буду подбирать выражения, а просто скажу, как есть. Вы знакомы с пророчествами о конце Мира?

— Ну, разве что, в общих чертах. — Удивленно отозвался я. — Не могу сказать, что мне это было интересно, поэтому я всегда ограничивался той информацией, которая случайно влетала в мои уши. Ну, знаете, так называемый "Апокалипсис", примерещившийся бедняге Иоанну: четверка всадников, труба архангела, Страшный Суд, и прочая высокопарная чушь. И еще в сундуках моей памяти пылится одна мрачная версия из скандинавской мифологии: вроде бы там какая-то сволочная псина пожирает солнце, наступает тьма, а потом начинается последняя битва, в которой гибнут чуть ли не все боги... Или сначала наступает битва, а уже потом — тьма? В общем, все это называется красивым словом Рагнарёк...

— Вот-вот! — Оживился Аллах. — Из всех известных мне версий эта наиболее точно отражает истинное положение вещей. Именно об этом я и собирался с вами поговорить.

— Кстати, вы вполне можете обращаться ко мне на "ты". — Вздыхнул я. — Извините, что не сказал это раньше: до меня как-то не сразу дошло... Так что там с этой "последней битвой"?

— С ней все в порядке. Даже дата уже известна: последняя битва должна состояться примерно через семь месяцев, в день зимнего солнцестояния — в этом году он как раз совпадает с полнолунием, очень удачно! Заранее представляю, как великолепно будет выглядеть поле боя при свете полной луны... Собственно говоря, я хотел предложить вам — тебе! — возглавить одну из армий. — Самым будничным тоном сказал мой новый приятель.

— Как это? — Тупо переспросил я.

— Ну, как — как обычно командуют армиями... Думаю, ты быстро освоишься.

На самом деле, чем больше людей, тем проще с ними справиться. Человек, которому удастся поддерживать дисциплину в маленькой организации, очень легко

строгий черный костюм — пожалуй, слишком дорогой для комфортного пребывания в демократичном интерьере мексиканского ресторанчика. Я так и не успел разглядеть, откуда именно появилась маленькая чашка, такая же пронзительно-зеленая, как его пальто, потрясшее меня до самых оснований моей смешной души. Кажется, он извлек ее из нагрудного кармана своего элегантного пиджака, хотя я могу ошибаться...

— Это — самый лучший кофе, какой только можно отыскать под этим небом. — Скромно сообщил Аллах. — Точно такой же кофе готовил повар Гаруна аль Рашида — а этот парень вел свой род от верховных джиннов Первой Пустыни!

— Что это за "первая пустыня" такая? — Недоверчиво осведомился я. — Никогда о ней не слышал...

— Вы о многом не слышали. — Резонно заметил тот. — И еще больше успели позабыть. К счастью, ваше неведение не мешает некоторым событиям оставаться свершившимися фактами...

— Да уж! — Прыснул я. Потом осторожно попробовал кофе и расцвел от удовольствия.

— Вы нашли кратчайший путь к моему сердцу! — Проникновенно сказал я. — Вы утверждаете, что вы — наваждение, я вас правильно понял? — Мой собеседник кивнул, и я торжественно закончил:

— В таком случае, вы — наилучшее из наваждений, сэр! Это я вам говорю, как крупный специалист в этом вопросе!

— Ну, наконец-то! — Улыбнулся он. — А я все ждал, когда вы перестанете упорно притворяться обыкновенным человеком, который впервые в жизни столкнулся с необъяснимым...

— Я вошел в роль. — Смущенно признался я. — Знаете, если уж я берусь за дело, я стараюсь делать его хорошо. И поскольку я решил немного побыть старым добрым Максом, которого понесло на прогулку по Берлину, я постарался стать им по-настоящему... Понимаете, тому Макс, который то и дело сталкивается с необъяснимым, нет места под этим замечательным хмурым небом.

Я так старался соответствовать обстоятельствам, что немного увлекся...

— Разумеется, я понимаю. — Кивнул он. Немного помолчал, подождал, пока я сделаю последний глоток — этот воистину божественный напиток отличался от обыкновенного хорошего кофе так же разительно, как настоящие живые цветы от своих чудовищных пластиковых копий.

— Ладно, а теперь вам все-таки придется ответить на вторую половину дурацкого вопроса, который я задал вам с самого начала, сэр Аллах. — Улыбнулся я, аккуратно поставив на стол пустую чашку. — По какому такому делу я вам понадобился? Или вам просто надоело, что я то и дело поминаю ваше имя всуе, и вы решили побить мне лицо?

— За мной действительно еще с юности водится смешная привычка поминать беднягу Аллаха по любому поводу: я регулярно посылаю к нему своих горемычных собеседников, вместо того, чтобы просто дружелюбно посоветовать им навестить черта, или отправить их в дальнейшее путешествие на поиски общеизвестного анатомического органа, как это обычно делается. Кроме того, я периодически возношу ему хвалу, изредка высказываю претензии, и так далее — просто потому, что слово "аллах" всегда казалось мне вполне забавным.

Предисловие

Вообще-то, настоящее предисловие к этой книге уже существует. Оно с трудом уместилось в несколько толстых томов — и видит бог (тот самый, который пишется с большой буквы), я приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы оно не стало еще длиннее! Теперь мне приходится расхлебывать последствия собственной словоохотливости: я прекрасно понимаю, что среди читателей этой книги найдется немало счастливиц, до сих пор как-то обходившихся без моей писанины. Поскольку пересказывать содержание семи (если я не сбился со счета) томов в нескольких строчках — занятие более чем неблагодарное, я не стану даже пытаться. Вместо этого я позволю себе всего одно замечание (на мой взгляд, ничего не объясняющее).

Все события, о которых пойдет речь в этой книге, действительно имели место — но только в моей жизни, а не в вашей. Это нормально, поскольку я уже давно по самые уши увяз в топком болоте чудес — так глубоко и безнадежно, что меня уже нет рядом с вами.

Более того, у меня уже почти не осталось оснований надеяться, что я вообще есть хоть где-то. Строго говоря, меня никогда и не было. Но когда очередная волна неизвестно чьих воспоминаний грозит мне если не безумием, то противной тупой болью в затылке, я превращаю их в белые буквы на черном экране компьютера (у меня до сих пор имеется необъяснимая слабость к моей допотопной двухсотке — Windows 95, и даже 3.11, конечно, не проинсталлируюешь, зато эта машина у меня из рук ест, да еще и мурлычет! — и старому доброму Microsoft Word 5.5), а потом с вялым интересом жду, пока белые буквы на черном экране превратятся в черные буквы на белой бумаге — обычно это занимает кучу времени, понятия не имею, почему. Сверху сие безобразие, как правило, прикрывается пестрой обложкой с довольно жуткими, но как бы "героическими" рожами — и все! Воспоминания навсегда оставляют меня в покое, поскольку с этого момента они принадлежат не мне, а так — всем понемножку. Надеюсь, что они кажутся вам забавными, поскольку зануд под этим восхитительным небом всегда хватало и без меня...

P.S. Что касается послесловия — хотелось бы верить, что его никогда не будет. Мне всегда казалось, что наихудшее послесловие к любой книге — это смерть автора (когда я узнал, что нежно любимый мною в юности Борхес умер, я на него ужасно рассердился!), а самое лучшее послесловие, о котором можно только мечтать — это многоточие, но не отпечатанное типографским способом на бумаге, а длинная череда незаметных дырочек, образовавшихся на тонкой ткани реальности после того, как еще кто-то ускользнул, не прощаясь. Боюсь, что этот вариант мне пока не по зубам: всякий раз, когда я пытаюсь исчезнуть не прощаясь, выясняется, что я забыл шляпу, или зажигалку, или еще какую-то чушь, без которой совершенно невозможно обойтись — и мне приходится возвращаться...

Вот теперь, кажется, все.

Ваш Макс Фрай.

Как же это, друзья?

Человек глядит на вишни в цвету, а на поясе длинный меч!

Керай, XVII век

Светлы мои волосы,

Темны мои глаза,

Темна моя душа,

Холоден ствол моего ружья...

(Автор когда-то вычитал эти строчки в очаровательном детективном романе Себастьяна Жапризо "Дама в очках, с ружьем и в автомобиле" — из внутреннего монолога героини следовало, что это не просто стишок, а песенка, о мелодии которой остается только догадываться — и приносит самые искренние извинения читателю за то, что теперь эти назойливые строчки наверняка привяжутся и к нему...)

— Эй, "Груз Виселицы", куда это ты устался?

Я твердо решил, что больше не буду отзываться на это сомнительное прозвище, а посему никак не отреагировал на вопрос Афины. Пора бы ей усвоить, что владельца тысячи имен не следует окликать таким образом!

Впрочем, я не слишком верил, что это подействует: когда она дорывается до своего горячо любимого человеческого облика, ее характер становится совершенно невыносимым, и тут уже ничего не поделаешь, остается только ждать, пока сероокая устанет таскать на себе бесполезный груз, который неразумные люди в свое время опрометчиво сочли одним из наилучших мужских тел... Мало того, что мне не слишком-то нравится простолюдин по имени Марлон Брандо, облик которого так полюбился Палладе, меня вообще изрядно раздражает ее склонность принимать мужской облик: созерцать потную шею и коротко стриженный затылок немолодого мужчины и помнить, что под его загорелой кожей скрывается прекрасная сероглазая дева — от этого у кого угодно шея перегреется! Впрочем, эти Олимпийцы все с придурью, Афина еще самая разумная. И всех их легче убить, чем переделать, хотя убить тоже не слишком просто, поскольку считается, что они бессмертны, как, впрочем, и я сам...

— Нет, правда, Игг, на что ты пялишься? Что такого интересного может быть на земле? — Снова спросила Афина. Я мог поздравить себя с маленькой победой над ее необузданным нравом: на этот раз меня назвали не "Грузом Виселицы", а моим собственным именем, да еще и одним из самых любимых — честно говоря, из доброй тысячи имен, успевших прилипнуть ко мне за мою бесконечно долгую жизнь, я всегда предпочитал те, что покороче — как последний удар меча...

— Там на камне сидит какая-то странная тварь. — Объяснил я. — Не то человек, не то погань подземная, не то просто наваждение... Но не один из наших, это точно!

— Ясно. — Кивнула голова Марлона Брандо. — Ну что, идем на снижение?

Посмотрим, что он такое.

— Я и отсюда его прекрасно вижу. — Усмехнулся я. — И ты бы увидела, если бы смотрела своими собственными глазами, а не выглядывала из близоруких окон своей драгоценной маски...

незнакомец будет обращаться к вам именно по-немецки. Ничего удивительного: большинство людей всю жизнь пребывают отнюдь не в реальном мире, а в том, в существовании которого они "заранее уверены" — довольно страшный дар. Я бы сказал — проклятие, но вы со мной не согласитесь, я полагаю...

— Может, и соглашусь. — Равнодушно возразил я. — Если честно, в настоящий момент мне по фигу... Я уже пять минут смотрю на вас, ничего не понимаю, но ужасно хочу понять хоть что-то. Не самый удачный момент для философского осмысления общей картины человеческого бытия, вам так не кажется?

— Вам виднее. — Пожал плечами незнакомец. Было заметно, что его мысли заняты совсем другим. — Я вот все думаю, как бы мне ответить на ваш вопрос об имени... Вообще-то, у меня его нет.

— Но наверняка существует какой-то бессмысленный набор звуков, который окружающие считают вашим именем. — Понимающе улыбнулся я.

— Да, существует. — Кивнул он. — Но боюсь, что вас этот самый "набор звуков" окончательно запутает.

— Ох, вы меня так заинтриговали — дальше некуда. — Вдохнул я. — Может быть, хватит с меня мучительных догадок?

— Думаю, что так... В общем, когда люди хотят упомянуть меня в своих речах, они говорят: "Аллах". — Он развел руками и виновато улыбнулся. Я озадаченно уставился на него: стоило ехать черт знает куда, в город, где я не был так много лет, что постепенно начал сомневаться в его существовании — и все это для того, чтобы в первом попавшемся кафе наткнуться на городского сумасшедшего... Ничего не попишешь: мое фирменное везение! Потом я понял, что все гораздо хуже: этот самый "городской сумасшедший" не только безупречно говорил на моем родном языке — весьма отличном от немецкого! В довершение ко всем бедам, он знал, как меня зовут, когда я приехал, и честно говоря, я с самого начала почувствовал, что он знает обо мне гораздо больше — может быть, абсолютно все...

— "Аллах"? — Тупо переспросил я. — Что, вы хотите сказать, что вы — Бог, и вы все-таки есть? Ерунда какая-то!

— Не Бог, а Аллах. — Вдохнул он. — Это разные вещи... Кроме того, могу вас успокоить: меня нет, и никогда не было. В этом, собственно говоря, и заключается проблема.

— Какая проблема? — Обреченно спросил я. К этому моменту я как раз начал подозревать, что городской сумасшедший — не он, а я, а этот красавчик — просто моя очередная галлюцинация. Возможно, служащие психиатрической лечебницы, в которую меня давным-давно благополучно упрятали смертельно уставшие от моего прогрессирующего бреда родственники, забыли сделать мне очередной успокоительный укол, и теперь я могу всюду наслаждаться всякими экзотическими видениями — ловить за хвост свою своеобразную удачу, пока они не опомнились и не возобновили курс лечения...

— Что бы вы не думали, Макс, но за этим столом нет ни одного безумца. — Мягко сказал незнакомец, только что признавшийся мне в своем божественном происхождении. — Перед тем, как я вошел, вы хотели заказать кофе, помните?

Могу вас обрадовать: это как раз то чудо, которое мне по зубам.

Он ослепительно улыбнулся и эффектным жестом — не то фокусника, не то эсгибициониста — распахнул свое невероятное пальто. Под пальто обнаружился

такого безумного цвета!

Потом до меня дошло, что его извиняющаяся фраза была адресована не кому-то, а именно мне — больше здесь никого не было! — и перевел взгляд на его лицо. Как и следовало ожидать, лицо оказалось совершенно незнакомым, я мог быть уверен, что никогда в жизни не встречал этого парня, поскольку его физиономия представляла собой незабываемое зрелище! Честно говоря, я никогда не подозревал, что человеческое лицо может быть таким беспардонно красивым. Можно было подумать, что создавая это существо, природа внезапно перестала доверять собственному мастерству и передала заказ команде профессиональных мультипликаторов: в безупречной красоте незнакомца явно не хватало здорового реализма! Абсолютно правильный овал лица, белоснежная кожа, высокий лоб, эффектно обрамленный черными кудрями, тонкие полукружья бровей, таких ровных, что они казались нарисованными, не правдоподобно огромные глаза, пронзительно-зеленые, в тон его безумному пальто, изумительно очерченные губы — пожалуй, слишком яркие, чтобы их цвет казался естественным. Все это было так хорошо, что не вызывало доверия.

— Вы меня с кем-то перепутали? — Вежливо спросил я.

— Вас невозможно ни с кем перепутать. — Улыбнулся он. — Но если вы сомневаетесь... Вас зовут Макс, хотя мне очень хочется назвать вас Али, как в старые времена, но боюсь, что в настоящий момент вы вряд ли признаете это имя своим, а посему пока остановимся на Максе... Вы приехали в этот город сегодня утром, верно? Давным-давно у нас с вами была назначена встреча в этом самом кафе, ровно в два часа пополудни пятого мая сего года, но я задержался на четверть часа...

— Ну да, знаменитое "академическое опоздание"! — Машинально съехидничал я. Потом оценил нелепость ситуации и спросил:

— Но если у нас с вами действительно была назначена встреча, почему я об этом ничего не знаю?

— Если бы вы не знали, вы бы сюда не пришли. — Флегматично возразил он. — А поскольку вы здесь...

— Ладно, — вздохнул я, — скажите хоть, кто вы, и для чего, собственно говоря, была назначена эта самая встреча, о которой я ничего не знаю?

— На первую половину вашего вопроса ответить довольно легко... и в то же время почти невозможно. — Меланхолично заметил незнакомец. — А удовлетворительного ответа на вторую половину вашего вопроса вовсе не существует, хотя ответ, который вас совершенно не устроит, я готов дать в любой момент... Забавно!

— Вы меня совсем запутали. — Сердито сказал я. — Между прочим, немецкий язык никогда не был моим родным, поэтому мне сейчас не до игры в загадки и отгадки!

— А с чего вы взяли, что я говорю с вами по-немецки? — Удивился незнакомец. Только тут до меня дошло, что и начало нашего разговора происходило на нормальном человеческом языке, без всяких там чудовищных цитат из самоучителя — и как я сразу не заметил?!

— Могу вас понять, — сочувственно сказал мой странный собеседник, — поскольку вы находитесь в Берлине, вы были заранее уверены, что любой

— Я уже целую вечность смотрю на этот прекрасный мир своими собственными всевидящими очами. — Сухо заметила она. — Почему бы не позволить себе роскошь немного полюбоваться на него обыкновенными близорукими человеческими глазами, напоследок? Когда еще доведется...

У меня не нашлось возражений: "позволить себе роскошь" — это она очень хорошо сформулировала. В конце концов, все мы в последнее время только этим и занимаемся: позволяем себе разного рода роскошь — каждый в меру собственного воображения. А чем еще заниматься бессмертным богам, когда их мир собирается рухнуть, и даже дата последней битвы уже известна, а от былой наивной уверенности в собственном бессмертии давным-давно камня на камне не осталось...

— Ладно, — примирительно усмехнулась Афина, — по большому счету, ты прав, Видура.

Пожалуй, я действительно воспользуюсь своим собственным зрением. Все равно, человеческие глаза этого красавчика могут только смотреть, а не видеть...

Я одобрительно кивнул, и мы оба устались вниз, на крошечное зеленое пятнышко.

Привычным, почти незаметным усилием воли я заставил это пятнышко приблизиться и стать тем, чем оно на самом деле и было: мужчиной в ярко-зеленом плаще.

Он сидел на камне посреди совершенно голой песчаной равнины. Люди любят называть такие места "пустынями", но мне не нравится это название. Оно лжет: я много путешествовал по этим самым "пустыням", и ни разу не встретился там лицом к лицу с обещанной пустотой... Его руки были сложены на коленях, светлые растрепанные волосы почти закрыли лицо, на котором блуждала странная отрешенная улыбка, какие мне до сих пор доводилось видеть только на лицах спящих. А потом я заглянул в темную глубину его глаз, и мне стало не по себе. Я еще никогда не видел такой пугающей темноты — ни в человеческих глазах, ни в глазах своих родичей, ни в глазах моих мертвых воинов... ни в единственном зрачке своего собственного отражения, если на то пошло!

— Это он, Нике. — Обреченно сказал я. Она обернулась ко мне, ее брови — брови Марлона Брандо! — удивленно поползли вверх: до сих пор я только один раз назвал Афины этим именем, моим любимейшим из ее имен. Это случилось в самом начале нашего знакомства, и тогда я еще не знал, какое число непотребных слов способна пустить в ход эта сероглазая, когда кто-то пытается сказать ей, что она прекрасна! В тот раз это развлечение доставило мне некоторое удовольствие, но меня не слишком прельщала возможность повторно выслушать ее брань: я подозревал, что ничего нового Афина с тех пор не придумала, и мне станет скучно...

— Кто — "он"? — Наконец спросила Афина. Кажется, она решила не затевать новую свару по поводу несвоевременного употребления нежнейшего из ее имен.

— Ты что-то путаешь, Гаут. Этот смертный — не твой сумасшедший побратим.

Впрочем, возможно, он и не смертный...

— В том-то и дело, что не смертный. — Мрачно согласился я. — Боюсь, что он гораздо менее смертный, чем мы сами... А при чем тут мой побратим?

— Ну, не знаю. — Рассеянно сказала она. — Мне всегда казалось, что только его

внезапное появление может выбить тебя из колен.

— Глупости какие! — Отмахнулся я. — "Выбить меня из колен" — еще чего!

Просто у меня немного портится настроение, когда я в очередной раз вспоминаю, во что превратился бедняга Локи. Ты наверное не поверишь, но когда-то с ним было очень весело, и это были хорошие времена... Да пес с ним, не о том речь! Ты еще не поняла, кто этот незнакомец внизу? Это тот, за кем с радостью пойдут худшие из смертных, тот, кого ждали мертвецы, чтобы подняться из могил, ядовитое чудовище, под ногами которого плодородные земли превращаются в растрескавшуюся глину... Когда люди моего народа пытались перевести смутное знание о неизбежном на язык слов, они придумали свою историю о конце всего — они называли это "день судьбы богов".

Надо отдать им должное, не так уж много они и напутали! Во всяком случае, куда меньше, чем все остальные... Так вот, кроме всего прочего, они предсказали, что перед последней битвой откуда-то с юга придет великан Сурт с огненным мечом — в конце концов он-то и сожжет мир! Боюсь, этот парень и есть тот, кого они называли Суртом. Он пришел, и теперь все покатится в пропасть так быстро, что мы не успеем перевести дыхание... Это и есть наш главный враг, Нике. По сравнению с ним Локи — мой добрый приятель. В конце концов, он такой же невольник своей странной судьбы, как и мы все. А этот поганый пришел сюда развлекаться.

— Не развлекаться. — Задумчиво возразила она. — Он пришел сюда просто потому, что так вышло. В отличие от нас, он действительно мог отказаться принимать в этом участие, но его выбор уже сделан, так что теперь мы с ним в одной лодке... Хотя, он действительно возглавит армию наших врагов, одно другому не мешает, ты же знаешь.

— Не мешает. — Неохотно согласился я. — А с каких это пор ты занялась пророчествами? — Она не ответила. Про себя я удивленно подумал, что Афина не так проста, как кажется, а значит и с прочими ее родичами следует держать ухо востро... Потом я снова всмотрелся в темноту глаз растрепанного незнакомца, который по-прежнему неподвижно сидел на своем камне. Эта тьма была совершенно непроницаемой — для кого угодно, но только не для меня: случилось мне разгадывать загадки и похитроумнее! На сей раз я был вынужден неохотно признать, что наш враг не вызывает у меня должного отвращения. Я быстро понял, в чем дело: ему не единожды доводилось пить мед поэзии, а я всегда питал известную слабость к скальдам.

— А знаешь, он ведь не раз окунал руки в кровь Квасира. Вот уж никогда бы не подумал!

— Сказал я Афине.

— В чью кровь?

— Все время забываю, что ты не всегда понимаешь мои речи! — Снисходительно усмехнулся я. — Я хотел сказать, что в свое время он был поэтом, а может быть, и до сих пор... "Кровь Квасира" — это поэзия. И что тут непонятного?

— Почему нельзя просто называть вещи своими именами? — Раздраженно спросила она.

— Потому что вещи от этого портятся, я тебе уже тысячу раз объяснял. — Устало вздохнул я. — Если золото тысячу раз назвать "золотом", это истощит его,

Я толкнул стеклянную дверь, быстро пересек неопределенное пространство полутемного холла, переступил порог обеденного зала и заулыбался от неожиданности: внутри оказалось так хорошо — лучше не бывает! Во всяком случае, интерьер заведения полностью соответствовал — не то, что бы моему вкусу, который имеет обыкновение меняться несколько раз в сутки — но моему сиюминутному представлению о хорошем месте, что, по большому счету, гораздо важнее... Я тут же облюбовал себе столик в углу, напротив стены, увешенной театральными афишами начала века — не то настоящими, не то очень хорошими, и уже успевшими немного состариться копиями. Ко мне тут же подошел вполне натуральный мексиканец средних лет — к счастью, у его начальства хватило великодушия не заставлять парня таскаться по заведению в каком-нибудь идиотском сомбреро! — и с приветливой улыбкой поинтересовался, что он может для меня сделать. Я немного подумал и честно сказал, что для начала меня следует хорошо покормить, ну а если возможно устроить так, чтобы банка с тоником появилась в моих руках одновременно с меню — это превзошло бы мои самые смелые ожидания.

— Правда? — Невозмутимо переспросил официант. Потом он склонился к моему уху и доверительно шепнул:

— Знаете, я думаю, что это можно устроить!

Я восхищенно покачал головой: чего я точно не рассчитывал здесь получить, так это хорошую порцию дружелюбной иронии, в которой меня только что утопил этот замечательный парень! Мексиканец тем временем успел исчезнуть и снова возникнуть за моей спиной. Я и сам не заметил, как в моей левой руке оказалась ледяная желтая банка с тоником, а в правой — меню в картонном переплете.

— Стакан не нужен, да? — Можно было подумать, что этот потрясающий тип имел счастливую возможность лет триста прожить со мной под одной крышей и защитить докторскую диссертацию о моих многочисленных мелких привычках.

— Да, соломинки вполне достаточно. — Удивленно согласился я и торопливо уткнулся носом в меню: к этому моменту я был готов жевать скатерть! Через несколько секунд я решил, что для начала мне следует заказать бурритас с черепашьим мясом — я смутно предполагал, что это чертовски вкусно! — а там видно будет.

Всего полбанки тоника и полсигареты спустя я стал счастливым обладателем полной тарелки — очевидно, все события в этом замечательном заведении случались с фантастической скоростью. Я молниеносно расправился с теплой лепешкой и ее божественным содержимым и с удивлением обнаружил, что мне, собственно говоря, больше ничего и не требуется — разве что, чашка кофе...

Я не пил его очень давно, и даже не был уверен, что он мне все еще нравится, но во всяком случае, мне следовало проверить это на практике.

Я огляделся в поисках улыбчивого мексиканца. Его нигде не было. "Ничего, можно и подождать. — С ленивым благодушием сытого человека подумал я. — Рано, или поздно объявится — куда он денется!"

— Прошу прощения, я немного задержался. Впрочем, это даже к лучшему: вы хоть поесть успели... — Смушенно сказал какой-то незнакомец, усаживаясь напротив меня. Я с недоумением уставился на его ярко-зеленое пальто: все-таки взрослые люди, да еще и мужчины, крайне редко выпускают себя из дома в одежде

благополучно погрузилась обратно, на его дно, в темный, вязкий ил пассивной памяти... Наконец точка снова стала человеком. Я огляделся и понял, что мои мудрые ноги решили не дожидаться команды сверху, и совершенно самостоятельно вынесли меня на довольно широкую улицу, которая вполне могла считаться обитаемой: в центре проезжей части деликатно позвякивал старенький темно-зеленый вагончик трамвая, по противоположной стороне улицы неторопливо брела совершенно седая старушка с черным карликовым пуделем на поводке, у моих ног суежилась добрая дюжина воробьев — по сравнению с призрачными безлюдными переулками, по которым я кружил с самого утра, жизнь в этом месте просто кипела!

— Очень вовремя, дорогуша! — Сказал я себе вслух. — Тебе как раз пора что-нибудь сожрать, а залезать в чужие сады и обглаживать цветущую сирень было бы немного чересчур, да и некалорийная это пища...

Почему-то принято считать, что когда человек начинает во всеуслышание обращаться к себе, любимому, его душевное здоровье находится в большой опасности. Не знаю, как это бывает у всех остальных представителей человечества, но в моем случае все обстоит как раз наоборот: самые разумные и практичные советы я даю себе именно вслух, а вот когда я умолкаю, от меня можно ожидать чего угодно, только не наглядных доказательств моей вменяемости... Как бы то ни было, а моя идея касательно "пожрать" была чудо как хороша! Я внимательно огляделся. Картина показалась мне не слишком обнадеживающей: наглухо закрытые металлическими ставнями окна первых этажей окружавших меня домов представляли собой весьма безрадостное зрелище.

Никаких вывесок я тоже не обнаружил. Я укоризненно посмотрел на небо над своей головой — оно могло бы быть великодушнее к усталому путнику! — несколько мгновений мучительно решал, в каком конце улицы меня ждет вожделенная тарелка с едой, потом свернул налево, повинаясь какому-то безотчетному порыву, как всегда в таких случаях, и отправился навстречу своей судьбе. Впрочем, я только что брякнул жуткую глупость: мы всегда идем исключительно навстречу своей судьбе, даже когда направляемся в уборную, на ходу расстегивая брюки, поскольку между двумя любыми точками, расположенными на плоскости, можно провести одну, и только одну прямую — господи, какие все-таки жуткие вещи можно вычитать в обыкновенном учебнике геометрии, какой уж там Стилен Кинг!

Минут через десять я понял, что моя простая и ясная, но почти недостижимая цель стала близкой и осуществимой до дрожи в коленках.

Огромные красные буквы на фоне бледно-серого неба обещали большую жратву: из таких ярко-красных букв можно составить только название какой-нибудь дрянной забегаловки, больше они ни на что не годятся! Буквы честно пытались сложиться в осмысленное слово, но получалось не очень-то — во всяком случае, мне так и не удалось прочитать название заведения, погребенного под этой загадочной надписью. Впрочем, я мог не сомневаться, что за свежеевыкрашенными белыми стенами свирепствует мексиканская кухня: в конце надписи имелся еще и уродливый красный кактус, с грехом пополам заменявший точку.

Меня это вполне устраивало. На мой вкус, худшее блюдо мексиканской кухни — это куда меньшее зло, чем печальные результаты взлета творческой мысли работников какого-нибудь "Мак-Дональдса".

оно устанет, утратит свой блеск и потеряет ценность. Поэтому лучше называть его "периней дракона", или еще как-нибудь — есть много способов дать понять, о чем идет речь, не называя имени. Это магия. Не такая уж хитроумная, согласен, зато она работает...

— Этот дерьмовый мир скоро весь "испортится", раз и навсегда, а ты носишься со своей дурацкой магией! — Презрительно скривился рот Марлона Брандо.

— Если бы с ней все "носились", глядишь — и мир бы не испортился! — Огрызнулся я.

Знала бы эта сероглазая, как трудно порой бывает не разгневаться, слушая ее вздорные речи!

— Хорошо, не будем больше спорить. — Неожиданно мягко сказала Афина. — Сейчас я хочу окончательно разобраться с этим существом внизу, так что придержи свою драгоценную шляпу — еще улетит на выраже!

— Ладно, — миролюбиво согласился я, — придержи. Разбирайся.

Она кивнула, и начала стремительно сбавлять высоту. Земля понеслась нам навстречу с такой скоростью, словно она была отошавшим медведем-шатунном, а наша диковинная летательная машина — ее единственным шансом не сдохнуть с голоду еще до наступления ночи. Я не видел лицо своей спутницы, но почувствовал, что тонкие губы мужчины с нелепым именем Марлон сложились в восторженную улыбку валькирии — теперь никакая маска не могла скрыть настоящую Афины, которая при первой же встрече гордо бросила мне: "только не думай, что испугаешь меня своим заколдованным железом, дружок, я и сама — бог войны!" — и попробовал бы кто-то назвать ее не "богом", а "богиней"!

Афина небрежно положила руку на гашетку пулемета. Я понял, что она задумала, и одобрительно рассмеялся. В это мгновение я разрешил себе поверить, что все еще можно исправить: сейчас растревожившие меня темные глаза незнакомца станут просто парой бессмысленных мертвых глаз — сколько их было до него, сколько будет после! — и его зеленый плащ через несколько дней занесет песком, а пятна крови исчезнут еще раньше, и с ним будет покончено навсегда, а потом... Мало ли, что может случиться потом!

— Разворачивайся, Хар, хватит сверлить мой затылок своим драгоценным глазом!

Лучше приготовься немного пострелять. — Хриплым шепотом сказала Афина. — Я начинаю, а финал — за тобой!

Я понимающе усмехнулся, развернулся, и склонился над пулеметом — смертоносной машиной, которую Афина называла странным именем "Льюис". До сих пор она упорно настаивала на том, что пока я сижу в ее аэроплане, я — никакой не "ворон брани", а всего лишь пассажир, который должен сказать спасибо за то, что его взяли прокатиться на этом летающем чуде, и не нарушать величие момента своими жалкими попытками в очередной раз прослыть великим воином. Этой сероглазой многое сходило с рук: я не спешил с ней поспорить, и часто делал вид, что легко соглашаюсь с ее вздорными желаниями. Так что я еще ни разу не пользовался этой волшебной вещью. К счастью, мне никогда не приходится подолгу учиться обращению с новым оружием, поскольку любое оружие при ближайшем рассмотрении непременно оказывается всего лишь одной из несметного числа моих невидимых смертоносных рук... Машина по имени Льюис не была исключением:

стоило мне прикоснуться к холодному металлу, как все стало на свои места. Можно было не сомневаться: я сумею привести в действие этот пулемет, как уже не раз заставлял оживать куда более замысловатые игрушки, придуманные слабыми, но изобретательными людьми, отчаянно пытающимися услужить смерти...

Грохот пулемета Афины возвестил о начале нашей битвы. Рыжий песок был так близко, что я вполне мог бы сосчитать песчинки, если бы у меня нашлось время загигать пальцы: между нами и землей теперь было не больше десятка метров. Мы принесли на землю незаконнорожденный ветер — а как еще назвать ветер, родившийся от того, что над землей пролетела слишком большая и слишком быстрая птица? — светлые волосы незнакомца взметнулись вверх и зашевелились, как змеи на голове Горгон, о которых я не раз слышал от Олимпийцев — судя по всему, в будущем нам еще предстояло сразиться с этими опасными бабами! Мои руки что-то сделали с пулеметом, и я с наслаждением окунулся в изумительную музыку торопливых выстрелов... А потом я с горечью понял, что ничего не происходит — вообще ничего! И стрельба Афины, и моя собственная, не только не уничтожили, но даже не потревожили нашего странного врага. Наконец он неохотно поднял голову — мне показалось, что наши глаза встретились, но потом я понял, что такого быть не могло: это существо обладало обыкновенным заурядным человеческим зрением, парень не мог видеть дальше собственного носа, несмотря на все свое загадочное могущество... Небо становилось все ближе, наш летательный аппарат удалялся от земли так же стремительно, как только что несся ей навстречу — можно было подумать, что мы удираем, хотя мы, разумеется, ни от кого не удирали, просто Афина выполняла какой-то очередной маневр. Но я еще успел увидеть самое ужасное: этот неуязвимый незнакомец в зеленом плаще с любопытством посмотрел нам вслед, заулыбался еще шире, а потом начал смеяться.

— Ты слышишь, Паллада? Он смеется. — Я почувствовал, что задыхаюсь от гнева.

Такого со мной еще не бывало!

— Он смеется, как мы сами умели смеяться когда-то давно. — Задумчиво кивнула она. — А знаешь, кажется, я понимаю, почему тебе это так не нравится! Он смеется, как бессмертный, а мы с тобой уже успели забыть, как это бывает...

— Но он действительно бессмертный. — Сердито сказал я. — Мы же не смогли его убить.

— Наваждение тоже невозможно убить. — Улыбнулась она. — Знаешь, меня до последней минуты грызли сомнения на его счет, поэтому и пришлось затеять всю эту стрельбу. Бессмертному она бы не повредила... но только наваждение могло позволить себе роскошь вообще не обратить внимания на нашу атаку!

— Ты хочешь сказать, что он — обыкновенное наваждение? — Недоверчиво переспросил я.

— Ну, положим, не обыкновенное. И все же именно наваждение. Жаль, что он не на нашей стороне. Я бы попросила его научить меня так смеяться! Хотя, это не так уж важно... — Я ушам своим не верил: в хриловатом мужском голосе Афины появились мечтательные интонации, каковых за ней до сих пор не водилось, какой бы облик она не принимала.

— Ну что, поворачиваем домой? — Наконец спросила она. Я молча кивнул, не сообразив, что она сидит ко мне спиной, а посему на вопросы следует отвечать

вслух.

— Мы летим домой, или как? Я тебя спрашиваю!

— Домой, говоришь? — Усмехнулся я. — Да, "домой" — это было бы неплохо... Только у нас больше нет дома, и уже никогда не будет.

— Не придирайся к словам, Один. — Устало попросила она.

Меня так и подмывает брякнуть: "эта история началась с того, что..." — дальше может следовать описание любого события: начиная с моего рождения и заканчивая дурацкой, никому не нужной вылазкой в Берлин, в самом начале мая 98-го года — пятого мая, если быть точным. Вообще-то обычно я катастрофически путаюсь, пытаюсь воспроизвести хронологию событий, но эту дату я углядел на первой странице газеты, которую обнаружил на соседнем кресле в пустом вагоне электрички, и почему-то запомнил.

Несколькими днями раньше мне вдруг приспичило проведать своих старинных приятелей. Я немного посомневался, а потом подумал: какого черта! — взял себя за шиворот и отправил проветриваться. Сразу замечу, что мне так и не удалось разыскать ни самого Нанку, ни кого-то, кто мог бы подсказать мне, где теперь околачиваются этот невероятный тип и его ребята, так что сия идея претендовала на почетное право именоваться самой идиотской из всех, что когда-либо приходили мне в голову... В общем, любой вариант продолжения фразы "эта история началась с того, что..." — будет изрядной глупостью, поскольку так называемая "эта история" началась не с чего-то, а просто так, ни с того, ни с сего — если она вообще когда-либо начиналась...

По узким улочкам Карлсхорста я бродил часа три — уже не надеясь отыскать дом своих приятелей, а просто потому, что мне как-то не пришло в голову, что можно остановиться, развернуться, отправиться на станцию и уехать куда-нибудь в сторону центра. Вообще-то я всегда любил западную часть Берлина, этого восхитительного уродливого города, идеально приспособленного для одиноких прогулок в пасмурную погоду... Тем не менее, я упорно продолжал скитаться по восточной окраине. Теплый мелкий дождик не раз порывался забраться мне за шиворот, но у него не хватало пороха на этот подвиг, так что он то и дело останавливался — чтобы собраться с силами, и атаковать меня снова, я полагаю! За все это время я не встретил ни одного человека — если бы кто-то сказал мне, что такое возможно, я бы ни за что не поверил. Думаю, Карлсхорст вполне заслуживает занесения в Книгу Рекордов Гиннеса — как самое безлюдное место на планете! Пустые дома утопали в роскошных садах. Среди мокрой пахучей листвы пестрели аккуратные одинаковые таблички, оповещавшие меня, что сия соблазнительная недвижимость "сдается", или "продается" — вторая надпись попадалась несколько чаще.

В финале этих бесцельных блужданий я окончательно перестал соображать, кто я такой, и на кой черт меня сюда занесло. Мои ощущения свидетельствовали о том, что я все еще существую, но отнюдь не в качестве полноценной человеческой единицы.

Скорее уж я был просто точкой на плоскости — точкой, через которую можно провести бесконечное количество прямых — эта дурацкая, но обнадеживающая аксиома из школьного учебника геометрии всплыла в моем сознании, и тут же

спутником, чем-то вроде верного слуги, или умной говорящей собаки, не имела ко мне никакого отношения...

— Брось это тело. — Повелительно сказал я. — Дай ему спокойно исчезнуть.

Только мертвых двойников мне не хватало!

Золотые глаза Сфинкса изумленно уставились на меня.

— Ты жив, Владыка? — Тихо спросила она.

— Разумеется я жив. — Усмехнулся я. — Может быть, во Вселенной найдется пара-тройка существ, у которых есть шанс положить конец безобразию, именуемому моей жизнью, но ты не из их числа, радость моя!

— "Радость моя"? А ведь ты называл меня так раньше... Ты вспомнил, да? — Восхищенно спросила она, послушно убирая лапы с горла моей мертвой копии.

Как я и предполагал, неподвижное тело растаяло, как сосулька на жаровне — впрочем, от него не осталось даже нескольких капель воды!

— Да ничего я не вспомнил. — Я равнодушно пожал плечами. — Когда вспоминаешь, все происходит несколько иначе. Просто раньше я знал о себе одни вещи, а теперь — совсем другие. Не думаю, что какая-то из версий более правдива, чем другая. На мой вкус, они обе больше похожи на наваждение, чем на что-то настоящее... Но нынешнее наваждение нравится мне несколько больше, чем прежнее. Во всяком случае, оно сулит мне удивительные вещи...

Да, кстати, если я что-то и вспомнил, так это ответ на твою дурацкую загадку. Когда-то я действительно носился с этой глупой шуткой, даже тебе пришлось ее выслушать. Ну и вкус у меня был, нечего сказать! Полагается ответить, что особенно повезло тому, кто стоит вторым в этом ряду, поскольку помимо всего прочего он может возложить свои руки на чересла того, кто стоит впереди... Когда-то я действительно считал, что это очень смешно — это надо же!

— Ты все вспомнил! — Некрасивое лицо Сфинкса расплылось в глуповатой блаженной улыбке. Она смотрела на меня с такой нежностью, словно я только что пообещал на ней жениться... Вообще-то, я давно заметил, что положительные эмоции далеко не всегда делают людей привлекательнее, некоторым лицам счастливые улыбки вообще противопоказаны. У Сфинкса определенно был тот самый случай!

— Было бы что вспоминать... — Вздохнул я, усаживаясь на тот самый камень, на котором мне только что пришлось умереть. Честно говоря, я чувствовал себя более чем странно: так хорошо мне еще никогда в жизни не было, и кажется, у меня даже не хватало сил, чтобы справиться с собственным не в меру замечательным самочувствием! Впрочем, возможно, мне просто недоставало опыта — как человеку, который всю жизнь довольствовался какой-нибудь ржавой допотопной развалюхой и вдруг, на старости лет, пересел за руль лимузина.

— Ну что, где мое оружие? — Лениво спросил я. Не то что бы мне действительно требовалось какое-то там оружие, но порядок есть порядок. Я знал, что мне положено забрать у Сфинкса какие-то опасные цапки и таскать их за собой — просто в соответствии с законами жанра!

— Теперь твоя очередь загадывать мне загадки, Владыка. Если я смогу найти ответ, твое оружие останется у меня. А если не смогу, я с радостью отдам тебе все, что у меня есть.

Таковы правила игры. — Мечтательно сказала Сфинкс. Мне стало смешно: она

я могу возглавить какую-то армию, если я понятия не имею, что такое армия, и как ее следует возглавлять? Между прочим, я никогда в жизни не служил в армии — даже рядовым! — да и книжки про войну не любил читать... И вообще: зачем это нужно, чтобы я возглавлял какую-то там армию? Неужели этот ваш конец Мира нельзя повернуть без моего участия?

— Нельзя. — Просто подтвердил он.

— Вот это да! — Весело изумился я. — Как это приятно: "земную жизнь пройдя до половины", внезапно обнаружить, что без тебя совершенно невозможно обойтись на таком ответственном мероприятии! А почему, собственно говоря?

— Потому что... — Мой новый приятель задумчиво уставился в одну точку: наверное, подыскивал адекватные выражения. — Нет, вообще-то без тебя можно обойтись. — Наконец печально сказал он. — По большому счету, обойтись можно без кого угодно... Но если ты откажешься, эту самую армию придется возглавить мне самому. Я не могу оставить беднягу Мухаммеда в одиночестве.

А это будет не правильно.

— Почему? — Удивился я.

— Ну, хотя бы потому, что меня нет. — Туманно объяснил он. — В отличие от всех остальных действующих лиц предстоящего этому Миру финала, я — не настоящий бог.

Вернее будет сказать, что я вообще не настоящий. Так, наваждение, осуществившаяся мечта одного сумасшедшего Вершителя по имени Мухаммед...

— А откуда вы знаете о Вершителях? — Осторожно спросил я. — Вообще-то, я сам услышал этот термин очень далеко отсюда — если слово "далеко" уместно, когда речь идет о другом Мире...

— Ну, положим, термин-то я изъяс из твоего собственного лексикона, вместе с кучей других полезных словечек — для удобства общения. — Пояснил Аллах. Я вспомнил великолепный синоним слова "конец", несколько минут назад извергнувшийся из божественных уст, и виновато отвернулся. Мой собеседник не обратил никакого внимания на мою смущенную рожу.

— У почитающего меня народа есть миф об абдалах — так называемых "скрытых святых", тайно управляющих миром. — Задумчиво продолжил он. — О, эти умники, суфии, отлично знали, на что способны Вершители! Наш прекрасный переменчивый мир всегда становится таким, каким вы хотите его видеть — рано, или поздно, так, или иначе...

Неудивительно, что он готов рухнуть: ваши желания, как правило, еще более безумны и нелепы, чем желания прочих помешанных существ, именующих себя людьми. В общем, что касается меня... Бедняга Мухаммед так хотел, чтобы я был! Дело кончилось тем, что мне пришлось возникнуть из небытия. Если уж Вершителю по-настоящему приспичит...

— Вы хотите сказать, что пророк Мухаммед вас создал? — Ошарашенно спросил я.

— Ну да. А что тут такого невероятного? Вспомни свои собственные наваждения, Вершитель! — Невесело усмехнулся он.

— Наваждения? — Осторожно переспросил я. — Вы хотите сказать, что все, что со мной происходит...

— Я вообще ничего не хочу сказать. Но говорю — поскольку тебе кажется, что

именно это я и должен делать. — Устало буркнул он. — И вообще, не обращай внимания на мою манеру выражаться — что тебе до нее?

— Ладно, не буду. — Кивнул я. — Но я все равно не понимаю: почему бы вам самому не сразиться в этой последней битве? Если вас нет, значит вы неуязвимы, и можете спокойно развлекаться — чего же еще?!

— Если я возглавлю одну из армий в грядущей последней битве, это будет очень плохо для всех. — Печально сообщил Аллах. — В первую очередь, для меня самого — поскольку ни одно наваждение не имеет права вмешиваться в так называемые "реальные события" — а последняя битва — это очень реальное событие, можешь мне поверить!

Если я отягощу себя активным участием в делах людей и богов, я стану слишком настоящим, и никогда не обрету свободу, сладкая тень которой уже давно дразнит меня своими неопишескими очертаниями!

— Да, это уважительная причина. — Понимающе усмехнулся я. — Но с какой стати вы решили, что из меня получится хороший заместитель главнокомандующего?

— А почему бы и нет? — Улыбнулся он. — Ты вообще идеальный заместитель!

Ты просто рожден для того, чтобы доводить до конца чужие дела. Между прочим, именно поэтому тебе никогда не удавалось привести в порядок свои собственные — и не удастся, я полагаю! Строго говоря, у тебя вообще нет своих дел — только чужие, которые ты можешь совершать с пугающей легкостью.

— И то верно. — Задумчиво согласился я. Возражать не очень-то хотелось: у меня было достаточно поводов сделать те же самые выводы касательно своей загадочной способности улаживать чужие проблемы — и страшно подумать, сколько лет я угрохал на жалкие попытки перевернуть мир, прежде, чем понял, что мне вообще не стоит выпендриваться и убеждать окружающих, что у меня могут быть какие-то там "собственные дела"...

— А гибель Мира, который уже давно перестал быть твоим — это как раз то самое "чужое дело", которое просто необходимо довести до конца. — Торжественно завершил Аллах.

— Похоже, что так. — Растерянno кивнул я. — И что от меня требуется?

— Просто повести за собой мое воинство. — Печально сказал он. — Даже еще проще: немного помочь Мухаммеду, который уже готов выступить в поход.

Понимаешь, Макс, кто-то из нас должен все время быть рядом с ним. Он даже не может покинуть свою могилу, пока его не позову я — или ты. Для него это не имеет значения.

— Как это — "не имеет значения"? — Настороженно спросил я.

— Что, не верится? — Аллах иронично приподнял бровь. — Знаешь, люди моего народа рассказывают друг другу одну историю о том, как однажды Мухаммед был у меня в гостях...

— Уже смешно! — Фыркнул я.

— Возможно. — Спокойно согласился он. — Тем не менее... Разумеется, считается, что я сам скрывался за занавеской, поскольку никто из людей — даже Мухаммед! — не может созерцать мой облик. Когда перед Мухаммедом появилось блюдо с угощением, он сказал, что ему неловко есть одному. И тогда из-за занавески появилась рука и взяла с блюда горсть риса. Мухаммед узнал в ней руку своего

легкомысленная сучка надежда тут же оставила меня в полном одиночестве.

— Так кто же из этих распутных юношей счастлив более, нежели другие? Я жду ответа. — Настойчиво сказало чудовище. В моей голове мелькнула догадка, показавшаяся мне спасительной.

— Последний! — Выпалил я. — Потому, что... — Я осекся, поскольку понял, что спорил чушь.

— Ты ошибся. — Флегматично кивнула Сфинкс. — Если бы ты знал толк в наслаждениях такого рода, ты бы сразу понял, что тот, кто стоит позади, испытывает гораздо меньше удовольствия, чем его товарищи... Ты так и не смог вспомнить свою собственную любимую шутку! Боюсь, что ты вообще ничего не смог вспомнить... Что они сделали с тобой, Владыка?

— Кто — "они"? — Помертвевшим голосом спросил я.

— Люди. Страшные, скучные существа, населяющие эту прекрасную землю. — Печально сказала она, неохотно поднимаясь с земли. Сделала несколько шагов и остановилась рядом со мной. — От тебя совсем ничего не осталось, Владыка.

Хорошо, что ты сам просил меня убить тебя, если так случится. По крайней мере, мне не придется терзаться угрызениями совести...

— Не мог я просить о таком! — Хрипло сказал я, безуспешно пытаюсь подняться с камня.

Мне казалось, что я все еще могу убежать, но мое тело почему-то не желало принимать участие в этой затее.

— Прощай, Владыка. И не бойся: по большому счету, ты уже давным-давно умер, так что мой поступок — всего лишь пустая формальность. — Нежно сказала чудовищная тварь, опуская на мои плечи свои мягкие тяжелые лапы. Их тяжесть становилась невыносимой, и я вдруг вспомнил, что слово "сфинкс" на одном из древних языков означало "душитель", или что-то в таком роде. Эта тварь была рождена для того, чтобы душить в своих горячих объятиях всех, кто под лапу подвернется — ну и повезло же мне, нечего сказать! Мне больше не было страшно — наверное, страх существует только пока остается надежда на спасение, а когда все уже случилось, он уходит, как и все остальное...

Больно мне тоже не было — только жарко, невыносимо тяжело и очень противно: тело Сфинкса пахло, как тело животного, и я успел подумать, что если эта вонь — последний привет из мира живых, то финал моей жизни вряд ли может послужить хорошим примером того, как следует умирать героям!

А потом все это безобразие внезапно закончилось — словно кто-то повернул выключатель. Я с изумлением обнаружил, что стою в нескольких шагах от мифической твари, в смертельных объятиях которой все еще корчилось тело в ярко-зеленом плаще — судя по всему, совсем недавно оно принадлежало мне! Впрочем, точно такой же зеленый плащ по-прежнему укутывал мои плечи. И плечи, и плащ, и все остальные мои составляющие были совершенно настоящими — не какие-нибудь клочки неосязаемого тумана, из которого сотканы незримые тела призраков! А вот что касается тела, замершего в лапах Сфинкса — я здорово сомневался в его реальности. Впрочем, судьба этого куса бесполезного мяса была мне совершенно безразлична. В этот момент я отлично знал, кто я — и равнодушно удивлялся тому, как можно было прожить столько лет без этой полезной информации. А мертвая плоть, стиснутая тяжелыми лапами существа, которое когда-то было моим

— Счастлив, как слон после трехведерной клизмы! — Буркнул я, отворачиваясь от пронзительного взгляда ее золотистых глаз: он беспокоил меня, как назойливое прикосновение шершавой руки к обожженному солнцем телу, когда, вопреки здравому смыслу, ты чувствуешь, что с тебя медленно снимают кожу.

— Ты помнишь загадку, которую загадал мне перед тем, как уйти? — Неожиданно спросила она.

— Как я могу помнить какую-то загадку, если не помню всего остального? — Раздраженно поинтересовался я.

— Это была очень смешная загадка, Владыка. — Мягко сказала она. — Даже мне тогда стало смешно, хотя в те дни меня печалила предстоящая разлука с тобой. Про юношей, склонных к мужеложеству... Неужели не помнишь?

— Час от часу не легче! — От неожиданности я рассмеялся, так неудержимо, словно делал это в последний раз. — И что это за история?

— Множество юношей предаются мужеложеству, выстроившись в ряд, один за другим. — Невозмутимо начала эта потрясающая кошка. — Каждый ублажает впереди стоящего, в то время, как стоящий позади, ублажает его самого.

Вопрос заключается в том, кто из них счастлив в большей степени, нежели остальные?

Я ошеломленно уставился на диковинную тварь с лицом усталой женщины. Так вот она, знаменитая "загадка Сфинкса"! На мой вкус, все это было как-то чересчур!

— И эту дурацкую историю ты рассказывала всем беднякам, встречавшимся на твоём пути?

— Некоторым. — Равнодушно сказала она. — Твоя загадка хороша, но скучно всякий раз талдычить одно и то же...

— Ну и как, хоть кто-то ответил на этот вопрос вопросов? — Ехидно осведомился я.

— Да, один ответил. — Улыбнулась она. — Я до сих пор помню его имя: его звали то ли Эдди, то ли Эдип... Думаю, этот мудрый человек сам не был чужд наслаждений такого рода.

— Ну-ну... — Вздохнул я.

— А ты так и не вспомнил ответ на эту загадку? — Озабоченно поинтересовалась моя собеседница. — Если ты не сможешь ее разгадать, мне придется тебя убить. Ты сам просил меня об этом, Владыка, так что не обижайся.

Я посмотрел в ее равнодушные желтые глаза и с ужасом понял, что так оно и будет: если у меня не хватит ума разгадать немудреную тайну из жизни сексуальных меньшинств, эта тварь убьет меня, не задумываясь. Какой бы идиотской шуткой не казался мне наш бредовый диалог, а в его финале зримо маячила самая настоящая, вправдашняя смерть. Я ощутил ее удовлетворенное дыхание на своем затылке: смерть уже стояла позади меня — кажется, она предпочитала ту же самую позицию, что и герои загадки, эти самые "юноши, склонные к мужеложеству". В глубине моего сознания все еще шевелилась смутная надежда: мне же обещали, что у меня в запасе будет 666 жизней! Но все это уже не очень-то имело значение. Ничего удивительного: насколько мне известно, даже очень религиозные люди боятся умирать, хотя уж им-то, вроде бы, обещано "вечное блаженство", к которому положено стремиться всякому уважающему себя верующему... Ну а я еще в детстве успел обзавестись дурной привычкой всегда готовиться к худшему, так что

родича по имени Али — твою руку, Макс! Не могу сказать, что эта история так уж правдива, но как метафора она очень даже ничего...

— Подождите! — Жалобно попросил я. — Как я могу быть каким-то там родичем Мухаммеда? Может быть я сегодня неважно выгляжу, но я не настолько стар, чтобы фигурировать в каких-то там мифах и легендах... И потом, я не так уж хорошо знаю историю своей семьи, но мы с вашим Мухаммедом — люди разных национальностей, вам так не кажется?

— Ну при чем тут твоя национальность? — Вздохнул Аллах. — Ты говоришь ерунду, и ты готов тараторить до вечера, лишь бы заглушить настойчивый шепот своей собственной памяти, которая твердит тебе, что когда-то мы с тобой были хорошими друзьями, и в те дни тебя действительно звали Али. Ты боишься этих воспоминаний, да? Они разрушают последний бастион твоего здравого смысла.

— Какой "последний бастион"? — Растерянно переспросил я.

— Твердую уверенность в том, что тебя зовут Макс, и тебе недавно исполнилось тридцать три года. — Усмехнулся он. — Кажется, ты готов до последней капли крови сражаться за право и дальше оставаться при своей незамысловатой биографии.

Забавно: с новостью о предстоящем конце мира ты смирился довольно легко!

— Я вас не понимаю. — Тихо сказал я, и сам не узнал собственный шепот.

— Ничего страшного. Когда-нибудь поймешь. — Устало вздохнул он.

— А как меня зовут на самом деле? — Замирающим от ужаса голосом спросил я. Смешно сказать — я смертельно боялся, что он ответит на мой вопрос.

Казалось бы — что может изменить какое-то имя, упорядоченный набор звуков, изобретенный людьми для того, чтобы как-то обращаться друг к другу... Но Аллах только улыбнулся и покачал головой.

— Как тебя только не зовут! — Примирительно сообщил он. — Впрочем, как тебя зовут на самом деле, я, честно говоря, не знаю. Боюсь, что вообще никак... Видишь ли, ты — очень древнее существо, Вершитель. И когда-то — бесконечно давно! — ты нашел свой собственный способ убежать от смерти, которая до сих пор страшит тебя чрезвычайно.

— Какой способ? — От всех этих неземных откровений меня колотило так, что от попытки внятно произносить слова, скулы сводило.

— Это был простой и гениальный способ, Вершитель. — Усмехнулся мой удивительный лектор. Ты просто научился быть наваждением. Ты позволяешь снова и снова придумывать тебя — людям, богам, другим Вершителям и вообще всем, кому не лень. А в те дни, когда тебя звали Али, ты был моей собственной фантазией. Если честно, я выдумал тебя, чтобы ты помог мне справиться с Мухаммедом... а Мухаммеду — с дэвами, драконами и прочими напастями, которые он сам изобретал с удивительным проворством! Разумеется, они тут же обретали плоть: Мухаммед был очень сильным Вершителем... Хочешь сменить тему?

Я молча кивнул. К этому моменту я был почти уверен, что умру, если услышу еще хоть слово о своем славном прошлом. Или, чего доброго, действительно вспомню все эти вещи, о которых он начал говорить — почему-то мне казалось, что это будет даже хуже, чем смерть...

Мой собеседник великодушно умолк. Я осторожно взял банку с тоником — рука противно дрожала, и мне никак не удавалось прекратить это безобразие — и

мелкими глотками допил остатки горьковатого лимонада. Когда я поставил пустую банку на стол, рука вела себя вполне прилично — так мило с ее стороны!

— Ладно, — вздохнул я, — может быть, все, что вы говорите... и все, о чем вы, к счастью, умолчали — правда. Не хочу об этом думать — не сейчас! Но в настоящий момент я не ощущаю себя могущественным существом, способным на все, что угодно. И как, интересно, я буду воскрешать этого вашего мертвого Мухаммеда, вести за собой восхищенные толпы почитателей, готовых умереть за мою улыбку, и все в таком духе? Я не потяну...

— Тебе не стоит волноваться на сей счет: если ты примешь мое предложение, я передам тебе свою связку ключей от человеческих сердец — в дополнение к твоей собственной связке... Я хочу сказать, что тебе предстоит получить в дар мое могущество — все, или почти все.

— Могущество — обременительная штука. — Мрачно отметил я.

— Твое — может быть. Но не мое! — Улыбнулся он. — Тебе понравится, Макс, обещаю!

— Да? — Удивился я. — А что, собственно говоря, за "воинство" мне предстоит возглавить?

— Просто люди. — Мягко сказал он. Немного подумал и осторожно добавил:

— Мертвые люди. Те, кто уже давным-давно умер, и те, кто все еще жив... но их дух спит так крепко, что их тоже можно считать мертвыми.

— А те, чей дух не спит? — Заинтересованно спросил я.

— О, таких немного. Они-то как раз и будут твоими противниками в последней битве. — Улыбнулся Аллах. — Но не только они. Еще те существа, которых люди называют "богами"...

— С вами все ясно! — Фыркнул я. — Вам кажется, что из меня получится неплохой предводитель темных сил — спасибо за комплимент, сэр Аллах, выразить не могу, как вы меня растрогали!

— Не говори ерунду. — Сухо сказал он. — Нет никаких "темных", или "светлых" сил, никакой битвы "добра" со "злом"... Это только у людей, среди которых ты довольно долго болтался, есть старая, как мир, глупая история о том, как "хорошие парни" сражаются против "плохих парней" — думаю, что-то в таком роде ты и имеешь в виду. Но эта сентиментальная сказочка для слабоумных не имеет никакого отношения к реальному положению вещей. Нет ни "плохих", ни "хороших". Есть только мертвые и живые... в нашем случае — не просто живые, а бессмертные.

— Можете сколько угодно считать меня слабоумным, но на мой вкус, мертвые парни — это и есть плохие парни. — Сердито сказал я. — А бессмертные — это хорошие. По-моему, все очень просто! Я, знаете ли, ненавижу смерть, что вполне согласуется с дурацкой историей о моем "темном прошлом", которую вы мне только что рассказали...

— Именно поэтому я рассчитываю на твое согласие! — С энтузиазмом заявил Аллах.

— Ну и напрасно. — Упрямо буркнул я. — Чего я не собираюсь делать — так это возглавлять армию мертвецов, и уж тем более, мертвых духом... Пусть себе катятся ко всем чертям — но без моего участия!

— Сначала выслушай меня до конца. — Мягко сказал он. — Как ты думаешь, зачем вообще потребовалось затевать эту последнюю битву?

бастион не сдался без боя задолго до нашей встречи...

Она была далеко не такая огромная, как мне почему-то казалось в те благословенные времена, когда я не назначал свидания сфинксам, и вообще считал их персонажами каких-то занудных древних мифов. Немного крупнее африканского льва, раза в полтора, не больше. Лицо у нее было вполне человеческое — заурядное, некрасивое лицо немолодой женщины. Грузное, мускулистое кошачье тело самым нелепым образом дополнялось обыкновенным дамским бюстом, изрядно обвисшим — честно говоря, на ее месте я бы непременно попытался прикрыть эту красоту первой попавшейся тряпочкой!

Сфинкс в бюстгальтере — полагаю, что это довольно дикое зрелище, но хуже, чем есть, трудно себе представить! Впрочем, она не была лишена некоторого странного шарма.

Обаянием такого рода нередко обладают пожилые школьные учительницы с несложившейся личной жизнью: вроде бы совершенные стервы, но время от времени понимаешь, что дорого дал бы за одну-единственную улыбку этой издерганной сумасшедшей тетки! Что-то неопишное прячется на дне их шальных глаз, и я разглядел это самое "неопишное" в глубине неподвижных зрачков Сфинкса. Голос у нее тоже был вполне учительский: хорошо поставленный голос человека, привыкшего выступать перед большой аудиторией.

Странно, вообще-то: откуда у Сфинкса могла взяться эта самая "большая аудитория"?

— Ну вот ты и пришел ко мне, Владыка. — Важно сказала она, с интересом оглядывая меня с ног до головы. — Вообще-то, я предполагала, что это случится гораздо раньше.

— Извините, я был занят! — Фыркнул я. Странное существо совершенно не оценило мою иронию: оно равнодушно кивнуло и устало опустилось на песок — приняло классическую позу, в которой обычно пребывают все сфинксы на многочисленных скульптурных изображениях.

— Мне сказали, что вы храните какое-то оружие... — Вежливо начал я.

— Не "какое-то", а твое собственное оружие, Владыка. — Менторским тоном поправила она. — Ты сам отдал мне его в начале Смутного Времени и просил посторожить, пока ты не вернешься.

— Правда? — Удивился я. — А вы уверены, что это был именно я? Я, конечно, рассеянный парень, но не настолько же...

— Разумеется, ты все забыл. — Кивнула она. — Так было предначертано. У всякого своя судьба, и твоя судьба — это забвение... Но теперь ты пришел ко мне, чтобы все вспомнить. Я тебе помогу, Владыка.

— А если я не хочу ничего вспоминать? — Осторожно спросил я. — Мало ли, что может выясниться... Может быть, обойдемся без оздоровительного сеанса?

— Я знаю, что ты не хочешь вспоминать. — Кивнула Сфинкс. — Но иногда случается так, что желания не принимаются в расчет — даже твои желания, Владыка!

— А почему ты называешь меня "владыкой"? — Поинтересовался я.

— Потому, что мы были знакомы в те времена, когда ты безраздельно владел всем, что встречалось на твоем пути. — Неопределенно объяснила она. — Теперь эти времена начинаются снова, Владыка. Ты не рад?

он, а его очередной мальчик из смертных, да еще и журналист по профессии — можете себе представить, что он метет! И вообще, видеть Вседержителя с этими дурацкими, словно наклеенными, черными бровями, в каком-то жутком одеянии, с кучей блестящих значков на груди... Сразу вспоминаешь, что мы на пути в Тартар, да еще и думаешь: "скорее бы"!

Знаешь, Паллада, я — не любитель напиваться с горя.

Встреча за чашей вина должна быть радостной, а какая уж тут радость!

Поговорила бы ты с ним, что ли...

— О чем? — Фыркнула она. — Зевс имеет такое же право развлекаться, как и все мы. И если это ужасное тело с бровями его действительно развлекает — что ж, остается только порадоваться, что и на его долю выпало одно из земных наслаждений!

— Да уж, умеешь ты обращаться со словами! — От души рассмеялся я. — "Одно из земных наслаждений" — это надо же! Из тебя вышел бы хороший скальд, Паллада.

— Но ему действительно кажется, что это хорошая шутка. — Печально улыбнулась Афина. — Ты же знаешь, Один: мы все давно утратили разум. И не вина Зевса, что его безумие действует на нервы остальным — таким же безумным, как он сам... Ты предлагал нам немного повеселиться, Бахус?

Ликуй, бездельник: мне кажется, я переживу, если сегодня это случится именно на моей амбе... Присоединишься, Игг?

— Почему бы и нет? Сегодня мне действительно не помешает немного повеселиться. Не так уж часто мне доводится бражничать в твоей компании. А скоро нам всем будет не до этого...

— Передать тебе не могу, как меня это радует. — Твердо сказала она. — Если уж нам суждено погибнуть в последней битве — пусть так, ничего не напишешь. Все лучше, чем сходить с ума от праздности и томительного ожидания неизвестно чего... В общем, я даже рада, что этот твой "великан Сурт" уже в пути.

— Вы так и не объяснили мне, что это за "великан Сурт" такой. — Жалобно заметил Дионис. — И откуда он взялся? И почему ты, Один, выглядишь, так, словно твоя жизнь уже закончилась, а Паллада сияет, как новенький щит из кузницы Вулкана?

— Потому что... — Начал было я, и тут же умолк, поскольку понял, что не хочу отвечать на его последний вопрос, по крайней мере, сейчас. — А черт его знает, почему! — Весело завершил я.

Я сидел на камне и равнодушно думал о предстоящей встрече со Сфинксом.

Аллах говорил, что эта тварь уже давно стережет так называемое "мое оружие"

— я здорово надеялся, что легендарная кошка не согревает своим волшебным задом вход на какую-нибудь секретную военную базу! Только бегать по пустыне с атомной бомбой под мышкой мне не хватало... Я лениво улыбался своим дурацким мыслям и пытался понять: а как, собственно, я буду ее разыскивать?

Но она пришла сама. Бесшумно подкралась сзади и положила мне на плечо мягкую, тяжелую кошачью лапу. Я обернулся и изумленно покачал головой: фантастический облик этого существа вполне мог бы оказаться последней каплей, способной подточить бастион моего здравого смысла — если бы этот самый

— Не знаю! — Фыркнул я. — Может быть, непостижимые силы, от которых зависит сценарий всего происходящего, обожают батальные сцены. А может быть, они просто решили, что так романтичнее...

— Не без того. — Согласился Аллах. — Но есть еще кое-что. Видишь ли, для мертвецов, населяющих эту прекрасную землю, эта битва — единственный шанс стать живыми.

— Как это? — Глупо переспросил я.

— Не знаю, как. Речь идет о настоящем чуде, по сравнению с которым все прочие чудеса — всего лишь прикладная магия для кухонного пользования... Мертвые станут живыми, а бессмертные встретятся лицом к лицу со своей смертью. Вышло так, что именно у тебя есть шанс привести их на порог величайшего из чудес... а потом отойти в сторону и посмотреть, что из этого выйдет. Ты же из тех ребят, которые всегда отходят в сторону, в конце каждой истории, правда?

— Если получается. — Я невольно улыбнулся, потому что это было чистой правдой. Потом я понял, что мне почему-то больше не хочется говорить "нет" на предложение этого красавчика.

— Когда-то в юности я стал счастливым владельцем роскошного издания "Бабурамз". — Кажется, я обращался не столько к своему собеседнику, сколько к самому себе. — Там есть одно потрясающее место: Бабур пишет, что неоднократно задумывался о том, что было бы неплохо "свести слона с носорогом и посмотреть, как они будут себя держать".

Насколько я понимаю, вы предлагаете мне приключение вполне во вкусе Бабура...

Соблазнительное предложение, нечего сказать!

— Да, примерно так оно и есть, ты очень удачно подобрал цитату! — Обрадовался Аллах.

— Ну ладно, — вздохнул я, — предположим — только предположим! — что я соглашусь участвовать в этой безумной затее. Но что бы вы там не говорили о моей удивительной природе, мне по-прежнему кажется, что я — вполне человек, а посему состою из костей, мяса и прочей ненадежной чепухи. Я не бессмертный, и не мертвый — ни телом, ни духом — во всяком случае, я на это здорово надеюсь... Вам не кажется, что у вашей армии будет слишком уязвимый военачальник?

— А, ну это просто уладить. — Отмахнулся он. — Я могу подарить тебе очень много жизней.

Не бесконечно много, но до конца кампании хватит. Что ты скажешь о таком числе? — И он насмешливо постучал ухоженным длинным ногтем по краю белой пластмассовой пепельницы, приютившейся на другом конце стола. Только сейчас я заметил, что на дне пепельницы нарисованы три аккуратные темно-синие шестерки.

— Хорошее число — большое! — Фыркнул я. А потом неудержимо расхохотался.

— Это смешное число? — Невозмутимо спросил мой собеседник.

— Ага! — Подтвердил я. Кое-как успокоился, вытер навернувшиеся на глаза слезы и объяснил:

— У меня довольно разнузданное воображение, но мне никогда не приходило в голову, что в один прекрасный день мне предложат немного поработать Антихристом!

Да уж, нечего сказать, нашел себе халтурку на выходные!

— Антихрист — это термин из христианской религии? Ну да, припоминаю, кто-то вроде нашего Даджжала... Глупости какие! — Устало вздохнул мой собеседник. А потом с неподдельным интересом спросил:

— А вот что такое "халтурка"?

— Работа. — Я пожал плечами. — Работа, которую можно сделать за короткий промежуток времени, в перерыве между основными занятиями, получить деньги и смыться — прежде, чем в построенном тобой доме начнет рушиться потолок.

— Очень хорошая метафора. — Уважительно сказал Аллах. — Да, именно это от тебя и требуется. Но учти: "смыться" можно будет не раньше, чем "потолок" действительно начнет рушиться.

— Между прочим, я еще не дал согласия на эту авантюру! — Упрямо сказал я.

— И не думаю, что...

— Не обманывай себя, Макс. — Устало вздохнул он. — Ты уже дал свое согласие — с самого начала. Если бы ты его не дал, тебе бы просто не позволили родиться. Мой разговор с тобой — это простая формальность.

Заранее известно, чем он закончится, так что не растягивай это сомнительное удовольствие.

— Как это — мне не позволили бы родиться? — Возмутился я.

— А вот так. — Неопределенно объяснил он. — Как это всегда бывает...

— Между прочим, вы совершенно напрасно сказали, что вам заранее известно, чем закончится наш разговор. — Сердито заметил я. — Меня уже подмывало согласиться, а теперь... Теперь меня здорово подмывает сказать вам "нет" — просто из вредности!

— Говори, что хочешь. — Равнодушно отозвался мой собеседник. — Но учти: если ты сейчас откажешься, это не будет иметь никакого значения. Ты просто забудешь о нашей встрече, как забыл о наших былых встречах — до поры, до времени. Ты и сам не заметишь, как исчезнешь отсюда, а потом внезапно обнаружишь себя где-нибудь — скорее всего, в том месте, которое считаешь своим домом — и будешь совершенно уверен, что просто проснулся, и не можешь вспомнить, что тебе снилось: так ведь часто бывает... А потом твоя судьба снова приведет тебя сюда, и я снова появлюсь неизвестно откуда, и все начнется сначала... Можно сказать, что мы с тобой ведем этот диалог чуть ли не с начала времен. Тебе еще не надоело?

Мне показалось, что он метет жуткую чушь, но какое-то незнакомое мне самому существо, дремлющее на самом дне моего сознания, отлично знало, что этот странный парень говорит правду. Я опять не дал тяжелой темной волне воспоминаний накрыть меня с головой, поскольку по-прежнему подозревал, что это удовольствие будет стоить мне рассудка — если не жизни!

— Не нужно волноваться. — Мягко сказал мой собеседник. — Ничего страшного не происходит: наша встреча — просто часть твоей изумительной жизни, полной самых невероятных чудес. Ты же сам хотел, чтобы у тебя была именно такая жизнь!

— Хотел. — Растерянно согласился я.

— Ну вот и получай... Хочешь еще кофе? — Будничным тоном гостеприимного хозяина осведомился Аллах. Я молча кивнул: что бы он там не мел касательно моего

Олимпийцы совершенно помешаны на кинофильмах и киноактерах, так что безумная страсть Афины к обличью Марлона Брандо — это еще цветочки, большинство ее родичей меняет свой облик чуть ли не по дюжине раз на дню. Их лица редко соответствуют моим представлениям о том, как должны выглядеть боги, но вразумлять их бесполезно...

— Что ты здесь делаешь, Бромий? — Весело спросила Афина. — Решил помочиться в мой бензобак? Очень мило с твоей стороны, но ты же знаешь, я предпочитаю традиционное топливо.

— Я просто зашел в гости. — Улыбнулся он. — Мы редко ходим друг к другу в гости, и это не есть хорошо...

— Ну да, так мало поводов устроить вечеринку! — Фыркнула Афина.

— А мне не нужен повод, чтобы устроить вечеринку, поскольку самые лучшие вечеринки устраиваются без всякого повода. — Спокойно ответил Дионис. — Уж ты поверь крупнейшему специалисту в этом вопросе, дорогая! Или ты сейчас "дорогой"?

С тобой никогда не знаешь, как остаться вежливым... Так какого это парня вам не удалось истребить?

— Да так, один мираж в пустыне. — Отмахнулась Афина. — Бедняга Игг наконец-то встретил своего легендарного великана Сурта — правда, пока без огненного меча.

Очень симпатичный великан... да и не великан он вовсе!

— Какого великана? — Ошалело спросил Дионис.

— Какого, какого... Ты слишком много пьешь и слишком мало читаешь, Сабазий! Вот если бы ты выбрал время порыться в гнилье, которое хранит в своем изголовье наш общий друг, — последовал ироничный поклон в мою сторону, — ты бы уже знал, кто такой великан Сурт, зачем ему огненный меч, и так далее. Какой ты у нас все-таки необразованный!

— У каждого свой способ коротать время. — Пожал плечами Дионис. — Перестань ворчать, Паллада. Я прилетел сюда, чтобы угостить тебя лучшим вином, какое только можно найти под этим несчастным небом... и я буду рад, если ты, Один не станешь говорить, что спешишь удалиться — ибо твое общество всегда доставляет мне радость.

— Ну хоть кому-то мое общество доставляет радость! — Насмешливо улыбнулся я. — Что ж, спасибо на добром слове, Дионис.

— Что за странная идея: устраивать вечеринку именно на моей амбе! Слетал бы ты к нашему папочке, Бахус: уж он-то всегда готов повеселиться. — Вздохнула Афина.

Впрочем, лицо Марлона Брандо показалось мне вполне довольным. Было совершенно ясно, что у Афины нет серьезных возражений против небольшой дружеской пирушки, скорее наоборот!

— Что касается нашего отца... С тех пор, как Зевс облюбовал для себя тело какого-то дряхлого русского правителя, не так давно переправившегося через Стикс, с ним стало совершенно невозможно иметь дело! — Вздохнул Дионис. — Впрочем, он очень неразборчиво говорит. Впрочем, это даже к лучшему, поскольку теперь Зевс предпочитает не полагаться на импровизацию, а зачитывает вслух заранее написанные речи. Если учесть, что тексты выступлений пишет отнюдь не

Впрочем, у Афины нет никаких домочадцев: она любит говорить, что не нуждается в компании прихлебателей. Порой мне кажется, что она и общество равных себе едва терпит — могу ее понять! Правда, иногда к ней в гости заглядывает один бродяга по имени Улисс. Хотел бы я знать, чем он занимается в перерыве между этими короткими визитами! Парень у меня на подозрении: я бы не удивился, выяснив, что он зарабатывает себе на хлеб, латая сапоги моего бывшего побратима Локи: по крайней мере, рожа у него такая же хитрая, только могущества поменьше. Одним словом, Улисс мне решительно не нравится, к тому же, в нем ненамного больше человеческого, чем в самой Афине, хотя сам он упорно считает себя одним из смертных. По мне, так его давно следовало бы отправить в Хель и забыть, где его могила — все лучше, чем ломать себе голову, пытаюсь угадать, какого рода пакость он сейчас обдумывает! Но мне кажется, что это не на шутку опечалило бы Афины.

Их отношения весьма смахивают на родственные: Улисс ее обожает, доверчиво смотрит ей в рот и охотно верит каждому слову, хотя сам непрерывно врет и ей, и всем остальным, все глубже увязая в паутине собственных незамысловатых хитростей. Про себя я окрестил этого бродягу "племянником", хотя мне отлично известно, что он не является сыном одного из многочисленных братьев или сестер Паласы.

Кстати сказать, бродяга Улисс уже давно не совал к нам свой хитрющий нос — и правильно делал! Так что я оставался единственным гостем Афины.

Впрочем, нашу с ней жизнь трудно назвать уединенной: на ее амбе полным-полно Любимцев и Хранителей, как и у каждого Олимпийца. Честно говоря, даже я до сих пор не могу постичь странную суть этих непостижимых беспокойных тварей...

Мои ноги наконец-то ступили на твердую землю, и это было чертовски приятно.

— Ты совсем не бережешь свою летающую машину... и своих пассажиров, заодно! — Сердито сказал я Афине. — Эта посадка душу из меня вытрясла!

— Во-первых, я здорово сомневаюсь, что у тебя есть душа, Один! — Весело отозвалась она. Мне оставалось только нахмурить брови: иногда эта сероокая мелет что попало, как перепивший берсерк! Она легко прыгнула на землю, окинула хозяйским глазом окрестности, рассеянно погладила черного кота, нарисованного на хвосте аэроплана — словно кот был живым существом, настоящим зверем, способным обрадоваться ее ласке — и сердито уставилась на меня. — А во-вторых, я тебе уже сто раз говорила, что мой аэроплан — не какая-нибудь безымянная "летающая машина", его зовут Бристоль, а если хочешь показаться ему учтивым, к имени "Бристоль" следует добавлять "Эф два Бэ Файтер"... уж не знаю, что означают эти загадочные "Эф два Бэ", но "Файтер" переводится как "истребитель".

— Того парня он, тем не менее, так и не истребил! — Зло ухмыльнулся я.

— Какого парня? — С любопытством спросил Дионис. Он уже давно стоял за моей спиной, вежливо выжидая удачный момент, чтобы вмешаться в нашу беседу.

На сей раз его лицо не представляло собой ничего выдающегося — кажется, эта помятая рожа принадлежала какому-то человеческому шуту, или, как говорят Олимпийцы, "комедийному актеру" — но я еще не опустил до того чтобы убивать все свое время на созерцание иллюзорных событий никчемной человеческой жизни, именуемых "кинематографом", а посему не мог сказать наверняка... Эти дурни

зловещего предназначения, а его кофе воистину был восьмым чудом света, так что мне следовало пользоваться случаем... Через несколько секунд в моих руках оказалась крошечная горячая чашка.

— Ну, вот и договорились. — Задумчиво сказал мой странный приятель. Я открыл было рот, чтобы возразить, сказать, что ни о чем мы еще не договорились, и вряд ли когда-нибудь договоримся... а потом захлопнул свою болтливую пасть, поскольку понял, что звуки, которые способны издавать мои голосовые связки — в каком бы сочетании эти звуки не вылетели из моего рта!

— ничего не изменят, поскольку не только беспомощное бормотание припертого к стенке человека, но и самые могущественные заклинания становятся бессильными, когда судьба по-настоящему берет тебя за глотку и пинками гонит вперед — в предначертанное... Мною овладело равнодушное оцепенение — впрочем, довольно приятное: оно не было похоже на обычную минуту слабости, сопровождаемую внутренним стоном типа "делайте со мной, что хотите". Просто до меня наконец-то дошло, что не следует тратить силы на попытки принять какое-то решение, поскольку все давным-давно решили без моего участия...

Поэтому я просто молчал и ждал: что теперь?

— Теперь тебе предстоит один официальный визит. — Деловито сообщил мой собеседник.

— Тебя ждет Сфинкс: она уже давно стережет твоё оружие...

— "Она"? — Удивленно уточнил я. — А разве Сфинкс женского пола?

— Ну да, а какого же еще? — Рассеянно удивился Аллах. Немного помолчал и добавил — как мне показалось, довольно виновато:

— Вообще-то, эта сумасшедшая кошка совершенно помешалась на своей любимой игре в загадки, но это не беда. Может быть, она тебя убьет — что с того? Ну, останется у тебя 665 жизней вместо 666 — тоже мне, проблема...

— Я не люблю, когда меня убивают. — Вяло возразил я.

— Но у тебя еще никогда не было такого количества жизней в запасе. — Резонно заметил Аллах. — Кроме того, вполне может случиться так, что ты отгадаешь ее загадку: время от времени они бывают такими легкими — даже не верится! Одним словом, ты как-нибудь выкрутишься...

— А что потом? — С замирающим сердцем спросил я.

— Потом — по обстоятельствам... Может быть тебе придется отправиться в Медину, чтобы призвать Мухаммеда, наступив на его могилу, а может быть он сам тебя найдет...

Одним словом, сам увидишь. — Он пожал плечами. — Только сделав первый шаг, можно приступить к следующему, так что... Ладно, все улажено, так что теперь я, пожалуй, могу попрощаться — с тобой, и с этим великолепным Миром, заодно!

— Прощаться? — Удивился я. — Но вы собирались как-то передать мне свое могущество, и эту загадочную "связку ключей" от человеческих сердец...

— Они и так уже принадлежат тебе, с самого начала. — Улыбнулся он. — Просто до сих пор у тебя не хватало пороку перевернуть свои кладовые — ты бы здорово удивился, если бы узнал, на что может наткнуться человек, принимаясь за ревизию собственного имущества!

— А мои 666 жизней? — Недоверчиво спросил я. — Сомневаюсь, что они всегда были при мне: я всегда очень остро ощущал собственную смертность... может быть,

слишком остро!

— Твои 666 жизней? Да, действительно, чуть не забыл! — Виновато согласился Аллах.

Рассеянным жестом взял со стола пепельницу, внимательно посмотрел на темносиние шестерки на ее дне, а потом неожиданно сильным, молниеносным движением запустил пепельницу точнехонько в мою голову. Разумеется, я не успел уклониться! Последнее, что я запомнил — это его неестественно красивое бледное лицо, перекосившееся в бесшабашно веселой, но вполне зловещей ухмылке...

Я открыл глаза и огляделся. Под моими ногами искрился светлый песок, над головой пронзительно синело небо. Наверное, было жарко, но в моем теле произошли какие-то необратимые изменения: о жаре я знал только теоретически, мои ощущения равнодушно молчали. Я посмотрел на ослепительно-белый шар, заставший в зените, и понял, что солнечный свет больше не заставляет меня щуриться: я мог бы часами смотреть на безжалостно пылающее светило, если бы мне вдруг почему-то показалось, что это необходимо... Со мной что-то было не так, вернее, со мной все было НЕ ТАК, и мне это чертовски нравилось — по крайней мере, пока.

Потом я произвел беглый осмотр собственного тела, чтобы окончательно выяснить, как обстоят дела со мной, любимым. Дела обстояли довольно странно. Я сидел на теплом камне, словно специально созданном заботливой природой в полном соответствии со всеми тайными пожеланиями моей задницы.

Ни одно из многочисленных мягких кресел, с которыми мне доводилось иметь дело на протяжении своей жизни, изобилующей короткими, но нежными встречами с удобной мебелью, не шло ни в какое сравнение с этим изумительным камнем!

Потом я с удивлением обнаружил, что мои плечи укутаны ярко-зеленым плащом — где-то я уже видел этот дикий оттенок! Еще через мгновение я вспомнил, что в пальто такого же цвета был одет странный незнакомец, сообщивший мне, что он и есть Аллах — похоже, парень любезно одолжил мне свое барахлишко... Я тут же вспомнил и все остальное: нашу бредовую беседу, его сомнительное предложение касательно моей военной карьеры, мои вялые попытки отвернуться от собственной судьбы и драматический финал нашей своеобразной "планерки": круглую белую пепельницу, стремительно летящую по направлению к моей горемычной роже.

Воспоминания не вызвали у меня никаких эмоций — только ленивую, равнодушную мысль о том, что вообще-то мне свойственно испытывать разного рода эмоции. Я вяло подумал, что в соответствии с традиционным сценарием "смятения чувств" мне следовало испугаться, потом — рассердиться, а потом вспомнить о совершенно восхитительной жизни, которая была у меня в последнее время, с ужасом осознать, что она закончилась — скорее всего, безвозвратно! — и взвыть от боли и отчаяния. Я немного подождал и понял, что представления не будет: ни страха, ни гнева, ни, тем более, отчаяния.

Бедняги Макса, все еще способного испытывать все эти неземные переживания, больше не было, а если он и имелся в наличии, то тихонько сидел в самом темном уголке моего сознания и молчал в тряпочку. Впрочем, оно и к лучшему...

— Все уже случилось. — Равнодушно сказал я сам себе. — Ты уже ввязался в эту заварушку, дорогуша, так что ничего не попишешь... Бедняга мексиканец —

боюсь, я так и не успел заплатить по счету! Сомневаюсь, что герр Аллах потрудились исправить положение: боги — это же самый безответственный народ...

Потом я замолчал, поскольку обнаружил, что мне больше не требуется говорить с собой вслух, чтобы успокоиться: я и без того был спокоен, как удав, обожравшийся кроликов на похоронах собственной бабушки. Несколько минут — или дней? — я просто любовался сияющими песчинками под ногами, а потом обратил внимание на свои руки, аккуратно сложенные на коленях. Они показались мне каким-то чужими, но я никак не мог сообразить: в чем, собственно, разница. Поднес их к лицу — удивительно, но это пустяковое движение стоило мне совершенно титанических усилий! Некоторое время я зачарованно рассматривал собственные верхние конечности, а потом наконец понял, в чем дело, и криво ухмыльнулся: на моих ладонях больше не было никаких линий, вообще — ни единой черточки.

— Допрыгался, поздравляю! — Насмешливо сказал я сам себе. — И куда ты подевал свою линию Жизни? Я уже не говорю о линиях Головы, Сердца и Печени, заодно... Твоя мама была бы очень недовольна: она так старалась, рожала твое брэнное тело, а ты за ним совсем не смотришь! Как еще голова на месте... — После этого бредового монолога я окончательно развеселился, поскольку вспомнил какую-то старинную книжку по хиромантии, автор которой утверждал, что линии на ладони, как правило, отсутствуют у слабоумных...

От внимательного изучения собственных рук меня отвлек слабый порыв ветра, нежно погладивший волосы на моей макушке — можно было подумать, что над моей головой пролетела небольшая птица. Я поднял глаза и обнаружил, что никакая это не птица.

Надо мной кружил крошечный самолетик — кажется, это была искусно сделанная модель двухместного аэроплана времен Первой Мировой Войны. Я успел разглядеть надпись на борту: голубую букву "А" и такую же цифру "6", рисунок на хвосте — смешного черного кота с желтым бантом на шее и большие сине-бело-красные круги на серебристых крыльях — они свидетельствовали о том, что прототип этой очаровательной модельки в свое время мужественно сражался за честь британской короны. Мой рот изумленно распахнулся: я был готов к чему угодно, но только не к встрече с игрушечным самолетиком в самом сердце какой-то дурацкой пустыни — я ведь даже не знал, какой точке на карте мира соответствует это странное место, и есть ли она вообще, эта точка на карте! Впрочем, природа в конце концов взяла свое, и я неудержимо расхохотался вслед очаровательному наваждению, стремительно улетающему прочь...

Афина лихо посадила свой аэроплан на крошечной посадочной площадке на плоской вершине столовой горы. Такие горы встречаются только в Эфиопии, местные жители называли их "амбами" — в те благословенные времена, когда здесь еще были какие-то "местные жители"... С некоторых пор Олимпийцы вбили в свои неразумные головы, что на земле больше нет мест, пригодных для жизни. К тому времени, когда я решил присоединиться к их безумной компании, они успели прочно обосноваться на амбах, каждый на своей, в узком кругу домочадцев — рядом с некоторыми Олимпийцами постоянно отираются смертные, к которым они, как мне показалось, привязаны куда больше, чем друг к другу.

прекращения активности, вынужденного ожидания благоприятной ситуации... Я чувствовал, как эта проклятая ледяная руна бездействия забирает мою силу — капля по капле. И все же каждое утро я начинал с гадания — в эти дни я на собственном опыте понял, что такое надежда. Я нуждался в надежде — как ни унижительно это звучит...

Мои пальцы нашарили в темноте руны, предназначенную мне на сегодня. Она была ощутимо теплее прочих — я бы не смог ошибиться, даже если бы захотел.

Я положил косточку на землю, немного помедлил и наконец посмотрел на нее: что же сегодня?

Целое мгновение я был абсолютно счастлив. Не Иса, больше не она!

Наконец-то что-то другое. Несколько глубоких царапин на темной поверхности образовывали знак, немного похожий на букву N из азбуки, придуманной пустоголовыми ромейцами.

"Хагал! — Ошеломленно прошептал я. — Клянусь всеми своими именами, это Хагал!

Посланник перемен, неукротимая энергия сметающая все в никуда, разрушающая все вокруг. Град, что приходит с небес и, рассеиваемый ветром, превращается в чистую воду..." Я умолк, поскольку сила руны переполнила меня до краев. В это мгновение я, кажется, уже знал, что нас ожидает — и у меня не было никаких возражений против такой судьбы!

— О, наш Один уже на ногах, бодрый, как фаллос сатира! Так и знала, что застану тебя здесь: как подобает приветствовать грядущий день величайшему из героев, если не сидя на корточках на заднем дворе! — Насмешливый голос Афины вернул меня к действительности. Это был ее настоящий голос, да и облик Афины был таким, каким ему и полагалось быть — на мой взгляд, совершенным. Судя по всему, она просто не успела напаялить на себя неприглядное тело какого-нибудь очередного человеческого кумира. Я так обрадовался ее появлению, что не рассердился на ее непочтительный тон. Я хотел тут же выложить ей все, о чем только что узнал, поскольку в жизни каждого случаются мгновения, когда даже самая сокровенная тайна не может удержаться в прорехе рта — и обнаружил, что у меня нет подходящих слов. Все же я попытался сказать ей о том, что грядущие разрушения, дескать, приходят не из "ниоткуда", а из некоего таинственного места, скрытого в потаенной глубине нас самих, и что битва с судьбой может принести только печаль... Я сердито умолк, поскольку уже ничего толком не помнил. Да оно и к лучшему: я всегда придерживался мнения, что ни одну тайну не следует делить на двоих!

Афина недоуменно уставилась на меня.

— Что ты говоришь, Один? При чем здесь какая-то "битва с судьбой"? Кто-то убил Диониса этой ночью, здесь, на моей амбе — представляешь?

"Ну и пес с ним", — чуть было не сказал я. Впрочем, секундой позже я решил, что такое исключительное событие как гибель одного из бессмертных заслуживает моего внимания и спросил:

— Когда это случилось?

— Говорю же тебе, что этой ночью... И знаешь, что самое странное? Мои Хранители никого не учуяли. Поверить не могу: до сих пор они казались мне

действительно оказалась жуткой занудой! Я тут, можно сказать, вернулся к своей истинной сущности, и начал чувствовать себя таким большим начальником — дальше некуда, а ей подавай какие-то загадки...

— Ладно, будут тебе загадки, сколько захочешь! — Ехидно пообещал я. — Вот первая: висит на стене зеленое и пищит. Что скажешь?

Сфинкс озадаченно уставилась на меня своими прекрасными золотистыми глазами. Я самодовольно ухмыльнулся, поскольку был совершенно уверен, что никакая там "мудрость веков" не поможет ей справиться с абстрактными шутками моего школьного детства: загадку такого рода вообще невозможно разгадать, если только вы заранее не знаете ответ!

— А ты не мог бы повторить свой вопрос? — Робко спросила она. — Может быть, я не так тебя поняла...

— Пожалуйста! — Любезно откликнулся я. — Висит на стене зеленое и пищит.

Ну как, радость моя, догадалась, что это?

— Я не знаю. — Печально призналась Сфинкс.

— Селедка! — Торжественно провозгласил я.

— То есть рыба? А почему эта рыба висит на стене? — Изумленно осведомилась она.

— Потому, что я ее повесил! — Нахально объяснил я.

— А почему она зеленая? — Настойчиво спросила моя собеседница.

— Потому, что я ее покрасил! — Я даже зажмурился от удовольствия.

— Но почему она пищит? — На лице Сфинкса была написана неподдельная мука.

— Чтобы не догадались! — Торжественно провозгласил я, в полном соответствии с каноническим текстом.

— Ты стал мудрее, Владыка! — Уважительно заметила Сфинкс. — Раньше ты никогда не загадывал мне таких трудных загадок...

Я самодовольно рассмеялся, а потом требовательно спросил:

— Ну, и где мой кубок чемпиона?

— У меня нет твоего кубка. Ты мне его не оставлял. — Испуганно сказала она.

— Не обращай внимания, это просто манера выражаться. — Вздохнул я. — Я имел в виду свое оружие — ты же обещала, что отдашь мне его, если не сможешь ответить на мой вопрос.

— Возьми, Владыка. — Патетически объявила Сфинкс, грациозным движением кошачьей лапы извлекая из небытия изящный образец холодного оружия — этот экземпляр так и просился в какой-нибудь исторический музей!

— Что это, меч? — С интересом спросил я, осторожно прикасаясь к гладкой рукояти.

— Это же твой ятаган. Когда-то ты сам дал ему имя "Тысяча молний", неужели ты не помнишь? — Печально спросила она. Я нетерпеливо махнул рукой: меньше всего на свете мне сейчас хотелось в очередной раз обсуждать с ней странное поведение моей памяти, то сбивающей меня с ног очередной лавиной ярких воспоминаний о какой-то совсем иной жизни, то заботливо укрывающей эти безумные образы теплым одеялом забвения...

— Лучше просто расскажи, как с ним обращаться. Так положено. — С умным видом сказал я — я уже давно понял, что идиотская фразочка "так положено"

нередко работает эффективнее самого заковыристого заклинания. И точно:

Сфинкс тут же понимающе кивнула и принялась меня инструктировать.

— Если ты извлечешь свой ятаган из ножен и взмахнешь им над головой, призывая смерть, из него вылетят маленькие смертоносные лезвия, подобные огненным искрам — столь же прекрасные, сколь смертоносные. Они сами найдут твоих врагов в любой толпе, поразят их и вернутся обратно.

— Так что, мне и делать ничего не придется — только вынуть его из ножен?

— С удовольствием уточнил я. Это было как нельзя более кстати: честно говоря, я здорово сомневался в своих способностях к фехтованию!

— Вынуть из ножен, и еще — взмахнуть над головой, призывая смерть. — Педантично повторила моя наставница.

— Отлично. — Кивнул я. — Это все, или у тебя еще что-то имеется?

— Все-таки твоя память подводит тебя, Владыка. — Печально заметила Сфинкс.

— Разумеется, это далеко не все. Неужели ты думаешь, что обходился одним ятаганом?

— А почему нет? Вообще-то, у меня всегда были замашки аскета. — Вздохнул я.

— Ну, не все, так не все... Хочешь еще загадку?

Сфинкс энергично закивала.

— Ладно, — ухмыльнулся я, — сделаем! Стоит в огороде черный, на трех ногах. Что это?

— Трехногий нубиец? — Нерешительно спросила Сфинкс. — Я слышала, что в древности эта пустынная земля порождала еще и не таких чудовищ...

— Обойдешься! — Фыркнул я. — Это рояль.

— Но почему он стоит в огороде? — Сфинкс морщила высокий лоб, мучительно пытаясь постичь логику этой идиотской загадки — логику, которой отродясь не было.

— Потому, что это мой рояль: куда хочу, туда и ставлю! — Гордо сообщил я.

— За время нашей разлуки ты стал совершенно непредсказуемым, Владыка! — Восхищенно отметила она. — Возьми свое сокровище, ты опять выиграл!

К моим ногам лег щит из какого-то неизвестного мне светлого металла. К нему был накрепко привязан длинный кожаный шнур. Второй конец шнура деловито елозил по песку. Можно было подумать, что этот шнур — щупальце живого существа, которое пытается освоиться в незнакомой обстановке. Я поднял щит и недовольно поморщился.

— Тяжелый какой!

— Его вес не имеет значения, Владыка. Это же летающий щит Змея. — Веско сказала Сфинкс. — Привяжи свободный конец шнура к своему поясу, и щит сам последует за тобой. Он будет всегда следить за тобой и прикрывать тебя от вражеских стрел и копий — и в пути, и в бою, и ночью, когда ты решишь отдохнуть.

— Полезная вещь. — Одобрительно заметил я, послушно привязывая свободный конец шнура к поясу своих джинсов — господи, подумать только, я все еще был в джинсах!

Ничего себе, походный костюм будущего предводителя "воинства тьмы"! Щит тут же зашевелился — мне показалось, что он озабоченно огляделся по сторонам — и вдруг легкомысленно взмыл вверх.

— Да, ничего себе воздушный шарик. — Одобрительно сказал я. — А он

солнцем, вдалеке от суровой северной земли, которую я привык считать своей вотчиной, только-только попали мне в руки, я каждый свой день начинал, ласково взвешивая этот мешочек на ладони. Наугад доставал оттуда одну-единственную косточку и молча всматривался в светлые царапины на ее поверхности, потемневшей от времени и моей собственной крови, с наслаждением ощущал, как меня переполняет холодная, пронзительная, ни с чем не сравнимая ясность, безжалостная, как смерть, в объятиях которой я добыл свои странные талисманы...

Это было славное время — у меня имелись ответы на все вопросы, даже на те, которые я так и не сумел сформулировать. Под черной кожей моего заветного кисета заманчиво шуршала истина, да я и сам был Истиной — в первой и единственной инстанции, и плохо приходилось тому, кто смел в этом усомниться!

Это прошло, как все проходило в моей переменчивой жизни. Долгое время у меня вовсе не было вопросов, на которые мне могли бы потребоваться какие-то ответы — ни те, которые можно сформулировать с помощью слов, ни безмолвные, беспокойно вздрагивающие в самой глубине сознания. И только когда стало ясно, что конец, в который большинство из нас не верило вовсе, ошеломляюще близок, я снова вспомнил о своих маленьких мудрых советчиках. Теперь моя рука взволнованно вздрагивала всякий раз, когда я извлекал из кисета одну-единственную руну, можно было подумать, что я больше не величайший из тех, кого называют богами, а обыкновенный смертный, ничтожный человечешко, которому посчастливилось приобщиться к древней тайне, позволяющей заглянуть в будущее... или даже сотворить это самое будущее, нечаянно приворожить его в тот краткий миг, когда холодок ослепительной ясности щекочет затылок, и уже не имеет значения, чья рука достает руну наугад из непроницаемой темноты кисета, поскольку все существа равны перед настоящим чудом — асы, люди, турсы, карлы и прочие беспокойные твари... А когда я покинул Асгард, подгоняемый упрямством, отчаянием и надеждой — ускользнул оттуда, ни с кем не попрощавшись, только потому, что ни в одном из многочисленных пророчеств не было сказано, что я поступлю таким образом накануне последней битвы, и я с веселым отчаянием обреченного вдруг решил, что в моих силах повернуть колесо судьбы, воспрепятствовать предначертанному ходу вещей! — руны остались единственным, что связывало меня с моим собственным прошлым, и заодно последним неопровержимым свидетельством моей былой безграничной власти над истончившимися нитями, из которых соткана жизнь...

В эти смутные дни накануне конца я обращался к рунам отнюдь не для того, чтобы в очередной раз упиться собственной силой — эти счастливые времена миновали безвозвратно. Теперь я смиренно обращался к ним за советом — и, чего греха таить, за надеждой. Но надежда мне пока не улыбалась. День за днем я доставал из мешочка одну и ту же руну, и содрогался от такого зловещего постоянства.

Иса — одна из трех великих Рун Промедления, глубокая ровная царапина на темной поверхности абрикосовой косточки. "Лед очень холоден, он прозрачен, как стекло, он сияет на солнце, которое должно долго светить прежде, чем лед растает", — эти слова когда-то произнесли мои собственные мертвые губы, и с тех пор простая вертикальная черточка — руна по имени Иса — стала символом инерции,

сообщи ему о недостойном поведении его супруги! Срамота какая: об этом уже в книжках пишут! — Весело сказал я Джинну.

— Хорошо, я непременно сообщу ему, Владыка. — Флегматично согласился Джинн. Это только подлило масла в огонь моего веселья.

— Ладно, — отсмеявшись, вздохнул я, — индейские боги вышли на тропу войны — это надо же! Впрочем, аллах с ней, с этой кровожадной барышней!

Волноваться будем, когда у меня в запасе останется последняя дюжина жизней... А что касается кофе, можешь вылить его в ближайший унитаз, радость моя. Я передумал. Лучше попробую поспать: когда еще доведется!

— Тебе следует наслаждаться отдыхом в те редкие минуты, когда судьба этому не препятствует. — Важно подтвердил Джинн.

На рассвете я покинул почти пустую прохладную пещеру, выдолбленную когда-то, целую вечность назад в твердом теле столовой горы. Афина гостеприимно предложила мне считать эту нору своей — в невыносимо жаркую летнюю ночь почти три года назад, когда меня впервые посетило желание покинуть Асгард и провести наших будущих союзников. Она почему-то сразу поняла, что я останусь с ними надолго — раньше, чем я сам принял окончательное решение. Теперь-то я знаю, что задержусь здесь не просто "надолго", а навсегда — по крайней мере, до самого конца...

Я так и не сомкнул глаз этой ночью: не мог заснуть. Прежде сон, приносящий покой слабым людям, вообще был мне неведом, как и прочим бессмертным, но теперь на мою долю все чаще выпадает зыбкая полудрема, опасный смердящий привкус небытия почти каждую ночь остается на моих губах.

Что касается Олимпийцев, они уже давно спят по ночам, как самые обыкновенные люди. Их это не слишком тревожит, но мне кажется недобрым предзнаменованием. Люди не зря называют сон "маленькой смертью" — кому и знать, как не им! — и если уж эта самая "маленькая смерть" теперь властна над нами, не предвещает ли это скорую потеху для настоящей Пожирательницы плоти? ...

Я отвязал от пояса маленький кисет из черной кожи. Время сделало ее почти прозрачной: эта вещь служила мне не меньше дюжины столетий, а может и больше — честно говоря, я уже давно брезгливо отказался от соблазна сверять свою жизнь с человеческими календарями, хотя поначалу это казалось мне забавной игрой — одной из многих игр, придуманных людьми словно специально мне на потеху... В кисете дремали мои руны, двадцать пять драгоценных плодов моей собственной давнишней сделки со смертью. С возрастом я все чаще думаю, что мне пришлось заплатить непомерную цену за пустячную, в сущности, добычу! Впрочем, не в моих силах изменить прошлое, а события последних лет показали, что изменить будущее, скорее всего, тоже не в моих силах... Мысли об этом заставляют меня скрипеть зубами от гнева: прежде мне никогда не случалось признаваться себе, что существует нечто такое, над чем я не имею власти! Я немного подержал кисет на ладони, осторожно погладил ветхую кожу, бережно развязал стягивающий его шнурок.

Когда-то неопишимо давно, когда испещренные таинственными знаками темные шероховатые косточки сладких оранжевых плодов, произрастающих под горячим

шустрый? Я имею в виду: если мне попадется какой-нибудь особо умелый враг... Судя по всему, я стал вполне бессмертным, но заработать пару-тройку шрамов на роже мне что-то все равно не хочется! Мне же потом еще жить с этой самой рожей...

— Проворство этого щита было воспето в легендах. — Обиженно сказала Сфинкс.

— Правда? — Удивился я. — Что-то не помню я никаких легенд об этой игрушке, ну да ладно... Ну что, хочешь еще загадку? Или ты уже пас?

— Пожалуй, мне лучше воздержаться от состязания с тобой, Владыка. — Печально сказала она. — Твои странные вопросы лишают меня душевного равновесия... Правда, у меня хранится еще одно твоё сокровище. Думаю, оно могло бы тебе пригодиться, поэтому я отдам его просто так, без загадок.

— Очень мило с твоей стороны! — Усмехнулся я. — Сразу бы так!

— Я просто пыталась соблюсти ритуал. — Вздохнула она. — Но ты и раньше не слишком почитал ритуалы, Владыка...

— Надеюсь, что так! — Фыркнул я. — Ну, что там у тебя за сокровище?

— Оглянись, Владыка. Он уже пришел. — Тихий голос Сфинкса дрогнул от умиления — можно было подумать, что она только что досмотрела до конца какой-нибудь дурацкий телесериал про любовь и в очередной раз убедилась, что любящие сердца способны преодолеть все преграды — во всяком случае, если дело происходит в магическом пространстве телеэкрана!

Я обернулся и увидел, что позади меня стоит совершенно великолепный белоснежный дромадер. Его морда, от природы унылая и надменная, как все верблюжьи морды, очень старалась соответствовать лучезарному настроению своего обладателя: кажется, этот огромный нелепый симпатяга был по-настоящему рад нашей встрече!

— Раньше ты любил ездить на нем, Владыка. — На всякий случай напомнила Сфинкс. — Но если ты захочешь, он может стать чем-то другим: конем, или птицей...

— А автомобилем? — Ехидно осведомился я.

— Всем, чем захочешь. — Заверила она.

— Ладно, пусть пока остается верблюдом. — Вздохнул я. — Грех такого симпатягу сразу во что-то превращать... Надеюсь, что моего могущества хватит, чтобы усидеть на этом диковинном сооружении!

Огромная голова опустилась на мое плечо: кажется дромадер обрадовался возможности сохранить свою изначальную форму еще на какое-то время.

— Надо бы придумать тебе имя. — Задумчиво сказал я ему. — В прежние времена ты отлично без него обходился, но все меняется, дружок... Думаю, Синдбад будет в самый раз. Во-первых, ты тоже путешественник, и боюсь, что тебе предстоит влипнуть в великое множество приключений! А во-вторых, должен же быть в моей жизни хоть какой-то восточный колорит, если уж я работаю на Аллаха... Только твой тезка из сказки был мореходом, а ты у нас — Синдбад-пешеход. Ну что, давай я попробую на тебя забраться.

Верблюд послушно улегся на песок, подождал, пока я устроюсь на его спине, а потом осторожно поднялся на ноги.

— Лучше, чем я думал! — Удивленно сказал я. — Гораздо лучше... Ну что,

дружок, пора немного прогуляться? Надеюсь, в отличие от меня, ты знаешь, в какую сторону нам нужно...

— Твоя судьба ждет тебя на севере, Владыка. — Мягко подсказала Сфинкс. — Забавно: сколько я тебя знаю, тебе всегда надо ехать куда-то на север...

— Это потому, что мы с тобой все время встречаемся на таком крайнем юге, что южнее уже некуда! — Весело объяснил я.

— Может быть ты не знаешь, Владыка, но с некоторых пор земля, по которой мы ходим, имеет форму шара. — Доверительно сообщила Сфинкс. — Поэтому из любого места можно пойти на юг — кроме, разве что, Южного Полюса, но там мы с тобой никогда не встречались...

— А ты уверена — насчет шара? — Я изо всех сил старался сохранять серьезность.

— Совершенно уверена. — Печально сказала она. — И мне это не очень нравится. Вот в те времена, когда земля была плоской и покоилась на спинах слонов, все было иначе. По крайней мере, слонам можно было доверять, а иногда я даже отправлялась на край мира, чтобы побеседовать с этими мудрыми существами... А теперь мы вынуждены скитаться по поверхности шара, который пребывает в пустоте. Это пугает меня, Владыка!

Я только головой покачал: оказывается, моя старинная приятельница была лично знакома со слонами, на спинах которых когда-то покоился мир — кто бы мог подумать!

— У тебя есть какие-то приказания для меня, Владыка? — Тонотом отлично вышколенной секретарши спросила Сфинкс.

— Да нет... — Я пожал плечами. — Считаю, что твой контракт закончен, радость моя! Твоя голова кружится от сладкого запаха грядущей свободы?

— Нет. — Просто ответила она. — В моей жизни и без того хватало свободы... и одиночества, которое приходит вместе с ней. Ты не предложил мне ничего нового.

— А я и не собирался предлагать тебе ничего нового. — Печально усмехнулся я. — Прощай, дружок... Да, и не нужно загадывать одиноким скитальцам эту дурацкую загадку про юношей, склонных к мужеложеству, ладно? Лучше попробуй мои новые загадки. По крайней мере, они действительно смешные... А если тебе попадется кто-то из моих школьных приятелей — в чем я, честно говоря, здорово сомневаюсь! — у него будет шанс уйти живым из твоих нежных лапок.

— Не думаю, что мне еще когда-нибудь доведется встретить путника и загадать ему хоть одну загадку. — Голос Сфинкса показался мне бесконечно усталым. — В этой пустыне и раньше было не слишком-толюдно, а уж теперь...

Скоро ведь людей не останется вовсе. Для того ты и вернулся, я правильно понимаю?

— Поживем — увидим. — Неопределенно хмыкнул я. — Прощай, киска!

— Мне было приятно убить тебя, Владыка. — Неожиданно сказала она. — Мое счастье было коротким — всего несколько секунд! — но это лучше, чем ничего.

— Правда? — Удивился я. — Что, неужели я был такой законченной сволочью?

— Нет. — Вздохнула Сфинкс. — Но я успела возненавидеть тебя, Владыка.

Когда-то ты заставил меня возникнуть из небытия, твое необузданное воображение придало мне этот уродливый облик, ты пожелал, чтобы в моем зверином теле поселились сердце настоящей женщины и ясный разум мудреца —

— Последние слова были адресованы потолку, поскольку призрачный силуэт Джинна уже исчез в темноте, мертвая женщина тоже куда-то подевалась, и это было к лучшему: я с удивлением обнаружил, что спать мне все-таки хочется — кто бы мог подумать! Наверное, воскрешение из мертвых — в высшей степени утомительная процедура...

Меня разбудило невесомое прикосновение Джинна. Судя по всему, мне удалось проспать совсем немного: так скверно я себя давно не чувствовал!

— Прости, что нарушаю гармоничное течение твоего отдыха, Владыка... — Высокопарно начал он.

— Ладно, чего там. — Вздохнул я. — Ты поймал моего недоброжелателя?

— Сначала поймал, потом упустил. — Вздохнул Джинн. — Это существо — не из тех кого можно подолгу удерживать в плену. У него есть особый дар ускользать... Но я не зря потратил время: теперь я знаю ее настоящее имя.

— Именно "ее"? — Удивленно уточнил я.

— Да. Этот дух обладает женской сущностью. — Кивнул Джинн. — Имей в виду: это очень важно для нас — знать ее имя, Владыка. В моем распоряжении есть одно заклинание, достаточно могущественное, чтобы подчинить кого угодно — правда, когда речь идет о достойном противнике, оно действует очень недолго. И я употребил всю свою силу, чтобы узнать ее имя. Такого рода знание нередко дает власть, достаточную, чтобы оградить себя от беспокойства, причиняемого существами вроде нашей гостьи.

— Правда? — Заинтересовался я. — И как же ее зовут, эту барышню? Мне, пожалуй, следует это знать: все-таки мы целовались...

— Ее имя Уиштосиуатль. — Джинн произнес эту абракадабру очень отчетливо, почти по слогам — чтобы я как следует усвоил сию информацию. В недрах моей памяти что-то вяло заворачивалось. А через несколько секунд меня по-настоящему осенило. Я подскочил на постели и победоносно уставился на Джинна.

— Слушай, парень! Ты можешь добыть для меня книгу, если я скажу тебе ее название?

— Разумеется, Владыка. Было бы странно, если бы я не мог добыть для тебя какую-то книгу: от дешевой брошюры до редкого свитка из давно сгоревшей Александрийской библиотеки, это очень легко. — Голос Джинна показался мне слегка обиженным.

— Тогда добудь мне "Энциклопедию мифов". — Попросил я. — Это такой толстый двухтомник в черном переплете. И еще стакан апельсинового сока и хороший кофе со сливками — если уж я все равно проснулся...

Через несколько минут я маленькими глотками пил прохладный кисловатый сок и торопливо листал толстенный том, придавивший мои колени — страшно подумать, что книга может быть такой тяжелой!

— Вот! — Торжественно объявил я. — Так оно и есть! Том второй, страница 546. Читаем:

"Уиштосиуатль, в мифологии ацтеков богиня соли и соленых вод". Ага, то-то она была такая соленая! "Старшая сестра бога дождя Тлалока. Один из источников называет ее женой бога смерти Миктлантекутли. Считалась покровительницей распутства". — На этом месте я неудержимо расхохотался.

— Если когда-нибудь встретишь бога смерти Миктлантекутли, непременно

— Продолжайте, леди. — Вежливо улыбнулся я. — Тоже ничего себе развлечение. У вас здорово получается, а спать мне уже, кажется, расхотелось. — И я еще сильнее сжал ее запястья. На этот раз она открыла рот, но не смогла издать ни звука. Маленькое тело беспомощно обмякло и начало оседать на пол. Я почувствовал раздражение: сейчас эта стерва грохнется в обморок, потом, чего доброго, впадет в кому, и я уже никогда ничего не узнаю! Такая перспектива меня совершенно не устраивала.

— Джинн, ты здесь? — Позвал я.

— Здесь, Владыка. — Тут же откликнулся он.

— А какого черта, в таком случае, ты не защищаешь мою жизнь? — Сердито осведомился я. — Она же меня убила, эта маленькая засранка!

— Но ты не приказывал мне защищать твою жизнь, Владыка. — Резонно заметил Джинн. — Я не вмешиваюсь в твои дела, а только исполняю приказания...

Откуда мне знать: может быть, тебе нравится умирать?

— Мне не нравится умирать. — Сухо сказал я. — Учти это на будущее, ладно?

А теперь помоги мне разобраться с нашей гостьей. Мне нужно, чтобы она пришла в себя, но не настолько, чтобы снова приступить к экспериментам с холодным оружием. Я хочу задать ей пару-тройку вопросов, а там поглядим...

Можешь помочь?

— Разумеется, Владыка. — Ответствовал Джинн. Столб синеватого тумана окутал неподвижное тело женщины — Джинн принялся за работу. Я присел на краешек кровати, опустил голову на руки и чуть не заплакал от обиды: все шло так хорошо, я уютно устроился в этом замечательном доме и как раз собирался немного отдохнуть, возможно, в последний раз, а тут пришла эта маленькая сучка и все испортила!

Впрочем, я с самого начала мог бы понять что такая роскошь, как несколько спокойных дней в уютном домике с садом мне больше не светит — никогда! — и этот самый отдых "в последний раз" остался в прошлом, просто тогда я еще не знал, что это в последний раз... От печальных попыток смириться с этим незамысловатым фактом меня отвлек бархатный голос Джинна.

— Твоя гостья оставила это тело, Владыка. — Тихо сказал он.

— Что, умерла? — Я не слишком огорчился, скорее удивился: с чего бы это ей умирать?

Ну, потерять сознание — это я еще понимаю...

— Не умерла, а оставила это тело. — Повторил Джинн. — Я виноват, Владыка: я не сообразил, что это существо не может быть человеком. Недопустимое легкомыслие! Я заслуживаю гневного порицания, Владыка... Это был дух, вселившийся в первое попавшееся женское тело — очень сильный дух, из совершенно неизвестной мне разновидности могущественных существ. Впрочем, мои знания в этой области нельзя назвать обширными... Женщина, которой принадлежало это тело, умерла еще в тот момент, когда дух овладел ею, а сейчас дух ускользнул, и она вернулась в свое естественное состояние.

— Ты можешь его поймать? — Нетерпеливо спросил я.

— Можно попробовать. — С некоторым сомнением сказал Джинн.

— Попробуй. — Кивнул я. — И прихвати с собой это мертвое тело. Конец света, или нет, а спать в одной комнате с трупом — это уже как-то слишком!

просто потому, что тебя это забавляло...

А потом тебе все надоело, и ты исчез, а мне пришлось несколько тысяч лет скитаться по этой пустыне, изредка развлекая себя беседой с заплутавшими путниками. Я тосковала по тебе, а теперь ты пришел — и опять уходишь.

Ничего не изменилось. Зачем все это?

— Чтобы было. — Я пожал плечами. — Тогда мне действительно казалось, что этот прекрасный мир станет еще забавнее, если в нем появится существо вроде тебя...

Насколько я припоминаю, я много чего тогда натворил, и твое рождение — далеко не самая большая трагедия! Впрочем, если тебе так уж не нравится твое существование, можешь исчезнуть, я не против!

Несколько секунд я с равнодушным недоумением созерцал следы огромных львиных лап на сияющем песке. Сфинкса больше не было. Она исчезла мгновенно, я даже договорить не успел.

— Ну что ж, — грустно улыбнулся я, машинально поглаживая белую шерсть Синдбадапешехода, — будем считать, что под этим великолепным небом никогда не бродили Сфинксы. Выдумки все это... и, судя по всему, именно мои дурацкие выдумки!

Верблюд повернул ко мне свою потешную морду. У него были удивительно умные глаза, такие же золотистые, как у Сфинкса. Под его снисходительным взглядом я почувствовал себя напраказавшим школьником. А потом дромадер медленно зашагал по волнистой поверхности пустыни. Солнце стояло в зените, так что определить направление было совершенно невозможно. Но я мог поклясться, что умуница Синдбад отправился именно на север, в полном соответствии с рекомендациями исчезнувшего Сфинкса. Через несколько часов, когда белоснежное светило все-таки начало медленно отползать к западному горизонту, я окончательно убедился, что так оно и было: мы шли на север — куда же еще!

Иногда моя судьба на время забывает о своей природной стервозности и делает мне удивительные подарки. Первые несколько дней путешествия по пустыне оказались как раз таким подарком — головокружительно, по-купечески щедрым. Мои дни были полны сладкого одиночества, не замутненного ни воспоминаниями о прошлом, ни беспокойством о будущем, ни чьим-то утомительным обществом — верблюд, на спине которого едешь, хорош хотя бы тем, что его присутствие можно не принимать в расчет! — ни даже физическими ощущениями: ни палящие лучи полуденного солнца, ни обжигающий холод, приходящий вместе с темнотой ночи, ни вынужденная неподвижность, ни ритмичное раскачивание верблюжьей спины не причиняли мне ни малейшего неудобства. Я почти отсутствовал, так что испытывать какие-то неприятные ощущения, вроде бы, было некому. Впрочем, время от времени я все-таки ненадолго появлялся — чтобы восхищенно оглядеться по сторонам, в очередной раз понять, что в том языке, которым я привык пользоваться, нет слов, чтобы описать окружающее меня великолепие, и снова отступить в уютную тишину небытия. Это продолжалось целую вечность — Впрочем, если измерить эту самую вечность числом солнечных закатов, она окажется всего лишь одной коротенькой неделей.

Но один из закатов разбудил меня по-настоящему. Впрочем, меня вывело из оцепенения отнюдь не сладострастное буйство багровых оттенков на горизонте, а

рев моторов аэроплана, который нахально пронесся буквально в нескольких метрах от моей макушки. Я тут же вспомнил игрушечный самолетик, рассмешивший меня незадолго до встречи со Сфинксом — кажется, он был сильно уменьшенной копией этого самого аэроплана. В всяком случае, я узнал сине-бело-красные круги на крыльях и черного кота с желтым бантом, нарисованного на хвосте, такое ни с чем не перепутаешь! Мой волшебный щит, о котором я успел было позабыть — все эти дни он болтался на своем шнурке где-то над моей головой, ничем не напоминая о своем существовании — забеспокоился и полез меня защищать: на всякий случай, я полагаю... Щит занял выжидающую позицию напротив моего лица, так что я не успел как следует рассмотреть загадочный аэроплан. Через несколько секунд мой защитник убедился, что опасность мне не угрожает, и вежливо переполз повыше, но никакого аэроплана я уже не увидел — только небольшое серебристое пятнышко, почти неразличимое на фоне такого же серебристого неба.

— Да ты, брат, паникер! — Весело сказал я щиту. — Не дал мне посмотреть на самолетик...

Собственный голос порядком меня удивил: он был хриплым и каким-то безжизненным.

Впрочем, я тут же вспомнил, что просто давно им не пользовался — кажется, еще никогда в жизни мне не удавалось молчать так долго!

Потом я с удивлением обнаружил, что меня наконец-то посетили простые человеческие желания: мне вдруг захотелось есть и спать, более того — мне еще и в туалет приспичило!

— И что мне теперь делать, дорогие мои? — Спросил я, обращаясь не то к щиту и верблюду, не то к каким-нибудь незримым и непостижимым силам, управляющим ходом всех событий во Вселенной. Ответа, разумеется, не последовало. Впрочем, Синдбад тут же послушно остановился и опустился на землю, чтобы дать мне возможность спешиться. Я с тупым интересом проследил, как мои ноги, одна за другой, ступили на светлый песок. Потом на песке оказалась и моя задница: ноги наотрез отказывались удерживать тело в вертикальном положении — отвыкли, надо полагать...

— Вообще-то, мне наверняка полагается какой-нибудь походный дворец с хорошей постелью и чистым сортиром, если уж я такой великий начальник! — Мечтательно сказал я. Ничего не произошло, и я немного огорчился: в глубине души я наивно надеялся, что каждое мое слово теперь будет тут же получать немедленное материальное воплощение! Синдбад ткнулся влажным носом в мое колено, убедился, что я обратил на него внимание, и потянулся мордой к небольшому кожаному мешочку, висящему на его шее — до сих пор я так и не удосужился обратить внимание на это украшение.

— Ты хочешь, чтобы я в нем порылся, да? — Понимающе спросил я. Верблюд энергично мотнул головой. В его глазах ясно читалось умиленное: "умница ты моя!" Я осторожно снял с его шеи мешочек, мельком удивился его неожиданной тяжести, торопливо потянул тонкий шнурок. Шнурок, разумеется, тут же затянулся еще туже: никуда не денешься, мое знаменитое везение! Так что следующие пять минут я посвятил вдумчивым манипуляциям с завязками — как еще ногти не сломал... Воспоминание о героической борьбе Александра Македонского с Гордиевым узлом посетило меня с некоторым опозданием: вредный шнурок как раз начал

Загадочная система сигнализации, каковой по милости щедрой природы снабжен мой организм, сработала немедленно: в моей груди визгливо взвыли сирены тревоги. За моей спиной отчаянно загрохотала падающая мебель. Я еще ничего не успел сообразить, а между мной и загадочной незнакомкой уже замер металлический диск, слабо фосфоресцирующий в темноте спальни. Ну да, конечно, мой героический щит был готов охранять меня даже сейчас — так мило с его стороны! За ним волочились по полу многострадальные джинсы, к поясу которых был приторочен мой волшебный телохранитель. Штаны с видимым удовольствием принимали участие в мероприятии по защите меня, любимого, от сомнительных женских чар: они переворачивали все стулья, которые попадались на их пути.

Моя гостья присела на корточки на пороге и тихонько запела какую-то монотонную песенку на совершенно незнакомом мне языке — если это вообще был язык, а не случайный набор звуков.

— Я не люблю концерты самодетельности, дорогая. — Удивленно сказал я. — И эстраду я тоже не жалую. Нельзя сказать, что вы нашли кратчайший путь к моему сердцу... Может быть, лучше просто поболтаем?

Она не обратила на мои слова никакого внимания. Тянула и тянула свой тоскливый мотивчик. Я довольно поздно сообразил, в чем дело: мой верный щит начал медленно опускаться на пол, плавно покачиваясь под звуки ее серенады.

— А теперь я тебя поцелую. — Тихо сказала она, делая шаг по направлению ко мне. Щит уже лежал на земле, не проявляя никаких признаков жизни. Честно говоря, я совершенно растерялся. Не могу сказать, что до сих пор мне ежедневно приходилось отбиваться от маленьких хрупких женщин, пытающихся меня поцеловать. Одним словом, я просто стоял и смотрел на нее, а она шла ко мне, спокойно и неторопливо, словно ей действительно был нужен всего-то мой поцелуй...

Ее губы оказались удивительно солеными, даже горьковатыми, как морская вода. Это было неприятно, я попытался отстраниться, но не успел. К моему животу прикоснулось что-то холодное, а потом прикосновение стало невыносимо горячим, и я с ужасом понял, что в мое тело вонзился кусок металла — такой острый, что я не почувствовал боли, только невыносимый жар, испепеляющий все, что до сих пор было мной...

Я пришел в себя очень быстро — гораздо быстрее, чем после тяжелых объятий Сфинкса.

Наверное, сказывался опыт. "Ну вот, теперь у меня осталось шестьсот шестьдесят четыре жизни — всего-то!" — Насмешливо подумал я. Моя кровожадная красавица так и не успела насладиться своей победой: я вцепился в ее запястья, с изумлением услышав тихий хруст тоненьких косточек. Ничего себе, вот уж не думал, что я на такое способен! Она отчаянно закричала.

Крик был высокий, визгливый, раздирающий на части нервы и барабанные перепонки. Тонкий длинный нож выскользнул из ее пальцев и бесшумно упал на ковер.

— А вот теперь мы все-таки поболтаем. Давай, любовь моя, рассказывай, кто ты такая, и с какой стати тебе приспичило меня убивать? — Сердито спросил я. Она молчала. Через несколько секунд ее губы разомкнулись, но никакой информации я так и не получил — только еще один протяжный вопль.

издалека раздался вкрадчивый голос Джинна.

— Не соизволит ли Владыка пожертвовать безмятежностью своих мускулов? В твоём доме творятся странные вещи, которые могут доставить тебе некоторое удовольствие...

— Знаешь, я бы все-таки предпочел не жертвовать этой самой "безмятежностью мускулов", поскольку в настоящий момент мне может доставить удовольствие только возможность спокойно уснуть. — Проворчал я, неохотно открывая глаза. Впрочем, я вполне мог бы и не утруждать себя этим движением: темнота оставалась такой же непроницаемой, и даже разноцветные пятна несостоявшихся сновидений все так же мельтешили перед моим одуревшим взором. Я потянулся до хруста в суставах и обреченно поинтересовался:

— Ну, и какого рода "странные вещи" творятся в моем доме?

— Здесь бродит женщина, Владыка. — Интригующим тоном заслуженного работника Красного Квартала доложил Джинн.

— Какая женщина? — Удивился я. — И откуда она взялась? Твой маленький подарок — так, что ли? Можешь завернуть ее в бумагу и спрятать в ящик стола: пока не требуется.

— Нет, Владыка. Это не мой подарок. — Обиженно возразил Джинн. — Я бы никогда не стал предлагать тебе то, в чем ты не нуждаешься. Она сама пришла. Бродит по коридорам, ищет тебя. Если я еще не утратил умение созерцать человеческие мысли, она просто хочет твоей любви. Кажется, она весьма распутная женщина... Во всяком случае, некоторые ее фантазии даже меня повергли в смущение. Но она довольно красива, насколько я могу судить о человеческой внешности... и, потом, я подумал: может быть тебе будет приятен ее визит?

— Вряд ли. — Буркнул я. — Во всяком случае, не сейчас. Я хочу только одного: спать, и желательно — пару-тройку суток. Может быть, после этого я бы сумел по достоинству оценить воображение нашей гостьи... Слушай, а откуда она вообще здесь взялась? Мы же находимся в самом сердце пустыни, я ничего не перепутал?

— Ну, она просто пришла. — Неопределенно объяснил Джинн. Немного помолчал и неуверенно добавил:

— Сначала я вообще сомневался, что она — просто обыкновенная живая женщина. Но недвусмысленные намерения твоей гостьи убедили меня в ее человеческой природе.

— А где она, собственно? — Спросил я.

— Бродит по коридорам. — Меланхолично повторил Джинн. Если хочешь, я могу привести ее к тебе.

— Ну, что делать, приведи. — Кивнул я. — И будь настороже, дружище. Я буду здорово удивлен, если окажется, что она — действительно обыкновенная женщина. Откуда бы ей взяться в пустыне? И с какой стати ей вдруг приспичило срочно заняться со мной любовью? По-моему, нам следует ожидать какой-нибудь пакости...

Дальнейшие события показали, что я вполне могу претендовать на почетное звание величайшего пророка всех времен и народов. Уже в тот момент, когда она появилась на пороге — невысокая тоненькая черноволосая барышня с огромными глазами и четко очерченными скулами, я понял, что дело пахнет керосином. Она меня не очаровала: наши с Джинном вкусы явно не совпадали. Но дело было не только в ее внешности.

подаваться, так что рубить его на куски было уже ни к чему. В мешочке я обнаружил небольшой кувшинчик, довольно небрежно вырезанный из цельного куска какого-то незнакомого мне зеленоватого камня — впрочем, я никогда в жизни не был великим знатоком минералов! Я удивленно посмотрел на верблюда.

— Что, предполагается, что я должен поставить этот сувенир на книжную полку? Прости, милый, но мои книжные полки слишком далеко отсюда... если они вообще еще где-то есть!

Теперь Синдбад наградил меня печальным снисходительным взглядом. "Ты, конечно, редкостный идиот, хозяин, но я тебя все равно почему-то люблю", — говорили его мудрые глаза. Мне стало стыдно, и я снова повертел в руках кувшинчик, пытаюсь понять, на кой черт он мне сдался. Потом мне пришло в голову, что в этой непритязательной таре вполне может скрываться какое-нибудь волшебное зелье, которое поможет моему внезапно раскапризничавшемуся телу снова надолго отрешиться от мирских проблем — а почему бы и нет?! Поэтому я снова принялся сокрушать свои многострадальные ногти. На этот раз им пришлось извлекать пробку из узкого горлышка сосуда — сей бессмертный подвиг отнял у меня почти четверть часа, но в конце концов я справился и с этим...

Потом началось вообще черт знает что — в лучших традициях малобюджетных фильмовсказок времен моего детства! Стоило мне вытащить пробку, как из кувшинчика повалили густые клубы разноцветного дыма. Дым сопровождался мощной волной запаха, в просторечии именуемого бздом — сотворить столь дивный аромат может только человеческое тело, которому пришлось принять в себя адскую смесь гороха, пива и кислой капусты. Сколько раз я видел такие же клубы "волшебного" разноцветного дыма в кино — мне и в голову не приходило, чем это может пахнуть! В довершение ко всем бедам, кувшинчик стал горячим, как только что закипевший чайник. Я обиженно взвыл и разжал пальцы. Вещица полетела на песок, я поспешно отправил в рот травмированную конечность: безотказное средство первой помощи, благополучно усвоенное мною еще в детстве, помогает практически от всех мировых зол, в том числе и от легких ожогов.

Через несколько секунд я извлек изо рта исцеленные пальцы и с облегчением выругался.

— Не будешь ли ты настолько великодушен, чтобы растолковать мне значение этих удивительных слов, Владыка? — Вежливо осведомился чей-то низкий голос.

Он исходил откуда-то сверху, так что в первое мгновение я изумленно решил, что моя лингвистическая консультация на сей раз потребовалась самому господу богу, который, оказывается, все-таки есть, и почему-то не знает элементарных вещей... Я поднял голову и моя нижняя челюсть медленно опустилась на грудь: передо мной стоял полупрозрачный великан — в нем было никак не меньше десяти метров роста. Бритый череп и развевающееся на ветру белоснежное одеяние делали его облик каким-то совсем уж неземным.

— Кто ты? — Я был бы не я, если бы тут же на задал ему самый банальный из возможных вопросов.

— Я — твой преданный раб, Владыка. — Невозмутимо сообщил великан. В его голосе было столько великолепной иронии, что я не очень-то поверил его заявлению.

— Ясно. — Вздохнул я. — Что-то под этим небом в последнее время развелось

полнымполно желающих продолжить свой жизненный путь в качестве моей прислуги! Ну а имято у тебя есть?

— Хвала Всевышнему, я не обременен этой обузой! — Гордо сказал великан.

— Ну-ну... — Я задумчиво уставился на него снизу вверх, а потом меня осенило:

— Слушай, ты что, джинн?

— Ну да. — Недоуменно ответил тот. — А кто же еще?

— Да, действительно! — Фыркнул я. Потом быстренько перевернул недр своей памяти, пытаюсь припомнить все, что говорилось о джиннах в арабских сказках, каковых я в свое время прочел великое множество — как чувствовал, что они мне пригодятся! Не то что бы я действительно считаю сказки таким уж надежным источником информации, но никакого другого в моем распоряжении не было вовсе...

— Если ты джинн, значит ты вполне способен в считанные секунды устроить мне этот самый походный дворец с чистым сортиром, об отсутствии которого я сокрушался несколько минут назад. — С надеждой сказал я.

— Ты несколько преувеличиваешь мое могущество, Владыка. — Печально сказал джинн. — Для того, чтобы выполнить твой приказ, мне потребуется не меньше двух минут.

— Ничего страшного, — усмехнулся я, — две минуты я как-нибудь потерплю...

Да, кстати: дворец — это совершенно не обязательно! Даже нежелательно, если честно.

Мальчика нашли, по коридорам скитаться... Меня вполне устроит какой-нибудь маленький домик со всеми удобствами, огромной кроватью, набитым холодильником и симпатичным садиком... Впрочем, садик — это уже излишество: если он мне понравится, я, пожалуй, начну подумывать о том, чтобы остаться и спокойно встретить там приближающуюся старость...

— Ничего страшного, Владыка. — Неожиданно улыбнулся джинн. — Мои создания недолговечны, как полуденные облака, поэтому тебе не удастся встретить старость в доме, который я для тебя построю — разве что провести там грядущую ночь.

— Собственно, так даже лучше. — Вдохнул я, и сам удивился неожиданным горьким ноткам в своем голосе.

— Ты изволишь предаваться печали, Владыка? — Понимающе спросил Джинн.

— Да вот, выходит, что изволю. — Меланхолично подтвердил я.

— Печаль не к лицу тебе, Владыка. — Укоризненно сказал Джинн. — Твое дело — легкой походкой идти навстречу своей судьбе... а мое дело — скрашивать твой путь маленькими радостями.

— Да? Ну, тогда давай, скрашивай... Хорошая у тебя работа, ничего не скажешь. — Улыбнулся я.

— Во всяком случае, она не внушает мне отвращения. — Спокойно согласился он.

Потом мой новый приятель окончательно распрощался с жалкими остатками собственной антропоморфности, проплыл мимо меня облачком белесого тумана и исчез — приступил к выполнению задания, я полагаю. Я задумчиво водил пальцем по песку, машинально чертил на нем традиционную схематическую рожицу:

неровный круг лица, точки-глаза, короткие черточки вместо бровей и носа, кривая линия рта... Рожица получилась неожиданно жутковатая. Я испуганно передернул плечами и попытался стереть этот сногшибательный результат собственного художественного творчества.

Бесполезно: вихрь сверкающих песчинок взметнулся из-под моей ладони, но рисунок остался таким же четким, как был — можно подумать, что я высек эту проклятую рожицу на камне. Через несколько секунд до меня окончательно дошло, что мои каракули решили остаться на этом светлом песке навечно. Я виновато посмотрел на Синдбада.

— Видишь, что получается, милый? — Грустно спросил я. — И заметь: я сам не понимаю, как оно у меня получается... И главное — на фиг мне это нужно?

Самая бесполезная разновидность могущества, ты не находишь?

Синдбад меланхолично помотал своей трогательной мордой. Это можно было расценивать, как согласие. Верблюд показался мне вполне подходящим собеседником: во всяком случае, у него не было никаких шансов попросить меня заткнуться. Так что я решил продолжить свой монолог.

— Есть такой анекдот, радость моя. Один парень нашел старый кувшин, откуда появился джинн — в точности, как наш с тобой новый приятель — и спрашивает: "что прикажешь, господин?" Парень обрадовался, говорит: "ну, давай для начала миллион зеленым, а там посмотрим." Джинн отвечает: "ладно, завтра утром будет тебе миллион." "А почему завтра утром, а не сейчас?" А джинн посмотрел на него печально и говорит: "мне этот твой миллион всю ночь рисовать придется. А ты что, думал, что в сказку попал?" Синдбад никак не отреагировал на сию душеспасительную притчу, но у меня за спиной раздался тихий смешок: очевидно Джинн счел мою шутку вполне уместной. "Ну, значит, с этим парнем вполне можно иметь дело!" — Одобрительно подумал я.

— Во всяком случае, тебе-то уж не придется ждать до завтрашнего утра, Владыка. — Весело сообщил Джинн. — Твое повеление уже выполнено. Не желаешь ли обернуться, дабы одобрить мою работу?

— Желая. — Миротвориво кивнул я, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

Действительность превосходила все ожидания: в нескольких шагах от меня проходила граница между горячим песком и густой сочной травой, такой не правдоподобно зеленой, словно ее старательно покрасили специально к моему прибытию. В глубине аккуратно очерченного овала лужайки стоял небольшой двухэтажный домик, которому я заранее был готов отдать кусочек своего сердца. Угораздило же меня обзавестись таким очаровательным жилищем накануне конца света, дирижировать которым, кажется, предстояло мне самому...

Часа через два я уже был в постели, чистый, сытый и вполне довольный жизнью. В спальне было прохладно и темно. Джинн куда-то подевался — то ли тактично удалился в свой благоухающий кувшинчик, то ли меланхолично слонялся по саду, так что я остался совершенно один. Закрыв глаза и с наслаждением уставился на разноцветные пятна, мельтешащие под моими веками.

В глубине этих пятен скрывались сладкие сновидения — оставалось только сосредоточиться на чем-то одном и дать безобидному ночному наваждению увлечь меня до утра... Этот неземной кайф продолжался минут пять, не больше. Откуда-то

Впрочем, моя физиономия всегда была открытой книгой для всех желающих читать эту дребедень...

— В Медине была ночь. — Объяснил я. — А здесь...

— Во всем мире воцарилась ночь, Владыка. — Удивленно объяснил Джинн. — И только в некоторых местах смена дня и ночи по-прежнему происходит обычным образом. Эта пустыня — одно из таких мест. Твоей силы хватает, чтобы вдохнуть жизнь в реальность, замершую в ожидании конца. Кроме тебя под этим небом есть и другие существа, у которых хватает могущества, чтобы увидеть солнечный восход. Но в Медине их не было, а твой визит туда был слишком коротким... Вообще-то, я думал, что ты и без меня все знаешь, Владыка!

— Ничего я не знаю. — Виногато вздохнул я. — По всему выходит, что ничегошеньки! Ты очень разочарован?

— Мне неведомо чувство разочарования, Владыка. — Беззаботно заявил Джинн.

— Ты не мог бы попросить своего могущественного слугу разбить для нас шатер? — Вежливо осведомился Мухаммед. — Нам с тобой не приличествует вести беседу под открытым небом.

— Ты не очень огорчишься, если это будет не совсем шатер? — Осторожно спросил я. — В последнее время я, знаешь ли, привык к комфорту...

— Я уверен, что ты сделаешь наилучший выбор, Али. — Прочувствованно сказал он. Я обернулся к Джинну.

— Сооруди что-нибудь вроде того домика, в котором мы провели прошлую ночь, со всеми удобствами, кондиционерами и так далее, о'кей?

— О'кей. — Невозмутимо отозвался Джинн.

Наша с Мухаммедом деловая беседа состоялась только на закате: после того, как этот дядя приобщился к таинству гидромассажной ванны, все остальное утратило для него значение.

— Хвала Аллаху, я уже в раю! — Твердо сказал он, погружаясь в теплую булькающую воду.

У меня были некоторые сомнения касательно места его пребывания, но я предпочел не пускаться в теологическую дискуссию.

Пока Мухаммед плескался, мы с Джинном коротали время за игрой в нарды. У него даже хватало великодушия изредка мне поддаваться, поэтому я получил некоторое удовольствие от игры. За полчаса до заката я начал всерьез беспокоиться: мне пришло в голову, что если Мухаммед захлебнется от свалившегося на него счастья, мне придется взвалить на себя и его работу — в придачу к своим собственным загадочным обязанностям, которые я, честно говоря, планировал тактично переложить на могучие плечи этого пророка. Так что я пошел проверить, не утонул ли он, часом. Мухаммед сидел в ванне с блаженным лицом слабоумного и восторженно хлопал ладонями по воде. Летящие во все стороны брызги, судя по всему, забавляли его чрезвычайно. Из уважения к моим гипотетическим былым заслугам он согласился продолжить это интеллектуальное занятие несколько позже и принялся старательно отжимать бороду. Я попросил Джинна добыть какой-нибудь банный халат для нашего дорогого гостя. Надо отдать должное: в красном махровом халате до пят Мухаммед смотрелся более чем импозантно. Я отвел его в прохладную просторную гостиную, усадил на диван и кратко изложил суть предстоящей нам "великой миссии". Мне показалось, что Мухаммеду было

безупречными стражами! Идем, со мной, Игг. Может быть, хоть ты сможешь разобраться. Ты же у нас хитроумный...

— Идем. — Я поднялся с земли и едва удержался на ногах: в мое колено с разбега уткнулась глупая морда огромной неуклюжей собаки — одного из Любимцев. Пес прибежал сюда вслед за своей хозяйкой и теперь бестолково крутился у нас под ногами. Все они, Любимцы — совершенно неуправляемые, беспокойные и не слишком разумные существа, но этот пес был чем-то из ряда вон выходящим!

— Отойди от меня, волчий корм! — Рывкнул я. — Да не мельтеши ты, пища серой опоры всадниц мрака!

Афина ухватила своего пса за огромное ухо и кое-как оттащила его от меня.

— Не будь с ним строг, Один. — Мягко сказала она. — У этого существа не было ни единого шанса когда-нибудь стать живым, и все-таки я вдохнула в него жизнь и силу.

Неудивительно, что он все время пребывает в состоянии непрерывного восхищения!

— А я ничему не удивляюсь. Просто прошу его не скакать у меня под ногами.

— Проворчал я. — Терпеть не могу, когда меня пытаются свалить с ног!

— Ладно, идем, посмотришь на Диониса. — Вздохнула она. — Кому могло прийти в голову, что его следует убить? Он был такой безобидный...

— "Безобидный"?! — Усмехнулся я. — Ну-ну...

— По сравнению с нами, конечно. — Афина пожала плечами. — Не прикидывайся, Игг. Ты отлично понимаешь, что я имею в виду.

Я задумчиво кивнул. Безобидным я бы его, пожалуй, не назвал, но Дионис был самым спокойным и дружелюбным из Олимпийцев. Славный он был парень, этот Дионис!

Слишком славный и не слишком удачливый — по крайней мере, для того, кто называет себя одним из богов... К тому же, чувствовалась в нем какая-то странная, почти человеческая беспомощность — она всегда таилась в зеленой глубине его веселых глаз... До сих пор я был уверен, что никто кроме меня не замечает этого его изъяна!

Дионис лежал в углу спальни, отведенной ему для ночлега. Комната ничем не отличалась от моей: пестрый ковер на полу, узкое ложе в центре и большой блестящий ящик напротив ложа, Афина называет его "телевизором" — какая же комната в жилище Олимпийца может обойтись без этой человеческой игрушки, дарующей глупые, утомительные, но, по единодушному мнению Олимпийцев, занимательные сны наяву!

— Посмотри, Вотан. Что это? Ты когда-нибудь видел такое оружие? — Тихо сказала Афина. Она стояла в изголовье мертвого Диониса и внимательно рассматривала его перепачканное кровью лицо. Кровь была так похожа на человеческую, что мне пришлось бороться с очередным приступом бессильного гнева. Очевидно, Олимпийцы действительно понемногу превращались в обыкновенных людей — и куда быстрее, чем хотелось бы... Мне оставалось только молиться, чтобы меня миновала такая судьба, лучше уж умереть раньше срока! Но кому, интересно, может молиться сам Один? Разве что самому себе — не сбрендившему же Зевсу, в конце концов...

Я сначала не понял, на что показывает Афина и вопросительно уставился на кровавое месиво под шапкой спутанных светлых кудрей. Только через несколько секунд я увидел, что из глазниц Диониса торчат какие-то узкие деревянные предметы. Я выдернул один из раны и внимательно его оглядел. Это было небольшое веретено — очень странной конструкции, испещренное замысловатыми узорами, не похожими на узоры, которые мне доводилось видеть на предметах, изготовленных людьми, или богами. Но это было именно веретено, никаких сомнений!

— Видишь? — Я показал его Афине. Она кивнула.

— Женское оружие. — Мрачно сказала она. — Мне как-то доводилось слышать, что разгневанная женщина способна превратить в смертоносное оружие все, что под руку подвернется. До сих пор я считала это некоторым преувеличением.

Выходит, я ошибалась — кто бы мог подумать!

— А откуда он вообще здесь взялся? — Спросил я. — Вчера вечером у нас не было гостей.

— У меня, а не "у нас". — Сурово поправила Афина. Я нахмурился. Она уже не впервые невежливо напоминала мне о том, что я здесь — всего лишь гость.

В такие мгновения мне очень хочется навсегда покинуть ее амбу — не просто уйти, а исчезнуть, оставив за собой следы из крови и пепла. Но за мной всегда водилось умение выживать — если я почему-то считаю, что оно того стоит... Поэтому я и бровью не повел.

— Да, разумеется, "у тебя", а не "у нас". Тем не менее, гостей здесь все-таки не было.

— Он прилетел очень поздно, уже после того, как ты ушел в свою спальню.

Совершенно пьяный: чуть не угробил свой "Фокер" при посадке. — Вдохнула Афина. — Сказал, что испытывает потребность в дружеской беседе, а на его амбе, дескать, не с кем словом перекинуться. Он же так и не обзавелся ни Любимцами, ни Хранителями. Говорил, что не хочет растрачивать свою силу по пустякам... Впрочем, мне кажется, он просто ленился. Чтобы вдохнуть жизнь в неживое существо, надо на пару часов отставить в сторону бутылку!

— Да, такой подвиг ему не по зубам. — Усмехнулся я. Потом покосился на неподвижное тело Диониса: вообще-то считается, что о мертвых следует говорить только хорошее, но я никак не мог привыкнуть к мысли, что наш Дионис действительно мертв, а посему вел себя так, словно он просто выпил больше обычного. — Ладно, с этим все ясно. А что было потом?

— Угадай с трех раз! — Фыркнула Афина. — Разумеется, я сказала ему, что не собираюсь тратить время на пустую болтовню с горьким пьяницей, а посему ему следует поискать себе более подходящую компанию... Когда я закончила произносить последнюю фразу, он уже спал. Мне пришлось отнести его в спальню.

Не оставлять же собственного брата валяться на земле! Потом я отправилась спать. А сегодня утром послала нескольких Любимцев разбудить моего дорогого гостя и привести его ко мне. Честно говоря, я собиралась обстоятельно объяснить Дионису, после какой по счету чаши вина ему не следует приходить ко мне в гости.

Одним словом, я планировала начать это утро с хорошего скандала — чтобы ему больше никогда в жизни не пришлось в голову, что на моей амбе можно мирно отсыпаться после нескольких лет непрерывного кутежа... — Она печально

свалить меня с ног увесистым комплиментом, в котором на сей раз не было и грамма иронии.

— Я думаю, тебе не составит труда соорудить для нас еще что-нибудь в таком роде? — С надеждой спросил я.

— Разумеется. — Заверил меня Джинн. — А в каком месте?

— Да, вот это вопрос. — Я пожал плечами. — Понятия не имею! Да в любом, наверное...

Главное, чтобы это место было пустынным.

— В настоящий момент почти все места под этим небом являются пустынными.

— Огорошил меня Джинн. — Ты забываешь, что время живых уже закончилось, а время мертвых еще не началось. Насколько я понимаю, они ждут, когда ты их позовешь.

— О господи! — Тихо охнул я. — Так все уже случилось? А я-то, дурак, думал...

— Все уже случилось. — Мягко подтвердил Джинн.

— Я знаю, куда нам следует отправиться. Наш совместный путь должен начаться в пустыне — в том самом месте, откуда начался твой путь ко мне.

Всякое великое дело следует начинать два раза. — Мухаммед неожиданно вмешался в нашу беседу. Я-то думал, что он выпал из жизни часа на два, но этот дядя довольно шустро разделался со своими благодарственными молитвами и тут же включился в совещание.

— Желание клиента для нас закон! — Елейным голосом менеджера средней руки прогундосил я. И обернулся к серебристому облачку — Джинн почему-то упорно ленился принимать какой-то более конкретный облик.

— Значит, нам нужно попасть туда, где я развлекался с этой сумасшедшей кошкой...

Жаль, что тебя со мной там не было: уж вместе мы бы ей показали почем фунт кошачьего дерьма в неурожайный год! А ты сможешь найти это место? — Озабоченно спросил я Джинна.

— Проще простого! — Оптимистически отозвался он.

— Ну просто чудо какое-то! — Растроганно вздохнул я. Мне начинало казаться, что мой приятель Джинн был самым совершенным существом во Вселенной!

Через несколько секунд мы уже стояли на горячем песке, под раскаленным потоком лучей пронзительно белого солнца. Я увидел большой камень и почти машинально на него уселся. Судя по всему, это был тот самый камень, сидя на котором я ждал Сфинкса. Во всяком случае, моя задница снова обрадовалась возможности соприкоснуться с этим воистину совершенным сидением... Все это было довольно странно: мы с Джинном покинули наше очаровательное пристанище вскоре после полудня и сразу же оказались в Медине, но там почему-то была глубокая ночь. А здесь, в пустыне — опять самый разгар дня, как и положено.

В то же время, мне смутно казалось, что мы никуда не отлучались из Восточного полушария. По моим расчетам, основанным исключительно на неопределенных представлениях о географии, эта самая пустыня находилась где-то в северной Африке. Впрочем, географ из меня тот еще...

— Тебя что-то удивляет, Владыка? — Тут же осведомился Джинн. Кажется, помимо прочих своих достоинств этот парень был наделен талантом читать мои мысли — или, по крайней мере, чутко реагировать на выражение моего лица.

беспокойно зашевелилась под моими ногами. Впрочем, поведение окружающих доказывало, что моя паника вполне согласовывалась с общечеловеческими представлениями о том, какие именно чувства следует испытывать в таких обстоятельствах. На этот раз мое слабоумное сердце тоже попыталось со всей дури рвануть в пятки — сказывалась благоприобретенная дурная привычка. Но уже через мгновение я успокоился — вот уж сам от себя не ожидал! На смену закономерному человеческому страху пришло сладкое чувство причастности к происходящему. На этот раз я был причиной разбушевавшейся стихии, а не ее перепуганной жертвой. Земля под моими ногами пружинила, как хороший батут, и мне это нравилось, кто бы мог подумать! Толчки становились сильнее и сильнее, а потом все закончилось — так внезапно, словно кто-то всемогущий резко повернул выключатель, сердито ворча: "надоело!"

— Хвала Аллаху во всяком положении! — С чувством сказал приятный баритон за моей спиной. — Ты все-таки выполнил свою клятву, Али!

Белки широко распахнутых глаз моего нового знакомого ярко блестели в темноте. Он жадно дышал, как бегун на финише, и восхищенно озирался по сторонам. К счастью, он совершенно не был похож на ожившего мертвеца из какого-нибудь второсортного ужастика. Он вообще не был похож на ожившего мертвеца. Нормальный живой бородатый дядька, кажется, довольно симпатичный, несмотря на свою кошмарную биографию. Его лицо казалось мне смутно знакомым. Оно и неудивительно: если верить словам этого красавчика Аллаха, мы с Мухаммедом в свое время были хорошими друзьями. Усилием воли я загнал в самый дальний угол себя воспоминания об этих славных временах, уже готовые прорвать ненадежную плотину, впопыхах сооруженную из жалких остатков моего здравого смысла: мне по-прежнему казалось, что эти самые воспоминания вполне способны свести меня с ума, а это было не совсем своевременно... Мухаммед тем временем грохнулся на колени, уткнулся лбом в землю и принялся велебучиво благодарить моего приятеля Аллаха. Вообще-то, я мог его понять: если бы мне довелось воскреснуть из мертвых, я бы наверняка проявил неменьший энтузиазм, восхваляя всех известных мне богов подряд — на всякий случай, пока они не передумали! Я беспомощно обернулся. Где-то здесь, по моим расчетам, ошивался Джинн, а я как раз нуждался в его мудром совете: тупо топтаться у знаменитой гробницы Мухаммеда мне не очень-то хотелось, на мой взгляд, для полноценного общения нам с Мухаммедом требовалось какое-нибудь уютное местечко. Откуда-то из темноты выглянула флегматичная морда Синдбада, над его головой, словно некий неуместный нимб мерцало хорошо знакомое серебристое облачко.

— Ты здесь, душа моя? — На всякий случай уточнил я.

— Вообще-то я вряд ли являюсь твоей душой. — С некоторым сомнением в голосе возразил Джинн. — Тем не менее, я здесь.

— Мне бы хотелось, чтобы ты доставил нас в какое-нибудь симпатичное уединенное место — вроде того домика, который ты так любезно соорудил для меня в пустыне.

— Мы можем просто вернуться туда, если пожелаешь. — Предложил Джинн.

— Проблема в том, что я не люблю возвращаться. — Виногато вздохнул я. — Во всяком случае, туда, откуда я ушел в твердой уверенности, что это навсегда.

— Это свидетельствует о твоей мудрости, Владыка. — Джинн внезапно решил

усмехнулась:

— Впрочем, визиты бедняги Диониса нам с тобой больше не угрожают.

И это печально, Игг! Но зачем было его убивать?

— Зачем было его убивать — с этим вопросом мы можем не слишком спешить. — Я задумчиво крутил в руках окровавленное веретено. — Меня куда больше интересует — кто мог его убить? Бедняга Дионис действительно был вполне безобидным парнем и никуда не годным противником... Но он был бессмертным, как и мы с тобой, Нике.

— Это поправимо, как видишь. — Хмуро сказала она. — Никакие мы не бессмертные, Игг.

Просто мы чуть менее смертны, чем люди. Совсем немного — стоило ли поднимать из-за этого такой шум!

"Ну, положим, на твоём месте, я бы говорил только о себе!" — Серdito подумал я, но вслух сказал лишь:

— Как бы там ни было, но ты и сама понимаешь, что в этом мире не так уж много существ, способных убить одного из нас.

— Не так уж много, верно... Но любой из нас мог бы убить Диониса, если бы очень постарался. Во всяком случае, ты точно смог бы. И я тоже. Но я его не убивала.

— Можешь себе представить, я тоже его не убивал. — Я сердито пожал плечами. — Даже если бы я вдруг решил поразмяться, я бы начал не с Диониса.

И не в твоём доме, можешь мне поверить!

— Спасибо. — Сухо кивнула она. — Я знаю, что это не ты, Игг. Ты всю ночь был в своих покоях, а потом вышел и сразу отправился во двор, не заходя в другие помещения.

Мои Хранители следили за тобой. Они всегда следят за тобой, ты уж извини!

— Ну да, а зачем они еще нужны! — Равнодушно согласился я. — На твоём месте я бы и сам отдал приказ следить за таким гостем, что в этом странного?

— Я рада, что мои слова не причинили тебе обиду. — Улыбнулась Афина. — Я почти доверяю тебе, Один, во всяком случае, больше, чем кому бы то ни было, но я, знаешь ли, привыкла не доверять никому кроме себя...

— И это правильно. — Я снова показал ей веретено. — Ты никогда его не видела раньше, Нике? Может быть у кого-то из твоих Хранителей?

— Ни у кого из моих Хранителей нет ничего подобного. — Она еще раз посмотрела на веретено и покачала головой. — Я никогда не видела эту вещь.

Скажу больше: я вообще никогда не видела таких веретен. Не думаю, что я смогла бы им пользоваться.

— А ты умеешь прясть? — Насмешливо спросил я. — Никогда не видел тебя за этой работой!

— Разумеется, — холодно ответила она, — я терпеть ее не могу. Тем не менее, я умею прясть, и ткать тоже. В свое время мне довелось научиться и более бесполезным вещам... Во всяком случае, я совершенно уверена, что это веретено не принадлежит никому из наших. Оно изготовлено далеко отсюда, к тому же — руками, которые привыкли двигаться немного не так, как мои руки.

Совсем чужая вещь.

— Интересно... На изделия моих людей оно тоже не похоже. Ладно, теперь

скажи мне вот что. Как могло получиться, что твои Хранители никого не учуяли?

— Вот этого я сама не могу понять. — Вздохнула Афина. — Мои Хранители учуяли бы кого угодно, до сих пор я была совершенно уверена, что ни одно существо, кем бы оно ни было, не сможет войти сюда и остаться незамеченным.

Тут никакое могущество не поможет!

— Ты не преувеличиваешь достоинства своих слуг? — Спросил я. — Все-таки кто-то здесь побывал. Не думаю, что Дионис убил себя самостоятельно...

— Об этом и речи быть не может. — Согласилась она.

— Получается, что убийца возник из небытия, прямо здесь, в этой комнате, сделал свое дело и снова исчез? — Насмешливо попытокжил я.

— Получается. — Растерянно кивнула Афина. — Никому из наших это не под силу. А ты мог бы?

— Когда-то мог. Но не сейчас. Теперь это не по плечу старику Одиному. — Вообще-то, я был совершенно уверен, что и сейчас вполне способен появиться, где сочту нужным, и исчезнуть откуда угодно, если пожелаю — но зачем открывать свои карты тому, кто неосмотрительно готов поверить тебе на слово? Поэтому я печально добавил:

— Сила понемногу уходит от меня, Паллада. Думаю, это не только моя проблема...

— Не только. — Эхом повторила она. — Мне надо рассказать остальным о том, что случилось. Придется лететь к Зевсу: спятил он там, или нет, но все-таки он — наш с Дионисом отец и вообще самый старший. Считается, что на нем все держится...

Составишь мне компанию?

— Разумеется. А что мы будем делать с Дионисом? Как вы хороните своих мертвых?

— Да, это вопрос... — Растерянно откликнулась Афина. — Видишь ли, Игг, до сих пор никто из нас не умирал. А когда умирали наши родичи из числа людей, мы не препятствовали их домочадцам поступать в соответствии с традициями.

Несколько раз случалось, что Зевс забирал своих детей от смертных женщин на Олимп и возвращал им жизнь. Впрочем, ему уже давно не по плечу такие чудеса... Но такого, чтобы умер один из нас, еще никогда не было!

— Что ж, значит до сих пор вам везло. Мне однажды пришлось похоронить своего сына — а ведь он был рожден такой же, как я, а не смертной женщиной!... Ладно, не стоит слишком долго раздумывать о погребении.

Мертвому все равно. Поэтому с ним следует поступить так, как это удобно живым.

С этими словами я взялся за меч и решительно начертил в воздухе сияющий зигзаг.

— Делай свое дело, Соулу! — Велел я руне. Она послушно вспыхнула ослепительнобелым огнем, через мгновение так же великолепно засияло и тело Диониса. Через несколько секунд от него не осталось ничего: руна Соулу сжигает, не оставляя пепла. — Он хорошо ушел. — Одобрительно заметил я.

— Никто не знает. — Задумчиво сказала Афина. — Может быть, мертвецам не нравится сгорать — даже в твоём волшебном огне, просто мы не слышим их

индейскими богинями по ночам — вот все удовольствия, которые мне светят!

Что ж, в таком случае, мне следует сегодня же отправиться на могилу Мухаммеда и заняться археологическими изысканиями. Ты перенесешь меня в Медину? Эта пустыня — воистину великолепное место, но мне немного надоело быть первопроходцем. И потом, ты будешь смеяться, но я даже не знаю, в какой она стороне, эта чертова Медина!

— Разумеется перенесу, Владыка. Для того я, собственно, и существую, чтобы помогать тебе справляться с мелкими бытовыми проблемами. — Кивнул Джинн. — Отправишься туда прямо сейчас, или все-таки сначала допьешь кофе?

— Разумеется, сначала я допью кофе. — Улыбнулся я. — А потом попрошу у тебя еще одну чашку. А потом, возможно — еще одну, если разойдусь. Думаю, Мухаммед может побыть мертвым еще полчаса, правда?

— Думаю, ты совершенно прав, Владыка. На мой взгляд, излишняя торопливость приличествует только зеленым юнцам и лишенным мудрости полоумным старцам. — Важно кивнул Джинн, с насмешливым полупоклоном подавая мне вторую чашку кофе.

Все это было хорошо, но мне так и не удалось остановить время. Дело кончилось тем, что я решительно отставил в сторону пустую чашку, немного повздыхал и пошел в спальню за своим плащом и "Энциклопедией мифов": мне показалось, что этот источник знаний лучше держать при себе. По крайней мере, из него можно было почерпнуть хоть какие-то сведения о моих будущих соратниках, и врагах, разумеется! Судя по всему, в ближайшее время мне предстояло иметь дело исключительно с мифическими существами...

Неподъемный двухтомник я положил в сумку, притороченную к седлу Синдбада, потом сам взгромоздился на его многострадальную спину. Мой героический верблюд мужественно стерпел это надругательство над основными принципами гуманизма.

— В Медину, Владыка? — Услужливым тоном истосковавшегося по чаевым таксиста спросил Джинн откуда-то из-за моей спины.

— Ага. — Вздохнул я. — Доставь меня сразу на могилу Мухаммеда. Понятия не имею, где она там находится, а мне, вроде бы, надо на нее наступить.

Вернее, это Мухаммеду надо, чтобы я на нее наступил...

Я еще не успел договорить, а земля уже ушла из-под моих ног, и вообще все куда-то подевалось — правда, всего на мгновение. Потом мир вернулся ко мне.

В этом мире почему-то была ночь, темная и прохладная, и я почти не различал очертаний окружающих меня предметов.

— Приехали, Владыка. — Жизнерадостно сообщил Джинн. — Тебе осталось только спешиться и сделать несколько шагов влево.

Умница Синдбад тут же опустился на землю: очевидно он отлично понимал, что имеет дело с неопытным седоком, так мило с его стороны!

— Налево? — Нерешительно переспросил я, неуверенно шагнув в темноту.

— Да. Еще шаг, Владыка. Не бойся, ты не споткнешься.

— Надеюсь. — Я сделал еще шаг в сторону, потом еще один. Земля начала дрожать под моими ногами. В свое время мне довелось пережить землетрясение — совсем слабенькое, баллов пять, не больше — и я навсегда запомнил панический животный ужас, который охватил меня в тот момент, когда надежная земная твердь

настолько простой и приятной, что меня подмывало тихо захрюкать от удовольствия.

Через полчаса я сидел на траве, в тени раскидистого дерева неизвестной мне породы и пытался тактично объяснить Джинну, что его представления о том, какое количество пищи мне требуется на завтрак, весьма далеки от реальности: того, что он извлек из небытия, с лихвой хватило бы на дюжину оголодавших молотобойцев.

— Проблемы возникают когда еды слишком мало, Владыка. — Беззаботно возразил он. — Слишком много еды — это не проблема, можешь мне поверить!

— А ты сам не будешь есть? — Спросил я, извлекая из сундуков своей памяти скудные сведения о физиологии джинов, почерпнутые исключительно из арабских сказок. К моему удивлению, Джинн пожал призрачными плечами.

— Как пожелаешь, Владыка. Я могу столетиями обходиться без пищи, но вполне способен составить компанию тому, кто в ней нуждается. Мне все равно.

— Ну, если ты способен не только составить мне компанию, а еще и получить от этого удовольствие, присоединяйся. — Обрадовался я.

— Слушаю и повинуюсь! — В интонациях Джинна то и дело проскальзывала совершенно божественная ирония, и мне это нравилось — даже больше, чем все остальное. Все-таки хороший собеседник — это величайшая роскошь, недоступная большинству существ, родившихся под этим небом, какими бы важными персонами они не были. А хороший собеседник, на мой вкус, совершенно немыслим без лошадиной дозы иронии, каковой по моему глубокому убеждению, должна приправляться каждая вторая фраза — как минимум!

Джинн тем временем начал сгущаться — не знаю, как еще можно описать то, что с ним происходило. Он здорово уменьшился — почти до нормальных человеческих размеров. В то же время, его тело стало более материальным.

Теперь он почти ничем не отличался от человека: симпатичный бритоголовый дядька средних лет, одетый в какой-то неописуемый кисейный балахон, очертания которого оставались неопределенными, как клубы тумана.

— Здорово! — Одобрительно сказал я. — Совсем настоящий!

— Я всегда настоящий, Владыка. Неужели ты думал, что до сих пор я тебе просто мерещился? — Усмехнулся Джинн, усаживаясь рядом со мной. После этого начались настоящие чудеса: этот потрясающий парень за полчаса расправился с горой продовольствия, количество которого совсем недавно казалось мне совершенно неуместным. Я наслаждался этим редкостным зрелищем и скромно похрустывал каким-то печеньем: мой аппетит по утрам всегда оставляет желать лучшего — в полном согласии с заветами просвещенных диетологов.

— Наверное мне надо приниматься за дело, да? — Печально спросил я у Джинна, когда пришло счастливое время первой чашки восхитительного утреннего кофе.

— Тебе виднее, Владыка. — Флегматично заметил он. — Но по моим наблюдениям, если человек долго не принимается за свое дело, дело само принимается за него.

— Еще чего не хватало! — Фыркнул я. — Вообще-то у меня был соблазн устроить себе отпуск на недельку... Ну да ладно, судя по всему, у меня все равно ничего не получится.

Угрызения совести по утрам, полуденная скука и сражения с прекрасными

протестов...

— Глупости! Мертвые которым посчастливилось уйти отсюда через те двери, которые открывает огонь, никогда не жалуются, что им устроили плохие похороны.

Пожалуй, им действительно все равно. — Сказал я. Мне не понравился ее недоверчивый взгляд, и я добавил:

— Не забывай: когда я говорю о мертвых, я знаю, что говорю!

— Да, действительно. — Равнодушно согласилась она. — Ты ведь, в сущности, такой же стервятник, как наш Гадес, я все время забываю...

Мне не слишком понравились ее слова: терпеть не могу, когда меня с кем-то сравнивают! Я нахмурился, но промолчал. Не ссориться же сейчас по пустякам!

Впрочем, Афине еще и не такое могло бы сойти с рук: я заранее был готов простить ей все, что угодно, даже не требуя извинений, и вообще ничего не требуя... Когда я думаю о том, как близко подпустил эту сероокую деву к своему мертвому сердцу, меня разбирают сомнения: а уж не опоила ли она меня каким-нибудь колдовским зельем? Чего не сделаешь, чтобы обеспечить себе надежного союзника накануне первой и последней настоящей войны!

Уже в небе, когда послушный ее воле летательный аппарат нес нас над низкими утренними облаками, Афина вдруг решила, что ей следует извиниться — нечасто в ее голову приходят столь разумные мысли!

— Между прочим, тебе не следует обижаться, когда я сравниваю тебя с Аидом. — Тихо сказала она. — В конце концов, он — самый могущественный из нас... Во всяком случае, Аид — единственный, кто до сих пор вызывает у меня робость. Так что можешь расценивать как похвалу.

— Могу. — Сухо согласился я. — Но не буду: зачем мне пустая похвала? А с чего ты решила, что я обижаюсь?

— Я не решила, я почувствовала. Не сердись на мою болтовню, Игг, никакие вы не стервятники — ни ты, ни Аид. Я сказала, не подумав. — Она на секунду обернулась ко мне, я успел разглядеть на ее прекрасном лице виноватую улыбку. Это было что-то новенькое: до сих пор я не предполагал, что эта сероглазая способна признавать собственные ошибки! Разумеется, я тут же заулыбался, как безусый юнец. Кажется, накануне конца я понемногу утрачивал не только свое знаменитое могущество, но и свою не менее знаменитую мудрость!

На амбе, которую занимал Зевс, было шумно илюдно — как всегда. Одних только домочадцев из смертных у него было несколько десятков, о Любимцах и Хранителях я уже не говорю: их и сосчитать-то невозможно! Подозреваю, что этот грозный Вседержитель больше всего на свете боялся обыкновенного одиночества. Афина выскочила из самолета, едва дождавшись, когда он коснется земли.

— И ты здесь, Мусагет? — Удивленно спросила она, обращаясь к высокому загорелому красавчику с томными глазами и безвольным, как у избалованного ребенка, ртом — и как только мужчина, рожденный для битв, может позволить себе выглядеть таким образом, вот чего я никогда не пойму!

— Не угадала, Паллада. Я не Аполлон, я — Арес. — Обиженно возразил тот.

Ну да, это была настоящая комедия, уже успевшая всем поднадоесть: эти два дурня уже давно всерьез состязались за право обладать обликом, в свое время принадлежавшем какому-то знаменитому певцу и женскому любимцу. Насколько мне было известно, в затянувшейся сваре в конце концов победил Аполлон. Он

заявил, что сам является певцом, а посему и спорить не о чем: кесарю кесарево, и все в таком духе.

— Арес? Вот это да! Ты все-таки уговорил Аполлона уступить тебе облик Элвиса? — Весело спросила Афина. — Что ты ему пообещал? Что больше не будешь пытаться петь в его присутствии?

— Я его не уговаривал. — Усмехнулся Арес. — И уж тем более ничего не обещал. Я просто решил, что буду принимать этот облик, когда мне взбредет в голову, а Аполлону придется с этим смириться — поскольку он вряд ли превзойдет меня в драке.

— Заметно, что наше время подходит к концу. Могучие мужи уподобились неразумным младенцам! — Насмешливо вздохнула Афина. — Напрасно вы оба так цепляетесь за этот облик. Попробовали бы что-то более оригинальное! Ты был чудо как хорош, Марс, когда примерял на себя тело той белокурой красотки — как ее звали? — ну да, Мерилин! Что касается Аполлона, он прекрасен в любой упаковке, если ее голосовые связки соответствуют его потребностям... А с чего это ты вдруг решил навестить Зевса, Арей? Насколько я знаю, вы не очень-то ладили в последнее время.

— И не только в последнее время. — Хмыкнул тот. — А кто с ним ладит, скажи мне на милость?! Но на моей амбе произошло нечто чрезвычайное. Меня пытались убить на рассвете. И я подумал, что Зевс должен об этом знать. В конце концов...

— Тебя пытались убить? — Встревоженно переспросила Афина. — Кто это был, Арес?

— Понятия не имею. — Он пожал плечами. — Было темно, я только проснулся и едва успел сообразить, что происходит. Так что я его не разглядывал, я с ним дрался.

Могу сказать одно: до сих пор мне никогда не приходилось иметь дело с таким серьезным противником. Это был кто-то очень странный. Очень могущественный, но даже не в этом дело. Какой-то совсем другой.

— Кто-то чужой, да?

Он молча кивнул.

— А Хранители? — Упавшим голосом спросила Афина. — Они его пропустили?

— Они его не учуяли, никчемные бездельники. — Сердито сказал Арес. — Я хотел было выкинуть их на улицу, всех до единого, но потом решил, что первый проступок заслуживает снисхождения.

— У него, часом, не было при себе такого оружия? — Я показал Аресу маленькое веретено, темное от крови Диониса.

— Все шутишь, Один? — Настороженно хмыкнул он. Аресу все время кажется, что я над ним посмеиваюсь. Вообще-то, это не так уж далеко от истины, но сейчас-то я и не думал шутить!

— Он не шутит. — Вздохнула Афина. Эту прялку мы только что извлекли из глаза мертвого Диониса.

— "Мертвого"? — Изумленно переспросил Арес. — Как это может быть?

— Дионис ночевал на моей амбе. Сегодня утром мы нашли его мертвым. — Лаконично сообщила Афина. — Так что Игг и не думал шутить.

— Плохо дело. — Растерянно сказал Арес. — Мне и в голову не приходило, что кто-то из нас может отправиться к Аиду еще до начала последней битвы!

— Да, ничего хорошего. — Согласилась Афина. — Ладно, давай пойдем к Зевсу.

вполне дружелюбное выражение. Арес даже начал что-то говорить насчет больших запасов нектара в его закромах. Дело явно шло к большой пирушке: все-таки всем Олимпийцам — кроме, разве что, Зевса! — иногда бывает присуще благородное чувство гостеприимства.

— Пожалуй, мы не можем принять твоё великодушное предложение, Арес. — Вежливо отказалась Афина. — Нам предстоит долгий путь.

— Ну да, с небес — под землю. — Понимающе кивнул он. — Пожалуй, я не стану лукавить и предлагать вам себя в качестве спутника. У меня тут такие гости... Да и, сказать по правде, блуждания в царстве Аида мне не по душе.

— Мне тоже. — Мрачно согласилась Афина.

— Не забудьте взять с собой деньги для Харона. — Сочувственно сказал Арес. — Этот скупец скорее позволит вам себя убить, чем сдвинет с места свою лодчонку, пока не получит, что ему причитается. А пересекать Стикс вплавь... Думаю, это даже вам с Одним не под силу!

— Тут ты ошибаешься. — Усмехнулся я. — Впрочем, заплатить все-таки проще.

Когда это я жалел серебро?! Спасибо, что напомнил.

— Тебе известен короткий путь в царство Аида, Игг? — Нерешительно спросила Афина, когда ее крылатый любимец оторвался от земли.

— Известен. — Усмехнулся я. — Мне известен самый короткий путь, Нике. Но тебе он не понравится.

— Что ты имеешь в виду? — Настороженно переспросила она.

— Сама не догадываешься? Для того, чтобы попасть в мир мертвых, нужно просто умереть самому. — Хмыкнул я. — Я уже не раз ходил этим путем — и всякий раз возвращался. Но я не настаиваю на своем предложении.

— Единственный вход в царство Аида, который мне известен, довольно далеко отсюда. — Сухо сказала она. — Думаю, нам придется лететь часов двадцать, если не больше. Но выбирать не приходится...

Когда я проснулся, было уже далеко за полдень. "Какой я все-таки засоня, ужас! — Весело подумал я. — С меня, пожалуй, станется проспять даже эту самую "последнюю битву", ради которой меня сделали таким "большим начальником" — вот смеху будет!" Потом я увидел рядом со своей подушкой толстенный двухтомник "Энциклопедии мифов" с закладкой на букве "У", вспомнил жутковатые события минувшей ночи и тут же обнаружил парочку кошек в районе своего сердца. Они скребли мою многотрадальную мышцу, не покладая лапок.

— С такими страстными индейскими барышнями никакого запаса жизней не хватит! — Мрачно сказал я, обращаясь к потолку.

— Ты звал меня, Владыка? — В моем изголовье колыхнулось облачко серебристого тумана. Через несколько секунд Джинн материализовался настолько, чтобы одарить меня снисходительной улыбкой мудрого дядюшки.

— Да нет, вроде бы не звал. — Честно признался я. — Но все равно хорошо, что ты здесь.

Всю жизнь мечтал попадать прямо из постели в ванную — без всяких там занудных блужданий по коридорам. Это возможно?

— Проще простого! — Оптимистически заявил Джинн. Через секунду я обнаружил свое тело в теплой ароматной воде. Под опекой Джинна жизнь стала

— Рано или поздно ты сама увидишь их в деле. — Я решил, что немного лести не повредит и добавил:

— До встречи с тобой я считал, что им нет равных ни в одном из миров!

— Прекрасные воительницы в моей спальне — это звучит неплохо! — Ухмыльнулся Арес.

— Только не вздумай требовать от них любви, герой! Если ты будешь слишком настойчив, для тебя последняя битва начнется сегодня же. Мои девочки очень не любят докучливых любезников.

— Суровые северные нравы! Можно подумать, нужна мне их любовь... — Арес чуть не лопнул от злости.

— Зато они будут хорошими помощницами, если твой таинственный убийца решит нанести тебе еще один визит. По крайней мере, сможешь спать спокойно.

— Милолюбиво закончил я. — Думаю, нам следует отправиться на твою амбу, Арес. Зевс будет счастлив, если мы отсюда уберемся, я полагаю.

— Ладно. — Хмуро кивнул Арес. — Следуйте за моим Мстителем.

— Все-таки его "Эвэнджер" — очень хороший самолет. — Мечтательно протянула Афина, наблюдая, как мускулистое тело Ареса скрылось в кабине. — Но с моим маленьким Бристолем никто не сравнится! — Счастливым голосом отчаянно влюбленной женщины добавила она.

— Ну давай, вызывай своих прекрасных воительниц, Один. — Ворчливо сказал Арес, когда мы благополучно приземлились на небольшой ровной площадке на вершине облюбованной им столовой горы. Я кивнул и огляделся. Мне требовалось ненадолго уединиться: есть вещи, которые не терпят чужого присутствия.

— Ждите меня здесь. — Сказал я, почти бегом устремляясь к узкой тропинке, которая уводила куда-то вниз — я был совершенно уверен, что найду там хорошее укромное местечко. Я услышал, как Арес спрашивает Афины: "Куда понесло этого одноглазого?" — и ее спокойный ответ: "Туда, где нет нас с тобой." Я вернулся к ним через четверть часа. За это время я успел призвать своих верных помощниц. Я вызвал сразу шестерых валькирий: иногда лучше немного перегнуть палку. Мои прекрасные девы явились мгновенно — кажется, их сила отнюдь не убывала накануне конца! Я счел это добрым предзнаменованием. Их лица показались мне неуместно счастливыми — если учесть печальные обстоятельства нашего нынешнего существования. Я вкратце обрисовал им ситуацию и велел защищать Ареса от любого, кто явится за его головой. Валькирии восторженно закивали. Они были несказанно рады, что я наконец-то снова отдаю им приказы, как в старые добрые времена.

— Познакомьтесь с моими новыми друзьями, милые. — Сказал я им, указывая на хмурого Ареса и напустившую на себя максимально грозный вид Афины. — Не буду лишним раз оглашать вслух их имена: вам и без того ведомы прозвания всех, кто хоть раз брал в руки оружие.

— А твои друзья — воистину величайшие из асов грома сечи, Отец Битв. — Уважительно заметила Скегуль — самая разговорчивая из моих грозных дев.

Остальные пятеро молча кивнули.

— Еще бы! — Авторитетно подтвердил я. — Эти ребята — такое же воплощение самого Духа битвы, как и мы с вами. — Мне показалось, что и Аресу, и Афине было весьма приятно слушать нашу беседу. Во всяком случае, на их лицах появилось

В любом случае, мы за тем и прибыли.

Домочадцы Зевса попытались было сыграть с нами в свою любимую игру: начали бормотать, что мы должны "записаться на прием" и тогда, дескать, Вседержитель рассмотрит нашу просьбу и возможно согласится принять нас "в будущем месяце".

— Отойдите, смертные, и молитесь своего покровителя Зевса, чтобы я не разгневалась. — Небрежно отмахнулась Афина. Этого оказалось достаточно: насмерть перепуганные смерды молча расступились перед нами. Как только живы остались! Афина умеет при случае грозно сверкнуть очами, этого у нее не отнимешь! Мы зашагали по длинному коридору. Нелепые создания, зевсовы Любимцы с испуганным бормотанием разбежались по углам. Многочисленные Хранители почтительно ускользали в тень: они не были способны задержать самую могущественную из детей Зевса, а уж меня — и подавно! Да они и не пытались.

Единственное, что могли сделать Хранители — предупредить своего хозяина о нашем визите. Оно и неплохо: во всяком случае, нам не пришлось силой поднимать его с ложа!

— С какой стати вам пришло в голову, что вам позволено лишать меня покоя, дети?

Неужели соскучились? — Сурово спросил Зевс. Потом увидел меня и поспешно постарался придать своему лицу приветливое выражение. Он выглядел заспанным, но нелепый облик грузного чернобрового старца, который, если верить бедняге Дионису, в свое время принадлежал какому-то русскому конунгу, уже был при нем — спал он в таком виде, что ли? Тело выглядело помятым и неухоженным, словно оно было засаленной домашней рубахой, давным-давно позабывшей, как выглядят руки усердной прачки.

— О, и ты здесь, Один? Приветствую тебя. Начинаю думать, что произошло нечто серьезное, если уж и ты ко мне пожаловал. — Зевс усердно старался быть вежливым.

До сих пор я только однажды был его гостем — в тот самый день, когда окончательно решил покинуть Асгард и присоединиться к Олимпийцам. Мы оба почти понравились друг другу — ровно настолько, что не сговариваясь решили видеться пореже, чтобы не испортить добрые отношения. Полагаю, Зевсу было довольно трудно смириться с присутствием кого-то более могущественного, чем он сам. Думаю, мое появление среди Олимпийцев стало для него довольно неприятным сюрпризом, хотя он прекрасно понимал, что весьма полезно заполучить такого союзника, как я. Мне были понятны его чувства, и до сих пор я не стремился досаждать Зевсу своим обществом: ничего не может быть хуже, чем два конунга на одной земле!

— Дионис мертв, Зевс. — Негромко сказала Афина. — Его убил кто-то чужой.

И еще кто-то чужой пытался убить Ареса.

— У него ничего не вышло, я правильно понял? — Усмехнулся Зевс. — Кстати, дорогая, я уже говорил тебе, что предпочитаю имя Юпитер?

— Дионис мертв. — Настойчиво повторила Афина.

— Ты это уже говорила. — Сухо заметил Зевс. — А чего ты ждешь от меня, девочка?

Слез и прочих спутников скорби? Из меня плохая плакальщица. Если хочешь

узнать, как прошло его путешествие в царство мертвых, навести Аида. Думаю, Один с удовольствием составит тебе компанию. Я нахмурился: с какой это стати Зевс позволяет себе предсказывать мои поступки!?

— Навестить Аида — и это все, что ты можешь мне посоветовать, Зевс? — Горько спросила Афина. — Опомнись! Последняя битва еще не началась, а нас уже убивают.

Ты должен что-то предпринять.

— Давай я сам буду решать, что я должен делать, ладно? — Нахмурился Зевс.

Он на секунду отвернулся, а когда снова обратился к нам свое лицо, это был до сих пор незнакомый мне грозный лик того, кто называл себя Вседержителем — смертельно усталый, но все еще устрашающий. Впрочем, сейчас он не собирался никого устрашать — да и вряд ли у него вышло бы что-то путное из такой затеи!

— Я ничего не могу сделать с этой бедой, Паллада. Во всяком случае, пока не могу. — Неожиданно печально признался Зевс. — Счастливые дни, когда мне было ведомо все, что происходит под небесным сводом, давно миновали... Так что тебе и впредь придется в одиночку биться со своими врагами, Марс. Если ты сможешь взять в плен того, кто будет посягать на твою жизнь, это может спасти всех остальных, так что расстарайся. Но на мою помощь не надейся: я не стану устраивать засаду на неведомых убийц в твоей спальне, даже если это отдалит конец мира на несколько тысячелетий... А ты, Паллада, навести Аида. Если Дионис действительно мертв, Аид сможет устроить ваше свидание, ты же знаешь: ради тебя мой брат готов совершить любое чудо! Пусть Дионис расскажет тебе, как он умирал: возможно, он научит нас осторожности... Я прошу тебя, Один, быть ей хорошим спутником. В Царстве Мертвых ты почти дома, в отличие от всех нас.

— Это правда. — Все еще сердито согласился я. — Ладно, Зевс, я провожу ее к вашему Аиду. Мне и самому любопытно поглядеть, куда попадают те, для кого закрыты двери Вальгаллы.

— Спасибо. — Зевс действительно старался быть вежливым, а ведь для прирожденных властителей вроде нас с ним, это нелегкое испытание! — Когда будете знать больше, чем сейчас, возвращайтесь ко мне, и мы подумаем, что делать дальше. А теперь позвольте мне остаться одному. Я помню, что недостойно пренебрегать законами гостеприимства, но ваши угрюмые лица сокращают число дней, отведенных мне на этой прекрасной земле — а их и без того осталось немного...

— Ладно. — Кивнула Афина. — По крайней мере, ты дал мне не самый худший совет. — Она обернулась ко мне. — Не обижайся на Зевса, Видур. Нам всем тяжело в последнее время, и у каждого свой способ облегчить свое существование.

— Я и не думал обижаться. — Великодушно сказал я. — Пошли отсюда.

И тут Арес, ошеломленно промолчавший все это время, наконец созрел, чтобы произнести речь.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи, Зевс! — Заявил он, гордо сверкнув глазами. — Но желание отсидеться на своей амбе, пока нас убивают поодиночке, покрывает тебя вечным позором!

Зевс сердито нахмурил неопишуемые брови русского конунга — я и не заметил, когда он успел вернуть себе этот облик!

— Идем, Арес. — Шепнула Афина. — Только ссор нам сейчас не хватало!

— Я не... — Договорить ему не удалось. Я понял, что мне следует вмешаться: я чувствовал, что Зевс прилагает колоссальные усилия, чтобы не вспылить, и его можно было понять! Я молча положил руку на плечо Ареса и пошел к выходу.

Разумеется, он последовал за мной без дальнейших возражений — по крайней мере, на это моего могущества пока еще хватало! Я отпустил его плечо только тогда, когда прохладные коридоры зевсовых владений остались позади, и горячие лучи утреннего солнца заставили нас подслеповато прищуриться.

— Чтобы тебя Цербер сожрал, Один! — Возмущенно завопил Арес. — Что ты себе позволяешь?

На мгновение я позволил своим истинным чувствам отразиться на лице. Этого оказалось достаточно: Арес умолк и угрюмо уставился в землю.

— Очень своевременное пожелание — если учесть предстоящее нам путешествие! — Невесело усмехнулась Афина. — Спасибо на добром слове, Арей.

А тебе не кажется, что Хар только что великодушно спас твои уши от хорошей трепки?

Это уже был перебор: безусое лицо Элвиса начало багроветь, поскольку вся горячая кровь, бегущая по жилам скорого на ссору Ареса, в одно мгновение прилила к его буйной голове.

— Не нужно сердиться, дружище. — Мягко — а как еще говорить с этим дурнем?! — сказал я. — Ни на Афины, ни на меня, ни на Зевса. Сейчас действительно плохое время для ссор. Самое что ни на есть неподходящее...

— Ладно. — Угрюмо кивнул он. Его лицо постепенно приобретало нормальный цвет.

Надо отдать ему должное: он остыл удивительно быстро!

— Мне хотелось бы, чтобы ты согласился принять мою помощь. — Я старался выбрать правильный тон, чтобы нам с Афиной не пришлось заново успокаивать этого мальчишку.

— Мне не нужна помощь. — Сердито буркнул Арес. — Неужели ты думаешь, что кто-то может превзойти меня в бою?

— Возможно, ты прав, и в открытом бою тебе действительно нет равных! — Я решил что мне не стоит громогласно заявлять о том, что я мог бы быстро развеять его самоуверенность одной хорошей затрещиной. — Но наш таинственный враг предпочитает нападать на спящих. Ты ведь сам говорил, что на тебя напали, когда ты спал. И Диониса убили, не потрудившись разбудить.

А у ваших Хранителей не хватает силы, чтобы учуять убийцу — кем бы он ни был. Тебя ведь не предупредили, что в доме враг. И Хранители Афины тоже не подняли тревогу. Так что на них рассчитывать не приходится.

— Твоя правда. — Неохотно согласился он. — И что ты предлагаешь?

— Я позову валькирий. В конце концов, в последнее время они грустят оттого, что я пренебрегаю их помощью. Прикажу им оставаться рядом с тобой до тех пор, пока мы не вернемся. А там видно будет.

— Кого это ты собираешься звать? — Ворчливо спросил Арес.

— Прекрасных дев, Арей. Таких прекрасных, что ты глазам своим не поверишь. — Улыбнулся я. — И таких грозных воительниц, что даже наша Паллада осталась бы ими довольна.

— Правда? — Удивленно спросила Афина.

Кроме улыбающегося бородача там имелся еще один субъект — замечательный во всех отношениях! Его порядком потрепанные, но все еще пышные одеяния заставили меня перебрать в памяти эпизоды всех исторических фильмов, которые мне довелось увидеть на своем веку. В конце концов, я весьма нерешительно остановился на версии средневековой Европы. Но эта расплывчатая гипотеза явно нуждалась в дополнительной корректировке: я в очередной раз убедился, что кинематограф отнюдь не является источником достоверной информации. Худое скуластое лицо этого типа поражало воображение: его правильные, но грубоватые черты неподражаемо оттенялись лихорадочным блеском совершенно безумных черных глаз. В нашей компании он был единственным существом, колоритная физиономия которого идеально соответствовала грядущим событиям. Я был так заинтригован, что тут же вежливо осведомился о его имени.

— Мое имя Влад. — Неприятным ломким тенором сообщил он. Немного подумал и добавил:

— Князь Влад Тапиша, что значит — "пронзатель". Впрочем, у меня есть и другие, не менее завидные прозвища. — Он важно умолк, очевидно ожидая наших заинтересованных расспросов.

"С ума сойти, какая важная персона!" — Ехидно подумал я. Но вслух комментировать не стал: даже ты самый великий начальник всех времен и народов, некоторая сдержанность при первом знакомстве не повредит. Я уже собрался подробно расспросить этого вельможного дядю о его "завидных прозвищах", но меня опередил улыбчивый бородач.

— Если вы действительно князь Влад Тапиша, значит одно из ваших прозвищ — Дракула. — Торжественно заявил он. К моему величайшему изумлению, князь Влад важно кивнул.

— Что означает — "дракон". — Гордо пояснил он. Я уже не знал, плакать, или смеяться. Час от часу не легче, только графа Дракулы мне не хватало для полного счастья!

— Известный исторический персонаж, как и господин Мухаммед. И литературный, разумеется. — Тонем университетского профессора, вынужденного объяснять общеизвестные факты желторотым первокурсникам, сообщил бородач, обращаясь ко мне. — А вот никого вроде вас я пока не припоминаю. Так кто же вы, все-таки?

Я основательно призадумался: это был вопрос вопросов! Наконец я пожал плечами.

— Мне до сих пор кажется, что меня зовут Макс. Мой друг Мухаммед упорно именует меня "Али", и я не вижу серьезных причин отказывать ему в этом удовольствии. Мой друг Джинн вообще обходится без имен и называет меня "владыкой", хотя владыка из меня тот еще, конечно... В общем, мое имя не имеет значения, можете называть меня, как вам взбредет в голову. Думаю, что со временем я вообще начну откликаться на любой набор членораздельных звуков. А что касается всего остального... Только не смейтесь ребята: по всему выходит, что я — художественный руководитель и главный дирижер грядущего конца света. А вы — мои "первые скрипки". Нам, знаете ли, предстоит возглавить армию благополучно оживших мертвецов и вступить в последнюю битву с бессмертными богами и прочими так называемыми "светлыми силами". Я вас не очень шокирую?

абсолютно по барабану — какое там войско мы должны возглавить и какую битву выиграть. Жизнь представлялась ему простой и прекрасной: он только что счастливо ускользнул из объятий смерти, где-то там на небе, по его представлениям, все еще орудовал мой приятель Аллах, рядом с ним сидел я — так сказать, "полномочный представитель" этого самого Аллаха, так что все должно было уладиться само собой.

Пророк восхищенно поглощал разнообразные продукты питания, извлеченные из небытия хозяйственным Джинном, доверчиво хлопал миндалевидными глазами и легкомысленно отмахивался от моих попыток растолковать ему, что мы влипли в серьезную передрыгу — а уж все остальное человечество и подавно! В конце концов я понял, что ему лучше вернуться в ванную: по крайней мере, там парень будет счастлив, а толку от него все равно никакого.

— Скажи мне, Али, а в этом раю есть гурии? — Нерешительно поинтересовался Мухаммед перед тем, как снова погрузиться в воду.

— Кто?! — Ошеломленно переспросил я.

— Гурии. — Настойчиво повторил он. — Вообще-то, в раю они должны быть...

— О господи! — Я не знал плакать мне, или смеяться. — Я же сказал тебе, что это — не рай, а просто домик в пустыне. Уютное наваждение со всеми удобствами на одну ночь.

Впрочем, если тебе так уж требуются гурии... Сейчас попробуем.

Я отправился в сад, где обнаружил Джинна, снова склонившегося над игровой доской.

Рядом топтался Синдбад. Через несколько секунд я с суеверным ужасом понял, что Синдбад не просто топчется, а принимает активное участие в игре.

Время от времени он осторожно брал в зубы стаканчик с игральными костями, аккуратно его тряс, переворачивал, разглядывал цифры, а потом прикасался влажным носом к деревянной фигурке, которую по его мнению следовало передвинуть. Ну да, конечно! После того как бедняга Джинн полдня играл в нарды со мной, верблюд вполне мог показаться ему достойным соперником...

— Наш Мухаммед требует гурий. — Сообщил я Джинну. — Поможешь?

— О, это просто. — Джинн на мгновение поднял глаза от доски, что-то пробормотал и снова задумчиво устался на игровое поле. Насколько я мог проанализировать ситуацию, Джинн понемногу проигрывал верблюду...

— Что, уже? — Восхищенно спросил я. — Наш пророк уже нежится в объятиях прекрасных дев?

— Разумеется. — Флегматично кивнул Джинн. — Кстати, я могу оказать тебе такую же услугу, Владыка. Дюжина-другая гурий вполне поместится в твоей спальне.

Я удивленно покачал головой.

— А мне-то они зачем?

— Станный вопрос. — Усмехнулся Джинн. — Ну, скажем так: для того, чтобы не испытывать одиночества.

— По моим наблюдениям, одиночество такого рода приносит прохладу в летнюю ночь и возможность свободно размахивать ногами во сне. — Усмехнулся я. — А я как раз весьма дорожу и тем, и другим. Так что я, пожалуй, откажусь от твоего любезного предложения.

Лучше просто попробую выспаться. Чует мое сердце: пока наш приятель Мухаммед будет сидеть в ванной, мне придется пахать за двоих. А он будет плескаться еще тысячу лет, это как минимум...

— Ты не любишь женщин, Владыка? — Понимающе улыбнулся Джинн. — Так и скажи. Не хочешь гурий — я могу привести к тебе прекрасных юношей.

— Ну да, прекрасных юношей, склонных к мужеложеству, героев знаменитой загадки Сфинкса! Заодно, проверим на практике, насколько соответствовал истине ответ, за который мне пришлось заплатить жизнью! — Фыркнул я. — Расслабься, душа моя. Ничего не надо. Мужчин я люблю еще меньше, чем женщин! Во всяком случае, когда обнаруживаю их под своим одеялом.

— А может быть ты предпочитаешь Джиннов? — Встревоженно спросил он. И тут же расслабился:

— Впрочем, я могу призвать кого-нибудь из своих родичей: среди них встречаются весьма любвеобильные...

— Не надо. — Твердо сказал я. — Не надо ни Джиннов, ни домашних животных, ни птиц, ни насекомых — никого!

— Извини, Владыка. — Виновато сказал Джинн. — Я не знал, что ты уже настолько близок к совершенству...

— Я к нему не просто близок, я оно и есть! — Расхохотался я.

— "Оно"? — Удивленно переспросил Джинн.

— "Оно". — Подтвердил я. — В смысле — совершенство... Знаешь, мне бы хотелось, чтобы этой ночью ты поработал не сутенером, а охранником. Вдруг эта соленая индейская леди решит снова заключить меня в свои объятия.

Сколько бы там жизней не было у меня в запасе, но умирать каждую ночь — так мы не договаривались! А если она доберется до Мухаммеда, будет еще хуже.

Выбраться из одной могилы и сразу угодить в другую — это как-то чересчур! К тому же он еще не успел насладиться всеми нехитрыми радостями бытия...

— Я буду охранять твой дом. — Серьезно кивнул Джинн. — Прошлой ночью я растерялся, поскольку никогда прежде не встречал тварей вроде твоей гостыи.

Но сегодня я буду начеку.

— Вот и славно. — Улыбнулся я. — Тогда спокойной ночи. У меня глаза слипаются.

Кто бы мог подумать: мир, в котором я родился, катился ко всем чертям, а я — будущий "идейный вдохновитель" конца времен! — спал, как младенец. Без прекрасных гурий и прочих излишеств в таком роде, зато и без кошмарных снов — скорее наоборот. Мои сновидения были сладкими и ни к чему не обязывающими. Думаю, у меня даже хватило наглости улыбаться во сне, с меня станется! К счастью, за мной никто не подсматривал, даже Джинн, который озабоченно слонялся по садовым дорожкам — для полного сходства с ночным сторожем ему не хватало только тулупа и двустолки! — так что неуместное выражение моей физиономии осталось маленьким секретом, принадлежащим только мне самому и всеведущему Небу над головой, которому, впрочем, все по фигу...

Утром за завтраком Мухаммед выглядел неважно. Я косился на него с некоторым злорадством, как убежденный трезвенник взирает на ближнего, изнемогающего от зверского похмелья. Впрочем, сегодня пророк внимательно выслушал мой деловой бред, посвященный организации грядущего апокалипсиса.

соответствующее... Я попробовал внести некоторые коррективы в его представления о жизни — боюсь, довольно безуспешно! Он, конечно, не стал открыто заявлять, что я сошел с ума, но на дне его миндалевидных глаз притаились упрямство и недоверие.

Кажется, в эту ночь мой непререкаемый авторитет слегка пошатнулся, несмотря на то, что Мухаммеду, вроде бы, полагалось думать, что моими устами говорит сам Аллах...

Пока мы с Мухаммедом вяло обсуждали проблему равенства полов, сообразительный Джинн успел доставить наших будущих генералов пред мои ясные очи. Я все больше утверждался в мысли, что дирижировать предстоящим ответственным мероприятием следовало бы не нам с Мухаммедом, а ему: Джинн казался мне куда более мудрым, могущественным и расторопным парнем, чем мы оба вместе взятые.

Разумеется, я не отказал себе в удовольствии во все глаза уставиться на единственную даму в нашей компании. Она показалась мне удивительно симпатичной женщиной неопределенного возраста: многочисленные седые пряди в волосах и глубокие морщинки у рта наводили на мысль, что ей уже перевалило за пятьдесят, но темные глаза на ее загорелом лице были совсем юными, а улыбка — ослепительной. Мне сразу стало ясно, почему Мухаммеда так возмутил ее внешний вид: короткое черное пальтоперелина и еще более короткая юбка темного делового костюма открывали моему взору вид на самые безупречные ноги во Вселенной — честное слово, я и вообразить не мог, что обыкновенные нижние конечности могут оказаться настоящим венцом творения!

— Как вас зовут? — Я с изумлением понял, что вот-вот покраснею от смущения. Тоже мне, "великий предводитель темных сил"!

— Доротея. — Она улыбнулась еще шире, что, на мой вкус, не совсем соответствовало мрачным обстоятельствам нашей встречи. — А я могу спросить у вас, кто вы? Этот хмурый бородатый парень что-то пытался мне втолковать, но боюсь, что я поняла его превратно. Кажется, он имел в виду, что вы кто-то вроде бога, а сам он — пророк... Но этого не может быть, верно?

— Да уж, "бог" — это вряд ли... Правда, наш Мухаммед действительно пророк, и это — исторический факт. А вот что касается меня, тут без поллитра не разберешься... Ладно, если уж вы — Дороти, будем считать, что я — Оз, "великий и ужасный"!

Она неудержимо расхохоталась, я с удовольствием присоединился. Еще один из незнакомцев — невысокий коренастый бородач, не то смуглый, не то просто очень загорелый, одетый в самые тривиальные джинсы и уютный вязаный свитер — одобрительно рассмеялся. Судя по всему, он тоже читал "Волшебника страны Оз".

Остальные присутствующие включая Джинна, вежливо молчали, почтительно взирая на сей приступ "священного безумия". Присоединиться к нашему веселью их явно не тянуло.

— По крайней мере, хорошо, что вас зовут не Алисой. — Наконец вздохнул я.

— Надеюсь, теперь мы надежно застрахованы от погони за белым кроликом и бесконечного чаепития в обществе Болванщика... И то хлеб! — Я наконец заставил себя оторвать взгляд от изумительных коленок Доротеи и сосредоточить внимание на ее спутниках.

Так что исчезновение людей не казалось мне такой уж большой трагедией — при условии, что с остальными обитателями планеты все по-прежнему в порядке. Зрелище мертвых стволов засохших деревьев и скукоженных птичьих трупиков вполне могло бы сбить меня с ног — куда скорее, чем панорама опустевшего города...

— Ты плачешь, Владыка? — Почти испуганно спросил Джинн. Я даже рассмеялся от неожиданности.

— Да нет, ерунда какая! Просто глаза устали. Думаю, хватит с меня на сегодня этого развлечения. — Глаза у меня действительно устали уже давно — от яркого света костра, дыма и созерцания смутных картинок на слишком маленьком экранчике — и отчаянно слезились. Джинн вгляделся в мое умиротворенное лицо, удовлетворенно кивнул, и экран телевизора погас. Как раз вовремя: я услышал, как скрипит песок под тяжелыми шагами Мухаммеда.

— Думаю, я нашел тех, кого искал. — Лаконично сообщил он, усаживаясь рядом со мной.

— И где они? — Я огляделся по сторонам, но не увидел ничего кроме бесчисленных желтых огней в темноте — костров нашей "великой армии". Это было так великолепно, что дух захватывало!

— Я пока не стал приводить их сюда. Велел им развести костер неподалеку от нашего и ждать, когда их позовут. — Он пожал плечами. — Я не был уверен, что ты захочешь тратить на них свое время.

— А почему бы и нет? — Усмехнулся я. — Подозреваю, что теперь мое время принадлежит именно им... Во всяком случае, не мне, это точно! Так что позови их. Должен же я познакомиться с нашими ближайшими помощниками...

Сколько их, кстати, этих полезных ребят?

— Трое.

— Всего-то?! — Разочаровано фыркнул я. — Я думал, что нам понадобится не меньше сотни генералов — с такой-то армией! Впрочем, что я мету! Гораздо больше сотни.

— Я тоже так думал. — Невозмутимо согласился Мухаммед. — Но судьба распорядилась иначе. Возможно, позже мы найдем и других помощников...

— Ну ладно, будем смиренно полагать, что судьбе виднее. — Вздохнул я. — А кто они?

— Двое мужчин и одна женщина. — Мухаммед с сомнением посмотрел на меня. — Очень странная женщина. Впрочем, среди людей, которые считают себя твоими воинами, оказалось на удивление много женщин. Большинство из них одето совершенно неподобающим образом, в том числе и эта! Сначала я не хотел брать ее в расчет, но она попадалась на моем пути снова и снова, ноги все время сами приносили меня к ее костру. А когда ветер сорвал с меня чалму, и она покатила по песку, а потом оказалась в руках этой женщины, я понял, что не могу пренебречь указаниями судьбы, хотя мне очень хотелось не обращать на них никакого внимания.

— А почему, собственно?... Ну да, конечно! — На этом месте я благополучно заткнулся, поскольку наконец-то вспомнил, что мой приятель Мухаммед — самый настоящий классический образец средневекового менталитета, да еще и основатель мусульманской религии, так что и отношение к женщинам у него должно быть

Задумчиво погладил бороду, покивал. Мои слова по-прежнему его ни капли не шокировали... а чем, интересно, можно шокировать человека, только вчера восставшего из мертвых?!

— Если Аллах хочет, чтобы я повел людей на последнюю битву, значит так и будет. — Лаконично подытожил он.

— Вот и славно. — Я чувствовал себя начинающим менеджером по рекламе, только что умудрившимся всучить какой-то громоздкий заказ до неприличия богатому клиенту.

— Я так благодарен тебе, за то, что ты сдержал свое слово, Али! — Прочувствованно сказал Мухаммед, отставив в сторону тарелку. — Когда ты обещал, что вызволишь меня из любой беды, даже из объятий смерти, мне очень хотелось верить, но я все же не надеялся, что такое возможно. Прости меня.

Мне не следовало сомневаться в могуществе Аллаха, чьей чудотворной рукой ты являешься от начала времен!

— Скорее уж двумя руками сразу. — Угрюмо буркнул я. — И самое противное, что ни одна из этих рук не может скрутить кукиш!

— Я не понимаю тебя. — Растерянно сказал Мухаммед.

— И не надо. Все равно я мету чушь. — Я заставил себя дружелюбно улыбнуться этому славному дядьке, который так трогательно верил в мою непогрешимость, что мне плакать хотелось! Вообще-то, он начинал мне нравиться, этот наивный бородач — несмотря на то, что его смуглое морщинистое лицо то и дело вызывало в глубине моей памяти смутные образы, которые мне ужасно не хотелось ворошить. Я прилагал чудовищные усилия, чтобы заставить их оставаться смутными, как тревожное сновидение, которое уходит прочь, пока чистишь зубы — если, разумеется, тебе очень нужно, чтобы оно ушло прочь...

— А где войско, которым мне предстоит командовать? — Деловито осведомился пророк. — Тебе придется наступать на могилу каждого мертвеца, чтобы вернуть его к жизни? Это отнимет много времени, даже у такого могущественного чудотворца, как ты... Или они сами восстанут из могил и явятся к нам?

— Боюсь, что именно так они и сделают, и меня не спросят. — Я пожал плечами. — Во всяком случае, у меня такое чувство, будто вот-вот что-то начнется. А в последнее время мои предчувствия то и дело сбываются...

— Хорошая шутка, Али! — Неожиданно развеселился Мухаммед. — "Предчувствия", "в последнее время", это надо же!

Я удивленно уставился на него, а потом понял, почему он ржет. Ну да, разумеется!

Предполагалось, что я говорю голосом самого Аллаха, да еще и являюсь "его рукой" — на минуточку! — а посему будущее известно мне ничуть не хуже, чем настоящее. Как же, размечтались! Впрочем, я не стал его разочаровывать.

Дело наживное, сам разберется, что я за птица. Или не разберется... Честно говоря, я уже давно не знаю, что могу отколоть в следующую секунду, а уж в последнее время — и подавно!

События начали разворачиваться сразу после завтрака, с пугающей меня самого стремительностью. Со мной всегда так бывает: стоит немного расслабиться, понадеяться, что чудеса решили немного отдохнуть от меня, и — хлоп, уже что-нибудь натворил... На этот раз я и сам не заметил, как рассеянно пробормотал что-

то насчет "небольшой прогулки", выскользнул в сад, почти бегом промчался по сочной густой траве, еще влажной от утреннего дождя, организованного на рассвете безотказным Джинном по моей личной просьбе, а потом мои следы, глубокие, как стариковские морщины, один за другим отпечатались на раскаленном бархатном теле пустыни, окружавшей наше убежище. Я довольно долго брел куда глаза глядят — вообще-то, никуда они не глядели, если разобраться...

Я остановился, когда понял, что мне в лицо дует пронзительный холодный ветер, совершенно неуместный под этим знойным небом. Его ледяные порывы делали меня бесконечно счастливым — можно было подумать, что я родился только для того, чтобы однажды встретиться с этим невероятным северным ветром, лицом к лицу, и вот сбылось, наконец-то! "Вообще-то, чтобы извлечь мертвецов из их уютных могилок, требуется труба архангела. — Неожиданно подумал я. — А никакой трубы у меня нет, да и какой из меня трубач? Такой же хреновый, как и архангел!" Словно в ответ на мои idiotские размышления, откуда-то издали донесся удивительно чистый звук — не трубы, а саксофона, такое ни с чем не спутаешь! Странная мелодия, изорванная, мучительная, и в то же время нечеловечески гармоничная звучала — не то в небесах, не то в моем сердце. В какой-то момент мне все-таки удалось увидеть тонкий, слегка ссутулившийся силуэт чернокожего музыканта. Кажется, его ноги не касались земли — впрочем, сказать что-то наверняка было невозможно: нас разделял не один десяток метров и прозрачная завеса, сотканная из невыносимо яркого солнечного света и мириад песчинок, растревоженных ветром. "Хорошо, если это и есть покойный Чарли Паркер — как раз по нему занятие!" — Весело подумал я. Но гипнотические звуки его саксофона быстро разогнали мои глупые мысли, так что больше некому было ломать голову, пытаясь установить личность этого невероятного "архангела".

Потом я закричал, захлебываясь от восторга — понятия не имею, что именно я вопил! Вообще-то, до сих пор я никогда не понимал людей, способных прийти в экстаз на концерте...

Это безобразие продолжалось довольно долго. Когда я наконец опомнился и заткнулся, музыка уже стихла, силуэт саксофониста тоже исчез. На мой нос упало что-то холодное и мокрое, потом еще и еще. Я глазами своим не поверил: это были снежинки. Они лениво кружились в воздухе, медленно опускаясь на остывающий песок. Я понял, что смертельно устал: у меня даже не было сил, чтобы как следует удивиться. Поэтому я просто развернулся и пошел обратно, педантично наступая на собственные следы — это был единственный способ вернуться домой... если, конечно, уговорить себя считать, что симпатичное наваждение, наспех состряпанное Джинном, и есть мой дом. Когда вдалеке замаячили зеленые деревья и красная черепичная крыша нашего пристанища, мои следы окончательно скрылись под снегом, который становился все гуще.

— Что это, Али? — С благоговейным ужасом спросил Мухаммед. Он стоял на границе между садом и пустыней и ошарашенно созерцал снегопад. Надо отдать должное Джинну: на нашей территории погода оставалась теплой и солнечной, снегопад не затронул этот крошечный островок зелени. В отличие от нашего жилища, снег был отнюдь не иллюзией. Самый настоящий снег, холодный и влажный — пожалуй, куда более настоящий, чем вся наша компания вместе взятая...

экран тут же засветился голубоватым сиянием. Потом он снова потемнел, но это была совсем другая темнота — почти непроглядная чернота ночного города, в котором внезапно погасли все осветительные приборы. В тусклом свете ушербной луны я с грехом пополам разглядел очертания небоскребов — вполне достаточно, чтобы понять, что мне показывали именно Нью-Йорк: такое ни с чем не перепутаешь!

— Можно посмотреть подробнее? — Сам не знаю, почему я перешел на шепот. — Увидеть какую-нибудь улицу — ну хоть Бродвей, что ли...

— Можно. — Кивнул Джинн. — Хочешь проверить, нет ли там прохожих? Можешь мне поверить: никаких прохожих больше нет. Нигде, в том числе, и в Нью-Йорке.

— Верю. — Вздыхнул я. — Но лучше уж увидеть это своими глазами, чтобы убедиться раз и навсегда.

Потом я вглядывался в смутные пятна темноты на экране, пока мои глаза не отказались принимать участие в этом idiotском мероприятии. Разумеется, никого я так и не увидел, на улицах Нью-Йорка было темно и пусто. Никаких видимых разрушений я не заметил: с домами все было в порядке, и многочисленные автомобили, запрудившие проезжую часть, хоть и стояли на месте, но производили впечатление совершенно целых. Не было ни пожаров, ни взрывов, ни искалеченных тел — вообще ничего из ряда вон выходящего. Можно было подумать, что все жители Нью-Йорка просто внезапно решили, что ночью надо спать, а не жечь зазря электричество. Впрочем, вскоре я заметил, что какая-то жизнь там все-таки продолжается: на крыше огромного белого лимузина деловито сутилась белка — одна из нахальных нью-йоркских белок, серых, как крысы, но почти таких же очаровательных, как их рыжие европейские родственники, неописуемо дерзких и совершенно уверенных, что мир принадлежит только им — ну, разве что, еще воробьям, которых, впрочем, можно не принимать во внимание ввиду их ничтожных размеров.

— Белка. — Растерянно сказал я Джинну. Немного подумал и еще более растерянно добавил:

— Живая.

— Разумеется, живая. — Согласился Джинн. — Она же зверь, а не человек. А все происходящее касается только людей — по крайней мере, пока.

Мне почему-то стало гораздо легче.

— Как хорошо, что они еще прыгают, эти чертовы белки! — Искренне сказал я. — Слушай, ну их в баню, эти мертвые города! Лучше покажи мне какой-нибудь лес, океан... Вот, придумал. Покажи мне китов! Если есть киты, остальное приложится. В конце концов, считается, что на их спинах держится мир.

— Когда-то он на них действительно держался. — Невозмутимо заметил Джинн.

Через полчаса мое настроение окончательно пришло в норму. Я налюбовался на китов, слонов, пингинов, сов, кенгуру и колибри, наслаждался видами джунглей, саванн и океанских глубин... одним словом, я понял, что ничего на самом деле пока не закончилось — если принять за аксиому утверждение, что люди — это еще далеко не все.

Аксиома принялась как миленькая. Антропоцентризм никогда не был моим пунктиком.

— Какое смешное название! — Одобрительно заметил Джинн.

Мой выбор порядком огорошил меня самого: я никогда не жил там подолгу. С этим городом меня ничего не связывало — или почти ничего. Разве что, несколько досконально обследованных мною кварталов Сохо, огромные стеклянные окна художественных галерей, в которые мне никогда не хотелось заходить — чтобы не разочароваться, увидев вблизи полотна, таинственными смутными пятнами мерцающие в сумерках — и еще нежно любимый мною "Клуб-88" в Гринвич-Виллидж, и безумные выпуклые глаза еще живой, но уже обреченной на смерть от умелой руки повара диковинной рыбы на базаре в Чайна-Тауне — заглянув в них, я содрогнулся от неопишуемого холода, ощутив на собственном затылке ровное дыхание смерти и внезапно понял, что мы с этой выставленной на продажу рыбиной были в одной лодке, так что я не могу позволить себе роскошь ее пожалеть — как, впрочем, и она меня...

Вообще-то мне было вполне хорошо в те дни, когда я шатался по Нью-Йорку, но тогда у меня был такой смешной период жизни: мне везде было вполне хорошо... Одним словом, Нью-Йорк никогда не был моим городом. Впрочем, оно и к лучшему: по крайней мере, мне не грозил жестокий приступ сентиментальной хандры. С другой стороны, Нью-Йорк всегда был самым живым, суетливым, безумным, неуютным — самым человеческим городом планеты, со всеми вытекающими последствиями. Поэтому я решил, что мне будет вполне достаточно убедиться в том, что Нью-Йорк закончился — если нет его, значит вообще ничего больше нет.

Пока я предавался размышлениям, Джинн извлек из небытия какую-то странную штуковину. В первый момент мне показалось, что предмет здорово похож на портативный телевизор, совмещенный с магнитофоном и радиоприемником, этакий дачный вариант, у меня самого когда-то был подобный. Приглядевшись, я понял, что слово "похож" в данном случае не совсем уместно: это и был переносной телевизор фирмы "SHARP", произведенный в почти доисторические времена, чуть ли не в шестидесятые годы — судя по незамысловатому дизайну.

Впрочем, простота дизайна с лихвой окупалась великолепными узорами: допотопный аппарат был тщательно разрисован чьей-то умелой рукой — совсем как пасхальное яйцо, только в другой манере.

Этот изысканный и одновременно грубоватый орнамент скорее был бы уместен на страницах какого-нибудь очередного кодекса исчезнувших Майя, чем на черной пластмассе телевизора, но такое несоответствие только усиливало впечатление. Джинн деловито разматывал аккуратно скрученный провод — можно подумать, что у него под рукой была розетка!

— Только не говори мне, что нам придется подключать этот аппарат через твою задницу! — Нервно рассмеялся я. — И, уж тем более, через мою.

— Можно и через задницу, Владыка, и даже через твою, если пожелаешь. — Невозмутимо усмехнулся Джинн. — Но это не обязательно. Достаточно будет, если я просто возьму конец этой штуковины в руки... Между прочим, мне впервые приходится иметь дело со столь странным устройством. Полагаю, это именно твоё воображение заставило моё Зеркало Мира так преобразиться. Так бывает.

— Да уж... — Я удивленно покачал головой.

Джинн тем временем зажал штепсель в своём призрачном кулаке. Маленький

— Это снег. — Лаконично объяснил я. — Ну да, ты же его никогда раньше не видел... Ничего особенного, обыкновенное природное явление. Хотя в этих местах он обычно не идет, равно как и в тех, где прошла твоя жизнь. В общем, можешь считать, что просто случилось ещё одно чудо.

— Воистину непостижимы деяния Аллаха! — Растерянно вздохнул Мухаммед. Я не стал с ним спорить, поскольку чувствовал непреодолимую потребность улечься на траву и закрыть глаза. Темнота, которая за этим последовала, устраивала меня как нельзя больше...

Я пришел в себя, когда на мой лоб опустилась прохладная рука. От нее слегка пахло гиацинтами и еще чем-то сладким, совершенно незнакомым. Я улыбнулся от удовольствия и открыл глаза. В сером сумеречном свете призрачный силуэт склонившегося надо мной Джинна выглядел особенно эффектно.

— Спасибо, что разбудил. — Прочувствованно сказал я. — Отрубиться в саду, на траве, как пьяный подросток на даче у приятеля — фи! Хорошо хоть этот зеленый кошмар оказался неплохим одеялом... — Я зябко закутался в свой чудовищный, но чертовски уютный плащ, который постепенно начинал казаться мне самым родным существом в мире. — Сколько я тут валяюсь?

— Часа три. Я даже собирался перенести тебя в дом, но к тебе пришли, Владыка, так что придется вставать. — Сообщил Джинн. Его голос показался мне встревоженным — совсем чуть-чуть, и все же это настораживало.

— Кто это ко мне пришел? — Озабоченно осведомился я. — Опять эта соленая маньячка?

Или моя подружка Сфинкс снова возникла из небытия? Вообще-то я за ними еще не соскучился...

— К тебе пришли люди, Владыка. Много людей. — Сочувственно сказал Джинн.

— И мне кажется, что от них слегка пахнет смертью, совсем как от твоего друга Мухаммеда. Они окружили сад, поскольку не могут преодолеть поставленную мною преграду. Эти люди в один голос утверждают, что ты сам их позвал — послал за ними ветер, что-то в таком роде... Я полагаю, что это и есть твоё войско — еще не все, конечно. Они прибывают и прибывают.

— Уже началось? — Обреченно спросил я, растирая виски ледяными кончиками пальцев. — Ох, ну почему все происходит так быстро?! И что я буду делать с этим войском — не представляю!

— Ты не любишь повелевать людьми, да? — Понимающе спросил Джинн. — От души сочувствую тебе, Владыка. Впрочем, мудрецы говорят, что именно из тех, кому противна власть над другими, получают самые лучшие правители.

— Все может быть. — С некоторым сомнением протянул я. Вообще-то, ребята, которым в свое время довелось поработать со мной в качестве подчиненных, вряд ли согласились бы с этими гипотетическими "мудрецами": периодически я с удивлением замечал, что при моем приближении беднякам ужасно хочется оказаться где-нибудь на другом краю Вселенной. Странно, конечно — на мой вкус, я вполне безобидное существо...

Я поднялся на ноги — они были ватными и дрожали — противное ощущение. И вообще я чувствовал себя как на третий день гриппа, когда самое худшее вроде бы уже позади, но вам все еще чертовски паршиво, и — что особенно ужасно — кажется, что теперь так будет всегда!

— А твоего могущества хватит, чтобы привести меня в порядок? — С надеждой спросил я.

К моему изумлению, Джинн печально покачал головой.

— Если бы ты был болен, я бы тебя вылечил. Но ты не болен. Просто потерял слишком много сил, когда призывал к себе свое воинство. А я не хранитель твоей силы, Владыка.

Поэтому...

— Какое свинство! — Вздохнул я. И поспешно добавил:

— Я не тебя имею в виду, дружище.

Очевидно, я сам дурак. И на кой мне вообще сдалось кого-то там к себе призывать...

Ладно, чего зря ныть! Ну хоть чашечка кофе у тебя найдется, надеюсь?

— Разумеется. — С облегчением заулыбался Джинн. — самого наилучшего!

Я уселся на траве, скрестив ноги и с удовольствием попробовал содержимое маленькой фарфоровой чашки, которую Джинн торжественно извлек из ниоткуда отработанным жестом провинциального фокусника.

— А, собственно, на кой я им сдался, этим "пахнувшим смертью"? — Устало спросил я. — Вроде бы, мы с Мухаммедом договорились, что величайшим полководцем всех времен и народов у нас будет он, а я — так, серый кардинал на полставки... Где он, кстати?

Опять в ванной с гуриями — так, что ли?

— О, ты настоящий провидец, Владыка! — В интонациях Джинна присутствовала увесистая порция самого доброкачественного ехидства.

— Возмутительно! — Фыркнул я. — А работать кто будет?

— Может быть, когда придет время выступать в поход, Мухаммед действительно возглавит твое войско, Владыка. — С заметным сомнением сказал Джинн. — Но сейчас он тебе ничем не поможет. Ты вернул этих людей к жизни, ты их призвал, и они должны увидеть тебя, чтобы принять свою судьбу.

— Какой ты мудрый! — Вздохнул я. — Мне даже крыть нечем... Если я скажу, что не собирался возвращать их к жизни и вообще ничего не собирался делать, это ничего не изменит, правда? Все равно все уже почему-то случилось!

— Беседа с тобой, я, кажется, начинаю постигать логику таинственной силы, которая движет всем во Вселенной. — Улыбнулся Джинн. — Если бы эта сила пожелала вступить с нами в беседу, она бы тоже наверняка сказала, что "не собиралась ничего делать", но все, тем не менее, "почему-то случилось".

— Уверен, что так оно и есть! — Усмехнулся я. — Ох, подожди! А как же я буду с ними разговаривать, с этими ребятами? Я знаю-то всего пару языков, да и то неважно...

Может быть, ты сможешь быть переводчиком?

— Это не понадобится, Владыка. И языки, которые ты успел изучить, тебе не понадобятся, так что не старайся воскресить в своей памяти как можно больше чужих слов. — Успокоил меня Джинн. — Собственно говоря, человеческих языков больше нет.

Они иссякли, как солнечный свет.

— Но мы же как-то говорим! — Растерянно возразил я.

— Да, разумеется, мы по-прежнему можем вести беседу. — Кивнул он. —

— Я все сделал, Владыка. — Жизнерадостно сообщил Джинн. Я поморщился, потом обернулся и восхищенно покачал головой: красноватые отблески пламени самым причудливым образом перемешивались с его собственным серебристым свечением.

Эстетический эффект этого феномена не поддавался описанию!

— Как там наш Мухаммед? — Наконец спросил я.

— Он ведет поучительную беседу с одним из многочисленных человеческих существ, о комфорте которых мне только пришлось позаботиться в соответствии с твоим пожеланием... Время от времени они оба изрекают весьма мудрые вещи.

Хочешь послушать?

— Да ну их! Что я, мудрых вещей никогда не слышал? — Фыркнул я. А потом заинтересованно посмотрел на Джинна. — Подожди, ты хочешь сказать, что мог бы предоставить мне возможность услышать их разговор, не вставая с места?

— Разумеется, — кивнул Джинн, — и не только услышать. Я могу сделать так, что ты будешь видеть каждое их движение, и даже выражение лица. Ну что, передумал?

— Да нет, не передумал. — Нетерпеливо отмахнулся я. — А ты можешь показать мне только тех, кто находится поблизости, или все, что угодно?

— Почти все, что угодно. Если быть точным, только те события, которые в настоящий момент происходят под этим небесным ковром. К сожалению, прошлое, будущее, а также вещи, которые происходят в других мирах, скрыты от меня плотной пеленой тумана.

— Черт с ними, с другими мирами! — Легкомысленно заявил я. — Слушай, что же ты раньше молчал? Мне бы очень хотелось увидеть, что творится на этой несчастной планете. Что стало с городами, по улицам которых я любил бродить, и с городами, где я никогда не бывал, и так далее: ностальгическая экскурсия по полной программе...

— Я могу показать тебе твой мир, Владыка. — Кивнул Джинн. — Но я опасаясь, что это зрелище испортит тебе настроение.

— Очень может быть, что испортит. — Кивнул я. — Но это не имеет значения.

Все уже произошло, вне зависимости от того, получу я наглядные доказательства случившегося, или нет... И потом, мне это даже полезно — утратить последние иллюзии. А то мне до сих пор кажется, что в эту игру с последней битвой можно играть вполсилы, и только до тех пор, пока не позовут домой обедать. Так что давай испортим мое драгоценное настроение, чтобы до меня наконец дошло, что никакого "домой" больше не существует, да и "обедать" меня уже никто никогда не позовет... разве что ты, дружок!

— Я понимаю тебя, Владыка. Все люди так устроены: они ничему не верят, пока не увидят собственными глазами. А в тебе все еще довольно много человеческого. Думаю, ты долго скитался по миру в этой личине.

— Не сомневаюсь. — Усмехнулся я. — Уж больно уютно я себя в ней чувствую.

Ужасно не хочется переодеваться.

— Все равно придется. — Сочувственно сказал Джинн. — Но я уверен, что тебе даже понравится снова обрести себя. Впрочем, тебе, наверное, не обязательно спешить — пока... Ладно, выбирай: что ты хотел бы увидеть в первую очередь?

— Нью-Йорк. — Решительно сказал я.

меня.

Думаю, так будет и впредь. Просто пойдешь прогуляйся среди их костров.

Люди, которые нам нужны, сами подадут тебе какой-нибудь знак. — Я сам поражаюсь нахальной уверенности своего тона. До сих пор в моем голосе отродясь не прорезалось таких уверенных ноток, да еще и в столь неопределенной ситуации! Тем не менее, даже удивление не заставило меня усомниться в собственной правоте.

— Какой именно знак мне подадут? — Осведомился Мухаммед.

— Не знаю. Какой-нибудь. — Я пожал плечами. — Самые разные знаки. Кто-то вытянет ногу так, что ты споткнешься о нее в темноте, кто-то поднимется тебе навстречу, сам не зная почему, кто-то нечаянно толкнет тебя — да мало ли у судьбы способов свести тех, кого следует! Сам разберешься.

— А ведь ты только что вернул мне мой собственный совет. — Улыбнулся Мухаммед. — То же самое я сказал тебе, когда ты...

— Когда я пришел к тебе и попросил помочь мне найти подходящих товарищей для охоты на драконов. — Растерянно закончил я. — Я тогда собирался отправиться в МазариШериф... Черт, откуда я это взял?! — Я действительно понятия не имел, из каких плотно запертых сундуков собственной памяти я выудил это замысловатое географическое название, да и все остальное впридачу...

— Так все и было, Али. — Мягко усмехнулся Мухаммед. — Что с тобой? Ты не хочешь вспоминать? Но почему? Ты тогда действительно победил драконов, и вообще это были хорошие времена...

— Да, наверное. — Вдохнул я. — Но я действительно не хочу вспоминать — и не только это.

Я вообще ничего не хочу вспоминать. Недавно Сфинкс разбудила мою память, ей как-то удалось заставить меня вспомнить, кто я на самом деле, и это было ужасно, можешь мне поверить! Просто потому, что от меня ничего не осталось, когда эти воспоминания заставили умолкнуть мой разум... Теперь они снова ушли, и мне очень хочется еще немного пожить без них. Хотя бы еще одну ночь.

— Ты и раньше был таким, Али. — Задумчиво сказал Мухаммед. — Ты всегда говорил неизбежному: "только не сегодня", и тебе нередко удавалось заставить его отступить.

Но неизбежное если и отступает, то ненадолго, ты и сам знаешь.

— Знаю. — Буркнул я. — Тем не менее, "только не сегодня" — это до сих пор моя любимая фраза. Так что не обессудь, дружище: вечер воспоминаний откладывается. Лучше пойдешь прогуляйся среди наших новых приятелей, как и собирался. Может быть, судьба действительно потрудится свести тебя с кем-то стоящим.

— Как скажешь. — Он пожал плечами и зашагал в темноту, а я решительно потряс головой, пытаясь прогнать подальше незапланированное "просветление": чего мне сейчас не хватало, так это вспомнить славные времена наших с Мухаммедом великих походов во славу Аллаха и позволить бредовым фрагментам смутных фантазий превратиться в неопровержимую, до неузнаваемости искаженную реальность! Мне все еще нравилось узнавать себя по утрам в зеркале, быть старым добрым Максом, а не каким-то там "Али", и уж тем более не неким загадочным "Владыкой" — даже после всего, что успело со мной случиться... Тем не менее, это жутковатое словечко тут же прозвучало за моей спиной, как по заказу.

Вернее, тебе кажется, что я говорю на твоём родном языке, в то время, как мои уста вообще сомкнуты. А мне кажется, что я просто читаю в твоём сердце, когда я вижу, как движутся твои губы... Одним словом, между нами что-то происходит, и мы прекрасно понимаем друг друга. И когда ты обращаешься к Мухаммеду, он понимает тебя, хотя вряд ли ты удосужился употребить в беседе хоть одно арабское слово. То же самое будет, если ты захочешь поговорить с людьми, которые тебя ожидают. Я понятно изъясняюсь?

— Честно? Боюсь, что я так ничего и не понял, кроме одного: у меня не будет никаких проблем с языковым барьером. И на том спасибо! Ладно, если так, пойдешь погляжу на свое грозное воинство. Составишь мне компанию? — Весело спросил я, отставляя в сторону чашку и поднимаясь с травы. — А то вдруг они начнут хулиганить, эти мои покойнички... — Я легкомысленно хихикнул. Мое самочувствие как-то незаметно пришло в норму и настроение, соответственно, тоже. Даже мысль о сладострастном бездельнике Мухаммеде, снова засевшем в ванной с дежурной бригадой гурий, теперь вызывала у меня не раздражение, а только снисходительную улыбку, как и положено. Я решительно зашагал туда, где сад граничил с пустыней. Джинн не отставал от меня ни на шаг. Его присутствие меня здорово успокаивало. Вообще-то, я не любитель толкать речь перед большой аудиторией, а уж аудитория у меня на сей раз намечалась самая что ни на есть грандиозная...

Впрочем, мне не пришлось "толкать речь". Когда я увидел неподвижное человеческое море, окружившее мою резиденцию, я неожиданно успокоился.

Остановился на самом краю сада, огляделся. Снег уже прекратился, но еще не растаял. Там, за невидимой оградой, было чертовски холодно, какие уж раскаленные пески! Я пытался взглянуть в непроницаемые, невыразительные лица людей, стоявших поблизости. Из сгущающихся сумерек на меня смотрели жутковатые, абсолютно пустые глаза, какие бывают только у новорожденных и умирающих. Потом толпа тихо вздохнула — дружно, словно по команде. Вздох был полон неопишуемого облегчения. Кажется, им ничего больше и не требовалось — только увидеть меня, убедиться, что их одинокие блуждания в темноте окончены, пути назад нет и быть не может, потому что все, чему суждено было случиться, наконец-то случилось — или, по крайней мере, начало случаться... Теперь лица, которые я мог видеть, внезапно ожили. Через несколько секунд я уже любовался на целую гамму разнообразных выражений: были здесь лица счастливые и смертельно испуганные, сердитые и недоумевающие, восхищенные и озадаченные, одним словом — вполне живые. Они начали рассматривать друг друга, переговариваться, кажется кто-то знакомился со своими случайными соседями. В пустыне стало совсем светло — странно, ведь только что были сумерки, и я отлично помнил, как мутным пятном белела в синеватой темноте фарфоровая чашка с кофе, а теперь сумерки закончились, хотя никакого солнца на небе по-прежнему не было. Мое сердце сжалось от какого-то тревожного чувства, а через секунду я понял, что нам нельзя здесь больше оставаться.

Обещанные Аллахом мертвецы нашли меня, мое войско было в сборе, кто-то всемогущий с любопытством открыл книгу судеб на последней странице, и теперь промедление было подобно смерти. Я обернулся к Джинну.

— Скажи Мухаммеду, пусть поцелует на прощание своих гурий и вылезает из

ванной.

Райский период его жизни закончился, полагаю, что навсегда... И приведи Синдбада.

Пора ехать.

— Удачи тебе, Владыка. — Серьезно сказал Джинн.

— Спасибо, — улыбнулся я, — она мне пригодится.

Через несколько минут Мухаммед уже стоял рядом со мной и с любопытством рассматривал наших волонтеров.

— Я никогда не видел столько людей вместе. — Наконец сказал он. — У нас самое большое войско, какое только можно вообразить!

— Это только начало. — Вдохнул я. — Думаю, с каждым днем они будут прибывать...

Ничего удивительного: в конце концов, предполагается, что в нашей армии будет таянуть лямку чуть ли не все человечество! Знаешь, в какой цифре выражалась численность населения земного шара перед началом этой заварушки?

Мухаммед озадаченно покачал головой. Разумеется, он не знал. Да и я, честно говоря, не очень-то помнил, сколько миллиардов неприкаянных душ шаталось под этим восхитительным небом. Единственное, что я мог сказать наверняка — этих самых миллиардов было до фи́га и больше...

Влажный нос Синдбада деликатно пощекотал мой затылок. Мне пришлось в голову, что Мухаммеду тоже понадобится какое-нибудь транспортное средство, но Джинн и без меня сообразил, что такому большому начальнику не следует передвигаться на своих двоих. Рядом с Мухаммедом уже топтался большой белоснежный дромадер — точная копия моего Синдбада.

— Они близнецы? — Улыбнулся я.

— Не совсем. — Усмехнулся Джинн. — Этот верблюд — девочка. Леди-верблюд, если тебе так больше нравится. Я подумал, что возможно Синдбад любит одиночество не так страстно, как ты, Владыка.

— У тебя хобби устраивать всем личную жизнь, да? — Фыркнул я. — Какая прелесть!

Мухаммед непременно должен дать ей имя своей любимой гурии... А если Синдбад решит, что она — не девушка его мечты? Или еще хуже: он ей не понравится? Два разбитых верблюжьих сердечка — что может быть печальнее?! Я сейчас заплачу!

Джинн снисходительно пожал призрачными плечами — дескать, смейся, парень, но из нас двоих кое-кто знает, как лучше, и это, увы, не ты! Довольный Синдбад одарил меня не менее снисходительным взглядом сверху вниз и неторопливо опустил на землю, чтобы я мог устроиться на его спине.

— Мы отправляемся в путь. — Сказал я, обращаясь к окружавшим меня незнакомцам. — Следуйте за мной, ребята.

Я говорил совсем тихо, но почувствовал, что меня услышали все мои новобранцы до единого, а не только те, кто стоял рядом. Толпа расступилась, пропуская меня. Я ехал, не оглядываясь. Да и на кой мне было оглядываться, я и так знал, как обстоят дела за моей спиной. Верблюдица Мухаммеда дышала мне в затылок, Джинн тоже был где-то рядом, наше уютное пристанище уже наверняка благополучно кануло в небытие, а мое войско, разумеется, следовало за мной,

оставляя бесчисленные следы на сверкающей плоскости заснеженной пустыни — что им еще оставалось?! Впрочем, это все равно не имело значения: мне наконец-то удалось окунуться в теплые воды абсолютного пофигизма — состояние души для бедняги Макса совершенно недостижимое. Я просто ехал куда-то в темноту, снова залившую все обозримое пространство, ничем не отличающуюся от беспокойной мельтешающей темноты под моими прикрытыми веками, и мне было абсолютно все равно: совершать это путешествие в одиночестве, или в сомнительной компании нескольких тысяч, миллионов, или даже миллиардов мертвецов — тех, кого называл "мертвецами" мой таинственный работодатель по имени Аллах... По крайней мере, от ребят не пахло тленом, за что я был глубоко благодарен этой душе, своей судьбе. Чем меня действительно легко докона́ть — так это дрянными запахами...

Через несколько часов я понял, что можно сделать привал. Тревожное чувство, настойчиво гнавшее меня прочь, постепенно угасло. Пришло время отдышаться, перекусить, почистить перышки, заодно отправить любимца гурий Мухаммеда знакомиться с нашим войском и наводить в его рядах какое-то подобие порядка, чем раньше — тем лучше! Во мне внезапно проснулось здоровое чувство коллективизма: я решил, что мне не стоит уединяться в каком-нибудь очередном коттедже. Я вполне мог обойтись демократичными посиделками у походного костра, тем более, что ночь была прохладной, но не слишком холодной, а под ногами Синдбада уже поскрипывал не снег, а обыкновенный песок.

К тому моменту, как мои ноги коснулись земли, неподалеку по воле расторопного Джинна уже пылал огонь, разрушительные действия которого строго ограничивались аккуратным кругом, тщательно выложенным из крупных камней. Наверное, в одном из своих воплощений этот парень был скаутом.

Кроме того, он явно читал мои мысли.

Впрочем, у меня не находилось никаких возражений на сей счет: было бы что скрывать!

— Позаботься и об остальных, ладно? — Нерешительно попросил я. — Наверное, им тоже нужно погреться у огня и что-нибудь съесть... Или их слишком много? Ты справишься?

— Их действительно немало, поэтому мне потребуется много времени.

Полчаса, не меньше. Но это пустяки. — Великодушно отозвался Джинн, растворяясь в темноте за моей спиной.

Мухаммед тоже спешил, уселся на холодный песок и задумчиво уставился на огонь.

Он молчал минут десять, потом решительно поднялся на ноги.

— Пойду прогуляюсь, посмотрю на наших воинов. Нам понадобится выбрать самых достойных, чтобы они стали нашими помощниками. — Деловито сообщил он.

Потом удрученно прибавил:

— Боюсь, это будет нелегко. Их слишком много, а у нас волею Аллаха совсем нет времени.

— Что будет нелегко — найти "самых достойных"? — Вяло откликнулся я. — Думаю, это как раз будет проще простого.

— Как это? — Опешил Мухаммед.

— А так. Пока что все происходило как бы само собой — во всяком случае, для

дороги и карабкался по каким-то невероятным нагромождениям камней: земля сама говорила мне, куда следует ступать, чтобы доставить ей удовольствие... Наконец мои ноги приняли решение остановиться. Я не стал с ними спорить и уселся на большой круглый камень, согретый послеполюденным солнцем. Отвязал от пояса мешочек с рунами. Сейчас мне позарез требовался их совет — как никогда прежде!

Поэтому я решил достать не одну руну, а три. Впервые за свою долгую жизнь я отступал от собственного правила. "Много рун — для слабых духом, для нуждающихся в надежде и утешении, а для Одина — всегда только одна", — гордо говорил я когда-то. Но сейчас мнегодились бы и надежда, и даже столь презируемое мною утешение. А больше всего мне был нужен дельный совет.

Незнакомцы, вышедшие на охоту за Олимпийцами, тревожили меня все больше.

На свой счет я был совершенно спокоен: пророчество старой карги Вельвы насчет моей — теперь уже совсем близкой! — смерти от клыков Фенрира было хорошо хотя бы тем, что позволяло мне высокомерно пренебрегать прочими опасностями, как и подобает отцу всех воинов. Но мне очень не нравилось, что мои новые приятели Олимпийцы оказались такими уязвимыми. Было бы досадно столь быстро потерять моих новых союзников — заносчивых не по чину, несговорчивых и не слишком могущественных, но изобретательных, веселых и по-юношески бесстрашных. Да и не только в этом дело: они мне нравились, чем дальше — тем больше, а я привык считать, что жизнь того, чье существование доставляет мне удовольствие, священна. И самое главное: мое равнодушное древнее сердце начинало ныть, словно заячье сердечко несмышленого мальчишки, когда я думал, что завтра утром могу обнаружить смертоносные веретена — или зеленые перья пришедшего к Марсу существа? — в мертвых серых глазах Афины.

Я быстро достал три теплые косточки, положил перед собой на песок и медленно перевернул — сначала ту, что лежала справа, потом — центральную и напоследок ту, что была слева.

Первым открылся все тот же Хагал, грозный знак небесного града — именно эту руну я вытащил из мешочка за несколько минут до того, как Афина пришла, чтобы сообщить мне о смерти бедняги Диониса. Хагал по-прежнему сулил нам "очищающее разрушение" и "перемену участи". Два дня назад это обещание почти восхитило меня, но сегодня я не испытывал прежней радости: я уже знал, какого рода эти самые перемены, и пока они мне не слишком нравились.

Мои надежды с самого начала были связаны со второй руной: по законам гадания именно она должна была подсказать мне выход из положения.

— Гебо! — Увидев две перекрещенные линии, я скорее удивился, чем обрадовался, хотя Гебо всегда была очень хорошим знаком. Руна, символизирующая Священный Союз.

Помощь придет со стороны — вот что означала руна Гебо, и мне оставалось только недоумевать: вроде бы, ждать помощи уже давно было неоткуда, а сейчас — и подавно! "Обычно этот знак появляется, когда близко облегчение от беспокойства, время мира и согласия. — Изумленно вспомнил я. — Но какое уж тут "время мира и согласия"! Может быть, руны тоже могут утратить разум?

Ладно, теперь посмотрим, чем все закончится..." Третья косточка, которая должна была сообщить мне, чем закончится тревожащая меня история, была чистой.

Я их не шокировал. Даже не рассмешил. Мои новоиспеченные "генералы" молча смотрели на меня тремя парами изумленных глаз. Самое потрясающее, что в их напряженных взглядах напрочь отсутствовало недоверие. У меня было такое ощущение, что эти ребята лучше меня понимают, что происходит. Мухаммед тоже внимательно прислушивался к моему выступлению: очевидно, он пропустил мимо ушей мои давешние объяснения. Оно и понятно: в тот момент его голова была занята куда более простыми и приятными размышлениями... Джинн тем временем протянул мне чашку с отличным кофе — как раз вовремя! Потом он извлек из небытия какие-то напитки для остальных. Не сомневаюсь, что каждый получил именно то, чего ему хотелось.

— Не считите за хамство, но меня все время подмывает спросить: а не была ли ваша мать "блудницей, принимаемой за девственницу", или "монахиней, нарушившей обет"? — Неожиданно рассмеялся бородач. — И входит ли в ваши ближайшие планы победа над египетским, ливийским и эфиопским царями? Или хотя бы усердные занятия "ложным чудотворством", для начала? — Он уже ржал как сумасшедший, это могло бы сойти за истерику, если бы в его смехе не было столько здоровой жизнерадостности.

— Ложным чудотворством — это можно. — Миролубиво сказал я. — А вот что касается моей матушки — боюсь, что ваша версия никуда не годится. Насколько мне известно, в ее жизни было несколько меньше романтики. Она, знаете ли, просто вышла замуж за моего отца, всего-то!

— В таком случае, одно из двух: или вы — не Антихрист, или же пророки древности были полными мудаками! — Весело резюмировал он. — Подозреваю, что второе предположение ближе к истине... Извините, я еще не представился.

Меня зовут Анатолий. Еще вчера я был совершенно уверен, что являюсь неплохим программистом...

Впрочем, в настоящий момент я уже вообще ни в чем не уверен, и мне это даже нравится!

— Да, не самое худшее состояние души. — Согласился я.

— Я правильно понял, что мы выступаем в поход против христиан и их бога?

— С неожиданным интересом спросил князь Влад.

— Даже не знаю, что вам сказать! — Растерянно признался я. — Об этом мне ничего не говорили, а я как-то не поинтересовался. Но вполне может оказаться, что среди наших противников окажутся и они. — Я подумал, что у этого парня наверняка будут серьезные проблемы. Дракула он там, или нет, а в его время люди отличались глубокой религиозностью: спасение души, и все такое...

— Если в числе наших противников будут христиане, я сочту это величайшей удачей! — Неожиданно заявил князь. — У меня свои счеты с этими неблагодарными собаками! Всю жизнь я не щадя сил истреблял язычников. Счет убитых мною врагов христианской церкви ведется на тысячи! И что я получил взамен? Сначала меня бросили в темницу, а потом и вовсе лишили жизни.

Собаки!

— Вас лишили жизни? — Растерянно спросила Доротей. — Как это может быть? Вы же сидите здесь!

— Вы тоже сидите здесь. — Вздохнул я. — И пророк Мухаммед, если уж на то пошло, тоже сидит здесь. Почему князь должен быть печальным исключением из

этого правила?

Так что, мы все уже умерли? — С ужасом спросила она. И горячо замотала головой. — Не может быть! Я не помню, чтобы со мной случилось что-то плохое. Неужели можно умереть и не заметить, что ты умер?

— Выходит, что можно. — Задумчиво сказал ей Анатоль. — Мне тоже кажется, что я не умирал. Помню, что ехал на работу, накануне у меня дома была вечеринка, которая затянулась чуть ли не до рассвета, так что я задремал на заднем сидении. Очень хорошо помню, мне снился какой-то джазовый концерт... ну, может быть не джазовый, но там играл саксофон, это точно! Потом я вроде бы проснулся, открыл глаза — ни машины, ни водителя, вообще ничего. Сначала я подумал, что все еще сплю. Вообще-то, так часто бывает: кажется, что ты уже проснулся, а на самом деле просто начался другой сон... Но на этот раз я почему-то был уверен, что все происходит на самом деле — даже когда обнаружил, что топчусь на снегу, вокруг темно, холодно и полным-полно незнакомых людей. А где-то вдалеке стоял этот господин в зеленом плаще, — он отвесил мне довольно ехидный полупоклон, — и я вдруг обнаружил, что его присутствие делает меня совершенно счастливым. Я вдруг понял, что именно теперь в моей жизни все наконец-то правильно — только потому, что в доброй сотне метров от меня стоит какой-то незнакомый парень. Честно говоря, как бы я не хорохорился, я до сих пор испытываю то же самое иррациональное чувство. — Он повернулся ко мне и комично развел руками:

— Я, знаете ли, чертовски хорошо чувствую себя в вашем присутствии — словно наглотался каких-то стимуляторов нового поколения, вы уж простите меня великодушно за такое сравнение!

— Сравнение как сравнение. — Вдохнул я. — Продолжайте, дружище. Учтите, что мне действительно интересно. Вам наверное будет трудно поверить, но я совсем недавно на этой работе.

— На какой работе? — Спросил Анатоль и тут же понимающе хмыкнул и кивнул:

— Ну да, до меня уже дошло... А знаете, что меня больше всего удивляет? — Я помотал головой, и он торжественно заявил:

— Моя собственная невозмутимость... вот именно — невозмутимость, и еще — доверчивость! Сами посудите: мы все пошли за вами невесть куда, не задавая никаких вопросов, потом внезапно остановились — и опять никаких вопросов! — откуда-то появились костры, еда и теплая одежда, что, впрочем, никого не удивило, в том числе и меня... И вот я брожу в темноте от костра к костру, пытаюсь разыскать кого-нибудь из знакомых — а вдруг повезет! — натыкаюсь на этого экзотического господина в чалме, который без излишнего смущения заявил, что его зовут Мухаммед, и он — пророк Аллаха. И я, взрослый, психически нормальный, цивилизованный человек, не бегу к ближайшему костру, чтобы узнать, нет ли поблизости доктора, а спокойно киваю и спрашиваю у пророка, чем я могу ему помочь...

Понимаете, что я имею в виду? — Я кивнул, и он продолжил:

— Потом я прихожу сюда и слышу, как один из моих новых знакомых заявляет, что он — знаменитый князь Влад Тапиша, то есть тот самый — между прочим, много веков назад почивший! — граф Дракула из трансильванских легенд, герой романов Стокера и иже с ним. И я почему-то тут же заключаю, что так оно и есть,

чисел — до сих пор они могли понадобиться разве что, для того, чтобы считать песчинки на морском берегу, но мне никогда не приходило в голову считать песчинки... Но вам вряд ли следует поспешно готовиться к сражению.

Они идут в другую сторону.

— Как это — в другую?! — Изумилась Афина. — И куда же?

— Мы видели их к северу отсюда, довольно далеко. И они идут прямо на север, не сворачивая.

— На север, к морю, а потом дальше, к месту Последней Битвы, куда же еще!

— Кивнул я. — Этот парень не станет тратить время, чтобы сражаться с нами здесь — это ему и даром не нужно! Зачем, если нам все равно суждено встретиться на поле Оскопнир, и ни один из нас не в силах отменить это свидание...

— Выходит, что мы напрасно ждали его здесь все это время? — Афина выглядела обиженной, словно ее не пригласили на праздник. — Надувались от гордости, считали себя форпостом, а оказались в глубоком тылу... И что теперь? Мы так и будем сидеть на амбах, теряя рассудок — каждый на свой манер! — и ждать, пока загадочный пернатый змей и его приятели перебьют нас поодиночке?

— Мы не будем сидеть на месте. — Твердо сказал я. — Все что угодно, только не это! У нас же есть ваши стремительные летательные машины, оружие, придуманное хитроумными людьми, и остатки нашего собственного былого могущества — не так уж мало, правда? Все это теперь пригодится... Возможно, мы не в силах изменить предначертанное, но ничто не помешает нам хорошенько потрепать эту армию и нервы ее предводителя, заодно. Мне не терпится проверить, так ли они равнодушны к смерти, как говорила Скегуль! И кто знает, может быть наш враг куда более уязвим, чем мне кажется? — Мои речи восхитили меня самого: на какое-то мгновение мне удалось поверить, что у нас все-таки есть шанс победить в последней битве — даже прежде, чем она успеет начаться...

— Мне очень нравятся твои слова, Один! — Прочувствованно сказал Марс. — Мы ему покажем, этому твоему Сурту! Можешь не сомневаться: Аид и протрезветь не успеет, а в его царстве снова будет полным-полно народу!

— Не думаю, что они туда вернуться, даже если снова умрут. — Равнодушно возразил я.

— Впрочем, это — не наша забота...

— Мне тоже нравится твоё предложение, Вотан. — Улыбнулась Афина. — Не так уж нас мало, если соберемся вместе! И мы все еще многое можем. Только надо поторопиться, пока этот пернатый змей и его подружка с веретенами не перебили нас по одному... А у тебя нет никаких соображений на их счет? Как нам быть с этой напастью? В твоём пророчестве насчет "сумерек богов" ничего не говорилось о неведомых тварях, которые приходят из темноты за жизнями бессмертных?

— Ничего. — Хмуро сказал я. — Я ведь уже не раз говорил тебе, что понятия не имею, кто они такие и откуда взялись на нашу голову! Я бы дорого заплатил, чтобы это узнать. — Я решительно поднялся и пошел к выходу из просторной пещеры.

— Куда ты, Один? — Удивился Марс.

— Я скоро вернусь. — Пообещал я. — Мне нужно немного побыть одному.

Должен быть какой-то выход. А если нет, я его придумаю.

Некоторое время я неторопливо брел куда глаза глядят, спускаясь с вершины столовой горы по узкой тропинке. Иногда, впрочем, я сворачивал с проторенной

— Нас стало еще меньше. Вот и Афродиты больше нет. — Печально заключила Афина. — Хорошо, что хоть тебе удалось отбиться от этого змея, Арей! Без тебя было бы совсем грустно.

— Спасибо. — Невесело усмехнулся он. — Без тебя тоже, Паллада!

— Не накаркайте беду! — Хмуро сказал я. — И кстати о беде: кто-нибудь знает, где сейчас бродит наш противник и чем он занимается?

— Ты имеешь в виду Лодура? О нем пока нет никаких вестей. — Отозвалась Скегуль. — Но его время еще не пришло, ты же знаешь... — Робко добавила она.

— Хель с ним! Меня сейчас интересует не Локи, а Сурт. — Валькирии устали на меня с ужасом и недоумением. Я печально кивнул:

— Он уже здесь. Я видел его.

Впрочем, его трудно назвать великаном. Он выглядит как самый обыкновенный человек, даже на конунга не смахивает, но ничем человеческим там и не пахнет...

Уверен, что он действительно вполне способен сжечь мир — просто из любопытства, или для того, чтобы наконец сложить хоть одну путную вису, любуясь на сполохи пожара.

— Виса — это песня? А знаешь, что-то в таком роде уже случилось! — Неожиданно хохотнул Арес. — У людей есть легенда, что один из владык Рима по имени Нерон приказал сжечь город, поскольку ему позарез требовалось поэтическое вдохновение...

Может быть, это он воскрес из мертвых?

— Не думаю... Впрочем, все может быть! — Равнодушно отозвался я. — Какая разница!

Главное, что он уже наверняка воссоединился со своей армией — а куда еще могли податься мертвецы, покинувшие Аида, если не к нему под крылышко!...

Хотелось бы мне знать, когда нам следует ждать их в гости?

— Ты говоришь, у него есть армия? — Напряженно спросила Гудр. Она была самой молчаливой из моих неразговорчивых воительниц, я даже не был уверен в том, что мне доводилось слышать ее голос прежде, поэтому я изрядно удивился.

— Он носит зеленые одежды? — Настойчиво уточнила она. Я кивнул, валькирии встревоженно переглянулись.

— Объясните, в чем дело. — Потребовал я.

— Мы его видели, когда отправились в погоню за этим пернатым змеем. — Неохотно сказала она. — Змея мы так и не догнали, зато видели мужа, которого ты именуешь Суртом, и огромное человеческое стадо, покорно бредущее за ним... Пусть Скегуль рассказывает: она разглядела их лучше, чем я. Мне было неприятно смотреть на эту шваль. Впрочем, среди них есть разные люди, в том числе и настоящие воины, но их слишком мало!

— Все равно они — не шваль. — Задумчиво возразила Скегуль. Может быть, раньше они были обыкновенным человеческим мусором, но теперь все изменилось. Они знают, что мертвы, и ничего не боятся. К тому же их странный предводитель имеет над ними страшную власть. Пока он равнодушен ко всему, и его люди — тоже, но если он захочет, они преисполнятся настоящей ярости и станут подобны лучшим из твоих воинов, Отец битв.

— Сколько человек в его войске? — Деловито осведомился Марс.

— Их невообразимо много. Точнее сказать не могу: я не знаю таких больших

безоговорочно верю его, на мой взгляд, совершенно бредовому заявлению...

— А что, разве обо мне рассказывают легенды? — С интересом спросил князь.

— Еще бы! — Улыбнулся Анатолий. — Если вам интересно, я могу пересказать их содержание — немного позже, когда мы окончательно откажемся от попыток разобраться в происходящем...

— Мне не очень-то интересно, что обо мне напели эти смердящие людишки. — Надменно заявил князь Влад. — Тем не менее, ваше предложение столь любезно, что я его принимаю.

— Вот и славно. — Улыбнулся Анатолий. И снова повернулся ко мне. — Вот так-то! Мало того, что я без тени сомнения верю, что только что познакомился с самим Дракулой, я еще и в совершенном восторге от возможности пересказать ему содержание всех известных мне романов о вампирах... А ведь это идеальный постмодернистский сюжет: граф Дракула внимает краткому изложению романа Стокера, да еще и в моем исполнении, какой соблазн! А что касается вас, Макс — ничего, если я буду называть вас именно этим именем? — на ваш счет у меня вообще нет никаких сомнений! Я, знаете ли, абсолютно уверен в вашем бесконечном могуществе. И меня восхищает возможность находиться рядом с вами, да еще и вести эту беседу. Имейте в виду: я заранее готов поверить каждому вашему слову!

Знаете, вообще-то на меня это не очень похоже.

Обычно я даже историям о любовных похождениях моих приятелей верю со скрипом — и непременно разделив все числа хотя бы на два!

Я одобрительно хихикнул, Доротея тоже улыбнулась. Мухаммед и князь Влад не оценили шутку, как я и ожидал. Они оба смотрели на огонь, не слишком обращая внимания на нашу болтовню. При этом выражение лица у Мухаммеда было самое что ни на есть мечтательное, а у Влада — донельзя мрачное. Зато неожиданно развеселился Джинн — от его неудержимого смеха ночной воздух замерцал разноцветными сполохами.

Я тут же подумал, что наконец-то раскрыл тайну северного сияния: наверняка джинны очень любят на досуге собираться в полярных широтах, травить анекдоты и ржать до потери пульса!

— Так что, выходит, что мы все-таки умерли? — Снова спросила Доротея. — В отличие от вас, Анатолий, я не могу восстановить в памяти события последних часов... я имею в виду — последних часов нормальной жизни. Но мои ощущения говорят мне, что я жива...

Если честно, так хорошо я себя уже давно не чувствовала! Поясница больше не ноет, ноги не болят — а ведь я только что несколько часов кряду шла по пустыне, да еще и в новых туфлях... Вы очень правильно все сказали, — она повернулась к Анатолию, — я тоже почему-то верю, что этот господин и есть пророк Мухаммед, а этот — самый настоящий граф Дракула. Эта информация просто не подлежит сомнению — как утверждение, что у каждого из нас по две руки. И потом, мне просто абсолютно безразлично: правда это, или нет. И я очень хорошо осознаю, что это на меня совсем не похоже. Зато очень похоже на то, как бывает во сне. Но я уже столько раз себя щипала...

— Вообще-то щипок — довольно дрянная техника. — Оживился Анатолий. — На своем веку я успел познакомиться с целой кучей разнообразных практик, так что я

знаю не один действенный способ проснуться по собственному желанию.

Можете мне поверить, в этот вечер я их уже неоднократно испробовал. Ни фи́га не помогает! Так что я уж успел смириться с мыслью, что это не сон, чего и вам советую.

Доротея удрученно покивала, соглашаясь. Потом внезапно улыбнулась и уставилась на меня.

— Буду считать, что я все-таки жива. — Решительно сказала она. — Все это не слишком-то похоже на загробную жизнь. Во-первых, у меня чешется нос...

Что вы смеетесь? У мертвых не чешутся носы, разве не так? И потом, в моей чашке самый настоящий "эспрессо", в точности такой, как я сама готовлю каждое утро, а не какая-нибудь "манна небесная"!

— Хорошее решение! — Жизнерадостно подтвердил Анато́ль. — В конце концов, жизнь — это осознание, а в настоящий момент я осознаю происходящее так же ясно, как всегда...

Пожалуй, даже более ясно.

— В отличие от вас, господа, я отлично помню свою смерть. — Неожиданно сказал угрюмый князь Влад. — Она была мучительной, унижительной и преждевременной, и мне до сих пор хочется отомстить моим палачам. Но сейчас я, как и вы, чувствую себя совершенно живым. И это место не похоже ни на рай, ни на ад, ни даже на чистилище...

— Он восхищенно посмотрел на меня. — Я знаю, что ты вернул меня к жизни.

Я помню, как меня разбудила труба архангела, а потом твой голос сказал мне:

"вставай, Влад, и иди ко мне, Страшного Суда не будет". Не знаю, кто ты, но ты подарил мне еще одну жизнь, и я готов заплатить тебе ту цену, которую ты назовешь.

— Боюсь, что в один прекрасный день я действительно буду вынужден назвать эту самую цену. Впрочем, может быть, и обойдется, поживем — увидим... Да, кстати о трубе архангела! — Я заговорщически посмотрел на Анато́ля. — Думаю, вам это будет особенно интересно. Говорите, когда вы уснули в машине, вам снилось, что играет саксофон? Ну так вот: я почти уверен, что труба архангела оказалась саксофоном Чарли Паркера. Я его даже видел — правда, издалека. Не смог толком разглядеть...

— Я вам снова верю. — Усмехнулся он. — Во всяком случае, Чарли Паркеру очень подходит такая ситуация, правда?

— Еще бы! — Согласился я и полез в карман своего идиотского пронзительно-зеленого плаща за сигаретами.

— Вы курите? — Изумился Анато́ль.

— Иногда. — Я почувствовал себя виноватым — со мной такое бывает, когда кто-то из волонтеров армии некурящих ловит меня на месте преступления. Мне стало смешно, потом я ощутил знакомое дурацкое желание оправдаться, объяснить всему человечеству, что в последнее время я курю редко и понемногу, так что это можно сказать вообще "не считается". Я окончательно смутился и виновато добавил:

— Вам это мешает? Но мы же не в закрытом помещении...

— Да нет, ничего страшного. Просто до сих пор я думал, что эта вредная привычка свойственна только людям... — Растерянно сказал он.

— Таких обидишь, пожалуй... — В устах Афины это был серьезный комплимент, валькирии могли гордиться! — Я все думаю: может быть этот загадочный убийца снова его навестил? На этот раз у Ареса были хорошие шансы его разглядеть.

Марс и валькирии встретили нас на удивление дружной компанией, чуть ли не в обнимку. Я сразу понял, что дело не обошлось без заварушки: мои храбрые девы признают только один способ быстро подружиться с незнакомцем — вместе связаться в хорошую драку.

— Вижу, что у вас есть новости. Рассказывайте! — Потребовала Афина, устало вытягиваясь прямо на ковре, которым был устлан пол в комнате для трапез.

— Новостей у нас хватает. — Кивнул Марс. — Кстати, вы случайно не встретили в царстве Аида тень нашей Венеры?

— Мы не встретили там вообще никаких теней. — Усмехнулась Афина. — Они, видишь ли, разбежались, а Аид с горя напился и бормочет что-то нечленораздельное...

Подожди, Арес! Ты хочешь сказать, что...

— Да, ее убили. — Кивнул он. — Прошлой ночью. Точно так же, как Диониса: из ее мертвых глаз торчали странные вещицы, вроде тех, что вы извлекли из его ран.

— Веретена, да? — Озабоченно уточнила Афина.

— Ну да, что-то вроде веретен... А вот меня, судя по всему, навестил кто-то другой.

Никаких веретен у него не было и в помине. Грозный он воин, друзья мои!

Мы славно сражались, но ему удалось уйти от нас живым. Девочки отправились за ним в погоню, но если верить их речам, он исчез бесследно: растворился в облаках над пустыней...

Думаю, я должен поблагодарить тебя, Один. Если бы не эти прекрасные, но грозные девы, я бы уже наверняка знал, что случается с бессмертными после смерти.

— Ты тоже славно сражался. — Скегуль решила ответить любезностью на любезность. Ее подружки сдержанно покивали. Марс мог гордиться: до сих пор никто из чужаков не удостоивался такой похвалы из их уст!

— А как он выглядел, этот "грозный воин"? — Спросил я. — На этот раз у тебя было сколько угодно времени, чтобы разглядеть его, верно?

— Он выглядел довольно странно. — Задумчиво сообщил Арес. — "Странно" — это еще слабо сказано! Бородатый человек в маске, изображающей уродливое лицо с огромными губами. На нем была высокая шапка из пятнистой шкуры и такая же пятнистая набедренная повязка, на груди — пластина в виде причудливой раковины.

Сражаясь, он все время смеялся... Но иногда в время битвы он утрачивал человеческий облик и превращался в огромную змею, покрытую зелеными перьями. В эти мгновения драться с ним было особенно трудно! Могу сказать одно: мне он совершенно незнаком. Откуда он взялся, и зачем ему понадобилось отнимать мою жизнь — ума не приложу!

— Вы когда-нибудь встречали кого-то вроде этого существа? — Спросил я у валькирий. Они отрицательно покачали головами. Неудивительно: я и сам впервые слышал о таком создании, а ведь в этом мире не так уж много тайн, скрытых от моей мудрости!

все мы. Если даже у него есть тень, мне ничего не известно о том, где она блуждает...

— Ясно. — Вдохнула Афина. — Вообще-то, я с самого начала не слишком надеялась, что мы встретим здесь Диониса, прогуливающегося по Елисейским полям. Но надо было попробовать... Пошли отсюда, Один. Нам здесь ничего не светит.

— Ты не думаешь, что нам следует взять его с собой? — Я указал на распластавшегося на песке Аида. — Ему больше нечего здесь делать.

— Ему и у нас нечего делать, если подумать. — Она нетерпеливо пожала плечами. — И потом, в моем "Бристоле" всего два места... Гадес — не ребенок, пусть проспится, а потом сам решает, где ему теперь надлежит пребывать. Если захочет присоединиться к нам — сам доберется. Если нет — не будем его неволить.

Словно соглашаясь с ней, Аид громко захрапел, зарываясь в песок, как кутаются в одеяло. Я кивнул и пошел прочь. Любое место, навсегда покинутое обитателями — неприглядное зрелище, даже если это обитель смерти, из которой ушли мертвецы...

Мы возвращались в молчании: нам обоим было о чем подумать.

— Мертвые ушли к нему, да? — Спросила Афина перед тем как забраться в кабину "Бристоля". — К этому твоему "великану Сурту"?

— К кому же еще! — Кивнул я. — Этого следовало ожидать. Он пришел и теперь собирает войско. Он был бы дураком, если бы не поторопился!

— Если и дальше так пойдет, его ожившие мертвецы останутся без работы. — Буркнула Афина. — Нас просто перебьют поодиночке, как беднягу Диониса. А те, кто сохраняют жизнь, заплатят за нее остатками своего разума. Не повезло твоему "великану Сурту" — ему и сразиться-то будет не с кем!

— Можешь не трудиться оплакивать его жребий, Нике. По крайней мере, мы с тобой не собираемся ни погибать от руки неизвестного, ни утрачивать разум, верно? А мы вдвоем стоим целого войска!

— Оказывается, ты умеешь утешать, если захочешь! — Слабо улыбнулась она.

— Я все умею.

— Не все, Один. Хочешь, я научу тебя управлять самолетом? — Неожиданно предложила Афина. — Только тебе придется обзавестись собственной машиной.

Мой "Бристоль" слушается только меня.

— Научи. — Согласился я. Не то, чтобы я действительно собирался променять свой дар путешествовать среди облаков в компании одного лишь северного ветра на сомнительную возню с громоздкой летающей телегой, но мне хотелось порадовать Афину.

— У тебя получится. — С энтузиазмом заверила она. Да я и не сомневался: нет таких вещей, которым я не могу научиться, было бы желание!

Всю дорогу Афина восторженно расписывала мне мое ближайшее будущее, которое по ее версии должно было протекать исключительно в кабине моего собственного аэроплана.

— Навестим Ареса? — Спросила Афина. Я и не заметил, как наше долгое путешествие домой подошло к концу.

— Еще бы! — Рассмеялся я. — Я же просто обязан выяснить, не обижал ли он моих валькирий.

— А я и есть человек. — Улыбнулся я. — Не без некоторых странностей, но самый настоящий живой человек, можете потрогать. — Я сунул ему под нос свой локоть. Тоже мне, нашел "веское доказательство"!

— А можно попросить у вас сигарету? — Неожиданно вмешалась Доротея. — Мои остались... вот дерьмо, даже не знаю, где! В прошлой жизни, наверное...

— Господи, конечно! — С облегчением улыбнулся я. По крайней мере, хоть кто-то в нашей компании был со мной в одной лодке!

— Какой ужас! — Ехидно сказал Анатолий. — Ребята, вам никто не говорил, что курить ужасно вредно?

— Особенно накануне конца света. — С неподражаемым сарказмом заметила Доротея. — Как же, как же...

Стоило только начать! Эти двое еще часа полтора с видимым удовольствием упражнялись в прикладном злословии. Я предпочитал сохранять нейтралитет и молча наслаждался их дискуссией. Ребята добродушно препирались, как старые добрые друзья, одно удовольствие было их послушать! Можно было подумать, что кто-то могущественный и равнодушный внезапно отменил ужасающую реальность последних дней этого мира: слишком уж наши посиделки смахивали на настоящую жизнь...

Этой ночью я почти не спал: все-таки беседа с этими ребятами здорово выбила меня из колеи. Сами-то они дрыхли без задних ног, завернувшись в теплые меховые одеяла из неиссякаемых запасов нашего могущественного интенданта Джинна, утомленные собственным воскрешением из мертвых, долгим путешествием и еще более долгой беседой. К моему величайшему удовольствию, в нашей странной компании все мужчины вели себя как истинные джентльмены, так что у Доротеи не возникло никаких проблем, и мне не пришлось выпендриваться, защищая ее "девичью честь". Все было очень пристойно, никакой "дискриминации по половому признаку на работе", даже Мухаммед не подкатился к ней с предложением немедленно пополнить его гарем.

Впрочем, скорее всего, она просто была не в его вкусе...

Я все взвесил и был вынужден признать, что новые знакомые мне очень понравились.

Вообще-то я уже давно уяснил, что в мире не так уж много людей, которые могли бы стать моими хорошими приятелями. К этому факту я относился совершенно спокойно: нет — и не надо! Если честно, я был довольно равнодушен к людям — с тех пор, как мне стало скучно активно их не любить... Но — наверное, это один из законов насмешницы природы! — чем меньше восторгов у тебя вызывает все человечество в целом, тем больше шансов у какого-нибудь незнакомца задеть таинственную, тонкую, болезненно звенящую струнку в твоём сердце.

Достаточно пустяка: неожиданно отчаянной улыбки, поворота головы, при котором лицо случайного собеседника вдруг на мгновение становится лицом ангела, теплой ладошки, доверчиво вцепившейся в темноту в твою собственную руку, золотистой искорки веселого безумия, всколыхнувшей темное болото тусклых глаз — и ты вдруг понимаешь, что готов на все, лишь бы вдохнуть свою, настоящую жизнь в это удивительное, чужое существо, а потом развернуть его лицом к небу и спросить, задыхаясь от благоговения перед свершившимся чудом: "ну вот, теперь ты видишь?" Я ворочался с боку на бок: неуместный романтический бред не желал

выветриваться из моей глупой головы.

Кажется, я здорово влип: эти незнакомые ребята, мои "генералы", уже удобно устроились в моем сердце и не собирались оттуда выметаться. А потом в моей голове закопошились мысли, в данных обстоятельствах совершенно неуместные.

Во мне просыпалось чувство ответственности за судьбу человечества, отдельные представители которого неожиданно оказались такими симпатичными ребятами. Часа через три после полуночи оно окончательно проснулось, обнаглело и начало вопить во весь голос — как всегда, более чем невовремя!

К сожалению, у меня настоящий талант превращать чужие проблемы в свои собственные...

Кроме этих фундаментальных переживаний было еще кое-что: я все время ощущал чьето чужое враждебное присутствие. Я мог спорить на что угодно, что моя кровожадная поклонница Уиштосиуатль бродит где-то поблизости. Заверения Джинна, что ситуация под контролем, не слишком меня утешали: ее присутствие не столько пугало меня — а что, извините, может напугать человека, у которого в запасе имеется еще шестьсот шестьдесят четыре жизни самого отменного качества?! — сколько действовало на нервы, как назойливый плач младенца в соседней квартире.

Уснуть мне удалось только на рассвете, а когда я проснулся, солнце уже стояло довольно высоко над горизонтом. Мои новые знакомцы дружно завтракали у гаснущего костра и недоверчиво поглядывали на дромадеров, каковые, по мнению Джинна, теперь полагались им по штатному расписанию. Думаю, до сих пор им не приходилось пользоваться столь экзотическим транспортным средством. Впрочем, я был совершенно уверен, что у ребят не возникнет никаких проблем, как не возникло у меня самого: а я-то ведь тоже никогда прежде не посвящал свою жизнь урокам верховой езды на верблюдах! Я решительно отбросил в сторону одеяло, вскочил на ноги и закутался в плащ, ярко-зеленый цвет которого уже не вызывал у меня особенных возражений: человек ко всему привыкает, знаете ли... Мне и в голову не пришло, что следует бурно возмутиться по поводу отсутствия горячего душа и утренней газеты и потребовать у Джинна немедленной компенсации за моральный ущерб — совершенно на меня не похоже! Но мне было не до того: какая-то часть моего существа лихорадочно дрожала от нетерпения и требовала немедленных действий. Никаких водных процедур, никакой уютной болтовни с новыми приятелями за чашечкой чая! Пора было ехать дальше — я и сам не знал, куда.

Впрочем, можно считать, что все-таки знал: на север, куда же еще?...

Чашку чая я все-таки потребовал — уже после того, как взгромоздился на спину Синдбада. Пить утренний чай в седле, в полном боевом вооружении, уютно укрывшись от беспардонно горячих солнечных лучей в тени волшебного щита — в этом был некий своеобразный шарм! У моего Синдбада была удивительно ровная поступь: я не расплескал ни капли драгоценного Эрл-Грея.

Совокупность всех этих очаровательных фактов вынудила меня продемонстрировать небу самую что ни на есть благодушную улыбку.

— Тебе начинает нравиться твоя новая жизнь, Владыка? — Весело спросил Джинн, принимая из моих рук и отправляя в небытие пустую кружку. Он стал почти невидимым и теперь серебристым облачком мерцал над моей головой.

— Наверное. — Задумчиво согласился я. — Ну, не то что бы она мне

Челн как раз уткнулся носом в берег. Аид молодецки отшвырнул в сторону весло и попытался встать на ноги, потерял равновесие и бухнулся на четвереньки. Его руки оказались в мутной прибрежной воде, ноги беспомощно колотили по ветхому дну лодки, которая тут же перевернулась.

— Срам, да и только! — Сердито сказала Афина, извлекая из воды своего драгоценного дядюшку.

— Ну почему сразу "срам"? — Снисходительно усмехнулся я. — Пображничал грозный муж, да перебрал с непривычки — с кем не бывает...

— Ты прав, одноглазый. — Угрюмо согласился Аид. — Я немного перебрал.

Имею полное право: моя работа наконец-то завершена. Надо же было как-то отметить первый день праздной жизни!

— Что ты имеешь в виду, Гадес? — Изумленно спросила Афина. — Как твоя работа может быть завершена? В твоём царстве и в прежние дни было полно обитателей, а уж теперь-то к тебе пожаловало все человечество!

— Ага, пожаловало. Но они уже ушли. — Объяснил Аид, с видимым удовольствием укладываясь на мокром песке. — Все ушли. Наконец-то нашелся хитрец, пообещавший им новую жизнь взамен давно закончившейся, и эти глупцы ему поверили. Впрочем, на их месте я и сам бы не упустил шанс вернуться в мир живых... В общем, они все куда-то подевались. Напоследок утопили Харона.

Им всем, оказывается, давно хотелось это сделать... А Кербер издох.

Отравили они его, что ли? Но чем можно отравить моего Кербера — не представляю! И Персефона куда-то ушла. Моя Персефона, надежная как сама смерть, верная, как собственная рука... Впрочем, пусть себе шляется где хочет, она мне уже давно надоела!

— Могу тебя понять! — Ехидно согласилась Афина. — Она действительно редкостная зануда... Не спи, Гадес! Ты еще ничего нам не объяснил.

— А что я вам могу объяснить? Я и сам ничего не понимаю. — Устало признался он, неохотно отрывая голову от мокрого песка. — Все закончилось, все ушли, и я ничего не смог с ними поделаться. Финита ля комедия! От меня вам никакого проку, ребята, так что дайте мне поспать... А почему вы вообще сюда пришли? Путь-то неблизкий!

И ты никогда не была охотницей бродить по моему царству, Паллада...

Неужели у вас уже судачат о моих неприятностях?

— Нет. Мы пришли сюда, чтобы найти Диониса. — Вздохнула Афина.

— Что за нелепая идея — искать здесь Диониса! — Расхохотался Аид. — Кто из нас пьян, Паллада?

— Все-таки ты, Гадес. Мы пришли потому, что Диониса убили прошлой ночью.

— Терпеливо объяснила Афина. — Мы не знаем, кто мог это сделать, и Зевс послал меня сюда расспросить его тень. А Один любезно согласился составить мне компанию...

— Вот оно что... Паршивая история! — Аид даже малость протрезвел от такой новости. — С каких это пор ты заделалась вестницей несчастий, Паллада? День последней битвы еще не настал, а смерть уже получила власть над детьми Зевса, вот оно как! Вроде бы, мы с ней так не договаривались... Но я все равно не понимаю, почему Зевс решил, что вы найдете здесь тень Диониса? Мое царство всегда было последним приютом для смертных, это правда. Но Дионис — не один из них, как и

не для меня! Что происходит с нами, одноглазый?

— Дионис умер, Зевс с трудом просыпается по утрам, я умоляю собственные руны подарить мне надежду, а величайшая из воителей содрогается от страха... Мы становимся слабыми, Паллада. — Зло сказал я. — Ты только заметила?

— До сих пор мне удавалось думать, что эти печальные перемены происходят с другими — с кем угодно, только не со мной! — Неохотно призналась Афина. — Да, ты прав, все мы теряем силу, и я в том числе. Ненавижу тебя, Один. Ну почему ты не родился дураком, который мог бы просто сказать мне: "не знаю"?!

— Может быть я и родился дураком, Нике. — Примирительно сказал я. — Просто с тех пор прошло много времени... Вышло так, что я успел здорово поумнеть, ты уж не обессуди!

— Оно и к лучшему! — Неожиданно рассмеялась Афина. — Хороша я была бы, если бы скиталась по Тартару в компании дурака! С тобой, по крайней мере, не слишком скучно... Смотри, а вот и Харон!

От противоположного берега реки действительно отчалила какая-то жалкая лодчонка. Она приближалась к нам на удивление быстро.

— Хороший гребец этот Харон. — Уважительно заметил я.

— Ну да. Это же единственное, что он умеет делать, было бы странно, если бы он и это делал плохо! — Усмехнулась она. Потом нахмурилась:

— Подожди-ка! Никакой это не Харон, его бы я узнала... Глазам своим не верю!

Да это же сам Аид, собственной персоной. Как такое может быть?!

— Все может быть, когда мир стоит на краю. — Равнодушно сказал я, усаживаясь на мокрый песок. — Чему ты удивляешься?

— Всему! — Решительно ответила она. — Твое глубокомысленное "все может быть" — это единственное объяснение, на которое я могу рассчитывать?

— Зачем тебе мои объяснения? Через несколько минут твой родич будет здесь и сам расскажет тебе, что происходит. — Миротвориво сказал я.

— Твоя правда, наивнейший. — Печально усмехнулась она, усаживаясь рядом. Потом неожиданно рассмеялась:

— Знаешь, Один, в этой истории есть один положительный момент: я терпеть не могла этого проходимца Харона!

— А что, твой дядюшка тоже мнит себя великим певцом, вроде этого красавчика Аполлона? — Насмешливо спросил я, прислушиваясь к обрывкам какой-то тягучей песни, долетавшим до моих ушей. — На его месте я бы не слишком усердствовал! — У Аида явно не было музыкального слуха, да и голос оставлял желать лучшего: он то и дело срывался на хриплый фальцет подобающий разве что безусому юнцу.

— Впервые слышу, как он поет. — Фыркнула Афина. — И хвала Зевсу, что до сих пор сия чаша меня миновала! — Потом она помрачнела:

— Похоже, он совсем рехнулся, бедняга.

Плохая новость...

— Думаю, все не так страшно. Он больше похож на захмелевшего гуляку, чем на безумца. Сама не видишь?

— Думаешь? — Недоверчиво переспросила она. — Никогда в жизни не видела Аида с чашей вина в руках.

— Пение пьяного ни с чем не перепутаешь, поверь уж моему опыту! Да ты сама на него посмотри.

действительно так уж нравилась. Просто я понемногу смиряюсь с тем фактом, что теперь моя жизнь будет именно такой, как она есть...

— Так даже лучше. — Авторитетно заметил Джинн. — Обернись назад, Владыка.

Твоему взору предстанет воистину впечатляющее зрелище!

Я послушно обернулся и обомлел: оказывается, до сих пор я совершенно не представлял себе масштабов затеянного мероприятия! Неспokoйный океан разномастных человеческих тел затопил пустыню до самого горизонта. Мухаммед и наши новые коллеги возглавляли процессию: они ехали в ряд следом за мной, держась немного поодаль. Черная перелина Доротеи эффектно трепетала на ветру, князь Влад величественно возвышался на спине своего дромадера и со сдержанным интересом косился на оживленно жестикулирующего Анатоля — думаю, тот как раз приступил к подробному изложению романа Стокера, как и обещал.

Мухаммед отрешенно пялился на небо с блаженной улыбкой типичного божьего избранника — надеялся обнаружить среди облаков какое-нибудь мудрое изречение из Корана, я полагаю!

— Вот это и есть знаменитая четверка "всадников Апокалипсиса"! — Фыркнул я. — Все-таки некоторые пророчества иногда сбываются, кто бы мог подумать!

— Да, некоторые сбываются. — Задумчиво подтвердил Джинн.

Путешествие было долгим. Мне уже начало казаться, что мы с Афиной приговорены вечно лететь на запад сквозь сумрак затянувшегося заката.

Впрочем, мне бы даже понравился такой приговор: вечность в компании этой сероглазой — неплохая штука, даже если нам придется провести эту самую вечность в тесной кабине ее летающей машины, заблудившейся в густых облаках над бесконечной поверхностью океана! Всю дорогу Афина была молчалива, как никогда. В этом были свои преимущества: ее голос ни разу не зазвучал гневно, или насмешливо, и мне не пришлось в очередной раз напоминать себе, что сейчас — плохое время для ссор: никакими ссорами и не пахло. Иногда она оборачивалась ко мне с почти робкой улыбкой, словно желая проверить, на месте ли я. Кажется, ее здорово утешал тот факт, что я был ее спутником в этом нескончаемом путешествии.

Вот уж не думал, что Афины можно напугать таким пустяком, как визит в мир мертвых... Наконец я заметил в разрывах облаков землю. Мы все-таки пересекли океан и теперь медленно снижались.

— Ого, кажется нас с тобой занесло в те самые места, которые мои люди в свое время называли Винландом! — Удивленно сказал я.

— Не знаю, какие земли твои люди называли "Винландом", но думаю, что на сей раз ты попал пальцем в небо, о грозный, но малообразованный повелитель валькирий! — Неожиданно рассмеялась Афина. — Этот маленький участок Северной Америки сейчас называется Мэн. Не помню, как его называли коренные жители, но не "Винланд", это точно... Когда-то давно здесь были знаменитые Стигийские болота.

— Озабоченно добавила она. — Теперь в этих местах стало немного посуше, и все же они не очень подходят для хорошей посадки. Я об этом не подумала — впрочем, если бы даже и подумала, что толку... Ну что ж, значит придется

совершить чудо!

И она совершила это чудо. Аккуратно посадила свой "Бристоль" на небольшой лужайке, со всех сторон окруженной лесом. Я ничего не понимаю в управлении летательными аппаратами, и нередко наотрез отказываюсь восхищаться мастерством Афины, которым она любит прихвастнуть после каждого полета, но на сей раз даже мне было ясно, что Афина сделала нечто совершенно невозможное.

— Как здесь все изменилось! — Изумленно сказала она. — Я, конечно, давненько не бывала в этих местах, и все же тут произошло слишком много перемен!

— А ты уверена, что это именно то место, которое нам требуется? Если уж ты говоришь, что все изменилось...

— Я понимаю, к чему ты клонишь. — Улыбнулась она. — Но не забывай, что я все еще принадлежу к числу великих богов. Перед тобой не глупая девчонка, заплутавшая в темном лесу! Я могу отыскать вход в царство Аида руководствуясь чутьем, а не знанием каких-то примет. Мое сердце говорит мне, что вход рядом, значит так оно и есть.

— Не сердчай, Паллада. — Снисходительно улыбнулся я. — Просто сам я ничего особенного не чувствую в этом месте...

— Правда? — Рассеянно удивилась Афина. — Ничего, почувствуешь еще... — Она обошла свой ненаглядный "Бристоль", убедилась, что с ним все в порядке, потом звонко хлопнула ладонью по изображению черного кота с желтым бантом на шее.

Изображение тут же ожило, соскользнуло на землю, с удовольствием потянулось и визгливо мякнуло. Афина погладила кота, и под ее рукой он начал расти. Кот рос, пока не превратился в настоящее чудовище, голова которого почти достигала верхушек деревьев. Как и все Хранители, которых мне доводилось встречать до сих пор в домах Олимпийцев, кот оставался плоским как тень. Впрочем, насколько я знаю, это странное свойство делает Хранителей даже более опасными, чем можно предположить...

— Теперь мой "Бристоль" не останется без присмотра. — Одобрительно сказала Афина. — Из этого зверя получился хороший Хранитель. Один из лучших. Мы можем идти.

Она вводила меня все глубже в лесную чащу. Кажется, здесь царили вечные сумерки — не настоящая темнота, а лишь обещание темноты. Если бы я был не Одином, а кем-то другим, я бы не раз содрогнулся от ужаса. В этих местах царила совершенно непередаваемая атмосфера страха, уныния и отчаяния. Я-то, понятное дело, мог позволить себе роскошь не обращать внимания на зловещее настроение окружившего меня леса, но что, интересно, должны были чувствовать люди, жившие в этих местах на протяжении столетий?!

— Что, и тебе не слишком весело? — Заметила Афина. — Ничего не поделаешь, Игг: мы уже совсем близко.

— Да мне-то вполне весело... — Я пожал плечами. — Я все думаю о людях, которые жили в этих местах. Славно им жилось, нечего сказать!

— Да, в свое время меня тоже занимала судьба смертных, которые сами того не ведая поселились по соседству с входом в Аид. — Оживилась она. — Я даже не поленилась кое-что разузнать. Можешь не слишком о них печалиться, Один: на

протяжении многих столетий здесь жили полудикие мудрецы, которые умудрялись даже черпать силу от такого соседства. А когда им на смену пришли неприкаянные бродяги, отважившиеся пересечь Океан в поисках лучшей доли, ни они, ни их потомки вообще ничего не заметили, тупицы! Можешь себе представить? Впрочем, лучшие из них все-таки что-то смутно чувствовали.

Среди жителей этих мест было на удивление много мастеров сочинять страшные истории, которые так любят читать их соплеменники. Эти бедняги смертные, из числа тех, что любят толочь воду в ступе, все недоумевали: и почему это маленький штат Мэн подарил миру так много писателей...

— Так что, эта мрачная земля породила много скальдов? — Рассмеялся я. — Славно!

Вместо того, чтобы дрожать от страха, или предаваться унынию, они просто слагали истории, способные напугать жителей других мест, какие молодцы...

Нет, все-таки они были не безнадежны, эти недолговечные обитатели Митгарда!

Не зря я тратил столько времени, чтобы их растормошить!

— Ты настоящий безумец, Хрофт! Только тебе могло прийти в голову, что умение складывать истории о событиях, которые никогда не происходили, может оправдать бессмысленное существование смертных! — Горько усмехнулась Афина.

— Я не безумец. — Холодно сказал я. — Это ты не видишь дальше собственного носа, Паллада. Знала бы ты, сколь причудливые вещи случаются во Вселенной, когда хороший скальд переплетает слова, обратив лицо к небу!

— Ладно, что толку с тобой спорить... В любом случае их больше нет, этих твоих "скальдов" — ни плохих ни хороших! А мы уже пришли. Видишь? Это и есть вход в обитель мертвых. Уж он-то ни капельки не изменился, к сожалению!

Навстречу нам гостеприимно оскалился темный провал. Это не было похоже на пещеру, яму, или дверь — даже на дверь, открытую в темноте. Просто пятно абсолютной пустоты, словно грубая заплатка на тонкой ткани реальности. Афина нерешительно затормозила на самом краю, пропуская меня вперед. Вот уж не подозревал, что Олимпийцы настолько привязаны к скучноватой упорядоченности Серединного мира! Все-таки они были подобны мне и моим родичам — при всем их несовершенстве... Афина робко топталась на пороге иной реальности, как обыкновенная юная ведьмочка из смертных. Я решил не растягивать удовольствие, взял ее за руку и шагнул в темноту. Наши ноги тут же увязли в прибрежном иле.

Темная речная волна лизнула мой сапог, словно пробуя его на вкус, и неохотно отползла назад.

— Это Стикс. — Вдохнула за моей спиной Афина. Она не спешила отнимать у меня свою руку: видимо, ей все еще было не по себе. — Тебе повезло, Хар. — Завистливо добавила она. — Хорошо быть своим в мире мертвых!

— Хорошо, или плохо — во всяком случае, мне не с чем сравнивать... Ну, и где этот ваш хваленый перевозчик?

— Наверное, надо немного подождать. — Неуверенно предположила она. Зябко поежилась:

— Холодно здесь... Не нравится мне все это. Я ведь бывала в этих местах и прежде. Не могу сказать, что мне здесь так уж нравилось, но меня никогда не пугали воды Стикса. Скажу тебе больше: до сих пор я вообще не знала, что подразумевается под словом "страх". А теперь знаю. Мне не нравится это знание —

торопливо спускались вниз, игрушечный пес вприпрыжку следовал за ними, отчаянно мотая здоровенными ушами.

— Я вызвал сюда всех своих валькирий, — на ходу говорил Один, — потом за полдня облетел с ними все амбы. Убеждал твоих многочисленных родичей, что теперь они нуждаются в хорошей охране. В конце концов, все согласилось с моими доводами: смерть Диониса и Афродиты сделала их более сговорчивыми. Да и Арес мне здорово помог: он не постыдился рассказать остальным, что мои воительницы спасли его шкуру.

У него все задатки благородного мужа: он даже готов говорить правду, когда это может принести пользу его друзьям... Только у твоего отца хватило мудрости не вступать со мной в бессмысленные пререкания. Зевс сразу же согласился впустить в свой дом восьмерых валькирий. Даже поблагодарил меня за помощь, в отличие от некоторых...

— Скорее всего, он просто надеется весело провести в их объятиях несколько ближайших ночей! — Фыркнул Марлон Брандо.

— Ну, пусть надеется. — Снисходительно хмыкнул Один. — До сих пор это не удавалось никому, даже мне!

— А ты пробовал? — Не без ехидства спросил Брандо.

— А как ты думаешь! — Расхохотался Один. — Но они обладают удивительным даром ускользать из объятий...

— Так где-то там еще и Зевс сидит! — Растерянно сказал я Джинну. — Шарахнет он меня молнией по темечку, чувствует мое сердце!

— Какое тебе дело до его молний, Владыка? — Равнодушно откликнулся Джинн.

— Ну да, конечно... Все не могу привыкнуть к мысли, что я такой крутой парень! — Фыркнул я и снова уставился на экран. В течение нескольких минут мне пришлось наблюдать, как Один моет руки. У меня сердце кровью обливалось: эти, с позволения сказать, "боги" не имели ни малейшего представления о хорошей сантехнике, и вообще о сантехнике, как таковой.

Вместо душа (или хотя бы умывальника) бедняге Одину пришлось довольствоваться примитивным тазиком — правда, за обладание этим сосудом любой антиквар охотно заложил бы душу дьяволу! Какое-то невероятное существо поливало ему на руки из кувшина. Приглядевшись, я понял, что это был каким-то чудом оживший игрушечный ежик гигантских размеров, с трогательными коротенькими лапками. В отличие от плюшевого пса, которого я уже видел раньше, ежик вел себя не как избалованный домашний зверек, а как настоящий денщик: он ловко орудовал кувшином и полотенцем и даже что-то ворчал себе под нос — я не разобрал, что именно.

Один тщательно вытер руки, отдал полотенце игрушечному зверьку, пересек короткий коридор и вошел в просторное помещение. Там было светло, как днем.

Марлон Брандо лежал на узкой кушетке, усталой тонкими покрывалами, и равнодушно созерцал низенький столик плотно уставленный многочисленными мисочками и кувшинами. В сероокую богиню, на которую мне было чертовски любопытно взглянуть, он так и не превратился. Один уселся в высокое резное кресло — кресло сразу же стало похоже на трон: все-таки у этого грозного дяди был такой величественный вид — римские кесари могут пойти в уборную и тихонько поплакать от зависти! — и тут же приступил к вдумчивому исследованию

Ни одной царапины на гладкой поверхности. Вейрд — пустая руна.

Единственное из моих созданий, способное напугать даже меня самого.

Знак непознаваемого, испытание моего мужества и моей веры — хотел бы я знать: веры во что?! Вейрд нестати напоминала мне, что будущее больше не в моей власти — даже мое собственное будущее, поэтому единственное, что остается — это смириться и ждать. Вот уж чего я точно не собирался делать, я не согласился бы и на миг предаться смирению, даже в обмен на вечную радость и сотню царств, по сравнению с которыми мои золотые чертоги могли бы показаться убогим хутором! Я вздохнул, собрал руны, сложил их в мешочек и отправился обратно.

Поначалу наш идиотский поход на север почти не отличался от обыкновенного турпохода — если не принимать во внимание рекордное количество участников и мое вполне комфортное существование: когда при тебе постоянно дежурит всемогущий Джинн, вещи вроде горячего душа, хорошего ужина и удобного ночлега не являются проблемой. Мои "генералы" оказались отличными ребятами, их компания вполне меня устраивала, а остальные рядовые бойцы "армии тьмы" меня не слишком интересовали.

Они дисциплинированно следовали за мной по бескрайней пустыне и никоим образом не усложняли мое существование — вот и ладненько!

Князь Влад отлично вписался в наш коллектив. С Мухаммедом он, можно сказать, подружился — насколько эти серьезные дяди, типичные представители мрачного средневековья, вообще были способны "подружиться" с кем бы то ни было! Они часами вели ученые беседы, пока их верблюды неторопливо брели по пустыне. Иногда до меня долетали обрывки их бредового диалога: "Аллах сотворил землю, — важно сообщал пророк, — но у земли не было основания, посему под землей он сотворил ангела. Но у ангела не было основания, посему под ногами ангела он сотворил рубиновую скалу. Но и у скалы не было основания, посему под скалой Аллах сотворил быка с четырьмя тысячами глаз, ушей, ноздрей, пастей, языков и ног. Но у быка не было основания, посему он сотворил под быком рыбу по имени Багамут, и под рыбой он поместил воду, а под водой — мрак, а далее знание человеческое не способно достичь..." "А вот я слышал от одного пьяного монаха, что земля стоит на воде, вода на скале, скала на лбу быка, бык на песчаном ложе, а песок — на Багамуте, Багамут же этот стоит на удушливом ветре, а удушливый ветер на тумане. Я велел монаху сказать, что находится под туманом, а он твердил, что сие никому не ведомо. Так что пришлось посадить его на кол... Может, зря я так?" "Ну почему же "зря"! — великодушно утешал его Мухаммед. — Этот человек плохо обошелся с истиной. Сей "удушливый ветер" действительно был сотворен Аллахом, но совсем для других нужд, да и как может ветер служить опорой для Багамута!?" — Тут я хватался за голову и поспешно отъезжал куда-нибудь в сторонку.

Разумеется, меня, Анатоля и Доротею до слез смешил тот факт, что рядом с нами находится легендарный "Дракула". В первый же день Влад с неподдельным интересом выслушал пересказ романа Брема Стокера в исполнении начитанного Анатоля, после чего решительно попросил Джинна раздобыть ему стакан человеческой крови — на пробу! — и хороший гроб с запасом трансильванской земли — вместо кровати. Кровь, как ни странно, оставила его довольно

равнодушным: князь снисходительно пробормотал что она, дескать, "утоляет жажду не хуже, чем кислое вино", а у меня хватило ума не лезть к нему с отеческими советами, что кровь следует пить не из стакана, а непосредственно из сонной артерии несчастной жертвы: я ни секунды не сомневался, что Влад немедленно попытается проверить сие смелое утверждение экспериментальным путем — зачем мне паника в войске?! Зато гроб превзошел все ожидания. Наутро князь выглядел счастливым, отдохнувшим и даже помолодевшим.

Гроб был тут же водружен на спину его многострадального верблюда, поскольку Влад наотрез отказался расставаться с этим сокровищем...

Незадолго до заката третьего — или четвертого? — дня нашего похода я увидел на горизонте какое-то диковинное сооружение. Его очертания смутно напоминали мне полузабытые иллюстрации из учебника по древней истории для младших классов, а цвет почти не отличался от золотисто-серой бесконечности пустыни, словно загадочное строение было всего лишь огромным песочным замком.

— Что это, мираж? — Удивленно спросил я Джинна.

— Нет, храм одного из местных богов. — Равнодушно ответил он.

— Одного из наших противников — так, что ли? — Настороженно уточнил я.

— Противников?! Вот уж не думаю! — Очевидно, мое предположение было на редкость нелепым: Джинн даже рассмеялся и энергично затряс головой. В конце концов он решил, что я заслуживаю небольшой лекции:

— Обитатели этого места — не враги и не друзья. Можно сказать, что они сохраняют нейтралитет. В пустыне иногда встречаются очень старые боги, Владыка. Они не участвуют в игре, поскольку уже не принадлежат этому миру.

— Как это — "не принадлежат"? — Удивился я. — Они же здесь присутствуют...

— Отчасти. — Задумчиво согласился Джинн. — Они присутствуют здесь подобно тому, как люди присутствуют в своих снах — в тех снах, о которых они забывают прежде, чем успевают проснуться. Я понятия выражаюсь?

— Вполне. — Кивнул я. И удивленно заметил:

— Все-то ты знаешь! Странно все-таки, что самым большим начальником всего происходящего почему-то считаюсь я, а не ты. По-моему, это нелогично. Может быть, махнемся должностями? Из меня хреновый слуга, и у вас тут же начнутся проблемы со снабжением, зато справедливость будет восстановлена!

— Я всего-навсего — сундук, в котором хранится твоя собственная мудрость и могущество, Владыка. — Равнодушно заметил Джинн. — Тебе только кажется, что я отвечаю на твои вопросы. На самом деле, ответы приходят из твоего собственного сердца. А я — просто наваждение, такое же, как этот храм на горизонте. Одно из многих твоих наваждений.

Возможно, самое полезное.

— Безусловно! — Рассмеялся я. Честно говоря, я так ничего и не понял из его объяснений, но это уже не имело значения. У меня пропала охота разбираться в загадочной природе Джинна, да и в своей собственной, не менее загадочной природе, заодно!

Через час мой Синдбад нерешительно затормозил в нескольких шагах от высокой стены, светлой, как песок пустыни, и, судя по всему, такой же древней. Мой волшебный щит Змея, который в последнее время начал казаться мне чем-то вроде зонтика, отлично охраняющего от солнца мой драгоценный нос, неожиданно

А когда ты успела снова нацепить на себя это тело, Афина? Скажи, неужели тебе до сих пор не надоело выглядеть подобным образом?

— Мой облик — не твоя забота! — Гордо отвечивал Марлон Брандо. Потом почему-то резко сменил тон и добавил почти виновато:

— Знаешь, сначала это действительно была просто причуда. Но в последнее время это мужское тело кажется мне чем-то вроде теплой одежды... или даже кольчуги. Когда я принимаю его облик, я чувствую себя спокойнее — словно и правда верю, что смерть не узнает меня, если все-таки придет за мной. Видишь, Один, я стремительно глупею, как и все остальные — и даже не стыжусь в этом признаться!

— Брандо уже второй раз назвал этого парня Одином, так что я угадал, к сожалению! — Шепнул я Джинну. — Что ж, ничего не напишешь! Но от кого им потребовалось защищаться, хотел бы я знать? От меня, вроде, еще рано — особенно, если учесть, что мы идем в другую сторону... И, между прочим, Один назвал Марлона Брандо Палладой, а потом — Афиной. Неужели это сама Афина Паллада, собственной персоной? И если я все правильно понял, она просто изменила внешность... В таком случае, у этой мудрой — если, конечно, верить мифам! — богини на редкость банальный вкус! Почему именно Марлон Брандо? На ее месте я бы... — Джинн укоризненно на меня покосился. Можно было подумать, что мы сидим в кинотеатре, и я не даю ему спокойно посмотреть фильм.

В общем, я устыдился и заткнулся. Оно и к лучшему: события на экране телевизора были гораздо увлекательнее моего монолога.

Во-первых, там появилось еще одно действующее лицо. Сначала я никак не мог понять, что это за существо. Оно было определенно похоже на очень большую собаку, но я никогда в жизни не видел, чтобы у взрослой собаки была такая непропорционально огромная голова, толстые, как у щенка лапы и подметающие землю уши. Потом я понял, в чем дело, и изумился — уже в который раз за этот вечер! Это была игрушечная собака.

Здоровенный плюшевый пес, который, тем не менее, вел себя как самый настоящий живой домашний любимец: он крутился под ногами, пытался водрузить свои комичные толстые лапы на плечи Одина и восторженно повизгивал.

— Оставь меня в покое, волчий корм! — Сурово проворчал Один. — Еще, чего доброго, перемажешься моей кровью — кто ведает, во что ты тогда превратишься! Хватит с нас и тех чудовищ, которыми населил мир безумец Лодур...

— А может быть, это пойдет ему на пользу? — Рассеянно осведомился Марлон Брандо (у меня пока в голове не укладывалось, что его тело — всего лишь вечерний туалет Афины Паллады).

— Может быть. — Хмуро согласился Один. — Впрочем, этому отродью ничто не поможет стать настоящим зверем... Знаешь, Паллада, я бы не отказался от хорошего ужина — желательно, в твоей компании. У меня был трудный день.

— Мне как раз очень хотелось спросить, где ты пропадал. — Кивнул Марлон Брандо, слегка пригибаясь, чтобы войти в древнее строение. Один последовал за ним, согнувшись чуть ли не вдвое. Внутри помещения было гораздо светлее: здесь горели немногочисленные, но яркие факелы. Я увидел неровные каменные ступеньки, ведущие вниз: судя по всему, маленький храм был не жильем, а чем-то вроде холла — всего лишь входом в просторное подземелье. Мои новые знакомцы

Покончив с рисованием, одноглазый заговорил — не слишком громко, отрывисто, с неподражаемой уверенностью в своих силах, словно отдавал приказ старому, надежному слуге. Его речь показалась мне незнакомой — и это после всех заверений Джинна, что знание иностранных языков больше не имеет никакого значения! Впрочем, возможно, Один просто произносил какое-то неизвестное мне заклинание...

— Что он делает? — Нетерпеливо спросил я — не то Джинна, не то равнодушное звездное небо над собственной головой. Но они молчали.

— Что ты делаешь? — Сначала этот голос показался мне запаздывающим искаженным эхом моего собственного, потом я понял, что он доносится из телевизора и принадлежит широкоплечему мужчине в джинсах и кожаной летной куртке, который только что вышел откуда-то из темноты и оказался в зоне моей видимости. В его лице было что-то смутно знакомое. Приглядевшись, я чуть не стал обладателем здорового синяка на груди: с такой страшной силой бухнулась вниз моя нижняя челюсть. Это был актер Марлон Брандо собственной персоной, но не обрюзгший старик, каким он стал в конце своей биографии, а худой и здорово помолодевший — сейчас он выглядел, как в свои лучшие времена.

— Хотел бы я знать, что он-то здесь забыл?! — Ошеломленно спросил я.

Джинн снова промолчал, но удивленно покосился на меня: кажется, он не ожидал, что среди наших будущих противников у меня обнаружится знакомый.

Впрочем, Марлон Брандо и не был моим знакомым — не в большей мере, чем для миллионов других любителей кино... Пока я удивлялся, этот красавчик энергично наседавал на одноглазого.

— С кем ты успел подраться, Один? Неужели сюда приходил этот загадочный убийца?

Или ты просто решил снова навестить Аиду и на сей раз выбрал кратчайший путь?... Да ты уже перемазал своей кровью вход в мое жилище! Но зачем?

Просто так, для красоты? Очень мило с твоей стороны, но мне не нравится, если честно... А что это за знак? Опять твоя загадочная дикарская магия? Я думаю, тебе надо срочно перевязать руку. Или ты все-таки собираешься истекать кровью, пока не увидишься с Аидом? Не стоит трудиться: вряд ли он успел протрезветь.

— Не выдумывай, Паллада. — С царственной снисходительностью сказал одноглазый. — Я не собираюсь к Аиду. Он не производит впечатление хорошего собеседника, с которым приятно осушить чарку меда в звездную ночь. Да пес с ним, с твоим родичем! Я только что начертил защищающую руну над входом в твой дом. Этот знак называется Эйваз, и его предназначение — отвращать зло, увеличивать силу и защищать от врагов — именно то, в чем мы сейчас нуждаемся... А перевязывать мою руку нет нужды: рана уже затянулась.

— Так это знак защиты? Спасибо. — Улыбнулся Марлон Брандо. — Думаешь, он поможет?

— Сомневаюсь. — Невозмутимо признался одноглазый. — Если бы я знал имя того, кто охотится за вашими жизнями, от моей защиты было бы куда больше пользы. Впрочем, в отличие от твоих дурней Хранителей моя руна хотя бы не поленилась поднять тревогу.

Это — все, что я могу сейчас сделать, но согласись, что это — гораздо лучше, чем ничего...

забеспокоился и перебрался поближе к моему телу. Если бы щит мог говорить, он наверняка пробормотал бы: "береженого бог бережет" — я сердцем чувствовал его настороженное настроение.

— И куда это мы приехали? — Весело осведомился Анатолий. — Если это отель, то никак не больше трех звездочек!

— Похоже на древнеегипетский храм. — Нерешительно высказалась Доротея.

— Неудивительно! — Фыркнул я. — Судя по всему, это и есть древнеегипетский храм.

Теперь уже и я узнаю этот стиль: Древнее Царство — не больше и не меньше.

Такое ни с чем не спутаешь!

— Это крепость наших врагов, Али? — Оживился Мухаммед. — Ну, с таким-то войском мы ее в два счета разрушим, а ее защитников убьем!

— Мы возьмем их в плен и посадим на кол. — С надеждой добавил князь Влад.

Я было удивился такому причудливому ходу его мыслей, а потом вспомнил, что Влад у нас не только Дракула, а еще и Тапиша — что значит "пронзатель". И теперь ему со страшной силой хотелось "пронзать" всех, кто под руку подвернется. Сентиментальные воспоминания о любимых развлечениях юности, знаете ли!

— Притормозите, ребята! — Я покачал головой. — Насколько я знаю, хозяева этого места вне игры. Так что сажание на кол отменяется.

— Но они стоят на нашем пути. — Заметил Мухаммед.

Я был вынужден согласиться: древнее сооружение действительно стояло на нашем пути, а сворачивать в сторону мне не хотелось. Впрочем, дело даже не в том, хотелось мне этого, или нет: я чувствовал странную, непреодолимую, почти физическую потребность идти прямо на север, никуда не сворачивая — даже совсем чуть-чуть, чтобы обойти стороной этот чертов памятник архитектуры.

— Если я правильно понял своего научного консультанта, этот храм — наваждение... или почти наваждение. — Неопределенно объяснил я. — Так что мы просто можем идти дальше — так, словно здесь ничего нет. Думаю, его хозяевам на нас глубоко наплевать: какая разница, что видеть во сне?!

— Вы полагаете, что мы пройдем через стену и покажемся сном тем, кто обитает внутри этого храма? — Оживился Анатолий. — Любопытно! А почему вы так решили?

— Эта гениальная гипотеза тоже принадлежит моему научному консультанту. — Усмехнулся я. — Если вам нужны подробности, расспросите Джинна сегодня вечером.

Мне тоже будет интересно послушать. Во всяком случае, мы можем прямо сейчас проверить его гипотезу опытным путем... Синдбад, умница моя, будь так любезен, пройди через эту стену!

Мой дромадер послушно шагнул вперед. Его голова утонула в золотисто-серой поверхности стены, а через мгновение я и сам окунулся в густой туман неопишемого чужого пространства.

— Это не похоже ни на что! — Изумленно сказала Доротея. Она была где-то рядом, но я не видел даже ее очертаний. Впрочем, я вообще ничего не видел, кроме густого золотистого света, из которого было соткано это древнее наваждение...

— Здесь столько света... Что, мы уже на небесах? — Неожиданно спросил князь Влад откуда-то из-за моей спины.

— В каком-то смысле. — Хмыкнул я. — Во всяком случае, люди, которые жили несколько тысячелетий назад, вполне могли бы счесть это место "небесами"...

Интересно, кому из богов египетского пантеона принадлежит этот храм?

Ответ последовал почти немедленно — признаться, я совершенно на него не рассчитывал!

— Уходите отсюда, чумазые, а не то я обрушу на ваши неразумные головы все пески Нубийской пустыни! Не мешайте мне подобающим образом расчленять брата моего, Осириса. — Грозно потребовал низкий глубокий голос. Он раздавался со всех сторон, и все же это был не хор, а один-единственный голос.

— Теперь это называется "нейтралитет"! — Усмехнулся я. — Ну-ну...

— Судя по всему, это храм Сетха. — Невозмутимо заметил Анатолий. — Насколько мне известно, за таким экзотическим занятием, как расчленение "брата своего Осириса", можно застукать только его.

— Ага. Мое фирменное везение! — Буркнул я. — Он еще и обзывается, сволочь! "Чумазые" мы, видите ли... Тоже мне, нашелся блюститель личной гигиены! Нет, чтобы нарваться на кого-нибудь безобидного...

— Насколько я помню, среди богов Древнего Египта вообще не было "безобидных". — Возразил Анатолий. — Впрочем, Сетх и правда самый крутой в этой милой компании... Что будем делать?

— Ничего из ряда вон выходящего. Будем идти дальше. — Твердо сказал я. — Я сейчас — что-то вроде трамвая, дружище. Могу двигаться только по заранее проложенным рельсам. Ничего не поделаешь: эти чертовы "рельсы" проложены именно здесь!

— А как насчет "всех песков Нубийской пустыни"? — Испуганно спросила Доротея. — Вдруг действительно обрушит?

— Пусть только попробует! — Нахально заявил я. — Я ему покажу кузькину мать!

— А что, мать этого незнакомца — настолько уродливая женщина, что ее облик может напугать даже демонов пустыни? — С неподдельным интересом спросил Мухаммед.

— О, она — настоящее чудовище! — Не моргнув глазом согласился я. Наш бредовый разговор поднял мое настроение до максимальной отметки, так что я окончательно решил: плевать я хотел на этого зануду Сетха, мое дело — идти своей дорогой с наглой мордой, а там — будь что будет!

Еще какое-то время — мне показалось, почти целую вечность! — ничего особенного не происходило. Мой дромадер нес меня вперед сквозь невероятную, смутную, дрожащую плоть медленно оживающего наваждения. Я неподвижно сидел на мягко покачивающейся спине Синдбада и равнодушно ждал, чем все это закончится. Я ощущал совершенно неопишемое спокойствие — оно казалось мне не просто состоянием души, а чем-то большим: очень материальным, почти осязаемым. Я чувствовал, что надежная броня моего оцепенения каким-то образом защищает всех нас — и меня самого, и моих "генералов", и людей, следующих за нами, всех до единого — подобно тому, как ровное дыхание канатоходца помогает ему сохранить равновесие на головокружительной высоте.

Мы все стали одним существом, чем-то вроде этого самого канатоходца, и только мое ровное дыхание удерживало наше общее тело над пропастью. У нас был

Чтобы сразу понять, насколько все круто!

— самого могущественного? — Задумчиво переспросил Джинн. — Ладно, попробуем.

Экран замелькал, потом на нем появилась другая картинка. Судя по всему, на этот раз мне показывали вершину одной из столовых гор: ровная площадка, на которой возвышалось небольшое древнее сооружение, наверное, один из знаменитых эфиопских храмов, вырубленных в неподатливом теле горы, такая голубая мечта археолога. Впрочем, я мог и ошибиться: старушка луна — не самый надежный осветительный прибор во Вселенной! Возле этого сооружения стоял какой-то дядя. На мой неприветливый вкус, он выглядел более чем внушительно, настоящий герой древних легенд: высокий, широкоплечий, в широкополой шляпе и развевающимся на ветру белоснежном плаще совершенно неопишемых размеров. Потом он повернулся ко мне лицом — словно почувствовал, что за ним наблюдают — и я увидел, что у этого грозного дяди наличествовала роскошная седая борода и всего один глаз — по крайней мере, второй был прикрыт черной пиратской повязкой.

— Ой! — Тихо сказал я. — Кажется, я знаю, кто это! Да нет, какого черта, это точно он!

Одноглазый, в шляпе... Все сходится! Один, собственной персоной. Он же Вотан, Игг, Видур, и так далее — всего тысяча имен, если верить умным книжкам. Что он здесь делает, хотел бы я знать?! Это же не его улица! Его владения далеко отсюда, на севере... Ох, меньше всего на свете мне хотелось бы с ним сражаться, дружище! Впервые, он делает это гораздо лучше — если уж безумцы викинги считали его своим богом войны! — а во-вторых... Он мне всегда ужасно нравился, если честно!

— Нравился, или нет... Это не имеет значения, Владыка. Только глупцы сражаются с теми, кого ненавидят.

— А с кем, в таком случае, сражаются мудрецы? — С невеселой усмешкой поинтересовался я.

— Мудрецы вообще ни с кем не сражаются — разве что с собственной глупостью. — Невозмутимо отозвался Джинн. — Это тоже не твой случай, Владыка. Ты — не глупец и не мудрец, а только рука судьбы. Поэтому ты будешь сражаться с кем придется — только и всего.

— Ну-ну! — Растерянно буркнул я. И снова уставился на экран телевизора: кажется, там происходило что-то интересное.

"Интересное" — это еще слабо сказано! Одноглазый извлек из-под плаща здоровенный меч — думаю, мне самому эта чудовищная железяка могла бы пригодиться разве что в качестве хорошей штанги, да и то не сейчас, а только после нескольких лет упорных занятий атлетизмом. Было слишком темно, и я не сразу разглядел, что именно он проделывает со своим оружием. Потом понял, и меня слегка передернуло: он аккуратно вспорол свою левую руку, отвел ее в сторону, чтобы кровь не замарала белоснежную одежду, и принялся увлеченно рисовать что-то над низким входом в древний храм указательным пальцем правой руки, время от времени погружая его в рану, как перо в чернильницу. Результат его усилий напоминал зеркальное отражение буквы Z, только углы этого зигзага были острыми.

— Наверняка. — Кивнул Джинн, ставя на ковер уже знакомый мне маленький "SHARP", больше похожий на микроволновую печь, побывавшую в руках какого-нибудь древнего художника, чем на настоящий телевизор. — Вряд ли у них хватило прозорливости, чтобы окружить себя непроницаемым туманом...

— Ну, тогда крути кино! — Для того, чтобы выговорить эти слова, мне потребовалось произвести над собой ощутимое усилие — так бывает, когда в отчаянно жаркий майский полдень ныряешь с волнореза в еще по-весеннему ледяную воду: действительно очень хочется, но чертовски трудно решиться.

Джинн зажал в пригоршне штепсель, маленький экран стал немного светлее. Я не мигая уставился на него, с замирающим сердцем ожидая продолжения. Я очень старался дышать глубоко и спокойно, но это не слишком-то помогало: я нервничал куда сильнее, чем требовали обстоятельства! А потом я увидел совершенно невероятный пейзаж Эфиопии, их знаменитые столовые горы — в свое время в мои руки попали "Эфиопские хроники", один из самых причудливых памятников литературы позднего средневековья, я так и не одолел ее до конца, но моих скудных знаний вполне хватило, чтобы вспомнить, что эти причудливые горы с плоскими вершинами называются "амбы". Там тоже была ночь — ничего удивительного: по моим смутным расчетам эти самые амбы находились не так уж далеко отсюда! Я порывлся в скудных познаниях по географии, которые обнаружились в моей дырявой памяти и удивленно заметил:

— Но мне кажется, что Эфиопия находится где-то на юге отсюда. Я ничего не перепутал?

— Все правильно. — Согласился Джинн.

— А мы идем на север. И повернуть назад мне вряд ли удастся, даже если очень захочется: что-то тянет меня на этот проклятый север, как магнит, я даже храм этого чертова Сетха не смог объехать — да ты и сам все знаешь!

Получается, что наши противники остались у нас за спиной, и расстояние с каждым днем увеличивается... И как же, интересно, мы будем с ними сражаться? Идиотизм какой-то! Хотел бы я знать, какого маразматика назначили менеджером этого проекта?!

— Какая тебе разница? — Джинн пожал плечами. Моя заковыристая терминология его ничуть не смутила, по крайней мере, он не стал интересоваться: ни кто такой "маразматик", ни даже что такое "менеджер проекта". — В назначенный день мы все соберемся в одном месте, Владыка, а все остальное не имеет значения... И потом, кроме этого лагеря у наших противников есть и другие. Все они находятся гораздо севернее, где-то за морем. Как раз там, куда мы направляемся. Хочешь увидеть тех, кто ждет тебя там?

— Мне в общем-то, все равно... Хотя, с ними можно подождать, если уж они где-то за морем. Начинать все-таки следует с ближайших соседей, заодно узнаем, не собираются ли они свалиться нам на голову, не дожидаясь этого самого "назначенного дня". Не люблю сюрпризы!

— Мудрое решение. — Одобрил он. — А кого из них ты хочешь увидеть? Видишь ли, их там довольно много, и каждый сидит на вершине своей горы.

— Хорошо устроились! — Фыркнул я. — Могу им только позавидовать: у нас тут настоящее общежитие, да еще и для всего человечества сразу... Что ж, думаю, для начала было бы неплохо увидеть самого могущественного из них.

великолепный невидимый щит, прикрывший нас от гнева древних существ, обитающих в этом невероятном месте. Сетх больше не пытался высказать нам свои претензии: сейчас он был бессилен. Он ждал.

Внезапно я обнаружил, что уже вернулся в привычный мир, где нет никакого мерцающего тумана, зато над головой синее стремительно темнеющее небо, на котором загораются первые искорки звезд, в лицо дует теплый ветер, и можно услышать, как скрипит песок под мозолистыми ногами верблюдов. Мои спутники были рядом, теперь я снова мог заглянуть в их лица, так что мне показалось, что наше маленькое приключение уже благополучно завершилось. Я так обрадовался, что опустил поводья. Синдбад тут же остановился и начал деловито оглядываться по сторонам в поисках какого-нибудь подножного корма — интересно, что он рассчитывал здесь найти?!

— Тебе следует отъехать подальше, Владыка. — Тактично шепнул Джинн. — Если ты будешь стоять на этом месте, может случиться давка. Ты наверное забыл, сколько людей следуют за тобой, и всем им не терпится поскорее покинуть опасное место...

— Действительно забыл! — Виногато признался я. Синдбад неторопливо затопал вперед, не дожидаясь особого приглашения. И тут я сделал чудовищную ошибку: обернулся назад, чтобы убедиться, что моя армия все еще благополучно следует за мной — а куда, интересно, они могли подеваться?! В то же мгновение я всем телом ощутил, как дрожит и тает спасительный шлейф моего невероятного спокойствия, только что окутывавший всех, кто шел за мной — словно застенчивое чудо не смогло выдержать моего пристального взгляда.

— Говорил же вам, чумазые: уходите прочь, пока не поздно! — На сей раз гневный и торжествующий голос Сетха донесся до меня издали — с призрачной территории его храма, через которую как раз проходила моя армия. Небо над храмом внезапно потемнело — это выглядело, как аккуратная черная клякса на синем фоне сумерек.

Чернота казалась мне живым существом, разумным и рассерженным. В отличие от самого Сетха, в существование которого я по-прежнему не очень-то верил, поскольку не мог отделаться от легкомысленной идеи, что он всего лишь безобидный персонаж древних мифов, это пятно темноты было настоящим противником — абсолютно непостижимым, но чертовски опасным.

— Смотри-ка, он действительно собирается выполнить свою угрозу. — Удивленно заметил Джинн. — Не думал, что до этого может дойти! Надо бы...

Я уже не слушал. Меня захлестнула тяжелая ледяная волна невероятного гнева — вот уж сам от себя не ожидал! Душка Макс куда-то подевался, вместо него власть в моем удивительном организме временно захватил весьма неприятный, но грозный тип, уже немного знакомый мне по разного рода передрыгам. В критических ситуациях обычно выясняется, что он — это я и есть. Сей факт не вызывает у меня особого восторга, но куда денешься от себя, любимого... Этому сердитому варианту Макса ужасно не понравилось, что какой-то "всеми забытый божок" — цитирую дословно! — отважился противостоять его армии. Так что он собирался немедленно разобраться с "этим выскочкой Сетхом". Черт, к моему величайшему изумлению, у него — то есть, у меня! — были все шансы на победу...

Я сам не очень-то понимаю, каким образом мне удалось оказаться в самом

центре черного пятна, повисшего над храмом. Подозреваю, что я просто взмыл в воздух, как истребитель с вертикальным взлетом и немного полетал над пустыней, словно был каким-нибудь очередным суперидиотом, сошедшим со страниц комиксов — страсти-то какие! Чернота над храмом вела себя как живое существо. Она ненавидела меня так, что от ее ярости у меня ныл живот, и отчаянно сопротивлялась моему вторжению.

Впрочем, мои манеры тоже оставляли желать лучшего: кажется, я рычал от удовольствия, когда неопишимо чудовищные клешни, в которые превратились мои руки, разрывали в клочья этот сгусток живой тьмы. Я жадно впивался зубами в невидимые, но осязаемые, дрожащие от боли тугие волокна, которые — тогда я знал это без тени сомнения! — были чем-то вроде артерий этого древнего существа, вызванного к жизни не то гневом Сетха, не то просто причудливой прихотью моей стервонной судьбы...

Все это закончилось внезапно и как-то очень буднично. Я с изумлением обнаружил, что больше не демонстрирую окружающим свои выдающиеся способности к левитации, а просто стою на небольшой ровной площадке на самой вершине храма. Храм уже не был туманным океаном мистического киселя: я ощущал под собой твердые камни, все еще теплые от дневного солнца. В моей левой руке был зажат горячий комок какого-то тяжелого вязкого вещества, на ощупь похожего одновременно на пластилин и свинец — все, что осталось от моего невероятного противника. Комок ритмично пульсировал в моей ладони, он дрожал, как живая и смертельно перепуганная птица. Гнев мой прошел бесследно, и вообще никаких эмоций я не испытывал — наверное, слишком устал. Я рассеянно покрутил в руках свой странный трофей, а потом с силой кинул его себе под ноги, побуждаемый скорее туповатым любопытством слабоумного, чем осознанной необходимостью. На каменной кладке появилась трещина, потом другая, а через несколько секунд пол задрожал под моими ногами, и я почти испугался, потому что мое тело наотрез отказывалось снова взлетать к звездам. Его желания были простыми и понятными: оно ужасно хотело стоять на твердой земле, причем как можно дальше от того участка Вселенной, где рушатся древние храмы. Теоретически я прекрасно понимал, что у меня в запасе все еще видимо-невидимо жизней, но отчаянные вопли инстинкта самосохранения, которому было решительно плевать на академическое знание, сводили на нет все гипотетическое удовольствие, которое вроде бы должен испытывать бессмертный перед лицом заурядной опасности... Одним словом, когда храм Сетха рухнул ко всем чертям, увлекая меня за собой, я отчаянно заорал "джеронимо" — и не потому что хотел удачно пошутить, а в смутной надежде, что крик заглушит пронзительный голос первобытного ужаса: в тот миг я искренне верил, что мне пришел конец.

— "Джеронимо" — это твое новое заклинание? — Уважительно спросил Джинн.

Он каким-то образом успел подхватить меня и увлечь на безопасное расстояние от рушащихся стен — в самый последний момент, как в каком-нибудь дурацком голливудском триллере, авторы которых искренне полагают, что герои должны честно выстрадать заранее запланированный happy end!

— Ага, заклинание! — Нервно рассмеялся я. — Любимое заклинание американских десантников. Могучие были чародеи! Самый простой способ позвать на помощь замешкавшегося джинна...

представляешь! Послушать тебя, так выходит, что есть ты сам, и есть кто-то еще — могущественный чужак, претендующий на то, чтобы занять твое тело. Но ты — это только ты, Владыка, и изменить сей факт невозможно. — Отточенным движением старого фокусника Джинн извлек из воздуха колоду карт и помахал ею перед моим носом. — Эту колоду карт можно перетасовать так, что сойдется самый сложный пасьянс, а можно — так, что не сойдется даже самый простой.

Но колода-то всегда одна и та же: четыре масти и пятьдесят две карты. Если что и изменится так это их порядок. Можешь считать, что ты — такая же колода карт, и как раз сейчас тебя тасует очень хороший шулер, вот и все.

— Хочешь сказать, что скоро сойдется даже самый сложный пасьянс? — Слабо улыбнулся я. — Ты здорово все объяснил, но мне все равно страшно...

Наверное ты прав, дружище, и это пройдет, но какое мне дело до этого светлого будущего, если здесь и сейчас — невыносимо!

— Знаешь, я слышал, что люди, которые очень долго просидели в темнице, нередко боятся выходить на свободу. У тебя тот самый случай, Владыка. — Сочувственно сказал Джинн. — Что они с тобой сделали?!

— Кто — они? — Насторожился я.

— Твои тюремщики, или товарищи по заключению — называй, как хочешь.

Просто люди, среди которых ты слишком долго жил. Которые сами слишком долго жили друг возле друга. В отличие от них, тебе очень повезло, Владыка: хочешь ты, или нет, а тебе придется покинуть свою темницу. Так уж все сложилось.

— И что является "темницей" в моем случае? — Нахмурился я.

— Вот это. — Прохладный палец Джинна осторожно прикоснулся к моему лбу.

— Знал бы ты, в каком количестве душеспасительных книжек описаны подобные сцены! — Нервно рассмеялся я. — А сейчас ты скажешь, что "дао, выраженное словами, не есть настоящее дао" и шарахнешь меня по голове чем-нибудь тяжелым. После этого сатори я непременно просветлею, и все будет хорошо!

— С чего это я должен бить тебя по голове, Владыка? — Изумленно спросил Джинн. — Неужели тебе это нравится?

— Нет. — Честно признался я. — Просто выпендриваюсь помаленьку, не обращаю внимания. Уверен, что эта шутка могла бы понравиться Анатолию, но он уже дрыхнет, как и все остальные... Знаешь, наверное мне просто требуется найти себе какое-нибудь путное занятие, чтобы не слишком отвлекаться на все эти глупые страхи. Может быть, посмотрим твой волшебный телевизор? Узнаем, что новенького...

— Не думаю, что пейзажи опустевших городов поднимут твое настроение. — Нерешительно сказал Джинн. — Насколько я успел тебя изучить, ты не слишком любишь людей, но тебе становится спокойнее, когда ты видишь, что они находятся там, где им полагается: сидят в своих домах, производят бессмысленные действия, именуемые работой, развлекаются, или ходят по магазинам. Тебя это успокаивает, как порядок на кухне хорошую хозяйку, разве не так?

— Все правильно. — Признал я. — Но я и не собирался паяться на опустевшие города.

Честно говоря, мне уже давно хочется посмотреть на наших будущих противников, да все как-то руки не доходили... Это ведь возможно?

Наше войско следовало за нами, скорее вдохновенное, чем напуганное, преисполненное восхищения перед моим могуществом — ну да, им-то я не удосужился объяснить, что не являюсь ни богом, ни дьяволом! — молчаливое, бесстрашное, равнодушное к смерти: я затылком чувствовал их настроение, и оно немного пугало меня самого...

Часа через два я решил, что теперь вполне можно остановиться. Я был не слишком уверен, что моей армии действительно требуется какой-то там отдых, вполне могло оказаться, что эти ребята способны идти за мной не останавливаясь и даже не требуя воды и пищи. Но я никак не мог отделаться от мысли, что там, позади, идут нормальные живые люди, пусть даже восставшие из мертвых — какая, к черту, разница?! — и среди них наверняка попадаются такие же симпатичные ребята, как мои "генералы", просто у меня не было времени познакомиться с ними поближе... Во всяком случае, мне было приятно думать, что они, как и я, любят спокойно посидеть у костра рядом с новыми — а возможно, и старыми — приятелями, болтая о какой-нибудь милой чепухе за чашкой чая, или чего-нибудь покрепче... Наверное, из меня получился самый наивный предводитель "темных сил" всех времен: мир катился в тартарары, а я прилагал все усилия, чтобы путь армии воскресших мертвецов к месту последней битвы хоть немного смахивал на затянувшуюся поездку за город с непременно пикником и продолжительным бестолковым трепом обо всем на свете...

Я удобно устроился на мягком ковре в нескольких шагах от костра.

Заботливый Джинн протянул мне чашечку с кофе. Я обрадовался, вдохнул его густой аромат и с удивлением отодвинул чашку.

— Странно, мне больше не нравится этот запах. Что происходит с моими милыми маленькими дурными привычками? И что, интересно, я без них буду делать?!

Ряд экспериментов показал, что запахи вкусной еды и табачного дыма тоже не вызывают у меня никакого энтузиазма, скорее наоборот. Да и не хотелось мне ни есть, ни курить, ни даже спать. Вообще-то очень удобно, но я начал нервничать: мой разум во весь голос орал, что со мной "не все в порядке".

Тожe мне новость, конечно...

— Кажется, я все-таки превращаюсь в ангела. Какой ужас! — Тихо пожаловался я Джинну.

— Ты ни в кого не превращаешься. Просто ты возвращаешься к себе, Владыка.

— Спокойно сказал он. — Когда-то ты прекрасно обходился без сна и еды — я уже не говорю обо всем остальном! — просто потому, что не знал, что существуют такие вещи как сон и еда... или тебе не было до них дела.

— Хочешь открою тебе тайну, дружище? — Невесело усмехнулся я. — Мне страшно.

— Это пройдет. — Пообещал он. — Когда-то ты вполне обходился и без страха...

— Мне все время кажется, что этот могущественный тип, которого ты называешь "владыкой", только и ждет удачного момента, чтобы сожрать меня с потрохами и остаться на хозяйстве. — Пожаловался я.

— Не выдумывай, ладно? — Покровительственно улыбнулся он. — Никто тебя не "сожрет", даже если очень попросишь... Ты весьма забавно это себе

Джинн тут же поверил моему идиотскому заявлению, и начал заверять меня, что это было не обязательно: он, дескать, и так пришел бы мне на выручку! Я почувствовал себя свиньей неблагодарной и срочно попытался объяснить ему, что просто пошутил.

Джинн слушал с заметным недоверием, но вслух не возражал. Наконец он аккуратно опустил мое драгоценное тело прямо на спину Синдбада. Мои спутники смотрели на меня с благоговейным ужасом. Очевидно, импровизированное воздушное шоу со стороны выглядело весьма впечатляюще!

Мухаммед воспользовался случаем и толкнул пространную речь, посвященную безграничному могуществу нашего с ним ненаглядного приятеля Аллаха. Я честно старался сохранять тактичное молчание во время его выступления — даже за выражением своего лица следил по мере сил, чтобы оно не расплывалось в совсем уж ехидной гримасе.

— А что с нашей армией? — Спросил я у Джинна, когда Мухаммед наконец уgomонился. — Они не пострадали?

— Сейчас посмотрю. — С готовностью отозвался он, растворяясь в синих сумерках новорожденной ночи.

— Теперь мне снова хочется спросить у вас: кто вы? — Тихо сказал Анатоль.

— И что вы сделали с этим храмом? Это был самый крутой кошмар в моей жизни!

— Да уж, какой я иногда бываю сердитый — сам удивляюсь! — Усмехнулся я. — Тем не менее, мне по-прежнему упорно кажется, что меня зовут Макс. И я понятия не имею, что именно я сделал с этим долбаным храмом, и как я это сделал! Я вас очень разочаровал?

Анатоль комично пожал плечами:

— Так и знал, что вы отмажетесь!

— Кстати, мы уже давно могли бы перейти на "ты". — Улыбнулся я. — Надо брать пример с князя Влада, он с самого начала взял верный тон. А мы все расшаркиваемся, как профессорские жены на университетской вечеринке!

— Ваша правда. — Хмыкнул Анатоль. — Вернее — твоя. Вот уж никогда не думал, что боги столь демократичны!

— Час от часу не легче! — Вздыхнул я. — Ну какой из меня "бог"? Ты имеешь в виду того парня, которому по воскресеньям молятся в церкви, и который всегда пишется с большой буквы — даже когда героиня бульварного романа говорит своему любовнику:

"ради Бога, Жорж!" — так, что ли? Ну спасибо, дружище!

— Ну, не обязательно именно тот, "с большой буквы", которому молятся в церкви, скорее уж наоборот... — С некоторым сомнением протянул Анатоль. И извиняющимся тоном добавил:

— Я никогда не придавал особого значения официальным религиям, поэтому мне трудно определиться... Но в вашем поведении явно есть что-то божественное!

— Все что угодно, только не это! — Решительно возразил я. — Я, знаете ли, вполне познаваем, мое тайное имя не зашифровано на шкуре ягуара, иногда я потею и даже хожу в туалет... Да, я же еще и курю, неужели забыл? Так что бога из меня не получится — ни с большой буквы, ни с маленькой.

— Вы уверены? — Настороженно спросила Доротея откуда-то из темноты.

— Совершенно! — Твердо сказал я. — И не "вы", а "ты", мы же только что договорились...

— Ладно. — Улыбнулась она. — "Ты", так "ты"... Вообще-то, даже жалко, что ты — не бог.

Меня бы вполне устроила Вселенная, у которой такой симпатичный создатель!

— Откуда ты знаешь, что я мог бы наворотить? — Печально усмехнулся я. — В свое время я был знаком с совершенно очаровательным человеком — думаю, он был самым славным парнем из всех, кого мне доводилось встречать... Он писал книги — на мой вкус, довольно занятные. Но как этот тип издевался над своими героями, ребята! А ведь хороший писатель — это Творец в миниатюре, так что...

— Я понял: ты — это Он! — Внезапно сообщил мне притихший было Дракула.

— Кто — "он"? — Непонимающе нахмурился я.

— Князь Тьмы. — Замирающим шепотом объяснил Влад.

— Ну уж нет! — Рассмеялся я. — Куда мне: ни рогов, ни копыт, ни даже хвоста, хочешь — можешь проверить... И потом, сам посуди: я же не пытаюсь купить у тебя душу!

— А зачем тебе покупать мою душу, если она и так принадлежит тебе? — Упрямо возразил он.

— Что он имеет в виду, когда называет тебя "князем тьмы", Али? — Неожиданно заинтересовался Мухаммед. До сих пор он оставался совершенно равнодушен к нашей беседе.

— Он имеет в виду, что я — самый главный шайтан! — Ехидно сказал я.

Мухаммед укоризненно покачал головой.

— Али — не шайтан, а рука Аллаха. — Внушительно объяснил он Дракуле.

— Все правильно: твоему Аллаху поклоняются язычники. Поэтому тот, кто является его рукой, и есть... — Влад замялся, подбирая подходящий эвфемизм: он явно не решался произносить вслух слово "сатана", и замогильным шепотом закончил:

— Он!

— Как ты можешь говорить такое?! — Возмутился Мухаммед. — Аллах пребывает в сердцах праведных, это твоего Ису почитают неверные!

Мы с Анатолем переглянулись и неуклюже расхохотались: с точки зрения интеллигентного европейца, живущего в конце XX века, диалог этих средневековых знаменитостей был вершиной идиотизма, настоящей жемчужиной!

Компания у нас подобралась та еще, конечно... Доротея некоторое время напряженно всматривалась в мое лицо — очевидно пыталась окончательно определиться с моим диагнозом: а ну как Влад попал в точку, с кем не бывает! — потом легкомысленно махнула рукой и тоже рассмеялась. Кажется, интригующая беседа о моей "божественной" природе благополучно сошла на нет.

Выразить не могу, как меня это радовало!

— Можно сказать, что с твоей армией все в порядке, Владыка. Несколько тысяч человек погребено под обломками храма, но число погибших представляется ничтожным, если вспомнить, как велико твое войско. — Невозмутимо отрапортовал Джинн. Он уже успел вернуться и некоторое время вежливо ждал, пока мы досмеемся. После его сообщения наше давешнее веселье показалось мне несколько неуместным. Мухаммед и Дракула тут же прекратили свой теологический диспут и

внимательно уставились на меня. Хотел бы я знать, чего они ожидали? Большого мистического шоу с фейерверком и оживлением мертвых в финале — так, что ли?!

— Несколько тысяч? — Упавшим голосом переспросил я. — Совсем плохо! Зря я разрушил этот храм. Надо было подождать, пока все пройдут...

— Если бы ты не разрушил храм, его хозяин наверняка захотел бы продолжить битву. — Заметил Джинн.

— И попытался бы "расчленил" нас, как горемычного брата своего Осириса.

— Ехидно добавил Анатолий. — Я этих египетских богов насквозь вижу!

— Наш противник оказался довольно силен, и он был по-прежнему подвержен приступам божественного гнева, совсем как в былые времена. Поэтому ты должен не печалиться, а ликовать, что жертв оказалось так мало. — Оптимистически заключил Джинн.

— Ладно, буду ликовать. — Мрачно согласился я. — Странно вообще-то, что кто-то погиб...

Эти ребята недавно воскресли из мертвых. Я думал, что они навсегда избавились от глупой привычки умирать — разве нет?

— Ты подарил им еще одну жизнь, но отнюдь не бессмертие. — Сухо сказал Джинн. — Твои люди почти так же уязвимы, как и прежде. А бессмертия вообще не существует, ни для кого. Даже для тебя, Владыка. Иногда смерть можно отсрочить, но ее нельзя отменить.

— Спасибо, обнадежил! — Угрюмо хмыкнул я. — Ладно, идем отсюда. Уже совсем темно, а эти развалины не кажутся мне идеальным местом для ночлега... Но наверное, сначала следует похоронить наших мертвых. Ты справишься с этой неприятной работой, дружище?

— Работа как работа. — Спокойно сказал Джинн. — Скажи только, по какому обряду я должен их похоронить?

— А что, есть разница?

— Не знаю. Тебе виднее.

— Да? — Удивился я. — Что ж, тогда сожги их. Огонь — это единственное чудо, которое живые могут сделать для мертвых. Разведи большой костер на развалинах храма, и пусть пламя будет безжалостным и жадным. Пусть искры погребального костра пляшут среди звезд, пока не угаснут, а когда умрет и огонь, утренний ветер сам смешает пепел с песком, и тогда у смерти не останется ничего от ее богатой добычи, и она уйдет с пустыми руками... — Я смущенно осекся, поскольку сам не ожидал от себя такой неуместной лирической импровизации.

— Да ты поэт, парень! — Улыбка Анатолия была восхищенной и печальной — и, кажется, немного насмешливой.

— Был когда-то. — Буркнул я. — Довольно давно и без трагических последствий. Я очень вовремя остановился: уже после того, как старательно соскреб защитный слой сала с собственного сердца, но прежде, чем завел себе милую привычку заливать мировую скорбь дешевым вином и выть на злодейку луну, поскольку "меня никто не любит".

— "Соскреб сало с сердца"?! Хорошо сказано! — Восхитилась Доротея.

Анатолий понимающе покивал. Мы немного полюбовались на оранжевое пламя, медленно разгорающееся в темноте — неутомимый Джинн уже взялся за дело — и поехали дальше.

Пока я не заметил, чтобы эти ребята крутились на вашей территории, но они из той же компании... Вот теперь, кажется, все.

Они смотрели на меня, чуть ли не распахнув рты. Черт, это было приятно: выступать в роли пророка в таком элитарном обществе!

— Я должен идти. — Наконец сказал Один. — Не обессудь, что я не уделяю должное время на изъявления благодарности, гость. Но я должен назвать эти имена своим рунам на всех амбах. Такое дело не терпит промедления. Гости могут нагрнуть в любой момент.

— Могут, — кивнул я, — они такие! А что касается благодарности, это дело как раз может подождать — хоть до конца времен!

— Не так уж долго. — Мрачно усмехнулся Один. Встал, закутался в свой белоснежный плащ, на секунду замер в дверном проеме. — Я хочу увидеть тебя здесь, когда вернусь, гость. — Торжественно заявил он. — Или в любое другое время, когда тебе заблагорассудится прийти. До сих пор еще никому не случалось сеговать на мое негостеприимство!

— Спасибо. — Улыбнулся я. — Я с радостью принимаю твое приглашение.

Думаю, что мне еще не раз "заблагорассудится". Мне у вас нравится.

— Спасибо на добром слове. — Величественно кивнул он, внимательно вглядываясь в мое лицо своим единственным глазом — ярко-голубым, как... Впрочем, аналогов этого немыслимого оттенка в природе, пожалуй, не существует — разве что на открытках, рекламирующих средиземноморские курорты! Мне показалось, что Один все еще старается понять, не была ли моя лекция об ацтекских богах всего лишь затянувшейся шуткой. Да уж, хороши бы мы были в таком случае, все трое!

Потом Один ушел, и я остался наедине с Марлоном Брандо — то есть, Афиной.

У меня по-прежнему в голове не укладывалось, что загорелый киноактер и прекрасная сероглазая женщина, которую я видел утром — одно и то же существо.

— Тебе мешает мой облик, гость? — Кажется, она читала мои мысли.

— Мешает. — Честно признался я. — Но я переживу.

— Надеюсь, что переживешь, гость: мертвых у нас и без тебя хватает. — Марлон Брандо смотрел на меня с нескрываемым любопытством. — Ты призрак, да? — Неожиданно спросил он.

— Что-то вроде этого. — Я пожал плечами. — Вообще-то, я почти уверен в том, что просто сплю и вижу увлекательный сон о том, как пришел сюда. Но подозреваю, что для тебя все происходит "на самом деле", верно?

— Еще бы! — Удивленно сказал Брандо. — Так значит, тебе снится, что ты пришел сюда, это многое объясняет. Ты странно выглядишь, гость. Не человек, не бог... Но и на тень, удравшую от моего гостеприимного дядюшки Аида, ты тоже не слишком похож.

— Надеюсь! — Улыбнулся я.

— Ты больше ничего о себе не расскажешь? — Без особой надежды спросил мой собеседник.

— Да мне и рассказывать особенно нечего, если разобраться. — Я пожал плечами и извиняющимся тоном добавил:

— Я же сплю. А что может рассказать о себе спящий?

— О, в отличие от того, кто бодрствует, спящий может рассказать о себе все. —

содержимого одной из мисок.

— Амброзию небось жрет! — Ехидно хмыкнул я. — А запивать будет нектаром.

Во люди живут!

Из разговора этой парочки я узнал массу интересных вещей — правда, я не так уж много понял. Они озабоченно обсуждали какого-то загадочного "убийцу с веретенами", от руки которого уже приняли смерть Дионис и Афродита, и другого, не менее загадочного парня, который умудрился благополучно удрасть после сражения с Марсом и большой компанией разгневанных валькирий. Они называли его "пернатой змеей", что вызывало у меня какие-то смутные литературные ассоциации, но поначалу я не стал это обдумывать: меня увлекла беседа мифических существ, легенды о которых так очаровывали меня в детстве. И еще меня совершенно ошеломила их уязвимость: уж чего-чего, а узнать о том, что кто-то из богов-Олимпийцев может быть убит тайнственным злоумышленником, я никак не ожидал! "Тоже мне, бессмертные!" — Сочувственно подумал я, с удовольствием вспоминая бесстыдное количество собственных запасных жизней.

— Если бы я знал их имена! — Серdito восклицал Один. — Тогда мы могли бы спать спокойно: моя руна не пустила бы в твой дом даже самого Творца Вселенной — если бы я назвал ей его имя, конечно!

— А ты назови. — С мрачной усмешкой посоветовал Марлон Брандо. — Только этого прохвоста, Творца Вселенной, нам здесь не хватало!

— К сожалению, его имя мне тоже неизвестно. — Угрюмо признался Один.

В конце концов, эти двое начали отчаянно зевать — как самые настоящие люди! — и решили, что им пора разбредаться по своим спальням. Мне посчастливилось полубоковаться на добрый десяток валькирий, вставших на караул в спальне Марлона Брандо. Они были отчаянно красивы, но хотел бы я посмотреть на безумца, которому пришлось бы в голову за ними поухаживать! От одного взгляда на их лица, яростные и невозмутимые, слегка искаженные кривыми улыбками одержимых, у меня похолодел затылок.

— А ты сам собираешься провести ночь без охраны, отпрыск Бора? — Ворчливо спросил Марлон Брандо. — Думаешь, что можешь позволить себе такую роскошь?

Ты, конечно, великий воитель, кто спорит, но когда имеешь дело с неизвестностью... Знаешь, и я ведь — не худший из воинов, да и Арес тоже!

Тем не менее, мы оба не сочли позором для себя принять помощь твоих воинственных дев...

— Дело не в моей гордости. Просто в отличие от вас я хорошо знаю, как и когда умру. — Мягко сказал Один. — Мне это было предсказано, а вам — нет.

Поэтому я могу позволить себе роскошь провести эту ночь в одиночестве. Оно и к лучшему: мне есть о чем подумать. Кроме этих безымянных убийц существует наш настоящий враг. Наша давешняя беседа у Ареса была слишком непродолжительной, и мы так ничего толком и не решили — только сказали друг другу, что больше не хотим сидеть сложа руки и ждать неизвестно чего...

— Между прочим, это он тебя имеет в виду когда говорит о "настоящем враге". — Заметил Джинн. — Слушай внимательно, возможно узнаешь что-нибудь интересное об их планах.

Я и без того слушал так внимательно — дальше некуда — но ребята сменили тему разговора.

— А ты еще не испытываешь потребность засыпать каждую ночь? — С ошутимой завистью спросила Одина брандоподобная Афина. — Счастливчик!

— Иногда я сплю. — Неохотно признался Один. — К счастью, не каждую ночь...

— А тебе тоже не нравится спать, да? — Понимающе усмехнулся Марлон Брандо.

— Не нравится. Слишком смахивает на смерть. — Кивнул Один.

— Глупые они! — Сообщил я Джинну. — Сон — это же самая интересная часть жизни...

— Для тебя, но не для них. — Резонно заметил тот. Немного подумал и решительно добавил:

— И не для меня, если сон хоть немного похож на тупое оцепенение, сковавшее меня на долгие века, пока я ждал встречи с тобой, пребывая в этом проклятом сосуде!

— Немного похож, наверное. — Задумчиво признал я. — Но иногда это оцепенение полно чудес, которые не случаются с людьми наяву. Прими во внимание, что долгое время мне приходилось довольствоваться только этими чудесами... И еще сон хорош тем, что всегда можно проснуться. Во всяком случае, спящие, как правило, просыпаются...

— Человеческая жизнь тоже хороша тем, что всегда можно проснуться. Правда люди, как правило, почему-то не просыпаются. — Философски заметил Джинн.

Я еще немного понаблюдая за Одином. Ничего интересного я больше не увидел: он неподвижно сидел на ложе, обхватив руками колени, и судя по всему, собирался провести так всю ночь. Волшебный телевизор Джинна не был приспособлен для чтения мыслей, поэтому я решил, что на сегодня с меня хватит. Я и так несколько перебрал новых впечатлений, у меня голова кругом шла от избытка непередаваемой информации!

Экран телевизора послушно погас, я с энтузиазмом обернулся к Джинну: у нас появилось столько увлекательных тем для беседы! Почти бесшумное копошение невидимой тени в темноте за моей спиной заставило меня досадливо поморщиться. У меня не было никаких сомнений, что нас опять навестила моя "подружка", страстная индейская барышня Уиштосиуатль. Правда, пока она больше не пыталась подкатиться ко мне со своими смертоносными объятиями и солеными поцелуями, но ее безмолвное присутствие отравляло все мои ночи.

Думаю, леди терпеливо ждала подходящего момента. Как бы то ни было, а ее визиты здорово действовали мне на нервы.

— Опять эта стерва! — Уныло пожаловался я Джинну. — Надоела! Надо бы прикинуться скромным богом какого-нибудь всеми забытого племени и навестить Одина: попросить, чтобы намалевал у меня на груди свою защитную руну. Тем более, я-то знаю, как зовут мою обидчицу... — Тут я осекся. У меня даже дыхание перехватило, поскольку я внезапно подумал, что вполне может быть...

Еще несколько секунд я потратил на суматошные попытки свести концы с концами. К моему величайшему изумлению концы, вроде бы, сходились. Во всяком случае, моя дурацкая гипотеза была чертовски хороша, и я решил осчастливить Джинна, излив на него бальзам собственной мудрости.

— Знаешь сколько их, этих индейских богов? — Торжественно спросил я

в книжку они почему-то не попали... К Гермесу приходил Уицилопочтли. Его имя переводится как "колибри левой стороны". "Колибри" — это такая птичка, маленькая, как бабочка. Если вам интересно, имейте в виду: такие птички действительно существуют и живут за океаном, можете слетать, полюбоваться на досуге... К Аполлону, Гефесту и Артемиде наведаясь Миктлантекутли, повелитель Миклана, то есть подземного мира мертвых — коллега вашего Аида. Как, кстати, он поживает?

— Гадес? Понятия не имею. Когда мы виделись в последний раз, он напился, как свинья и спал на берегу Стикса. — Один пренебрежительно пожал плечами и нетерпеливо спросил:

— Ты ведь еще не закончил называть их имена, гость? Ты так и не сказал мне, кто убил Геру...

— Я еще много чего не сказал. — Миротвориво согласился я. — Геру убил парень по имени Тескатлипока, что значит "дымящееся зеркало" — бог ночи, покровитель разбойников и колдунов и сеятель разногласий. Под именем Иоалла-Экатль он странствует ночью по улицам, разыскивая преступников, так что иногда этот парень — что-то вроде шерифа... К сожалению, его разрушительная деятельность не ограничивается этой полезной профессией.

Есть у него и другие имена: Ицтли — жертвенный нож; Чальчиутотли — кровь жертвы; Ицтлаколиуки — звездный бог холода, льда, и наказаний; Несалипили — вы будете смеяться: покровитель банкетов; Тельпочтли — повелитель школ;

Некокиаотль — бог-воин; Тепейотль — сердце гор... Крутой парень, правда? И разносторонний... Тем не менее, надеюсь, твоя руна сможет остановить и его.

У Гелиоса побывал Шипе-Тотек — этот красавчик в куртке из содранной человеческой кожи. Между прочим, его имя дословно означает: "наш вождь ободраный" — можете себе представить! К вашей Деметре явилась барышня по имени Шилонен. Ну а к Зевсу приходил Тлалока — бог дождя и, между прочим, грома — можно сказать, в некотором роде коллега вашего Громовержца. Ну вот, собственно, и все... Ах да, среди них еще есть одна милая соленая барышня по имени Уиштосиуатль, богиня соли и соленых вод и по совместительству покровительница распутства. Близкая родственница ваших приятелей: считается, что она старшая сестра Тлаоки и жена Миктлантекутли. Пока она охотится за мной, но ей может надоесть, или родственники позовут на подмогу, так что твоим рунам, Один, не помешает узнать и ее имечко... На всякий случай запомни еще несколько имен: Тлоке-Науаке, он же Ипальнемоуане — самый загадочный из ацтекских богов, его имена переводятся, как "тот, кто содержит все в себе", или "тот, кем мы все живем", и никто не видел его изображений. Еще есть Шиутекутли — "владыка года", бог огня и вулканов, другие его имена Цонкастли — "желтоволосый", Тота — "наш отец" и Уэуэтеотль — "очень старый бог"; Мишкоатль — "белая облачная змея"; богиня вод Чальчиутликуэ, бог солнца Тонатиу; Шиутекутли, Тласольтеотль, Чикомекоатль, Коатликуэ, Тлальтекутли, Ометекутли, Тонакетекутли, Тонакасиуатль — честно говоря, я понятия не имею, кто они такие! — Я напоследок порылся в энциклопедии и обнаружил там еще парочку имен. — Чуть не забыл, — виновато признался я, — у них вдобавок ко всему имеется некий Мецтли, если верить книге, этот парень — бог луны, и Патекаль — бог опьяняющего напитка окли.

всеми не уследишь...

— Здесь, между прочим, и о вас говорится! — Улыбнулся я. — Правда, в основном — всякая ерунда, но довольно мило написано... Ладно, теперь слушайте меня внимательно: я временно прекращаю молоть чушь и приступаю к деловой части своего визита. Вашу загадочную злодейку с веретенами зовут Тласольтеотль, она же Ишкуина, Тоси, или Тетеиннан — думаю, вам не помешает узнать все ее имена, правда? Между прочим, она — богиня плодородия, сексуальных, извините за откровенность, грехов и заодно покаяния, а по совместительству — пожирательница грязи...

— "Богиня"? — Мрачно переспросил Один. — Как же так вышло, что я ничего о ней не знаю?

Я никогда не слышал ее имен. Ты пытаешься меня обмануть, гость? — Кажется, он с трудом сдерживал гнев. Его можно было понять: когда думаешь, что тебе уже давным-давно все известно и понятно, и вдруг в самом конце жизни обнаруживаешь, что подвластное тебе знание легко умещается на одной-единственной страничке толстого тома, да и тот — далеко не единственный в бесконечном лабиринте библиотеки, трудно сохранять спокойствие...

— Зачем мне тебя обманывать? — Я пожал плечами. — Сам посуди: если все люди, которые населяли этот мир, не были знакомы друг с другом, почему бы не предположить, что боги тоже не успели перезнакомиться? В конце концов, вас тоже довольно много! К тому же, эта кровожадная барышня и ее многочисленные коллеги были богами одного древнего и весьма загадочного народа, который жил за океаном, очень далеко от твоей вотчины... Между прочим, я вообще не уверен, что они именно боги — то есть, такие же боги, как вы. Думаю, они — что-то совсем иное! Я воспользовался этим словом, поскольку так их называют в книжке, а другой информации у меня все равно нет. Будем просто считать, что эти ребята — совершенно непостижимые создания, к тому же, обремененные странными привычками: если верить книге, эта зловещая дамочка, Тласольтеотль, с удовольствием лакомится экскрементами, проще говоря — жрет дерьмо. Имейте в виду, если захотите пригласить ее на дружеский ужин!

Марлон Брандо неожиданно расхохотался.

— Не знаю, кто ты, гость, но с тобой стало гораздо веселее, надо отдать тебе должное!

— Спасибо на добром слове, Паллада. — Я даже рассмеялся на вежливый кивок, который при большом желании мог сойти за поклон.

— О, да тебе известно и мое имя. — Нахмурился Марлон Брандо. — До сих пор чужие не узнавали меня в этом облике. А ты узнал.

— Как видишь. — Я виновато развел руками. — Не бери в голову, просто я крупный специалист по чужим именам — наверное, за неимением собственного!

Но вам ведь как раз требовался специалист такого профиля, правда?

— Ладно, предположим, что ты не хитришь, и поговорим о деле. Имена остальных убийц тебе тоже известны? — Нетерпеливо спросил Один.

— Ага. — Гордо сказал я. — Запоминай, отец скальдов! Парня, который охотится на Ареса, зовут Кецалькоатль, что значит — змея, покрытая зелеными перьями. У него есть и другие имена: Зекатль — бог ветра, Шолотль — бог близнецов и чудовищ. Честно говоря, я уверен, что у него имеется еще пара тысяч прозваний, но

Джинна. И не дожидаясь его ответа, доверительно сообщил:

— Я и сам не знаю.

Но чертовски много, можешь мне поверить! Кроме нашей соленой приятельницы, там еще куча народа, один другого кровожаднее — если конечно истории о них не слишком пострадали от руки переводчиков... И вот что любопытно: Один несколько раз упомянул некоего "пернатого змея" — насколько я понял, именно этот парень пытался убить его приятеля Ареса. Так вот, среди ацтекских богов как раз имеется пернатый змей — Кецалькоатль. Крутой мужик, неудивительно, что бог войны и шесть валькирий впридачу не смогли с ним справиться! Впрочем, они там все крутые... Надо будет посмотреть в Энциклопедии мифов: очень может быть, что мы найдем там и этого героя с веретенами, который убил Диониса и Афродиту... Слушай это что же получается? У нас тут конец света, мы к нему старательно готовимся, как юные скауты к летнему походу, а эти умники решили потихоньку перерезать нам глотки и все испортить — какого черта?! Впрочем, очень может быть, что они правы. Очень может быть, что так нам всем и надо... Но я так не играю. Мне не интересно. Я им устрою веселую жизнь! Мы еще посмотрим, кто за кем будет охотиться! — Я и сам не заметил, как начал здорово сердиться. Глупо, конечно: злость никогда не шла мне на пользу! И потом, я не очень-то представлял себе, каким образом я собираюсь "устроить веселую жизнь" огромной компании индейских богов — кровожадных, могущественных и совершенно непостижимых...

— Тебе не следует волноваться по пустякам, Владыка. — Мягко заметил Джинн. — Одно из двух: или ты ничего не можешь изменить, и тогда волноваться бесполезно, или можешь — в этом случае тебе следует браться за дело, а не тратить свою силу на беспокойство и гнев.

— Хорошо быть старым, мудрым, да еще и джинном впридачу! — Усмехнулся я.

— Я тебе смертельно завидую, дружище.

— Не стоит. — Печально улыбнулся он. — Не уверен, что тебе понравилось бы в моей шкуре...

Рассвет мы с Джинном встретили дружно склонившись над толстым двухтомником "Энциклопедии мифов": составляли подробный список богов, которым поклонялись индейцы Центральной Америки — с описанием их внешнего вида, особенностей характера и маленьких милых привычек. Я еще сам не знал, зачем мне это нужно. Но сосредоточенное копание в книгах здорово меня успокаивало: по крайней мере, я нашел себе занятие, которого с избытком хватило на эту бессонную — и почти бесконечную! — ночь... Время от времени я оглядывался в темноту и громко предлагал злодейке Уиштосиуатль явиться с повинной и продиктовать нам "имена, адреса и явки ее сообщников" — я торжественно заявлял, что суд примет во внимание ее сотрудничество со следствием. Джинн снисходительно посмеивался, слушая эту чушь, а темнота и Уиштосиуатль отвечали мне равнодушным молчанием. Тем не менее, собственное дурачество понемногу подняло мое настроение — что мне и требовалось! Мой фирменный рецепт от всех бед: немного повыпендриваться, и все как рукой снимет...

— Смотри-ка! — Изумленно сказал я Джинну, добравшись до буквы "Т". — Кажется, я уже знаю, кто этот загадочный убийца с веретенами. Слушай:

"Тласольтеотль, другие имена — Тоси (наша бабушка), Талалли-Ипало (сердце земли), Ишкуина, Тетеиннан.

Пожирательница грязи, богиня плодородия, сексуальных грехов и покаяния", — на этом месте я не удержался от неуместного хихиканья. Дамочка та еще, конечно... Моя мама не одобрила бы такое знакомство, это точно!

— Но с чего ты взял, что это именно она? — Удивился Джинн.

— А вот послушай, как здесь описывают ее внешность: желтое лицо, в носу украшение в виде полулуния... ага, и самое главное — головной убор из перьев с куском ваты и двумя веретенами. Вот они, веретена! Очень удобно носить оружие в прическе, тебе так не кажется?

— Да, довольно практично. — Одобрительно согласился Джинн.

Утро все-таки наступило, как ему и было положено. Уиштосиуатль наконец-то оставил меня в покое (по крайней мере, я больше не ощущал ее обременительное присутствие), мое войско благополучно проснулось, заспанный Анатоль ехидно спрашивал у еще более заспанной Доротеи, как она, бедняжка, обходится без своих сигарет во сне, она терпеливо объясняла ему, что если не встречать утро чашкой кофе и сигаретой, то и просыпаться не стоит, князь Влад хлопотал, водружая свой ненаглядный гроб на спину бедняги верблюда, Мухаммед торопливо заканчивал утренний намаз — обычное утро в генеральном штабе Антихриста! Я немного поболтал с ними и удобно устроился на спине Синдбада, чтобы продолжить путь.

Примерно через час мне пришлось в голову, что следить за нашими противниками можно не только по ночам: наверняка днем у них тоже происходит немало интересного. Так что я потребовал вернуть телевизор. Джинн пришел в восторг от моей предусмотрительности: почему-то он был совершенно уверен, что я собираюсь разноухать планы противника. Я не стал его разочаровывать и признаваться, что их драгоценные планы мне до фени. Просто мне было ужасно интересно: как дела у этих ребят. Навестил ли этой ночью кого-то из Олимпийцев загадочный убийца, удалось ли героическим валькириям отбить его атаку, и все в таком духе. Честно говоря, я уже за них переживал... кому сказать — не поверят!

Я кое-как установил телевизор на ритмично колышущейся спине Синдбада. Для этого Джинну пришлось хорошенько поколдовать: обыкновенная бытовая смекалка тут не помогала. Наконец телевизор временно превратился в еще один горб на спине моего верблюда — по крайней мере, теперь я мог быть уверен, что он не свалится. Экран засветился, и я увидел в его глубине настоящую Афину. Судя по всему, она только что проснулась и еще не успела придать себе внешность Марлона Брандо. К моему глубочайшему восхищению, Афина Паллада оказалась не слишком похожа на собственные классические изображения, которые мне никогда не нравились.

Радикально короткая стрижка, кожаная летная куртка, узкие штаны и высокие ботинки на толстой подошве тоже не слишком соответствовали моим наивным представлениям об облике богов-Олимпийцев. На мой вкус, она была невероятно красива — впрочем, за такую внешность звание "мисс Вселенная" обычно не присуждают: ребята вроде меня, увы, никогда не становятся членами жюри.

Высокая, с безупречно прямой спиной — настоящая леди! — неопределенного возраста с тонким мальчишеским лицом и пронзительными глазами. Она неторопливо ходила по просторной комнате, в которой я узнал то самое помещение, где они с Одним вчера ужинали: видимо что-то обдумывала. Время от времени она

после долгих блужданий по коридорам я наконец отыскал комнату, где они ужинали, ребят чуть удар не хватил. Они, разумеется, тут же начали порывисто хвататься за холодное оружие, и все в таком духе. Я устало подумал, что им следует спрятать свои железяки в ножны и расслабиться — через секунду они так и поступили. Моего желания оказалось вполне достаточно — наверное, потому, что это был мой сон...

— Кто ты? — Наконец спросил Один. Его голос был решительным и властным — неудивительно! Полагаю, сказывалась многовековая привычка повелевать всеми, кто под руку подвернется... Он меня озадачил: обожаю простые вопросы, ответы на которые неизвестны мне самому! Так что я крепко задумался — на целую минуту, как минимум.

— На моем месте ты сам наверняка сказал бы, что тебя зовут Гест. — Наконец улыбнулся я. — Давай пока остановимся на этом варианте, ладно?

— Как скажешь, гость. — Один едва заметно усмехнулся мне показалось — вполне одобрительно. Потом он нахмурился и требовательно спросил:

— А ты — хороший гость?

Соврать было просто невозможно!

— Такой хороший — лучше не бывает. — Гордо сказал я. — Я пришел к вам с отличным подарком, ребята. С самым шикарным. Вы же хотите узнать имена тех, кто за вами охотится? Готовьте бумагу и карандаши, я собираюсь зачитать вам весь список!

— Вот она, помощь со стороны! — Удивленно сказал Один. Он повернулся к Афине, скрывающей свое невероятное лицо под загорелой физиономией Марлона Брандо. — Пока я гадал, откуда может взяться эта помощь, она уже тут как тут! — Он поднялся мне навстречу и торжественно заявил:

— Добро пожаловать, гость — кем бы ты ни был, ты пришел вовремя!

— Немного поздно, если разобраться. — Я пожал плечами, усаживаясь на пол в самом центре комнаты: почему-то мне показалось, что это хорошее место. — У вас уже убили троих, да? Но я узнал о ваших проблемах только прошлой ночью, да и то случайно...

Можно сказать, вам повезло: когда одна шустрая барышня из этой компании вышла на охоту за моим скальпом, я срочно обзавелся одной познавательной книгой, даже двумя книгами, которые в то же время являются в некотором роде одной... эх я лихо закрутил, однако! Здесь пишется о многих удивительных существах, в том числе и о ваших врагах. — Разумеется, я не укладывался спать в обнимку с толстенным двухтомником "Энциклопедии мифов", ему полагалось мирно болтаться в одной из сумок, притороченных к седлу Синдбада, но это был мой сон, и я мог творить, что захочу. Я захотел внушительно потрясти перед орлиным носом Одина своим "настольным справочником начинающего Антихриста", и двухтомник тут же оказался в моих руках. Я охнул от неожиданности, и чуть не уронил это сокровище: все-таки энциклопедия была не правдоподобно тяжелой! Один уважительно посмотрел на черный переплет книг и недоверчиво покачал головой.

— Как все просто оказалось! Вот уж не думал, что в этом мире есть книга, в которой о них написано... Странно, почему она никогда прежде не попадалась мне на глаза? Впрочем, в последнее время у людей появилось слишком много книг, за

который пришел в свой любимый ресторан специально для того, чтобы получить фирменное блюдо в исполнении шефповара, но не может отказать себе в удовольствии перелистать меню в ожидании официанта, хотя четко определился с заказом еще до того, как вышел из дома...

Разумеется, я с самого начала хотел оказаться на вершине столовой горы, приютившей Афины и Одина, которых в глубине души уже считал чуть ли не старыми друзьями. И я там действительно оказался — все было так легко, что даже не верилось. Вообще-то, когда собираешься совершить что-то претендующее на звание чуда, готовишься к тому, что это будет трудно, но пока я заблаговременно напрягался и делал умное лицо, все уже случилось само собой: одна реальность ушла у меня из-под ног, а другая неслышно подкралась из-за спины и накрыла меня с головой, я и опомниться не успел!

Только что я сосредоточенно пялился в теплую красноватую темноту под собственными веками, а теперь меня приняла ласковая прозрачная темнота лунной ночи — она была не только перед моими глазами, а везде, и я ощущал нежное прикосновение этой темноты к моему затылку: вполне физическое прикосновение, похожее на робкую ласку. Я с удовольствием отметил, что на мне больше не было ни зеленого плаща, ни прочей высокопарной карнавальной чепухи: обыкновенные голубые джинсы, темная футболка и светлая рубашка из тонкого льна с длинными рукавами, размера на два больше, чем требуется — такую чертовски приятно надеть летней ночью, вместо пиджака. Как я, оказывается, соскучился по собственному незамысловатому имиджу! Мои глаза быстро отыскивали знакомый рисунок на древней каменной кладке: руну Эйваз, которую прошлой ночью начертил Один. Я был уверен, что меня-то она пропустит как миленькая: во-первых, я не собирался обижать хозяев дома — скорее уж наоборот! — а во-вторых, ей было неизвестно мое имя, с некоторых пор я подозревал, что оно неизвестно даже мне самому... И вообще, это всего лишь сон — мой сон! — а значит, все будет так, как я захочу, без драматических вариаций! Эти примитивные рассуждения здорово подняли мое настроение, возможно я даже несколько переборщил с этим самым хорошим настроением, но мне нравилось.

— Привет, руна Эйваз! — Весело сказал я зигзагообразному произведению Одина. Фраза прозвучала чертовски глупо, но меня хлебом не корми — дай сморозить глупость: это меня успокаивает, не знаю уж почему! А потом я решительно шагнул в освещенный факелами коридор. Мне не терпелось пообщаться с обитателями этого местечка.

Живые плюшевые игрушки почему-то так и не встретились на моем пути — то ли по ночам их укладывали спать, то ли я им попросту не понравился... Зато в коридоре обитали тени — те самые призрачные существа, которых я заметил еще утром на экране своего волшебного телевизора. Я так и не постиг природу этих странных существ, зато быстро разобрался, зачем они нужны: тени были стражами, верными и надежными.

Думаю, если бы я пришел сюда наяву, у них хватило бы могущества не позволить мне идти дальше, но сейчас я не проходил по их ведомству: мое присутствие насторожило их, заставило беспокойно зашевелиться в темных углах, но этим все и ограничилось.

Так что мой визит оказался полной неожиданностью для Одина и Афины: когда

нетерпеливо взмахивала рукой, словно подгоняя ленивую мысль.

В ее жестах удивительным образом сочетались нервная взвинченность и равнодушное, даже немного ленивое спокойствие. Я с изумлением обнаружил, что совершенно очарован: кажется, Афина была одной из тех редких женщин, которых можно нежно любить всю жизнь после одной-единственной случайной встречи, ничего не требуя и ни на что не надеясь — до сих пор я не очень-то верил, что так бывает... "Ни на что не надеюсь" — это именно то, что требовалось, поскольку надеяться мне-то уж точно было не на что! Сценарий наших отношений уже был написан, он был незамысловат, как параграф воинского устава: встречаемся на поле боя и тупо сражаемся, пока жалкие остатки этого прекрасного мира не рухнут в тартарары — вот, собственно, и все!

Несколько минут я зачарованно наблюдал за Афиной. Честно говоря, меня это совершенно устраивало: даже если бы у меня был пульт, я бы не стал нажимать на кнопки, пытаясь отыскать более увлекательное зрелище. Наконец Афина вышла из комнаты, и углубилась в освещенный факелами широкий коридор.

Вокруг нее тут же засуетился добрый десяток удивительных существ — кажется, все они были очень большими живыми плюшевыми игрушками, вроде собаки и ежика, которых я видел вчера. Через несколько секунд я действительно обнаружил среди них своих старых знакомцев и принялся рассматривать остальных. Еще две собачки, рыжий медвежонок, серый пушистый котенок и еще несколько очаровательных созданий, совершенно неподдающихся классификации.

Афина рассеянно погладила зверушек по пушистым загривкам, что вызвало неописуемый энтузиазм в их рядах.

— Ну хватит, любимчики, дайте мне пройти. — Нетерпеливо вздохнула она. Ее голос тоже мне понравился: довольно низкий, бархатистый и отлично поставленный — такой голос бывает у людей, привыкших выступать перед большой аудиторией. Кажется, она была настоящим совершенством! Впрочем, богине и положено быть совершенством, я полагаю...

Кроме плюшевых зверушек в коридоре были еще какие-то существа — темные тени, причудливые очертания которых то и дело мелькали на фоне освещенных факелами каменных стен. Эти тени показались мне угрожающими и неприятными, я понял, что инстинктивно боюсь их — наверное, по той же причине, по которой многие люди брезгливо боятся насекомых: мы слишком разные, и нам никогда не удастся прийти к взаимопониманию.

Пока я разглядывал эти тревожные силуэты, Афина кое-как уговорила своих плюшевых приятелей немного повременить с объятиями. Она торопливо прошла по коридору и постучала в одну из дверей.

— Я тебя не разбудила, Один? — С неподражаемым ехидством спросила она, входя в его спальню. — А еще говорил, что тебе не нравится спать... Между прочим, скоро полдень!

— Я знаю. — Высокомерно откликнулся он, вставая с ложа. — У меня плохие новости, Паллада. Хотел бы я приветствовать тебя иными словами, но лучше тебе поскорее узнать правду.

— Кто? — Упавшим голосом спросила она. — Кто на этот раз?

— Гера. — Мрачно сообщил Один. — Трое моих валькирий тоже пали от руки убийцы. Не думал, что такое возможно! Остальные валькирии явились сюда на

рассвете и все мне рассказали.

— Как они до тебя добрались? — Нахмурилась Афина. — Неужели мои Стражи их пропустили?

— Никто не может остановить валькирию. — Невозмутимо пояснил Один.

Немного помолчал и сердито добавил:

— До сегодняшнего дня я был уверен, что и убить валькирию совершенно невозможно! Но оказалось, что я ошибался...

Знаешь, к Гере приходил кто-то незнакомый. Мои девочки в один голос утверждают, что это было тело без головы с двумя дверцами в груди, которые то открывались, то закрывались, издавая стук. Оно не просто убило Геру и моих валькирий, оно аккуратно расчленило их и засунуло куски их тел в эти самые дверцы. От их тел ничего не осталось. Можешь себе вообразить нечто подобное?

— Бред какой-то! — Вздохнула Афина. — Это безумие, Один. Только с ума сошли не мы, а мир, в котором мы обитаем.

— Совершенно с тобой согласен. — Кивнул он.

— Это был Тескатлипока! — Изумленно сообщил я Джинну. — Все сходится: тело без головы с дверцами в груди считается самым страшным из его многочисленных обликов, хотя мне оно кажется просто самым дурацким...

Помнишь, мы же о нем читали!

Индийские боги вышли на охоту за головами всех остальных участников фестиваля, вот это да!

Один тем временем продолжал рассказывать.

— Эта ночь была беспокойной для многих. Все мои валькирии успели побывать у меня с новостями, так что теперь я знаю, как было дело. У Ареса снова был гость — тот же самый пернатый змей, что и прошлой ночью. К счастью, у этого змея опять ничего не получилось. К Гермесу приходил некто в шлеме, имеющем форму причудливой птицы.

Аполлона навестило существо, похожее на человека, но с черепом вместо головы. С ним были мышь, паук и сова, но они не принимали участия в драке, только наблюдали.

Потерпев поражение, сей неугомонный муж наведался к Гефесту, а потом, уже на рассвете — к Артемиде. Во всяком случае, у них обоих побывал точно такой же парень — или эти трое — просто братья-близнецы? Мне ведомо, что так бывает... У Гелиоса побывал некто в куртке из содранной человеческой кожи, зашнурованной на спине — стоящая одежка, правда? Знаешь, говорят, что Гелиос оказался самым опасным противником: моим валькириям даже не пришлось вмешиваться. Он чуть было не сжег это существо своим жаром, от которого вспыхнули волосы одной из моих дев. Думаю, с его могуществом пока все в полном порядке! Может быть, солнце все еще делится с ним своей силой?...

— Хорошо, если так. — Вздохнула Афина и попросила:

— Продолжай, пожалуйста! Что с остальными?

— К Деметре явилась юная дева в желто-красном платье — если верить моим валькириям, она выглядит как ребенок, но не менее опасна, чем все остальные незнакомцы. Все же им удалось ее прогнать. Твой отец тоже не скучал этой ночью: к нему приходил некто с черным телом, совиными глазами и клыками ягуара, с зубчатой короной на голове. В руках у него была живая молния, но у Зевса все еще

катится к черту — да какое там, уже благополучно прикатился! — девочка уже умерла, ожила и бредет по пустыне к месту последней битвы, в компании таких же оживших мертвецов, как она сама. И страдает не от этого кошмара, а всего лишь от неразделенной любви...

Это так смешно, что мне даже смеяться не хочется!

— Вот-вот! — Кивнула Доротей. — Мари полдня рассказывала мне, что встретила какого-то мальчика "с красивыми глазами" — если верить ее словам, конечно! — он довольно мило за ней ухаживал, ей как раз было одиноко — несмотря на присутствие у нее под боком всего человечества! — и ей показалось, что этот мальчик сможет ее понять и оценить по достоинству... словом, все как всегда. В итоге она в него втюрилась, а он почему-то к ней охладел: придумался о вечности, я полагаю. Я попыталась было бестактно напомнить ей, что с нами происходит, но мои разговоры о том, что мир, в котором мы жили, кончился, и мы сами тоже... кончились — если можно так выразиться! — не произвели на нее никакого впечатления. Ну, вообще-то Мари заинтересовалась этой темой минут на десять, а потом снова завела свою песню: "ты понимаешь, какое дело..."

— она чуть ли не каждую фразу начинает с этих слов. Милая девочка, но совершенно сумасшедшая!

— Все мы совершенно сумасшедшие, каждый на свой лад. И не думаю, что мы стали такими только сейчас, мы всегда были сумасшедшими — мы, и все остальные люди. — Задумчиво усмехнулся я. — С другой стороны, девочка по-своему права: надо же как-то развлекаться! Если уж сидишь в тюрьме, следует хотя бы готовить побег — даже если точно знаешь, что у тебя нет никаких шансов. Какая-никакая, а все-таки альтернатива!

Просто ей в голову не пришло ничего более оригинального, чем банально влюбиться и как следует пострадать напоследок, как будто впереди целая длинная жизнь, которую можно легкомысленно транжирить на всякие глупости.

Думаю, твоей новой подружке просто не хватает воображения. Но недостаток воображения — это общая беда всего человечества... Боюсь, что моя тоже: невзирая на стремительно приближающийся конец света, я собираюсь закрыть глаза и заснуть, чем скорее — тем лучше. Правда, я здорово придумал? Свежо и оригинально, куда уж этой девице с ее большой любовью!

Так что извините, ребята: собеседник из меня сегодня никудышный... Зато вы можете орать и шуметь, сколько влезет, да хоть заняться хоровым пением, или уронить небо на землю: мне уже ничего не помешает!

Я сам удивился скорости, с которой мне удалось выполнить свое обещание: я действительно закрыл глаза и моментально отрубился, даже не успел потребовать у Джинны свое одеяло.

Мне всю жизнь везло на занимательные сновидения, настолько яркие, сочные и правдоподобные, что так называемая реальность по сравнению с ними — старый кубик Рубика с облупившимися гранями, да еще и рассыпающийся в руках при первой же попытке его собрать. Но в эту ночь случилось нечто особенное: я сам мог выбирать, какой сон хочу увидеть — или какую жизнь прожить!

Честно говоря, я не видел особой разницы между сном и настоящей жизнью, ни тогда, ни теперь... Я ненадолго задержался на границе между "почти сном" и сном, перебирая возможные варианты сновидений с ленивым любопытством человека,

— У меня сегодня была одна забавная встреча. — Сообщила мне Доротея, усаживаясь рядом со мной возле костра. Кажется, ей не терпелось поделиться впечатлениями.

— Что, встретила в нашей войске кого-то из старых друзей? — Оживился Анатолий. — Иногда мне приходит в голову, что среди тех, кто следует за нами, должны быть абсолютно все, кого я знал — как бы это сформулировать...

— при жизни! Считается, что в этой армии служит все человечество, верно? Но когда я думаю о том, что можно было бы разыскать кого-то из знакомых, поболтать с ним о "старых добрых временах", я не испытываю никакого энтузиазма, скорее наоборот... Совершенно на меня не похоже!

— Я понимаю, о чем ты говоришь. — Энергично закивала Доротея. — Меня тоже почему-то совсем не тянет отправиться на поиски друзей юности, в глубине души я даже боюсь, что такая встреча может случиться... Но я не встретила старого знакомого. Со мной разговаривала одна милая девочка, но я не знала ее прежде... Не в этом дело: сначала Мари — ее так зовут — вывалила на меня подробную информацию о своей коротенькой жизни — ничего интересного, если честно, но пришлось выслушать: она так обрадовалась, что я не посылаю ее куда подальше! Да я бы и не смогла ее послать.

Когда едешь верхом на такой громадине, а человек идет пешком, да еще и смотрит на тебя снизу вверх и с надеждой спрашивает, можно ли с тобой поговорить... Это какой же надо быть сукой, чтобы послать!

— Ну почему сразу "сукой"? Не сгущай краски, Дороти, просто умение посылаять подальше того, кто с надеждой пялится на тебя снизу вверх приходит с опытом. — Насмешливо заметил Анатолий. — Очень полезное умение!

— Так что такого забавного было в вашей беседе? — Лениво спросил я. Если честно, сейчас мне было глубоко по фигу, что там у них случилось, но я считал своим долгом поддержать разговор. Кроме меня все равно было некому: Джинн как всегда взвалил на свои призрачные плечи заботу обо всем человечестве сразу, у Мухаммеда намечался очередной намаз, а князь Влад лежал на теплом песке, мечтательно уставившись на звезды. Он вообще был не слишком разговорлив, а в последнее время и слушал-то нашу болтовню без особого любопытства: наверное, парень просто привык к своему удивительному посмертному существованию, а заодно к нашей странной компании и непонятным разговорам, так что в какой-то момент перестал придавать им значение — и правильно!

— Представь себе, это создание поведало мне печальную историю своей большой и светлой любви! — Доротея сказала это таким интригующим тоном, словно собиралась открыть мне тайну происхождения Вселенной.

— Ну и что? — Я даже рассмеялся от неожиданности. — У любой девушки всегда имеется наготове история любви — и не одна! И они с удовольствием рассказывают ее чуть ли не каждому, кто согласится выслушать... во всяком случае, некоторые девушки это просто обожают!

— Да нет, ты не понял! — Доротея энергично замотала головой. — Она рассказывала мне не какую-нибудь историю из своего прошлого. У барышни несчастная любовь, или что-то в таком роде — не была когда-то, а прямо сейчас!

— Ну и что? — Равнодушно переспросил я.

— Сейчас? — Заинтересовался Анатолий. — Да, это действительно забавно! Мир

полным-полно собственных молний, ты же знаешь, так что нашла коса на камень! Битва закончилась вничью, и чернотелый был вынужден удалиться. Мои валькирии почувствовали себя счастливыми: считают, что они с Зевсом на славу повеселились. Ну, ты знаешь, у них до сих пор такое восторженное отношение к битвам...

— Что ж, хоть кому-то это нравится. — Мрачно усмехнулась Афина. — А к нам никто не пожаловал? Твоя руна все-таки держит их на расстоянии!

— Ни хрена она не держит! — Сердито сказал Один. — У нас тоже были гости.

Вернее, гостыя. Та самая, с веретенами. Эта вздорная баба носит их в волосах, вместе с кучей перьев и ваты. Безумная, она всерьез верит, что это делает ее красивой! Никогда не думал, что женщина может быть настолько уродливой... А что касается моей руны, она не смогла помешать этому чудовищу, как я и предвидел. К счастью, ее силы хватило на то, чтобы предупредить меня, так что я встретил нашу гостью на пороге.

— И что было потом? — С улыбкой спросила Афина. — Впрочем, я могла бы и не спрашивать! Где ее труп, Один? Что-то я его здесь не вижу. Ты его съел?

— Не преувеличивай, Паллада: перед этим я плотно поужинал. — Один тоже улыбался, насмешливо и печально. — Моей силы с лихвой хватило, чтобы не пустить ее в твой дом, это было не так уж трудно. Гораздо легче, чем я ожидал... Но убить ее оказалось невозможно. Думаю, все наши ночные гости воистину бессмертны, в отличие от нас самих!

— А жаль. — Просто сказала Афина. — Лучше бы наоборот!

— Если бы только я знал их имена! — Вдохнул Один. — Мы могли бы спать спокойно. В моих рунах все еще много силы, они могли бы остановить наших незваных гостей, бессмертные они, или нет...

— Знаешь, — сказал я Джинну, — я постепенно склоняюсь к тому, чтобы послать им записку с этой бесценной информацией. Отнесешь?

— Надеюсь, ты шутишь, Владыка? — Нахмурился Джинн. — Эти индейские боги оказывают нам неоценимую услугу, сами того не ведая.

— В гробу я видел их услуги! — Буркнул я. И неохотно признался:

— Мне почему-то очень хочется им помочь.

— И еще тебе очень хочется им понравиться. — Насмешливо заметил Джинн. — Еще одна милая человеческая причуда — нравиться всем и каждому, даже собственным врагам. А они — наши враги, Владыка, ты не забыл?

— Ну и что? — Равнодушно спросил я. — Они мне нравятся. Наверное, одно другому не мешает.

— Врагам свойственно убивать друг друга, Владыка. — Джинн разговаривал со мной, как с больным ребенком. — Убивать, а не спасать. Если бы у тебя по-прежнему была всего одна жизнь, а не шестьсот с лишним, ты бы относился к этому серьезнее.

— Может быть, — неохотно согласился я, — но поскольку их у меня действительно шестьсот с лишним, серьезным я стану еще очень нескоро, ты уж извини...

Я не отрывался от телевизора до самого вечера. Я видел, как Один с Афиной, снова принявшей облик Марлона Брандо, сели в аэроплан довоенной конструкции — я с изумлением узнал своего старого знакомого: черного кота с желтым бантом на шее, украшавшего хвост самолета, и большие сине-бело-красные круги на

серебристых крыльях. Я вспомнил, что уже видел этот очаровательный самолетик: шум его моторов вывел меня из сладкого оцепенения, когда я в полном одиночестве ехал неведомо куда по пустыне, без войска и генералов, даже мой приятель Джинн еще дремал в волшебном сосуде, украшавшем шею Синдбада... И этот же аэроплан кружил над моей головой в самом начале этого идиотского мероприятия, еще до того, как меня убила моя старинная подружка Сфинкс, только тогда он был игрушечным... — или мне так казалось?

— Так это были вы, ребята! — Я и сам не заметил, что произнес эти слова вслух. Самое удивительное, что и Один, и Афина настороженно оглянулись — можно было подумать, что они меня слышали. Впрочем, в этом я все-таки здорово сомневался...

Целый день я зачарованно следил за их перелетами с амбы на амбу. Мне довелось увидеть почти всех Олимпийцев, причем их настоящий облик остался для меня тайной — эти ребята, как и Афина предпочитали пользоваться чужими лицами. Среди них обнаружилось целых два Элвиса Пресли: один из них оказался Аполлоном, а другой — не кем иным, как самим Марсом, что здорово меня насмешило.

Насколько я понял из разговоров, эти двое находились в состоянии перманентной ссоры, поскольку никак не могли поделить полюбившийся им сладкий образ. Мне внезапно пришло в голову, что настоящий Элвис наверняка находится в моем войске — если только он не был ни ангелом, ни инопланетянином, что довольно сомнительно. Я подумал, что надо бы при случае разыскать этого красавчика и рассказать ему о его посмертной славе, грех лишать человека его последнего триумфа. Наверняка парень будет доволен своим успехом среди богов-Олимпийцев, еще бы: вот это, я понимаю, зрительское признание!...

Кроме двух Элвисов среди Олимпийцев обнаружился Ричард Чемберлен — это был Гермес. Из его беседы с Одним и Афиной я быстро понял, что Чемберлен — это чистой воды случайность, короткий эпизод в его биографии, поскольку шустрейший из богов меняет свой облик по несколько раз в день: никак не может остановиться на чем-нибудь определенном. На этого дядю было приятно посмотреть — в отличие от своих товарищей он не выглядел ни обеспокоенным, ни огорченным. Судя по всему, Гермес был таким же легкомысленным оболтусом, как и я сам... Впрочем, куда уж мне: у него-то в запасе была всего одна жизнь, тем не менее, он лучился насмешливой улыбкой, в лицах описывал ночное сражение с неведомым гостем, комично передразнивал серьезных валькирий и беззаботно сыпал ехидными комментариями — одним словом, Меркурий купил меня с потрохами! Впрочем, он нравился мне еще в те невообразимо далекие времена, когда я считал его просто литературным героем...

Богиня Диана предстала перед своими гостями отнюдь не в обличьи юной охотницы.

Эта барышня присвоила себе холодное очарование Марлен Дитрих — мне оставалось только тихонько аплодировать достоинству, с которым она его носила. Гефест, к моему величайшему изумлению, облюбовал для себя трогательный облик Чарли Чаплина — может быть хромого бога очаровала нелепая, но проворная походка этого маленького человека? Гелиос оказался почитателем Боба Марли: он не только позаимствовал эту экзотическую внешность, оставив при себе свою

солнечную золотистую шевелюру, но еще и тихонько мурлыкал что-то из его репертуара — причем, ему это даже шло. Под занавес мне посчастливилось лицезреть Зевса, и это было главным сюрпризом.

Очевидно, киноактеры и прочие выдающиеся деятели массовой культуры были ниже достоинства Громовержца: их легкомысленному обаянию он предпочел морщинистую физиономию старой черепахи, украшенную гротескными густыми бровями. Через несколько секунд я узнал это лицо: когда-то оно принадлежало Леониду Брежневу и ассоциировалось у меня исключительно с идиотскими словосочетаниями вроде "холодной войны", или "советской угрозы" — чушь какая-то!

— Наконец-то я вижу рожу, которая может хоть как-то сойти за лицо врага!

— Весело сказал я Джинну. — Хотя, на мой вкус, он все-таки слишком смешной!

— Зевс — очень опасный противник, каким бы забавным он тебе сейчас не казался. — Сухо заметил Джинн.

— Охотно верю. — Кивнул я. Из-под лохматых бровей на меня смотрели такие грозные глаза, что я ни на секунду не сомневался в возможностях этого дяди, и искренне радовался, что он находится где-то далеко позади: легендарная молния в его кулаке казалась мне весьма конкретной штукой!

Никакой стратегически полезной информации я из этого киносеанса так и не почерпнул, поскольку до планов нападения на мое войско дело не дошло: ребятам явно было не до нас. Визиты таинственных недоброжелателей казались им куда более животрепещущей темой! Как бы не храбрились эти гордецы, но даже мне было видно, насколько они напуганы. За этот долгий день Один выпустил из себя литров сто крови, украшая жилища своих друзей защитной руной. Он мрачно объяснял Олимпийцам, что защитить их руна, увы, не сможет, поскольку ему неизвестны имена убийц, но она даст знать о приближении врага валькириям — все лучше, чем ничего... Олимпийцы благодарили его вежливо, но немного разочарованно: думаю, в глубине души они надеялись, что Один способен быстро разобраться с этой проблемой. В общем, настроение в лагере наших противников было отнюдь не приподнятое. К тревоге за собственную судьбу прибавлялась печаль о погибших. Афина то и дело примеряла скорбные морщинки на лоб Марлона Брандо, ее родственники тоже не отставали, даже грозный Зевс чуть не пустил слезу, вспоминая свою Геру, теперь уже бессмысленно мертвую, словно в ее жилах не текла кровь безумного Кроноса...

Можно было подумать, эти ребята каким-то образом чувствовали, что за ними наблюдает человек, который может им помочь и старательно демонстрировали мне свою беспомощность и смятение, чтобы растопить мое каменное сердце.

Знали бы они, как это легко: оно и каменным-то никогда толком не было, к моему величайшему сожалению!

Когда я оторвался от экрана, сумерки уже сгустили воздух, сделав его не правдоподобно свежим. Небо справа от меня было темно-лиловым, а слева поспешно догорал закат, великолепный, но катастрофически короткий, как всегда бывает в пустыне. Я решил, что мне следует на время покончить с наблюдением за чужой жизнью и заняться устройством своей собственной: я с удивлением понял, что сегодня вечером мне возможно удастся заснуть, хотя мысли о еде, или чашке кофе по-прежнему вызывали у меня равнодушное отвращение.

созданию, так уж вышло! Впрочем, в любом из предсказаний можно найти крупицу истины, даже в бессмысленном бормотании глупой старухи, спяну пытающейся прослыть пророчицей, и если бережно сложить нужные осколки, мы получим вполне правдоподобную картину судьбы этого мира, и нашей собственной судьбы... Когда предсказания начали сбываться, одно за другим, и мне стало ясно, что день нашей гибели близок, я подумал, что мы все еще можем кое-что сделать. Мне пришло в голову, что если все мы начнем совершать поступки, которые не были предначертаны, мы можем изменить наше будущее, сделать его непредсказуемым.

Может быть, оно станет даже более страшным, чем было предсказано, но возможно, нам удастся изменить его к лучшему — пока не попробуешь, не узнаешь!

Сначала я пытался объяснить это своим сородичам, но они слишком долго готовили себя к смирению перед лицом судьбы, поэтому мои слова достигали разве что их ушей, но не сердца... И тогда я совершил поступок, который не мог совершить, поскольку в страшном предсказании старой безумной Вельвы не было ни слова о том, что накануне последней битвы Один покинет золотые чертоги Вальгаллы и уйдет неизвестно куда с тем, чтобы никогда не вернуться... Я отправился на юг и бродил по этому прекрасному умирающему миру, пока не встретил вас. Я остался с вами — потому, что вы пришли мне по сердцу и показались хорошими союзниками, но в первую очередь — потому, что ни в одном из предсказаний не было сказано, что я встречу с древними обитателями Олимпа и захочу разделить их последние дни...

— Понимаю. — Кивнул Зевс. Его глаза азартно сияли. Даже облик бровастого русского политика куда-то исчез: сейчас на меня смотрел настоящий Громовержец, помолодевший и окрыленный надеждой. Такого я бы с радостью взял в свою дружину и в лучшие дни, когда мне было из чего выбирать... Он требовательно спросил:

— Но почему ты так долго молчал, Один? Может быть, ты действительно нашел способ перехитрить судьбу. Мы могли бы попробовать вместе!

— Еще попробуем. Именно поэтому я и попросил вас собраться на этой амбе.

До сегодняшнего дня я молчал, поскольку мне было нечего вам предложить, а я не люблю болтать попусту. Но теперь у меня есть для вас хорошее предложение. Наш враг и его мертвое войско движутся на север. С каждым днем они все дальше от нас.

Считается, что мы не будем сражаться, пока не придет день последней битвы... А ведь ваши летательные машины могут уже завтра атаковать их с тыла. Я с удовольствием к вам присоединюсь. Все очень просто.

— Звучит заманчиво, но нас слишком мало, Один! — Сердито сказал Гефест. — Неужели ты думаешь, что мы сможем причинить им серьезный ущерб?

— Не забывай, Вулкан: кто они, и кто мы! — Надменно сказала Афина. — Они — всего лишь мертвые люди...

— А мы — всего лишь умирающие боги. — Неожиданно вставил Аид. До сих пор он равнодушно молчал, опустив голову и внимательно рассматривая собственные руки.

Его реплика прозвучала, как гром с ясного неба. До сих пор никто не решался столь откровенно высказаться о состоянии наших дел. Кажется, Олимпийцы были шокированы его прямой.

Задумчиво протянул Брандо. — Спящего можно читать, как книгу, но ты — книга, написанная на неведомом мне языке... Впрочем, если не хочешь говорить о себе, я не стану тебя неволить.

— А можно, я сам буду задавать вопросы? Честно говоря, мне ужасно интересно: что за тени шастают по твоему дому? Мне показалось, что они охраняют тебя, но меня они пропустили.

— Если бы только тебя! — Мрачно откликнулся он. — Это мои Стражи.

Когда-то они были рисунками — просто изображениями живых существ, умелыми и не очень. В свое время мне удалось подарить им что-то вроде жизни — в обмен на верную службу. До тех пор, пока к нам не повадились эти незнакомые боги, мои Стражи были безупречными охранниками. Но теперь они почти бесполезны.

Такие же Стражи охраняют все наши амбы, и ни одному из них не удалось не только задержать убийцу, но даже предупредить о нем своих хозяев...

— А игрушки? — С любопытством спросил я. — Эти славные смешные существа — откуда они взялись?

— Это Любимцы. — Улыбнулся мой собеседник. — Они действительно просто плюшевые игрушки. В прежние счастливые времена, когда люди перестали беспокоить нас своими молитвами, поскольку уже не верили в наше существование, а день Последней Битвы еще не был определен, и казалось, что он никогда не наступит, у нас появилось много свободного времени. Даже слишком много: вся наша жизнь была одним затянувшимся вялотекущим праздником. Мы любили наведываться в города, населенные людьми, поскольку людям иногда удавалось придумать на редкость хорошие развлечения.

Вообще-то странно, если учесть, сколь короток их век: чтобы тратить столько времени на развлечения, нужно искренне верить в собственное бессмертие! Мы полюбили их кинофильмы, музыку и летательные аппараты — правда, не все, а только самые первые: в них была какая-то странная магия, на смену которой потом пришло обыкновенное техническое совершенство... И еще нас очаровали человеческие игрушки. Я до сих пор удивляюсь, что люди делали их для своих детей: детям не так уж нужны подобные вещи! У детей не слишком много свободного времени и еще меньше нерастроченной нежности, которую некому подарить... Иногда мы привозили эти игрушки к себе, со временем у каждого из нас собралась большая компания собственных Любимцев... А потом они начали оживать. Мы ничего не предпринимали, чтобы вдохнуть в них жизнь, все произошло само собой. Там, где обитают боги, все время творятся чудеса, даже если мы не прикладываем никаких усилий для того, чтобы они происходили. Во всяком случае, так было раньше... В общем, наши Любимцы стали вполне живыми. Они ходят, едят и растут, понимают все, что им скажешь и любят нас бесконечно, поскольку чувствуют, что обязаны нам жизнью. В войне они нам не помощники, конечно, но некоторые из них достаточно разумны и деловиты, чтобы вести хозяйство, а некоторые ведут себя, как дети: только бегают и шалят...

— Как эта замечательная ушастая собака, да? — Улыбнулся я.

— Ты ее видел, когда шел сюда? — Настороженно спросил Брандо. — Странно: вообще-то Любимчики боятся чужих...

— Я видел твоего пса раньше. — Честно сказал я. — Его и всех остальных

Любимцев, и тебя, и Одина, и всех остальных. Только в моем сне у тебя часто было совсем другое лицо — лицо женщины. Думаю, оно и есть настоящее...

— Но каким образом ты мог нас видеть? — Мой собеседник окончательно разволновался.

— Можно сказать, что вы мне снились. — Дипломатично объяснил я. — Кстати, из этих же снов я узнал о вашей проблеме. — Я подумал, что не стоит рассказывать Афине о волшебном телевизоре: никому не понравится узнать, что за ним постоянно наблюдают чьи-то любопытные глаза! А сон — он и есть сон, тут вроде бы и волноваться не о чем...

— Ну и сны у тебя, гость! — Удивленно заметил Брандо. — Ты провидец?

— Да, — скромно сказал я, — со мной иногда бывает. Кстати, я собираюсь проснуться.

Думаю, на сегодня с меня хватит. Да и у вас куча хлопот. А ведь тебе еще и отдохнуть надо, правда?

— Правда. — Смушенно кивнул он. — Но я думаю, что тебе следует дожидаться Одина. Ты же говорил, что за тобой тоже охотится какая-то тварь из этой компании. Один мог бы нарисовать защитную руну и для тебя, невелик труд. Не такие сейчас времена, чтобы мы могли позволить себе роскошь показаться неблагодарными!

— Спасибо. — Улыбнулся я. Чего я точно не собирался делать, так это разгуливать с руной Одина на своем теле: все-таки мы должны были стать врагами, а полагаться на помощь врага — вопиющее нарушение правил техники безопасности! Лучше уж каждую ночь просыпаться от назойливого скрипа песка под немытыми ногами моей соленой подружки — она меня порядком достала, но хорошо изученная опасность пугала меня куда меньше, чем возможность оказаться в зависимости от Одина. Наверное, все, что я успел о нем прочитать, произвело на меня слишком уж неизгладимое впечатление!

Поэтому я вежливо добавил:

— Но мне не нужна никакая защита. Честное слово, я сам прекрасно справляюсь с этой проблемой!

— Правда? В таком случае, тебе можно только позавидовать. — Марлон Брандо задумчиво нахмурился и умолк. Я встал и пошел к выходу: у меня появилось такое ощущение, что мне обязательно надо проснуться, но я почему-то не мог просто взять и исчезнуть из освещенной комнаты, на глазах у своего собеседника. Для этого чуда мне требовались одиночество и темнота.

— Подожди, гость. — На этот раз меня окликнул тот самый изумительный бархатный женский голос, который я уже слышал прошлым утром. Я обернулся.

Афина больше не скрывалась под личиной Марлона Брандо, это была она, самая настоящая!

— Так и убить можно! — С искренним восхищением сказал я. — Предупреждать надо... А что случилось? Почему ты решила сделать мне такой подарок на прощание?

— Потому что Афине ты, возможно, скажешь то, что не стал бы говорить Марлону Брандо... Ты ведь — наш враг, да? Этот самый "великан Сурт" — не знаю уж, с какой стати Один тебя так называет...

— Неужели я похож на великана? — Растерянно спросил я. — При всем моем уважении к Одину не могу с ним согласиться!

— Извини, Один. — Мягко сказала Артемида. — Наверное, мы кажемся тебе неблагодарными свиньями. Отчасти ты прав: мы не привыкли к тому, чтобы нам кто-то помогал — о богах, знаешь ли, обычно некому позаботиться! — и не научились испытывать благодарность. Но мы до сих пор не знаем, зачем ты пришел к нам, и что тебе нужно. Мы приняли тебя, потому что так хотела Афина. Но ребята вроде тебя ничего не делают просто так. Разумеется, мы все время ждем подвоха. Что бы ты не совершил, мы сразу же настороженно думаем:

"ага, вот сейчас он откроет свои карты!" А почему, собственно, ты ждал, что мы будем тебе доверять? Разве ты сам когда-нибудь доверял незнакомцам, да еще и таким, чья жизнь не в твоей власти?

— Раньше — никогда. — Согласился я. — Но теперь — почему бы и нет?! У нас осталось слишком мало времени, чтобы тратить его на хитрости. День нашей судьбы определен. Через полгода я встречу свою смерть на поле Оскопнир — если не нарвусь на нее раньше. Не думаю, что нити ваших судеб окажутся намного длиннее моей...

Неужели ты действительно полагаешь, что обреченный на смерть станет интересоваться такими пустяками, как власть над другими? Если бы мне по-прежнему требовалась власть, я мог бы спокойно сидеть у себя дома и повелевать достойнейшими из Асов. Нужны мне вы, олухи, как прошлогоднее конское дерьмо!

Тот, над кем я действительно хотел бы получить власть, слишком далеко отсюда.

Он движется на север, и каждый его шаг приближает наш с вами конец, а вы готовы гордо швырнуть мне в лицо свой единственный шанс удержаться над пропастью — можно подумать, что вы все еще верите в собственное бессмертие...

— Ты сердисься, Один? — Удивленно спросил Гелиос. — Никогда не видел тебя таким!

— Я очень сержусь. — Спокойно согласился я. — На нашу общую судьбу, и на вас, дурней.

Вы не даёте мне защитить вас. Дело кончится тем, что вас перебьют поодиночке.

И что я буду без вас делать, хотел бы я знать?!

Кажется, моя досада впечатлила Олимпийцев куда больше, чем мои попытки убедить их разумной речью.

— Ну, а что же ты собираешься делать, если нас не перебьют? — Наконец спросил Зевс. — Выкладывай, Один. Артемида права: мы все еще не знаем, зачем ты вообще к нам заявился? До сих пор мы не задавали тебе никаких вопросов, поскольку невежливо лезть в чужие дела, но оказалось, что вежливость порождает недоверие.

— Хорошо. — Кивнул я. Мне уже удалось утихомирить свой гнев, теперь я был готов нанизать на нить беседы столько слов, сколько понадобится, лишь бы ожерелье приглянулось этим упрямам! — В любом случае, я собирался об этом поговорить. Я пришел к вам по многим причинам: в поисках союзников, и для того, чтобы не сидеть без дела, но прежде всего я пришел к вам потому, что об этом нет ни слова в предсказании. Это — главное.

— Объясни. — С любопытством попросил Зевс.

— У людей всегда существовало множество предсказаний о конце мира: и дурацких сказок, и пугающе правдивых пророчеств. Самая достоверная версия принадлежит моему народу, поскольку в свое время я сам приложил руку к ее

грудь, это раз и навсегда решит наши проблемы — по крайней мере, некоторые...

— Как это — "на грудь"? — Удивленно перебила Афина.

— А вот так. — Я неторопливо извлек из-за пояса нож, распахнул плащ, аккуратно расстегнул рубаху и одним движением нарисовал руну Эйваз на собственной груди острым концом холодного лезвия. Краем глаза я заметил, что Олимпийцы смотрят на меня, как замороженные, а потом я перестал обращать на них внимание: мне пришлось склонить голову, чтобы шепнуть имена наших врагов маленькому могущественному кровоточащему узору, только что родившемуся на моем теле.

Через несколько минут я покончил с этим делом, поднял голову и торжественно сообщил:

— Вот, собственно, и все! Теперь ни одна из этих тварей не сможет даже приблизиться ко мне на расстояние вытянутой руки.

— С чем тебя и поздравляю. — Насмешливо сказал Аполлон. — Но неужели ты думаешь, что мы позволим тебе чертить свои колдовские знаки на наших телах?

— Дело хозяйское. — Холодно ответил я. — Если тебе по душе все время озираясь по сторонам в поисках неизвестного охотника на твою голову, или сидеть сиднем на своей амбе — на здоровье, красавчик!

— Но пойми, Один: то, что ты предлагаешь, совершенно невозможно. — Смущенно сказала Афина. — Мы не можем позволить тебе оставить на наших телах свои руны.

Мы не знакомы с твоей магией. Кто знает, какую власть над нами ты можешь получить, если...

— А кто знает, какую власть над вами может получить смерть? — Насмешливо спросил я. — По крайней мере, я могу дать вам слово, что мои руны не предназначены ни для чего, кроме защиты. Я нечасто приношу клятвы, но ради вашего спокойствия могу снизить и до этого. А вот что касается смерти — не думаю, что она станет давать вам хоть какие-то гарантии... И потом, если вы мне не верите — что ж, в таком случае, вы слишком поздно спохватились! Все вы видели в деле моих валькирий. Думаю, дюжина моих воинственных дев могла бы без особого труда справиться даже с Аресом! А ведь в доме каждого из вас теперь стоят на страже мои верные помощницы. Если бы я хотел учинить какое-нибудь злодейство, мне было бы достаточно шепнуть им словечко...

Олимпийцы озадаченно переглянулись. Кажется, до сих пор им и в голову не приходило, что они уже давно в моих руках.

— Не тревожьтесь, я позвал их только для того, чтобы они вас охраняли. — Примирительно сказал я. — Когда я впервые появился среди вас, я дал слово, что буду вести себя как друг. Поэтому не стоит волноваться: эти грозные девы не будут наглядно демонстрировать вам свою удалость.

— Еще чего не хватало! — Мрачно заметил Зевс. Уверен, ему ужасно хотелось испепелить меня на месте, но он и сам знал, что не выйдет...

— Опомнитесь! — Сердито сказал я. — На вас охотятся могущественные незнакомцы.

Я предлагаю вам свою помощь. Мало того, что никто, кроме Гермеса, не потрудился сказать мне "спасибо", вы вдруг начинаете коситься на меня, как на смертельного врага. Это по меньшей мере неразумно!

— Я угадала? — Тихо спросила она. — Ты — тот, за кем пошли мертвые, тот, кто будет ждать нас на краю нашей судьбы... Можешь не отвечать, я и так знаю, что не ошиблась. Я только что все поняла. Ты почти сразу выдал себя, признавшись, что за тобой тоже охотится одна из этих тварей, но до меня не сразу дошло. Только когда ты отказался от помощи... Да, теперь все сходится: кто еще может быть столь неуязвимым в те дни, когда люди уже умерли, а боги стоят на краю?!

— Ты действительно богиня мудрости, Паллада. — Улыбнулся я. Почему-то мне совершенно не хотелось выкручиваться. Честно говоря, я даже обрадовался, что она меня раскусила, сам не знаю, почему... Я примирительно сказал:

— Не будем делать из этого трагедию, ладно? Я очень хотел вам помочь. И потом, я же просто сплю. Может же человек видеть во сне тех, кто ему нравится!

— А почему нет? — Неожиданно согласилась она. И переспросила:

— Неужели мы тебе действительно понравились? В последнее время мы перестали нравиться даже себе.

Может быть именно поэтому мы так дорожим возможностью примерять на себя чужие лица... Впрочем, ты нам тоже понравился, даже Одину, который вообще-то терпеть не может болтунов вроде тебя. Улисса он на дух не выносит, а на тебя даже не соизволил разгневаться. Странно, правда?

— Ничего странного, просто я обаятельный. — Фыркнул я. А потом постарался говорить серьезно, поскольку мне почему-то ужасно хотелось, чтобы Афина раз и навсегда поняла, что никакой я им не враг — мало ли чем я в настоящий момент занимаюсь! — Знаешь, я ведь не выбирал, на чьей стороне участвовать в этой дурацкой битве. Я даже не выбирал: играть в эту игру, или остаться в стороне. Все как-то само случилось. Меня никто не спрашивал. Даже еще хуже: меня вроде бы спросили — из вежливости! — но дали понять, что мое драгоценное мнение всем до фени. Вышло так, что мне пришлось возглавить армию ваших врагов, хотя я бы с удовольствием присоединился к вам...

Впрочем, рядом со мной тоже есть славные ребята. Я даже не ожидал, что они окажутся такими симпатичными... Будь моя воля, я бы вообще все отменил и занялся своими делами! Кому мешал этот мир? Был бы себе, и ладно.

— А какие дела ты называешь "своими"? — С любопытством спросила она.

— Да так, всякие пустяки. — Неопределенно отмахнулся я. — В этом прекрасном мире я иногда писал книжки — ничего особенного, но довольно забавные, а в другом мире я был чем-то вроде сыщика, можешь себе представить? Гонялся за всякими странными ребятами, которые слишком увлекались неуместными чудесами... И были еще всякие вещи, о которых мне сейчас не хочется вспоминать — даже для того, чтобы доставить тебе удовольствие, ты уж извини! В общем, я развлекался как мог... Впрочем, иногда мне кажется, что ничего такого на самом деле не было, да и меня на самом деле никогда не было, если разобраться. Не было, и не будет, несмотря ни на что...

— Ну и дела! — Афина озадаченно покачала головой. — Хотела бы я знать, кто же ты все-таки?

— Я и сам хотел бы... Впрочем, нет, вру! Я слишком боюсь узнать правду, поэтому я ее до сих пор и не знаю, наверное. — Вздохнул я. А потом осторожно добавил:

— Может случиться так, что завтра я снова лягу спать и опять захочу увидеть

этот сон — о том, как я сижу у вас в гостях, и мы болтаем, как добрые приятели, а глупая игра в войну, которую нам навязали, не имеет никакого значения... Как ты думаешь: я могу позволить себе такую роскошь?

— А почему ты меня спрашиваешь? — Неожиданно улыбнулась Афина. — Как я могу указывать тебе, какие сны ты должен видеть? Если ты снова захочешь, чтобы тебе приснились мы — почему бы и нет? В конце концов, ты здорово нас выручил. И потом, может быть, ты вспомнишь одно из своих бывших занятий и захочешь поохотиться на этих загадочных чужих богов? Я бы с удовольствием составила тебе компанию: они меня здорово разозлили!

— Я могу расценивать твои слова, как приглашение? — На всякий случай уточнил я.

— Ты можешь расценивать мои слова, как тебе заблагорассудится. — Высокомерно сказала Афина. Потом, отвернувшись в сторону, добавила тихо и, кажется, даже смущенно:

— Конечно, ты можешь навестить нас, если захочешь.

Во всяком случае, я не собираюсь ни с кем делиться своим открытием, в том числе и с Одином. — Она немного помолчала и неожиданно весело призналась:

— Честно говоря, мне ужасно интересно: хватит ли его хваленой мудрости, чтобы понять, кто ты такой... У нас с ним, знаешь ли, что-то вроде соревнования: мы постоянно выясняем, кто круче. Иногда это помогает отвлечься от печальных размышлений.

— Еще бы! — Понимающе кивнул я. — Что ж, спасибо за приглашение, Паллада.

А сейчас мне пора исчезать. Кажется, там, где я уснул, меня уже давно пытаются разбудить. Во всяком случае, мне очень трудно здесь оставаться...

— Конечно, исчезай. — Согласилась она. — А почему ты до сих пор этого не сделал?

— Потому что хотел объяснить тебе, что я хороший. — Честно признался я. — Уж не знаю, удалось мне это, или нет, но я сделал все, что мог.

— Наверное, тебе удалось... Впрочем, я и сама не знаю. -Афина беспомощно пожала плечами. — Вообще-то прилагательное "хороший" тебе не слишком подходит, ты уж не обижайся. Но слово "плохой" тоже совершенно неуместно.

— Твоя правда. Оба эти слова вообще неуместны в большинстве случаев. — Улыбнулся я, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Подожди. — Потребовала она. И робко попросила:

— Ты не мог бы оставить мне эти твои книги? Ты говорил, что в них написано и о нас. Мне хотелось бы почитать...

— Читай. — Кивнул я. — Но имей в виду: ты найдешь там сплошные глупости.

Эти книжки написаны обыкновенными несведущими людьми, которые не были лично знакомы с теми, о ком писали...

— Догадываюсь! — Фыркнула она. — Тем не менее, им откуда-то известны имена тех, кто за нами охотится, а это уже немало...

— Немало. — Согласился я.

— А о тебе там ничего не написано, да? — Осторожно спросила она.

— Ни слова! — Подтвердил я. И поспешно нырнул в темноту коридора. Я уже не мог здесь оставаться: какая-то неопишуемая сила гнала меня туда, где под теплым

они предпочитали считать спокойствие минувшей ночи счастливой случайностью и гадать, кто следующий: иногда обреченный боится надежды, которая может причинить боль тому, кто от нее отвык, часто — напрасную... Но Афина подробно рассказала своим родичам о том, как пронзительно визжала маленькая темнолицая девка с веретенами, напоровшись на мою руну на пороге дома. Упомянула она и незнакомца, который явился невесть откуда, чтобы сообщить нам имена наших убийц и снова исчезнуть.

Олимпийцы удивленно переглянулись и тут же принялись судачить: кто бы это мог быть?

— Выходит, теперь ты уверена, что руны Одина надежно защищают нас от убийц? — Хмуро спросил Зевс. — Хотелось бы верить... — Он пристально посмотрел на меня и настороженно спросил:

— Но тогда почему ты с самого начала не защитил нас, Один?

Я скрипнул зубами от ярости: что я действительно ненавижу, так это препираться с бестолковым собеседником из числа тех, кого куда легче убить, чем вразумить! Но поскольку бестолковым собеседником на сей раз был Зевс, остаток силы которого мог бы мне пригодиться, пришлось — в который раз! — толковать ему, что мои руны не могут остановить того, чье имя им неизвестно.

— Так получается, если завтра к нам заявится новый безымянный охотник, твои руны его не остановят? Плохо наше дело! — Зевс окончательно помрачнел.

— Что ж, в любом случае, их число не бесконечно. — Оптимистически заметила Афина.

— А наш щедрый гость назвал нам так много имен! И если даже он не упомянул кого-то из них — невелика беда: он оставил мне свои книги, те самые, в которых черным по белому написаны имена наших таинственных врагов, и еще много имен, знакомых моему уху, и совершенно мне неизвестных. Кстати, все твои имена, Юпитер, там тоже имеются, да и мои...

— А мои? — Ревниво спросил Аполлон.

— Не переживай, Мусaget, и тебя не забыли! — Усмехнулись губы Марлона Брандо. — Обо всех нас там написано. И вот что удивительно: имена наши названы верно, но в остальном не так уж они и правдивы, эти чудесные книги!

Впрочем, их прежний владелец честно предупреждал меня об этом с самого начала...

Я недоверчиво покосился на Афины: она не говорила мне, что наш гость оставил ей свои книги! Это была великая удача: в глубине души я, как и Зевс, опасался, что в один прекрасный день среди наших недоброжелателей обнаружится кто-то, чье имя нам неизвестно, и все начнется сначала.

— Хорошо, что у нас есть эта защита. — Задумчиво протянул Гермес. — Кажется, я должен сказать тебе спасибо, Один: кроме меня пока никто не собрался, не знаю уж, почему... Но не можем же мы все время сидеть взаперти на своих амбах! Думаю, до этих ночных охотников скоро дойдет, что нас можно подстеречь где-нибудь на свежем воздухе... Когда утром ты приглашал меня на этот совет, Один, ты обмолвился, что знаешь выход.

— Разумеется! Отчасти именно поэтому я и хотел, чтобы вы собрались все вместе.

Защитная руна над входом в дом — это не так уж плохо. Но если начертить ее на

Аид вместе с мертвецами, так и не объявилась у нас — впрочем, насколько мне было известно, она вообще нигде не объявилась, а ее следы обрывались в мокром песке на берегу Леты...

Мои союзники представляли собой весьма причудливое зрелище: ни один из них не явился на совет при своем собственном лице. Афина снова превратилась в загорелого Марлона Брандо и теперь снисходительно косилась на своих сородичей: они выглядели не столь внушительно, особенно Арес, которому внезапно взбрело в голову напаять на себя тело белокурой девы. Возможно, ему просто надоело спорить с Аполлоном, кому из них достанется вожделенный облик Элвиса, но я заподозрил, что Арес придумал способ подшутить над моими воинственными планами. Если уж бог войны является на военный совет в облике какой-то кудрявой девки, едва прикрыв ее прелести полупрозрачным белым тряпьем, кто станет с должной серьезностью относиться к происходящему?! Я открыл было рот, чтобы приказать ему принять пристойный вид, но потом (уже в который раз) напомнил себе, что сейчас не время для ссор — а с этого дурня Ареса стало бы затеять долгую свару, ему только повод дай!

Зевс прибыл последним, хмурил кустистые брови, старательно делая вид, что попал сюда совершенно случайно. Поначалу Зевс и слышать не хотел ни о каких собраниях: дескать, если бы он считал, что Олимпийцам нужно собраться вместе, он бы призвал всех к себе, и дело с концом! Он бы и не пришел, если бы не мое заклинание, позволяющее убедить самого несговорчивого собеседника. Когда я был молод, это заклинание действовало только на людей и гномов — впрочем, некоторые турсы впадали от него в оцепенение и умолкали навсегда, а тролли начинали плакать, как голодные дети — но и Ванов, и моих родичей оно могло только насмешить. А вот Зевса я околдовал так быстро, что он ничего не успел заподозрить. Я испытал нечто вроде разочарования: я никогда не сомневался, что смогу его одолеть, но никак не ожидал, что это случится так быстро!

Все напряженно молчали, выжидающе уставившись на меня. Судя по всему, мне до сих пор не слишком-то доверяли. Ничего удивительного: я был для них чужаком — вроде бы, дружественным, но слишком могущественным, чтобы сойти за своего!

Правда, я стал личным гостем Афины — а насколько я успел разобраться в сложных взаимоотношениях своих новых приятелей, Афина была единственной, от кого никогда не требовали объяснений: считается, что она всегда права, что бы не учудила, так что уместность моей персоны на ее амбе не вызывала ни жарких дискуссий, ни даже сплетен: "если уж Палладе кажется, что так надо..." Все это хорошо, но я не был одним из них. До сегодняшнего дня такое отношение не вызывало у меня никаких возражений, я и сам заботился о том, чтобы держаться на должном расстоянии: положение чужака развязывает руки, поскольку ни к чему не обязывает. Но сегодня вечером мне требовалось их доверие: я твердо решил развязать войну, не дожидаясь Дня Судьбы, и теперь мне предстояло убедить Олимпийцев, что эта война нужна не только мне одному.

Для начала я завел речь о таинственных убийцах и моей руне, которая наконец-то их остановила. Поначалу Олимпийцы довольно холодно отнеслись к моему сообщению о том, что эта опасность миновала — они попросту не могли в это поверить. Я не стал на них гневаться: когда дела идут все хуже и хуже, хорошие новости раздражают, как нелепые пожелания долголетия у одра смертника. Так что

одеялом явно неземного происхождения сладко дрых мой старый знакомый Макс. Он очень хотел проснуться, а без меня у него ничего не получалось...

Долгожданная темнота обступила меня со всех сторон. Мне показалось, что я засыпаю на ходу, как смертельно уставший человек. Незнакомый, но логичный и упорядоченный мир, окружавший меня, разлетался в клочья, а из хаоса мельтешащих пятен быстро рождалась какая-то новая картина, и я уже начал постигать неописуемую логику, связывающую ее в нечто целостное, как это бывает в самом начале каждого сна... Но я не уснул, а проснулся — впрочем, какая, к черту разница?!

Я открыл глаза и увидел над собой перепуганную физиономию Джинна — вот уж не думал, что этот потрясающий тип способен испытывать такие примитивные эмоции!

Рядом с ним обнаружили лица моих "генералов". Они тоже выглядели вполне перепуганными, так что я заподозрил неладное.

— Что случилось? — Сонно спросил я. Они переглянулись с таким облегчением, что я сразу понял: ничегошеньки не случилось, просто эти славные ребята решили, что им придется срочно рыть для меня могилу в сухой песчаной почве пустыни.

Малопривлекательная работенка, ничего не скажешь!

— Аллах по-прежнему к нам милостив: ты жив, Али! — Констатировал Мухаммед.

— Конечно, я жив, тоже мне новость! И чего вы все перепугались? — Виновато спросил я. — Можно подумать, спящих до сих пор не видели...

— Видели. Только спящие, знаешь ли, как правило, дышат. — Анатолий выглядел почти сердитым.

— А что, разве я не дышал? — Растерянно поинтересовался я. Мог бы и не спрашивать: ответ был вполне разборчиво написан на их взволнованных физиономиях.

— Ну извините, ребята. — Вдохнул я. — В следующий раз постараюсь дышать, если это так важно...

— Даже я счел тебя мертвым, Владыка! — Джинн удивленно покачал своей огромной сияющей головой. — До сих пор я никогда не ошибался, пытаюсь отличить мертвого от живого.

— Ну, ты-то уж мог бы и не паниковать. — Проворчал я. — Знаешь ведь, что я почти бессмертный...

— В том-то и дело, что "почти"! — Заметил он.

— Князь Влад даже великодушно решил подарить тебе свой гроб, если ты не оживешь! — Нервно хихикая сообщила Доротея. Она явно хотела закурить, но дрожащие пальцы никак не могли управиться с зажигалкой.

— Почему-то он вбил себе в голову, что тебя следует похоронить по христианскому обряду, представляешь?! — Ехидно добавил Анатолий. Дракула смущенно отвернулся, тихо бормоча что-то насчет своего воспитания и уважения к церковным обрядам — я так и не разобрал, что именно. Он вообще был довольно застенчив, к моему величайшему изумлению...

— Спасибо, князь. — Вежливо сказал я. И строго добавил:

— Но меня вообще не нужно хоронить, ни по какому обряду, что бы не случилось. Имейте в виду на будущее, ладно?

— Надеюсь, до этого не дойдет. — Мухаммед уселся рядом со мной, внимательно вглядываясь в мое лицо — очевидно желая убедиться, что это действительно я, и со мной все в полном порядке. — Хотел бы я знать, из какой дали ты вернулся к нам, Али! — Благоговейно сказал он. — Я никогда не устану хвалить Аллаха за то, что он велел тебе вернуться! — Я с удивлением заметил, что этот парень делает над собой невероятное усилие, чтобы не дать волю эмоциям. Мне стало немного неловко — как всегда в таких ситуациях. Нет ничего хуже, чем иметь дело с людьми, которые о тебе беспокоятся! Это стесняет движения, а в горле появляется тяжелый горьковатый привкус давно перебродившего детского чувства вины...

— В нашем войске чуть было не началась смута. Они каким-то образом почувствовали, что ты ушел, и испугались. Хуже того, они стали обыкновенными детьми человеческими: испуганными, растерянными и озабоченными своим будущим. Мы не сумели бы их успокоить: эти люди чувствуют твое присутствие как солнечный луч на щеке, а твое отсутствие для них очевидно и мучительно, как морозный ветер в степи. — Кажется, Джинн нарочно выбрал такой высокопарный тон, чтобы немного меня позлить. Кажется, он догадывался, что я неплохо проводил время, пока они все тут волновались, и с видимым удовольствием подбрасывал сухие дрова в топку моего идиотского чувства вины. После его выступления мне захотелось добровольно встать в какой-нибудь угол, пока мой суровый слуга не приговорил меня к публичной порке.

— Если вы все не прекратите на меня дуться, я впаду в кому до конца года!

— Обиженно сказал я. — Между прочим, я здесь великий начальник, и все такое, так что на меня обижаться не положено... И волноваться за меня тоже не положено, если уж на то пошло. Так что отставить!

Мои "генералы" растерянно переглянулись — видимо поверили, что я действительно решил воспользоваться своим служебным положением, и очень удивились: до сих пор я был такой демократичный — дальше некуда!

— Ничего страшного не случилось. — Мягко сказал я. — Просто иногда я так крепко сплю, что это немного похоже на смерть... Извините, я не хотел вас пугать. Все хорошо, ребята!

Они тут же расцвели и принялись наперебой рассказывать, как перепугались, потом заявили, что очень рады моему воскрешению, Мухаммед отошел в сторону и поспешно совершил какую-то очередную благодарственную молитву, Джинн вручил мне чашку горячего чая, что было весьма кстати: мне почему-то стало холодно — впервые с тех пор, как я влип в эту дику историю и превратился в этакого "супермена", который плевать хотел на климатические недоразумения... Примерно через час все окончательно успокоилось и начали расползаться в направлении своих одеял — досыпать. Мы с Джинном остались одни. Он внимательно смотрел на меня — мне казалось, что этот непостижимый парень быстро пролистывает меня, как утреннюю газету, выискивая интересные его новости.

— Ты был у наших врагов, Владыка? — Без обиняков спросил он.

— Мне снилось, что я у них был. — Осторожно уточнил я. — Просто снилось.

Есть разница?

— Не думаю. — Спокойно возразил Джинн. — В твоём случае это практически одно и то же... Хорошо хоть они отпустили тебя живым!

— Ну, "вытрясла" кое-что — так, сущие пустяки! Он, знаешь ли, упорно утверждал что просто спит и видит нас во сне. — Неохотно сообщила Афина. — Потом заявил, что сейчас исчезнет, потому что его, дескать кто-то будит.

Вышел в коридор и действительно тут же исчез — я поспешила за ним, но его уже нигде не было. И его следов тоже не было. Вообще-то, все существа оставляют за собой следы, но он — нет. Так что можно считать, что он нам примерещился, и спокойно жить дальше. У нас с тобой была очень полезная и своевременная галлюцинация, Игг. Это все.

— Так уж и "все"! — Недоверчиво усмехнулся я.

— Все. — Твердо сказала она. — Знаешь, я собираюсь пойти к себе и немного поспать.

Эти последние дни меня совершенно вымотали. Можно подумать, что я не дочь Зевса, а пожилая домохозяйка с дюжиной детишек на руках...

— Ну уж, выдумала, дуреха! — Улыбнулся я. — Ты юная, прекрасная и бессмертная. Я уже не говорю о дюжине детишек — откуда бы им у тебя взяться?!

— Да уж, действительно... Я так устала, что даже не буду с тобой ссориться. — Вздохнула Афина. — Но больше не надо этих дурацких комплиментов, ладно?

— Ладно. — Великодушно согласился я. — Могу исправиться прямо сейчас — вот, слушай: ты — дряхлая морщинистая старуха, и твоя дряблая грудь болтается на ветру, достигая узловатых колен, а жидкие пряди седых волос не могут прикрыть этот срам... Так лучше?

Афина изумленно уставилась на меня, криво улыбнулась и покачала головой.

— Ну ты разошелся, груз виселицы! — Впрочем, она не выглядела слишком недовольной. Я не стал на нее сердиться за то, что она снова вспомнила это недостойное прозвище.

— Это еще что! Вот когда я по-настоящему разойдусь, никому мало не покажется! — Весело пообещал я. — Тебе еще предстоит не раз удивиться, Паллада!

— Я люблю удивляться. — Неожиданно улыбнулась она. — Так что ты уж расстарайся, Отец битв!

— Вот такое обращение мне по душе. — Одобрительно заметил я.

Весь день я снова мотался между амбами, оседлав верного Слейпнира — на мой непритязательный вкус, он куда надежнее, чем аэропланы! — и творил чудеса. На сей раз это были чудеса дипломатии: я встречался с Олимпийцами, ораторствовал, уговаривал, доказывал, льстил, искушал и даже угрожал.

Разумеется, я добился своего: еще бы я с ними не справился! Я отправил шестерых валькирий за Аидом, и мои девочки вернулись в срок, поскольку расстояние не имеет для них никакого значения. По дороге они потрудились омыть лицо Гадеса в водах океана — не думаю, что это привело его в чувство, но по крайней мере, его вид не слишком оскорблял мой взор.

Одним словом, на закате мы наконец-то собрались все вместе на пустующей амбе погибшей Геры. Я выбрал это место для встречи, поскольку здесь всем хватало места, к тому же теперь эта гора была общей территорией: имущество мертвого принадлежит всем живым понемножку... Впервые я увидел всех Олимпийцев одновременно — впрочем, не всех: троих уже навсегда вычеркнули из списка бессмертных умелые руки таинственных убийц, а безумная Персефона, покинувшая

даже начал думать, что он захочет быть с нами до конца.

Признаюсь, я так и не понял, кто это был, но кажется, он мог бы стать сильным союзником — если уж ему ведомы вещи, спрятанные от нас под покровом тайны...

— Делать ему больше нечего! — Мрачно сказала Афина. — Присоединиться к обреченным на поражение... Я бы ни за что так не поступила, если бы у меня был хоть какой-то выбор!

— А кто тебе сказал, что мы обречены, Паллада? — Весело спросил я. В это утро мой дух был несокрушим. — Мало ли, что накаркала эта старая карга, Вельва! Мне как раз пришло в голову: возможно глумливый бродяга Лодур побывал у нее за день до меня и посулил ей больше серебра? Неплохая вышла шутка, признаю — и как раз в его духе...

Ну да, конечно, еще о нашей гибели говорится во множестве глупых старых сказок, которые по большей части придумали несведущие люди, чтобы пугать перед сном своих сопливых чад! Какой надежный источник информации о нашем будущем! Между прочим, люди только и делали, что ошибались — пока были живы... Так что мы еще попрыгаем!

— Я не верю тебе, Игг. Но мне нравится, что ты так говоришь. — Слабо улыбнулась она. — Наш ночной гость здорово поднял тебе настроение да?

— Да, отчасти это его заслуга. Сегодня ночью я впервые за долгое время занимался настоящим делом, и все шло как по маслу! Я даже не испытываю желания собирать своих валькирий и спрашивать у них, как прошла эта ночь на других амбах — я и без того уверен, что все в полном порядке... Несколько дней назад — как раз перед нашим путешествием к Аиду — я раскинул руны, чтобы спросить у них, как наказать чужаков, которые убивают моих союзников.

Руны обещали мне, что помощь придет со стороны, и я начал опасаться, что они меня обманывают — я был совершенно уверен, что нам неоткуда ждать помощи! И тут из темноты ночи появляется этот странный незнакомец — языкастый, как Лодур, но приветливый, как утренняя птица — выкладывает нам полный список имен наших врагов и исчезает невесть куда, так и не представившись... Или он все-таки рассказал тебе, кто он такой?

Афина отрицательно покачала головой.

— Ну да, этого следовало ожидать! Досадно: я так спешил взяться за дело, что даже не успел поблагодарить его должным образом...

— Не переживай, я не забыла сказать ему "спасибо". И потом, я совершенно уверена, что он еще заявится. Во всяком случае, он спрашивал, можно ли навестить нас снова. Я сказала, что можно. — Хмуро сообщила Афина.

— А что, разве он тебе не понравился? — Мне стало любопытно: неужели эти двое успели повздорить?

— Да нет, вполне понравился. — Так же хмуро возразила она.

— Чудной он, верно? Не похож ни на человека, ни на одного из нас. — Заметил я. И добавил:

— Не могу поверить, что ты не развязала его язык, и без того охочий до болтовни! — Да какое там, я был совершенно уверен, что наш гость, кем бы он ни был, не смог отвертеться от расспросов Афины, и теперь она решила оставить свои трофеи при себе — а старик Один пусть сам разбирается, что к чему! Такое за ней всегда водилось.

— Иначе и быть не могло. — Я пожал плечами. — Во-первых, я не представился. — Я решил не нервировать Джинна сообщением о том, что Афина меня все-таки раскусила. Я уже давно заметил, что он, к счастью, знает обо мне не все, а ПОЧТИ все и здорово надеялся, что моя тайна останется моей, вернее, нашей с Афиной тайной, одной на двоих. Я осторожно покосился на своего сурового ассистента и решил, что все в порядке. — Во-вторых, мне приснилось, что я сообщил им имена убийц, и теперь они погибают от благодарности. И наконец, я пока что вполне бессмертен, а они не так уж могущественны. Мне показалось, что долгие столетия безделия и забвения не пошли им на пользу... Даже чудеса у них какие-то детские! Ты же сам видел эти ожившие плюшевые игрушки? А напивать на себя подержанную внешность кинозвезд — это же типичный маразм!

— Но они тебе понравились. — Джинн не спрашивал, а утверждал.

— Понравилась. — Согласился я. — И я им, кажется, тоже.

— Не сомневаюсь. — Насмешливо сказал он. — И как ты теперь собираешься с ними воевать?

— Поживем — увидим. — Я пожал плечами. — Все равно, все происходит само собой. По крайней мере, пока все было именно так. Какая разница: чего мне хочется, а чего — нет?

До сих пор это не имело никакого значения... В общем, я не думаю, что моя симпатия к этим существам окажется сильнее нашей с ними судьбы. Так не бывает.

— Да, ты прав, Владыка. — Задумчиво согласился Джинн. — Только будь осторожен, если снова захочешь увидеть их во сне. Предположим, ты прав, и они пока понятия не имеют, кто ты такой. Но они ведь могут и догадаться.

Если бы им удалось убить тебя, или, на худой конец, сделать своим пленником... Да, для них это шанс, о котором они и мечтать не смели! Не думаю, что эти существа так уж беспомощны. Не забывай: они все-таки боги.

Кто знает, на что способны боги, накануне своей гибели!

Я вежливо покивал и демонстративно укутался одеялом до бровей: спать я совсем не хотел, но мне требовалось немного помолчать, подумать, и вообще, побыть одному — насколько это возможно, когда неподалеку от тебя забылось беспокойным сном все человечество... У меня был хороший повод для размышлений: я успел порыться в сумке и обнаружить, что двухтомная "Энциклопедия мифов" больше не будет отягощать моего дромадера. Книги исчезли — ну да, все правильно, мне же приснилось, что я оставил их Афине... "Ничего себе!" — Растерянно подумал я. Никаких более умных мыслей в моей бедной голове не обнаруживалось. Примитивное, но бесспорное доказательство реальности моего визита к товарищам по несчастью оказало на меня совершенно сокрушительное воздействие. Я неподвижно лежал под теплым одеялом возле угасающего костра, тупо уставившись на ленивые судороги умирающего огня, и пытался хотя бы смириться с происходящим. Получалось не очень-то, если честно...

Утром мне пришлось торжественно показать себя, любимого, войску.

Вообще-то, ребята успокоились еще ночью, в тот момент, когда я открыл глаза, но мои военачальники в один голос заявили, что в таком случае лучше перегнуть палку. Никаких чудес я на сей раз не совершал: от меня ничего и не требовалось, Джинн сам все устроил. Он организовал какой-то замечательный смерчик — темный, теплый и донельзя деловитый — который осторожно подхватил меня,

немного покружил и ласково увлек за собой.

Несколько часов я довольно беспомощно болтался между землей и небом, с изумлением созерцая собственную армию. До сих пор я только теоретически знал, что за нами следует чуть ли не все человечество, теперь я своими глазами увидел, как их много. Отсюда, сверху, эти люди казались мне совершенно одинаковыми, хотя, разумеется, были здесь мужчины и женщины, черные и белые, подростки и старики, одетые по последней уличной моде и в совершенно идиотские тряпки, смутно знакомые мне по историческим кинофильмам. Но я чувствовал, что эти, такие разные, человеческие существа уже стали одним целым, они даже дышали в едином ритме: я слышал, как мощный общий вдох сменяется таким же мощным выдохом, словно дышали не разные люди, а одно-единственное, неопишимо огромное чудовище, такое ужасное, что никто так и не решился сложить о нем сказку... А ведь я не прикладывал никаких усилий, чтобы сплотить эту армию — признаться, я ими вообще не занимался, просто ехал куда-то на север, увлекая их за собой, навстречу нашей общей судьбе... И все они заворожено пялились на меня — вот что было по настоящему ужасно! На миллионах лиц застыло какое-то идиотское блаженное восхищение, которое показалось мне отвратительным. Меньше всего на свете я был готов к всенародному обожанию!

"Ну почему на моем месте не оказался какой-нибудь бедняга, страдающий неизлечимой манией величия?! По крайней мере, он был бы по-настоящему счастлив! А я всю жизнь хотел от людей только одного: чтобы они мне не очень мешали..." — Устало думал я.

Это официальное мероприятие здорово испортило мне настроение. Когда услужливый смерчик наконец опустил меня на землю, у меня был такой мрачный вид, что даже мой верный Синдбад попятился, а мои "генералы" подавились обрывками собственной беседы.

— Спасайся, кто может, ребята! Кажется, конец света наступит прямо сейчас. — Криво улыбнулся Анатолий. Шутка получилась на редкость натянутая, но лучше, чем ничего — что бы я без него делал...

— Кто прогневал тебя, Али? — Озабоченно спросил Мухаммед.

— Мы могли бы посадить его на кол. — Застенчиво предложил Дракула. Он тут же начал оглядываться по сторонам — в поисках подходящего материала, я полагаю!

— Не надо никого куда-то сажать. — Вздыхнул я. — Ничего не случилось, ребята. Просто мне стало паршиво. Но это пройдет. Можно сказать, уже прошло...

Я уселся на песок между Мухаммедом и притихшей Доротеей и заставил себя улыбнуться. Я прекрасно понимал, что не имел никакого права заявлять, что мне, дескать, паршиво, да и чувствовать себя паршиво я тоже не имел права.

Не та это была игра, из которой можно выйти после подробного ознакомления с правилами и составом участников! Так что по условиям контракта мне полагалось стиснуть зубы и вежливо сказать неведомому и непостижимому распорядителю: "да, сэр!" С горем пополам мне это удалось. Может быть, зубы я стискивал слишком старательно, улыбка вышла вымученная, а согласие с невидимым распорядителем прозвучало на редкость фальшиво, но, как и натужная шутка Анатолия, это было лучше, чем ничего. Гораздо лучше!

Через полчаса я дисциплинированно взгромоздился на спину своего верного

дромадера, и мы отправились в путь. Синдбад неторопливо шагал строго на север — куда же еще?! А я не нашел ничего лучшего, чем мечтательно уставиться в одну точку и с нежностью вспоминать сияющие глаза Афины... вообще-то, это была не самая лучшая идея, но до меня такие вещи, как правило, доходят, когда уже ничего нельзя исправить!

Но по крайней мере, неуместные мысли о прекрасной греческой богине, счастливым образом не похожей на собственные скульптурные изображения, отвлекали меня от мучительных размышлений о многоликом кошмарном существе, которое покорно следовало за мной, ритмично дыша в такт моему собственному дыханию...

Судьба давно не баловала меня такими хорошими ночами, как эта: время праздных разговоров прошло, я снова был при деле и чувствовал себя безгранично сильным, как в старые добрые времена. В эту ночь все зависело от меня — и все было в моей власти! Я призвал к себе Слейпнира, и он примчался так быстро, словно все это время пасся в долине у подножия столовой горы в ожидании моего оклика. Мой старый бессмертный конь был счастлив, как жеребенок, поскольку здорово соскучился за нашими совместными полетами сквозь темноту: давненько я не баловал его своим вниманием! А потом мы сломя голову носились с амбы на амбу, и я не винил Слейпнира за то, что иногда он пренебрегал кратчайшим путем ради редкостной возможности хорошенько растрепать на ветру свою гриву и мою бороду, заодно... Невидимые даже для зорких глаз Олимпийцев, мы появлялись у их дверей, и я одним стремительным движением, от которого сладко ныло все тело, чертил руны-близнецы по имени Эйваз у входа в жилища Олимпийцев, щедро поил их своей кровью и горячим шепотом называл им почти непроизносимые имена наших непостижимых врагов. На рассвете я вернулся на амбу Афины. Я ожидал, что застаю там нашего разговорчивого гостя, но его там не было. Это мне не понравилось.

— Он уже ушел? — Удивленно спросил я у Афины. Она сидела на пороге, задумчиво уставившись на светлую полосу неба на востоке.

— Ушел. — Эхом отозвалась она. — Знаешь, а ведь этот странный парень не подшутил над нами. Он назвал нам истинные имена наших врагов!

— Да я и сам уже перестал сомневаться. Не так уж трудно отличить правду от хитроумной лжи... А ты тоже сперва подумала, что наш гость решил подшутить над нами?

— А почему нет? Всякое бывает! — Неопределенно заметила Афина. — Тем не менее, он нас не разыграл, в чем мне уже пришлось убедиться. После его ухода я задремала, но меня разбудил грохот. Эта тварь с веретенами — как там ее? Ну да, Тласольтеотль! — снова решила нас навестить и нарвалась на твою руну. Да, Один, твой колдовской знак теперь отлично нас охраняет, надо отдать тебе должное!

Руна ее не убила, но причинила ей сильную боль — судя по тому, как выла эта "пожирательница грязи", убегая прочь! Я вышла, чтобы послать ей воздушный поцелуй на прощание, но ее уже и след простыл... А интересно, она действительно ест дерьмо, или наш гость просто решил нас насмешить?

— Ну, должен же кто-то есть дерьмо! — Усмехнулся я. — А почему этот парень так быстро ушел? Честно говоря, я надеялся, что он погостит у нас подольше... Я

сражаться... Знала бы она, как искренне я сам верил, что говорю чистую правду! Я и в школе-то дрался кое-как: моих познаний в этой немудреной науке как раз хватало, чтобы с горем пополам "сохранить лицо" — не больше!

Через минуту Афина вернулась. Теперь это была именно она — не какой-нибудь дурацкий Марлон Брандо, а та невероятная женщина, которая с самого начала очаровала меня несколько больше, чем я мог себе позволить в данных обстоятельствах. Я заметил, что Одина эта перемена обрадовала не меньше, чем меня самого. "Наверное, он в нее немножко влюблен, — печально подумал я, — или даже не "немножко"... Ничего удивительного, могу его понять!"

— Да, к сожалению я действительно не так безобразна, как мне этого хотелось бы. — Ворчливо сказала Афина, заметив, с каким нескрываемым восторгом мы оба на нее пилимся. — Ничего, переживете!

Один нахмурился, смущенно и сердито, словно его застали за каким-то неприличным занятием, вроде ковыряния в носу. Мне стало смешно и немного грустно: тоже мне, боги! Проблемы этих симпатичных ребят вполне укладывались в рамки какого-нибудь примитивного молодежного телесериала — по крайней мере, некоторые...

— А ты ведь тоже красавчик, гость. — Неожиданно заметила Афина. Ее комплимент прозвучал на удивление ехидно, словно она собиралась тут же посоветовать мне почаще пользоваться каким-нибудь патентованным средством от прыщей и шампунем от перхоти, заодно. — Тебе это никогда не мешало?

— Скорее наоборот, — усмехнулся я, — я бы даже не отказался кое-что подправить и улучшить, чтобы моя жизнь стала совсем уж лучезарной...

— Ну да, ты же мужчина... если, конечно, не притворяешься! — Вдохнула она.

— Куда уж мне... Да и зачем? — Я пожал плечами.

— Ну, не знаю — мало ли, зачем... Мне, например, доставляет удовольствие пребывать в мужском теле, да и нашего Ареса никто не заставляет время от времени превращаться в белокурую красотку — просто ему так нравится...

Скучно всю жизнь оставаться тем, кем родился. — Весело объяснила Афина. — Так что попробуй на досуге, мой тебе совет!

— Мне кажется, что гостя, да еще и такого, которому мы обязаны избавление от напасти, следует не только развлекать беседой, но и щедро угощать. — Заметил Один.

— Ну да, конечно, как я могла забыть, с кем имею дело! Легендарное гостеприимство северных варваров, как же, как же! — Звонко рассмеялась она.

— Ладно уж, Хрофт, не дуйся. Если уж тебе кажется, что в нашего гостя следует запихать как можно больше пищи — значит будем запихивать! Кто я такая, чтобы спорить с тобой, о Отец Мудрости!

Пойду, погляжу, осталось ли хоть что-то в наших оскудевших закромах... — Она вышла из комнаты с таким довольным и злорадным выражением лица, словно собиралась насильно напоить нас с Одним рыбьим жиром, а на десерт подать кипяченое молоко с пенками.

— Я давно не видел Палладу такой веселой. — Задумчиво сказал мне Один. — Ты вернул ей радость, гость. Хотел бы я знать, кто ты! Не из пустого любопытства, а для того, чтобы понять: кем надо быть, чтобы вернуть ей радость?

— Наверное для этого надо быть наваждением, — печально усмехнулся я, — не

— В любом случае, это не имеет значения. — Решительно сказал я. — Мы нападём на них не потому, что я всерьёз рассчитываю разбить эту армию мертвецов в первой же битве. Честно говоря, я и сам не слишком верю в легкую победу... Но ни в одном из этих проклятых предсказаний не говорится, что война начнется так рано, задолго до последнего дня — вот что по-настоящему важно!

— Твоя правда, Один. — Улыбнулась Афина. Она-то была в восторге от моего предложения, да я и не сомневался на ее счет...

— Все лучше, чем сидеть сложа руки и ждать когда нас позовут умирать. — Тонким голосом белокурой девицы сказал Марс. — Вы как хотите, а я отправлюсь с Одним.

— Мы все с ним отправимся. — Мне показалось, что голос Зевса звучит откуда-то сверху, хотя он по-прежнему сидел рядом с нами.

— Это что, приказ? — Сварливо спросил Аполлон.

— Именно. — Подтвердил Зевс.

— Что ж, если вам кажется, что это что-то изменит, можно и повоевать немного. — Гермес пожал плечами. — Но если уж нам предстоит сражаться неизвестно с кем, я предпочел бы оказаться под покровом твоего магического значка, Один. — Он снисходительно посмотрел на остальных Олимпийцев. — Не знаю, как вам, ребята, а мне нечего терять. Ну, получит Один надо мной некую "тайную власть" — все равно через полгода это закончится навсегда.

Полгода можно и потерпеть. Опять же, какое-никакое, а разнообразие!

— Ты очень мудрый муж, Меркурий. — Улыбнулся я. — Мне даже немного жаль, что до сегодняшнего дня нам с тобой не довелось обстоятельно побеседовать.

Думаю, уж ты-то смог бы придумать что-нибудь путное!

— Я и сам так думаю! Ничего, надеюсь у меня еще есть время на размышления. — Легкомысленно отмахнулся он. — Не слишком много, конечно, но все лучше, чем ничего! А пока я буду придумывать "что-нибудь путное", можно действовать по твоему плану... — Он приблизился ко мне, на ходу пытаясь справиться с непослушной застежкой своей летной куртки, и потребовал:

— Давай, Один, царапай свой злоедейский узор, пока я не передумал. Вообще-то, я терпеть не могу, когда меня царапают!

Гермес демонстративно поморщился, когда мой нож прикоснулся к его груди.

Олимпийцы замерли, они смотрели на нас так, словно я собирался зарезать их родича. Я быстро и аккуратно вырезал руны Эйваз на его загорелой коже, потом полоснул по собственной руке.

— А себя-то зачем? За компанию? — Невозмутимо осведомился Гермес.

— Если руна не напьется моей крови, она останется просто бессмысленным узором. — Объяснил я. — Твоя кровь тут не годится, и вообще ничья не годится, кроме моей... А теперь помолчи немного, ладно? Мне надо поговорить с руной.

Он кивнул и потом с любопытством прислушивался к моему шепоту.

— Ну и имена у этих тварей! И как ты только их выговариваешь, Один? Между прочим, пока ты бормотал эту чушь, мне было очень щекотно. — Весело заявил он, застегивая куртку. — Думаю, в этом и состоял твой злодейский замысел: ты собирался зашекотать меня до смерти! — Гермес скорчил озабоченную рожу и повернулся к остальным:

— Я раскусил этого одноглазого, ребята! Не поддавайтесь на его уговоры. Он

царапается и щекочется, а еще шляпу надел... впрочем, все это вполне можно пережить, имейте в виду!

— Отлично. — Кивнула Афина. — Рисуи свой знак и на моей груди, Один.

Какого черта!

Если еще и тебя бояться, жизнь станет совсем тоскливой...

— Спасибо за доверие, Паллада. — Усмехнулся я.

— Надеюсь, мне не обязательно расставаться с этим обликом? — Холодно осведомилась она. — Твоя руна не исчезнет, когда я решу, что мне надоело выглядеть таким образом?

— Никуда она не исчезнет. Это же все-таки магия, а не вечерний макияж!

— "Макияж"?! Ну-ну... И где ты только успел нахвататься таких словечек? — Усмехнулась она. Я не стал втолковывать ей, что мне ведомо любое слово, хоть раз сорвавшееся с человеческого языка — не до похвальбы сейчас!

Пример Афины вселил решимость в сердца остальных. Арес решительно разорвал свое платье — что было совсем не обязательно, с таким-то глубоким вырезом! — кокетливо осведомился у окружающих, нравится ли им его новый шикарный бюст, а потом с неподдельным интересом наблюдал за моими действиями.

— Ни хрена он меня не заколдовал! — Весело сообщил он Олимпийцам. — Я бы почувствовал, если что не так!

— Ну да, теперь ты у нас такой чувствительный, дальше некуда! — Насмешливо отозвалась Артемида. Она уже расстегивала драгоценные пуговицы на своей шелковой одежде, но недоверие в ее глазах не угасло.

— Если не хочешь — не нужно. — Мягко сказал я. — Надеюсь, у тебя еще есть время подумать...

— У меня нет времени. Его нет ни у кого из нас. — Она испытующе посмотрела на меня. — А ты не предчувствуешь недоброе, Один? Я думала, что у тебя чуткое сердце...

— А что, ты чуешь беду, Диана? — Озабоченно спросила Афина.

— Геката где-то рядом. — Кивнула Артемида. — Давненько мне не доводилось вздрагивать от ее близости! А где Геката, там и беда... Кстати, можешь шепнуть своим рунам и ее имя, Один — не помешает!

— А кто она, эта Геката? — Спросил я. — Впервые слышу ее имя...

— Да, мы не слишком любим о ней вспоминать. Когда-то она была одной из нас. — Неопределенно объяснила Артемида. — Было время, когда люди считали ее моей тенью, и в их словах была доля правды, поскольку в те времена мы обе с радостью подчинялись велениям Луны, да и охотились в одних угодьях, только я днем, а она — ночью... Но мы уже давно враждуем. Очень давно!

— И что, она — искусная охотница? — С интересом спросил я. — А вы не могли бы забыть старые ссоры до лучших времен? Было бы неплохо разжиться могущественным союзником...

— Да, неплохо. — Неуверенно согласилась Артемида. — Она действительно "искусная", как ты выражаешься, и очень могущественная... Геката старше нас. И она совсем другая. Мы никогда не понимали ее, как не могли понять ее родичей, титанов...

Насколько я помню, сам Зевс не слишком любил ей перечить в те времена, когда

плоскую вершину столовой горы. Защитная руна, старательно начерченная Одним, пропустила меня без возражений, как и в прошлый раз, да и таинственные Хранители не преградили мне путь. Уж они-то знали, что на самом деле меня здесь нет...

Меня ждал сюрприз: никого не было дома. Наверное, этот их военный совет затянулся допоздна. Я лениво подумал, что как был дураком, так им и остался: мне бы сейчас полагалось стойко бодрствовать у телевизора и следить за Олимпиадами, чтобы выведать их драгоценные стратегические секреты, а не предаваться сладким грезам о том, как я скитаюсь по пустому жилищу Афины. Тем не менее, я и не подумал просыпаться. Прошелся по коридору, без особого любопытства заглянул в прохладные темные комнаты. Они были так похожи друг на друга, что я так и не смог определить, какие из них служат спальнями моим новым приятелям, а какие пустуют в ожидании редких гостей. В конце концов я отыскал что-то вроде гостиной, ту самую комнату, в которой мне довелось побывать прошлой ночью, уселся на пол, скрестив ноги — смешно сказать, но я почему-то не решился потревожить своим задом хозяйские ложа! — и принялся ждать. "Если уж я хочу, чтобы они вернулись домой, значит скоро кто-нибудь да появится, — лениво думал я, — это же мой сон, в конце-то концов!" Слово в ответ на мои оптимистические размышления, из коридора послышался голос Марлона Брандо, каковой, вне всякого сомнения, принадлежал Афине: "хорошо, что ты растормошил их, Игг, теперь я удивляюсь, почему ты не сделал этого раньше..." Она осеклась на пороге комнаты, увидев меня. Наверное все-таки не ожидала, что у меня хватит наглости явиться на следующую же ночь, после ее гениального разоблачения.

— Я рад, что ты решил вернуться, гость. Приветствую тебя. — Важно сказал Один. Я сразу понял, что Афина сдержала слово и не поделилась с ним своим открытием: его радость по поводу моего появления была более чем сдержанной, но совершенно искренней.

— Я и сам рад, что решил вернуться. — Улыбнулся я. — Впрочем, я заглянул только на минутку. Хотел узнать, помогли ли вам мои книжки.

— А разве ты не следил за нами в своих снах, как прежде? — Настороженно спросила Афина.

— Я бы и рад, — я развел руками, — но я, знаешь ли, не все время сплю.

Вот, только что задремал и сразу увидел, что пришел к вам в гости, а вас нет дома. Решил подождать и посмотреть, что будет дальше...

— А у тебя, часом, нет желания увидеть сон о том, как ты вместе с нами сражаешься с армией мертвецов? Мы собираемся хорошо повеселиться. — Чувствовалось, что Один только что вернулся с совещания: он тут же попытался взять быка за рога и завербовать еще одного наемника в свое малочисленное, но более чем элитное войско.

— Не знаю... — Нерешительно протянул я, и уже тверже добавил:

— не думаю!

Не люблю сны про войну. Да и зачем я вам нужен? Вояка из меня никудышный.

Афина саркастически усмехнулась краешком марлоновского рта и вышла из комнаты.

Ну да, могу себе представить, насколько комично звучало подобное заявление в устах предводителя той самой "армии мертвецов", с которой они как раз собирались

— Это элементарно, дорогой Ватсон. — Рассмеялась она. — Не было у него в руках никакого меча, когда он умирал. Да и не верил он ни в какую Вальгаллу. Думаю, это тоже важно.

Признаться меня здорово удивила уверенность ее тона: до сих пор Доротея не производила впечатление человека, понимающего, что происходит — оно и неудивительно, думаю, я и сам не производил такое впечатление! А сейчас она говорила как крупный специалист по вопросам загробной жизни. "Черт, как быстро мы все меняемся! — печально подумал я. — Хотел бы я знать, во что мы успеем превратиться в финале!" Впрочем, сейчас у меня были более неотложные дела, чем размышления о нашем туманном будущем...

Я вручил список Джинну.

— Разыщи этих людей, дружок.

— Привести их к тебе?

Я задумался. Ко мне — это конечно, правильно... Но мне почему-то ужасно не хотелось проводить инструктаж великих полководцев всех времен и народов.

Мне вообще не хотелось их видеть. Что-то внутри меня отчаянно сопротивлялось этой идее. Впрочем, я всю жизнь любил отлынивать от разного рода совещаний!

— Ко мне не надо. — Решительно сказал я. — Веди их к Мухаммеду. В конце концов, он у нас и сам великий полководец, а я — так, скромный "представитель заказчика"... В общем, это его работа. — Я так увлекся, что чуть было не заявил, что ему, дескать, за это деньги платят! Впрочем, мне показалось, что Мухаммед очень доволен возложенной на него хлопотной миссией.

— Ты же прекрасно с этим справишься, правда? — С надеждой спросил я пророка.

Мухаммед важно кивнул.

— С помощью Аллаха я справлюсь с чем угодно, Али. Не скрою, мне будет приятно главенствовать над достойнейшими мужами всех времен. Когда я думал о том, что происходит с праведниками в раю, я всегда представлял себе нечто в таком роде. А если еще и твой могущественный слуга сообразовит оказать мне содействие...

— Разумеется. — Я обернулся к Джинну. — Ты ведь сообразишь, дружище?

Помогай ему во всем, ладно? А я пока попробую разузнать, когда нам следует ждать неприятностей, и как они будут выглядеть.

— Ты снова собираешься в гости к нашим врагам? — Шепотом спросил Джинн. Я развел руками с видом мученика: дескать — а что делать, если надо? Ясное дело, я лукавил: надо — не надо, какая разница?! Если бы дело было только в необходимости, я вполне мог бы продолжать пялиться на экран чудесного телевизора Джинна, который по-прежнему находился в моем распоряжении. Но я твердо решил снова нанести Афине и Одину личный визит. Они меня совершенно очаровали, оба. Мне хотелось подружиться с ними, как в детстве хотелось дружить с ребятами не из своего, а из соседнего двора, а еще лучше — с другой улицы: в чужаках всегда есть нечто неопишимо притягательное, по крайней мере, для меня.

Кажется, мой сон ждал меня с таким же нетерпением, как и я его. Стоило мне свернуться клубочком и закрыть глаза — вместо темноты под опущенными веками меня ждал мягкий лунный свет и узкая дорожка между камнями, уводящая на

она навещала нас на Олимпе... — От меня не укрылось что Зевс недоволен насупил брови, но возражать Артемиде не стал.

— Но не думаю, что она захочет стать нашим союзником. — Продолжила она. — Геката и в лучшие времена предпочитала действовать в одиночку. А если бы она и захотела найти себе компанию... Знаешь, мне легче представить ее в стане наших врагов, чем рядом с нами! Если хочешь, я могу рассказать тебе о ней, но позже. А сейчас делай свое дело. Темнота сгущается.

Я кивнул и взялся за нож. Диана была права: темнота сгущалась, а до сих пор наши неведомые враги приходили за нашими головами именно под покровом ночи. На их месте я бы непременно попытался застать Олимпийцев врасплох, где-нибудь на свежем воздухе, если уж двери их домов теперь были надежно заперты для незваных гостей. Вообще-то, я не слишком опасался внезапного нападения, поскольку велел валькириям охранять подступы к месту нашей встречи — а с такой охраной можно не опасаться неожиданностей! Но по мере того, как темнота вокруг нас сгущалась, мое сердце все чаще вздрагивало от смутного беспокойства. Странно — до сих пор я всегда считал ночь временем моей силы...

Как бы то ни было, темнота подгоняла меня. Я успел начертить руны Эйваз на груди Артемиды и Аполлона, который забыл о сомнениях, увидев снисходительную улыбку на губах своей сестры. Потом я принялся колдовать над Гелиосом. Гефест тоже покинул свое место и неохотно подошел ко мне нелепой походкой маленького печального человечка, который смешил людей чуть ли не сотню лет назад. Аид равнодушно сидел в стороне. Боюсь, этот бедняга не слишком-то осознавал происходящее. Кажется, ему было совершенно все равно: подставлять свою грудь под мой спасительный нож, или под губительный клинок одного из убийц... Зевс тоже медлил: ему очень не хотелось окончательно признавать мое превосходство. На его месте я и сам бы терзался, выбирая между воплями гордыни и шепотом разума, и в конце концов я — если не я нынешний, то по крайней мере, тот Один, который совсем недавно величественно восседал в золотых чертогах Вальгаллы, наверняка предпочел бы уступить гордыне! Я медленно учился мудрости, куда медленнее, чем следовало, и мог только посочувствовать Зевсу: мы с ним были одного поля ягода...

— Приятно видеть, что вы наконец-то приобщились к древним мистериям, голубчики!

— Насмешливый женский голос раздался откуда-то из-за моей спины. Я не мог обернуться, поскольку как раз вплотную занялся руной на груди Гелиоса.

"Ничего, — подумал я, — если уж мои валькирии ее сюда пропустили, значит она — не враг. А даже если и враг, Олимпийцы с ней и сами справятся. Она одна, их много... Не дети же беспомощные!" Но драки так и не вышло. Пока я возился с руной, все остальные старательно разыгрывали немую сцену: переминались с ноги на ногу и сверлили яростными взглядами таинственную незнакомку, которая не отказала себе в удовольствии прокомментировать перемены в их внешности. Уж не знаю, почему Олимпийцы не выпарапали ей глаза: даже мой старый недруг Локи мог бы позавидовать ее злему языку!

Впрочем, дальше перебранки дело не зашло. Через несколько минут я завершил обряд и с любопытством огляделся. Олимпийцы были похожи на стаю диких кошек, которые не могут решить: выпить противнику в горло, или убежать подобру-

поздорову, но уже угрожающе замерли на месте, приготовившись к прыжку — в любом случае пригодится! За моей спиной, скрестив руки на груди, стояла прекрасная великанша: думаю, даже моя макушка доставала ей только до плеча, а ведь мой рост всегда соответствовал моим — и не только моим! — представлениям о величии. Через мгновение я увидел, что у великанши три лица, одно другого прекраснее, а волосы развеваются так, словно ей в спину дует сильный ветер.

Спустя еще одно мгновение, я понял, что ее волосы были настоящими живыми гадюками, разъяренными и равнодушными одновременно. От нее исходило упоительное благоухание — свежий аромат летней ночи. Он кружил голову даже такому старику, как я — озабоченному близостью напрогноченной смерти и давнымдавно переставшему обращать внимание на пустяки вроде сладкого запаха мокрой акации...

— Кто ты? — Требовательно спросил я. — Уж не та ли Геката, о которой мне только что рассказали?

— Я самая. А что, обо мне здесь сплетничали? — Она насмешливо покачала головой. — Тебе следовало раньше познакомиться со мной, сын Бора. Твои грозные красотишки с радостью повиновались моему голосу, а это значит, что мы с тобой очень похожи.

Как братец с сестричкой, хотя наши родители не потрудились как следует пропотеть в объятиях друг друга... — Она желчно хихикнула. — Ничего, вот мы и встретились — лучше поздно, чем никогда!

— Зачем ты сюда пришла? Решила, что некому кроме нас слушать твои хулильные речи? Твоя правда: у невидимых существ, населяющих ночную тьму, совсем другие заботы... Если хочешь предложить союз — так и скажи. Сейчас я рад принять любую помощь. А если нет — что ж, тогда тебе нечего здесь делать.

— Помощь? От меня? — Расхохоталась она. — Ну уж нет! Считай, что я пришла поразвлечься, познакомиться с тобой... и заодно как следует потрепать нервы твоим новым приятелям. И каким дурным ветром тебя сюда занесло, хотела бы я знать?! Я ничего не имею против тебя, брат Вили и Ве, но твое присутствие среди этих младенцев кажется мне нелепым. Сидел бы ты лучше дома, вот что я тебе скажу!

— Тебя забыл спросить! — Я посмотрел на нее так, что она прикусила свой болтливый язык. Вообще-то я не мог заставить себя разозлиться по-настоящему. Во-первых, эта трехликая действительно была похожа на меня самого — можно было подумать, что я наконец-то встретил свою собственную тень, загадочного "второго себя", о котором жарким таинственным шепотом однажды рассказал мне Фрейр — тогда я ни слова не понял из его смутных объяснений и предпочел думать, что бедняга Фрейр просто перебрал браги...

Кроме того, я чувствовал, что за напускной бравадой Гекаты нет настоящей враждебности. Оставалось только понять, зачем мы ей понадобились...

Гелиос тем временем неторопливо вытер рукавом цветастой рубахи капли крови со своей темной кожи и шагнул в темноту, раскинув руки, словно для того, чтобы обнять дорогого гостя.

— Я предупреждал, что если ты сунешься к Олимпийцам, тебе не избежать моих объятий, дорогая! — Его голос был веселым и злым одновременно. — У меня еще хватит жара, чтобы испечь гадин, приютившихся в твоих волосах! — Сообщил он. Я был склонен ему поверить: после того, как валькирии рассказали мне о том, как

— За стаканчиком дело не станет. — Я выразительно посмотрел на Джинна.

— Слушаю и повинуюсь. — Высокопарно отвечал он, с низким поклоном подавая Доротее высокий тонкий стакан с какой-то пахучей дрянью.

— Подумать только! Мой любимый коктейль! — Восхитилась она, попробовав содержимое.

И деловито спросила:

— По алфавиту писать, или в хронологическом порядке?

— Да по фигу, наверное... — Я пожал плечами и покосился на Джинна. — Тебе ведь все равно?

— Мне все равно, Владыка. — Эхом откликнулся Джинн.

— Сделаем. — Бодро отозвалась Доротея. — Дайте только карандаш и бумагу.

— Отхлебнула из своего стакана и принялась строчить. Это продолжалось часа два.

Несколько раз Джинну приходилось выдавать ей чистый лист бумаги. Я, конечно, с самого начала подозревал, что кроме Македонского с Наполеоном были еще какие-то великие полководцы, но никогда бы не подумал, что их так много! Доротея умудрилась вспомнить больше тысячи имен, и мне показалось, что она остановилась только потому, что у нее заболели пальцы.

— Ой! — Виногато сказал я, перебирая страницы, исписанные торопливым почерком Доротеи. — Почти никого не знаю. Стыдно-то как! А что, разве генерал Мак-Артур тоже был великим? Я думал, он так, посредственность...

— Может быть и посредственность, нам-то какая разница? — Доротея пожалала плечами. — По крайней мере, свое дело он знает. Я так поняла: чем больше полководцев — тем лучше. Или тебе требуются только гении?

— Да нет. — Растеряно признал я. — Пожалуй, ты права...

Еще несколько минут я с любопытством рассматривал список: учиться никогда не поздно. А потом у меня появился вопрос.

— Слушай, а почему в твоём списке нет ни одного норвежского конунга?

Насколько я знаю, они были ребята что надо — взять того же Харальда Завоевателя, или Святого Олава... Или ты специализировалась на другом историческом периоде?

— Можно сказать и так. — Кивнула она. — Нет, я знаю имена некоторых скандинавских королей, но они нам все равно не понадобятся. Они же теперь все в Вальгалле у Одина — разве нет?

— Об этом я как-то не подумал. — Удивленно признался я. — А ты сообразила. Молодец.

— Рада стараться. — Она комично отсалютовала мне, приложив руку к козырьку несуществующей фуражки.

— Если уж хочешь, чтобы было смешно, надо орать: "яволь майн фюрер!" — Улыбнулся я. — Номер семьсот восемьдесят четвертый в твоём списке может дать тебе профессиональную консультацию по этому вопросу, как только мы его отыщем.

— А кто у меня проходит под этим номером?

— Герман Геринг. — Вздохнул я. — Очень полезный парень: нам же как раз предстоит иметь дело с вражеской авиацией... А может быть, он тоже в Вальгалле?

— Нет его там. — Зевнула Доротея.

— А ты откуда знаешь? — Удивился я.

убивают — это недостойно.

— А твое могущество? — Оптимистически спросил Анатолий. — Если уж ты с Сетхом справился...

— Мало ли, с кем я справился! — Я пожал плечами. — Нет никаких гарантий, что у меня снова получится. Мои чудеса — штука непредсказуемая. Вдруг в день битвы у меня будет лирическое настроение — и что вы тогда станете делать? Подавать мне карандаши, чтобы я подробно описывал свои впечатления?

Подбирать подходящие метафоры? Да уж...

— Я всегда готов помочь тебе в твоих занятиях, Али. — Совершенно серьезно заявил Мухаммед. — Если тебе понадобится, чтобы я подал тебе карандаш, я это сделаю!

— Спасибо, конечно... Но сейчас меня волнует другое. — Примириительно сказал я. — Я чертовски боюсь, что под моим чутким руководством наши соратники смогут разве что еще раз умереть. Возможно, на этот раз они умрут весело и без сожалений, и оставшиеся в живых будут вынуждены спешно сложить десяток хвалебных од на их память. А толку-то!

— И что ты предлагаешь, Али? — Спросил Мухаммед. Мне понравился его деловой тон.

Одно удовольствие иметь дело с этим дядей — по крайней мере, пока он не хватается за свой коврик для намаза!

— Нам нужны опытные полководцы. Чем больше — тем лучше. Думаю, за всю историю человечества их было немало. И наверняка все они следуют за нами в качестве рядовых. Грех это — гвозди микроскопами забивать! Надо бы их разыскать, провести разъяснительную работу, и пусть командуют всеми, кто под руку подвернется. Тогда у нас будет не одна огромная и почти бесполезная армия, а несколько сотен — или даже тысяч? — армий поменьше.

По-моему очень просто, главное — нарыть побольше генералов. — Я вопросительно посмотрел на Джинна. — Сможешь быстро отыскать бывших полководцев в этом столпотворении?

— Если бы я знал их по именам, это было бы проще. — Заметил Джинн. — Впрочем, с несколькими великими полководцами я знаком лично. Но думаю, за те годы, которые я провел в своем сосуде, появился еще кто-то...

— Надеюсь, что так. — Улыбнулся я. — Что ж, имена — это не проблема! — Я напряг память и с ужасом понял, что не могу вспомнить никого кроме Александра Македонского и Наполеона. Мне стало стыдно. Через несколько секунд у меня в голове слегка прояснилось, и я извлек из дырявых сундуков своей пассивной памяти имена Чингисхана, Бабура, Маршалла и почему-то Гитлера, хотя какой из него к черту полководец — он же в основном на митингах орал... Впрочем, вокруг него было полно толковых ребят, что правда, то правда!

— Образование у меня то еще, конечно! — Фыркнул я. — Ничего, сейчас напряжемся и общими усилиями составим хоть какой-то список... Кто-нибудь здесь знает историю?

— Я почти профессиональный историк, Макс. — Неожиданно сообщила Доротея.

— Угостите даму стаканчиком чего покрепче, и будет вам такой список великих полководцев — закачаесться!

храбр и неуязвим был Гелиос в сражении с таинственным убийцей, я начал считать его наилучшим из Олимпийцев.

— И ты теперь с ними, Гелиос? Да тебя не узнать! Эк ты почернел — небось, от собственного жара? погоди, не горячись, не время мне с тобой обниматься.

— Хмура сказала незнакомка, поспешно отступая в темноту. — Я пришла сюда не для того, чтобы воевать с тобой... и вообще не для того, чтобы воевать.

— Зачем, в таком случае? — мрачно спросил Зевс. — Наши пути давно разошлись, Геката.

— Они никогда и не сходились. — насмешливо заметила она. И с внезапным отчаянием призналась:

— Я и сама не знаю, зачем пришла! — Ее звучный голос дрогнул, она спохватилась и тут же добавила с прежней язвительностью:

— Можете мне поверить, меньше всего на свете я хотела снова увидеть ваши рожи!

— Взаимно, дорогуша! — усмехнулась Афина.

— О, да тебе наконец-то удалось влезть в мужские штаны Паллада! — расхохоталась Геката. — Что ж, поздравляю. Лучше быть мужиком, чем такой пожилой девицей!

— Очень хочешь умереть прямо сейчас? — Спокойно спросила Афина. Я решил вмешаться в их беседу: Афина рассердилась не на шутку, но я не слишком верил, что она в силах исполнить свою угрозу. К тому же во мне разгорелось любопытство.

Сама не знает, зачем пришла — ишь ты!

— Что-то заставило тебя прийти сюда? — Спросил я. — Да, так бывает... Но что? Это не могли быть мои чары: мне и в голову не приходило никого вызывать, скорее уж наоборот!

— Куда уж тебе с твоими чарами! Не родился еще тот, кому удастся меня приворожить! Впрочем, меня действительно вынудили сюда прийти. — Буркнула она. — За мною гнались твари из числа тех, с которыми лучше не встречаться.

— Такие же, как ты сама? — лукаво уточнил Гелиос.

— Угадал, черномазый. — Невозмутимо согласилась Геката. — Я сразу почувствовала, что мы с ними похожи. До сих пор нам не доводилось встречаться: наверное, они — дети совсем другой ночи... Но они не собирались бросаться мне на шею и предлагать вечную дружбу. Им нужна моя жизнь — и моя сила! Я была бы не прочь сразиться с кем-нибудь из них один на один, чтобы узнать, чья тьма гуще. Но их было не меньше дюжины, и они не собирались церемониться.

— Так ты пришла сюда искать защиту? — Я-то думал, что Зевс готов лопнуть от злости, но вместо этого он звучно расхохотался. — Как это на тебя похоже, Геката!

Явиться к нам за помощью и затеять ссору! Узнаю дочку Астерии! — Он смеялся так неудержимо, что и я не сдержал улыбку. К моему удивлению, Геката тоже улыбнулась и неожиданно превратилась в невысокую хрупкую женщину. Теперь у нее было всего одно лицо, а на плечи ниспадали густые кудрявые волосы — гадюки тоже куда-то исчезли, вместе с ее угрожающим обликом.

— Ну да, я пришла к вам искать защиту. — Удрученно сказала она. — Можешь ликовать, сын Кроноса. Сегодня у тебя великий день: Геката просит тебя о помощи.

— Тоже мне событие! — Фыркнула Афина. К моему величайшему изумлению, брови Марлона Брандо больше не хмурились от гнева. Афина говорила

насмешливо, но вполне добродушно. Зевс улыбнулся еще шире. Остальные Олимпийцы тоже расслабились — можно было подумать, это не они только что были готовы наброситься на незваную гостью. Гелиос больше не угрожал Гекате своими испепеляющими объятиями, а посторонился, давая ей подойти поближе.

— А, ты удивлен, Один? — Шепотом спросил он. — Ничего странного. Есть две Гекаты, которые сменяют друг друга, и они не слишком похожи друг на друга, хотя каждая сохраняет память о том, что случилось с другой... Мы враждуем с Хтонией, но не с Уранией. Та, трехликая, которая вышла из тьмы, нам ненавистна. Но ее здесь больше нет. Геката Урания, конечно, тоже не подарок, но с ней вполне можно иметь дело.

— Ясно. — Кивнул я. Вообще-то, наивность Олимпийцев меня порядком удивила. Я всегда знал по собственному опыту, что облик — это всего лишь облик: кем бы ты не казался, какие перемены не происходили бы с твоим лицом и нравом, ты — это всегда только ты сам. Но я решил оставить свою мудрость при себе и поглядеть, что будет.

— И все-таки, кто за тобой гнался? — Спросила Афина. Я-то мог спорить на что угодно, что мне уже известен ответ!

— Дивные, непостижимые существа. Могущественные, словно они принадлежат не умирающему, а новорожденному миру. — В глубоком голосе Гекаты зазвенели мечтательные интонации влюбленной девчонки. — Мертвые, как сама вечность, безжалостные, как время и жадные до чужой силы, как пересохшая глотка...

Мне жаль, что я — не одна из них. Если бы мне было суждено родиться заново... Но тут уж ничего не поделаешь!

— Среди них была женщина с веретенами в волосах, да? — Спросил я. — И некто в шлеме похожем на сказочную птицу, и еще один — безголовый...

— С дворцами в груди. — Кивнула она. — Их тихий скрип способен свести с ума — даже меня! О, этим существам подвластны такие силы о существовании которых я только смутно догадывалась... Впервые в жизни я узнала, что такое настоящий страх.

— И как тебе это понравилось? — Мрачно спросила Афина.

— Не знаю... — Задумчиво ответила Геката. — У страха есть свое непреодолимое очарование. Он завораживает — во всяком случае, когда это происходит впервые!

— Смотри-ка, тебе даже пришлось по вкусу это приключение! Ну и предпочтения у тебя! — Хмыкнула Афина.

— Что ж, во всяком случае, у нас с тобой общие враги. — Заключил я. — Выходит, они просто охотятся на всех подряд, кто подвернется.

— Надеюсь, они не доберутся до Посейдона! — Озабоченно заметил Арес. — Как-никак, а все-таки его скрывает морская пучина...

— Думаешь, эти твари не умеют плавать? — Усмехнулся я. — Не верю!

Пожалуй, надо бы мне наведаться и к Посейдону, если еще не поздно. Хорошо что ты о нем вспомнил.

— Не "вспомнил", а "вспомнила"! — Кокетливо поправила меня белокурая красотка. — Проявляй хоть какое-то уважение к моему новому облику, Один!

— Рядом враги, Отец Битв! — Впервые голос Гендуль показался мне встревоженным.

своего лица: такого откровенного ужаса я не видел даже на собственной физиономии в приемной у стоматолога! Кажется, он здорово испугался, и я мог его понять: вообще-то мы всю жизнь находимся в положении приговоренных к смерти, но одно дело — знать, что это произойдет когда-нибудь, и совсем другое — внезапно обнаружить, что это самое "когда-нибудь" наступит прямо завтра...

— Да нет, не все так страшно. Не битва, и даже не генеральная репетиция, а так — небольшая потасовка. Просто в ближайшие дни нам придется отбиваться от разгневанных богов, да еще и на аэропланах. Веселье будет то еще!

— Тебе ведомо будущее, Али? — Уважительно осведомился Мухаммед.

— Ага. — Усмехнулся я. И доверительным шепотом сообщил ему:

— Мне Аллах сказал. — Вообще-то, с пророческим даром у меня обстояло не очень-то, все было гораздо проще: я весь день не сводил глаз с экрана телевизора, наблюдал за Одином, который развил невероятно бурную деятельность. Он созывал Олимпийцев на большой совет — надо быть полным идиотом, чтобы не догадаться, о чем именно он собирается с ними побеседовать! Я еще удивлялся, что эти ребята до сих пор не собрались хорошенько прополоть наши ряды...

Больше вопросов у Мухаммеда не было. Зато они тут же появились у всех остальных:

"от каких таких богов", "а сколько их", "почему на аэропланах", "что такое аэропланы", и все в таком духе. Князь Влад заметно оживился и деликатно поинтересовался, можно ли посадить этих самых "богов" на кол, или же с ними требуется бороться другими методами... Я не подкачал: у меня с самого начала был заготовлен исчерпывающий ответ на все вопросы.

— Поживем — увидим! — Торжественно заявил я. — А теперь вопрос на засыпку: кто из вас разбирается в авиации? — Ребята озадаченно захлопали глазами. — Отлично, я тоже не разбираюсь! Еще один вопрос: кто из вас знает, что такое воздушный бой? Можете не отвечать, и так догадываюсь, что никто. И последний вопрос, господа: кто из вас когда-нибудь командовал по-настоящему большим войском?

— Я. — Гордо сказал Мухаммед. Остальные покосились на него с заметным уважением.

— Ну да, конечно... — Вздыхнул я. — Сколько сотен человек было в твоей армии? Впрочем, это неважно. Сейчас нам предстоит иметь дело с миллионами... или даже миллиардами.

— Если за нами действительно следует все человечество, "миллиарды" — это не преувеличение. — Озабоченно кивнул Анатолий.

— Если верить моему работодателю, за нами действительно следует все человечество... или почти все. — Вздыхнул я. — А нас с вами чертовски мало, ребята, и мы совершенно некомпетентны. До сих пор мне казалось, что это — не проблема.

Но теперь у меня есть все основания полагать, что на днях нам придется принять настоящий воздушный бой.

Ничего страшного, конечно: ну уложат эти бедняги Олимпийцы несколько сотен наших спутников, или даже несколько тысяч... если оперировать только цифрами — невелика потеря! Но мне почему-то становится противно от мысли, что нам будет нечего им противопоставить. Стоять, задрав головы к небу, и смотреть, как нас

— Делайте что хотите. А я посмотрю, что из этого выйдет. — Неохотно буркнул Зевс.

— Ты будешь сидеть на своей амбе, Юпитер?! — Афина обернулась к нему, изумленная и разгневанная. Такой яростный взгляд вполне способен испепелить на месте! Зевс недовольно насупил густые брови.

— Неужели без меня не обойдетесь?

— Без тебя у нас ничего не получится. — Твердо сказал я. На самом деле я так не думал, но у Зевса выдался не слишком удачный день: ему то и дело приходилось уступать мне, а под конец он и вовсе был вынужден укрыться за спинами своих родичей. Так что я решил быть великодушным и прибавил:

— Я очень прошу тебя о помощи, Юпитер!

— Ну хорошо, я вам помогу. — Согласился Зевс. Теперь он выглядел весьма довольным, даже не потрудился скрыть горделивую улыбку. Мне стало горько: как, оказывается, легко управиться с престарелым владыкой, отчаянно цепляющимся за остатки своего былого величия! "Ты никогда не будешь таким, Один!" — Твердо пообещал я себе. — Лучше уж действительно умереть от клыков Фенрира, хотя и это было бы весьма обидно..."

— Ерунда какая-то получается! — Сердито сказал я, в очередной раз обведя глазами своих "генералов". Вообще-то, обстановка не располагала к сварливому бурчанию, скорее наоборот: был изумительный летний вечер, последние нежно-розовые кляксы заката поспешно расплзались вдоль линии горизонта, мы только что расположились на отдых, и мои спутники как раз начали приставать к Джинну с просьбами о хорошем ужине. Но у меня весь день было скверно на душе, и теперь я наконец понял, почему: обычно я могу довольно долго отлынивать от порученной мне работы, но дело всегда заканчивается тяжелым приступом чувства тотальной ответственности за все происходящее. У меня был выбор: продолжать тихо мучаться в одиночку, или начинать дергаться. Разумеется, я выбрал второе — просто для разнообразия!

— Что случилось, Макс? Почему вдруг — "ерунда"? — Лениво осведомился Анатоль.

Остальные и ухом не повели. Всю жизнь подозревал, что грозного начальника из меня ни за что не выйдет. Впрочем, оно и к лучшему. Не хотел бы я пополнить стройные ряды этих малопрятных типов, напоследок!

— У нас в наличии всего четыре полководца на все человечество, к тому же только Мухаммед и князь Влад имеют за плечами некоторый опыт боевых действий... Ну, и мы с Джинном впридачу. Это, конечно, усрать как круто, но маловато будет. — Объяснил я.

— Так не пойдет.

— До сих пор тебя это не смущало, Владыка. — Заметил Джинн.

— До сих пор я был полным идиотом. — Улыбнулся я. — Надо исправляться, пока не поздно. У меня есть некоторые основания полагать, что драка начнется гораздо раньше, чем планировалось. Не удивлюсь, если уже завтра... впрочем, нет, все-таки они не настолько шустрые!...

— Завтра?! Ты имеешь в виду последнюю битву? — Анатоль не поленился вскочить с места и продемонстрировать мне сказочные возможности мускулатуры

До сих пор мои валькирии были образцом неподражаемого спокойствия. Но и они оказались подвластны разрушительным переменам!

— Их много? — Спросил я.

— Не больше, чем твоих друзей. Но нас пугает их могущество. Мы не сможем их остановить. Может быть твои руны смогут.

— Это те же самые, да? Те, от кого вы охраняли дома Олимпийцев в последние дни?

Валькирия кивнула. Впрочем, я и сам отлично знал ответ. Разумеется, это были грозные обладатели диковинных имен, кто же еще?!

— Ну, наконец-то мы увидим их лицом к лицу. Ничего страшного. — Я обернулся к Олимпийцам. — Они не смогут приблизиться к тем, у кого есть моя руна.

— Но ее пока нет ни у меня, ни у Аида. Да и у Зевса нет твоей руны, если уж на то пошло. — Встревоженно заметил Гефест. Я всегда догадывался, что воитель из этого мастера никудышний. Так уж повелось: одни руки умело куют мечи, но совсем другие руки с радостью достают их из ножен!

— Это поправимо. — Твердо сказал я. Мы окружим их тесным кольцом, так что убийцы не смогут к ним подобраться.

— Неужели ты думаешь, что я стану прятаться от врагов за вашими спинами?

— Хмуро спросил Зевс.

— А почему нет? Все лучше, чем умирать. — Резко сказал я. — Успеется еще!

И потом, я же не сказал, что мы должны топтаться на месте и покорно ждать, пока они уйдут. Посмотрим, что они из себя представляют, а потом попробуем дать им бой.

Ты же можешь метать свои знаменитые молнии, стоя в центре круга!

— Не спорь с ним Юпитер. Сейчас его время. — Тихо сказала Афина.

Зевс озадаченно покосился на свою любимицу и неохотно кивнул. Олимпийцы тем временем уже окружили его тесным кольцом. Гефест поспешно протиснулся внутрь круга, за ним неохотно последовала Геката. Мне пришлось чуть ли не силой поднимать с места Аида: если бы не я, он бы и не подумал о себе позаботиться!

Даже если бы мои валькирии не принесли нам весть о приближении врагов, я бы вскоре узнал о том, что они рядом. От их причудливых тел исходил сильный запах — странная смесь звериной вони и пронзительной свежести, сопровождающей сильную грозу. Их близость заставляла разум умолкнуть, а сердце — суматошно забиться, словно оно было сердцем обыкновенного человека, которому ведом страх. Я изо всех сил старался сохранять выдержку — впервые эта задача показалась мне почти невыполнимой, но я заставил себя вести так, словно несокрушимое спокойствие бессмертного все еще в моем распоряжении. Это сработало: когда очень хорошо притворяешься, убедить можно кого угодно, даже себя самого!

— Их запах порождает страх. — Тихо шепнула мне Афина. — Эти твари нашли очень простой способ управлять нашими чувствами. Хорошо бы и нам так научиться!

— Да, неплохо. — Удивленно ответил я. — Неужели и правда дело только в запахе?

— Когда это я понапрасну молола языком? — Обиделась Афина.

"Сказать по правде, случилось с тобой и такое", — насмешливо подумал я, но в

этот миг темнота ночи растаяла, как снег у очага. Можно было подумать, что вокруг нас вспыхнули костры, зажженные великанами. Наши таинственные преследователи были совсем рядом, теперь мы могли взглянуть на них. Сейчас они совсем не походили на причудливых уродцев, о которых рассказывали мне валькирии. Мне казалось, что они сотканы из разноцветного пламени, их очертания дрожали и менялись, и я поневоле залюбовался неопишуемой красотой этого зрелища. Потом пестрый свет, исходящий от их тел, погас так же внезапно, как вспыхнул, я даже не успел разглядеть их как следует. Угасшие причудливые силуэты несколько секунд потоптались на краю амбы и слились с темнотой. Они уходили. Это удивило меня бесконечно: до сих пор я твердо знал, что когда встречаются враги, битва неизбежна. Но незнакомцы руководствовались совсем иной логикой: они посмотрели на нас, увидели, что легкая добыча им не светит, и решили удалиться. В то же время мне и в голову не пришло бы называть их трусами. Трус убегает, спасая свою шкуру, а от незнакомцев исходило неопишуемое спокойствие. Они не испытывали к нам враждебных чувств — мне показалось, что чувства, в том числе и враждебные, им вовсе неведомы. Уверен, когда они убивали Олимпийцев, они просто брали их жизни, как хозяин дома берет ломоть хлеба со своего стола — а ведь никто не испытывает ненависти к горбушке, в которую вонзаются его зубы... Вот и сейчас они пришли сюда не воевать, а просто пообедать — взять по куску хлеба и разойтись по своим делам. Мне было ясно, что они уходят только потому, что не хотят терять с нами время: они рассчитывали на скорую добычу, а долгая возня с моими рунами не входила в их планы. Я понимал и другое: они могут вернуться в любой момент — как только придумают, каким образом можно получить еще несколько жизней, не затрачивая особых усилий. И еще я твердо знал, что должен отправиться за ними, хотя не слишком рассчитывал на легкую победу. Слейпнир появился рядом со мной мгновением раньше, чем я подумал о том, что он мне нужен.

— Не размыкайте круг, пока я не вернусь! — Велел я Олимпийцам. Они обратили ко мне вопросительные взоры, но я не собирался пускаться в объяснения. "Ничего, пусть привыкают просто делать, что я говорю, без лишних расспросов, — подумал я, — давно пора!" Через мгновение они остались далеко внизу, вместе со своими незадачными вопросами, а я слился с темнотой и ветром, одержимый веселой яростью погони, и был по-настоящему счастлив, как в старые добрые времена. Валькирии последовали за мной, не дожидаясь приказа — им и без того все было ясно!

Поначалу удача была со мной: расстояние между нами быстро сокращалось. Я даже заподозрил было, что незнакомцы нарочно медлят, чтобы увлечь меня за собой.

Впрочем, я их больше не опасался: какие бы хитрости не имелись у них в запасе, а на моей груди сияла защитная руна Эйваз, в силу которой я теперь верил больше, чем в собственное могущество. Я привстал на стременах, упиваясь близостью битвы, мне уже мерещился вкус крови этих чужаков, сладкий и губительный, как мед Браги... но через несколько минут я наконец понял, что впереди уже давно никого нет. Они исчезли, не оставив следов — можно было подумать, что я самого начала гнался за ветром: больше здесь некого было догонять. Даже моя память решила сыграть со мной недобрую шутку: сначала я никак не мог вспомнить,

зачем вообще куда-то помчался. Вроде бы, собирался держать совет с Олимпийцами, договориться с ними о нападении на мертвую армию нашего врага — и на тебе! К счастью, у меня все еще хватало могущества, чтобы сопротивляться наваждению. Безжалостной рукой опытного пастуха я собрал разбегающиеся в панике воспоминания в одно покорное стадо — и ужаснулся легкости, с которой они были готовы отказаться от чести принадлежать мне.

— Их больше нет. — Задумчиво сказал я не то Слейпниру, не то себе самому.

— Появляются из ниоткуда и уходят в никуда, не оставляя даже памяти о себе — вот оно как! Что ж, будем иметь это в виду... Ничего, однажды я сам распахну дверь, ведущую в это самое "никуда", и мы с ними еще померяемся силой! Нет такой хитрости, которой я не мог бы научиться. Одолею и эту премудрость!

— Битвы не будет? — Спросила одна из валькирий, почтительно приблизившись ко мне.

— Не с кем здесь биться, как видишь. — Ответил я. — Нужно возвращаться, Гудр. У нас есть дела поважнее, чем погоня за теми, кого больше нет...

Вернувшись на амбу, я убедился, что Олимпийцы меня не ослушались: они не разомкнули круг и по-прежнему были настороже.

— Ты догнал их? — Без особой надежды спросила Афина.

— Они исчезли. — Сказал я. — Для того, чтобы сразаться с ними, мне придется научиться ходить их путями.

— "Ходить их путями"? — Изумленно спросила она. — Неужели это возможно?

— Для меня все возможно. — Усмехнулся я. — Плохо одно: на это требуется время, которого у нас почти не осталось... Но я не позволю смерти забрать меня, пока не разгадаю эту тайну! Теперь у меня есть веская причина, чтобы заставить ее повременить — тем лучше...

— А можно ли мне попросить тебя о защите от этих неведомых охотников? — Почтительно спросила Геката. — Ты — великий колдун, Один. Они ушли, даже не попытавшись напасть на нас. Это удивительно!

— Так и должно быть. — Небрежно сказал я. — Разумеется, я вырежу защитную руну на твоей груди, если ты этого хочешь.

— Не забудь и обо мне, Один. — Вмешался Гефест. — И Аиду нужна защита: сейчас он беспомощен, как ребенок.

— Ни о ком не забуду. — Пообещал я и испытующе посмотрел на Зевса. — А ты что решил?

— Обойдусь пока. — Хмуро сказал он. — Твоя ворожба хороша, но с меня хватит и своей собственной. Если бы ты не уговорил меня спрятаться, я мог бы поразить их своими молниями...

"А толку-то!" — Насмешливо подумал я, но не стал его дразнить. Зевс все еще был стоящим союзником, ради него можно было и язык прикусить.

— Ладно, как хочешь. — Понимающе сказал я. — Но если передумаешь, я всегда к твоим услугам... — Я был почти уверен, что он передумает, полагая, что гордый Громовержец просто не хочет принимать мою помощь на глазах своих родичей. — А как насчет того, чтобы повоевать? Я думаю, мы могли бы напасть на армию мертвых уже завтра, но сперва нам следует договориться о том, как действовать.

Знаю, ваш любимый девиз: "каждый за себя", но здесь так не получится.

превратился в этот самый "бутерброд" — куда только подевалось мое хваленое могущество!

— Не думай ни о чем, лучше просто слушай музыку — это наш подарок тебе.

Тот, кому суждено умереть, имеет право напоследок прикоснуться к лучшему, что у него было...

Любая жизнь когда-нибудь заканчивается, теперь закончится и твоя. Пришло время умирать. — Тихий шепот одного из моих убийц — судя по змеиной морде и пучкам перьев, жизнерадостно зеленых как весенняя травка, со мной говорил Кецалькоатль — почему-то казался мне самым нежным и умиротворяющим звуком во Вселенной. Я больше не предпринимал никаких попыток спастись, даже вялых поползновений позвать Джинна — скорее всего просто потому, что никак не мог поверить, что смерть действительно стоит на пороге. Наверное, просто привык к тому, что мне все время как-то удается выкрутиться: то чудо какое-нибудь случится, а то просто просыпаешься, и понимаешь, что все было обыкновенным ночным кошмаром... Так что перед лицом настоящей опасности, я оказался невероятно медлительным и неповоротливым — вот уж никогда бы не подумал! А когда до меня наконец-то дошло, что все происходит на самом деле, было уже слишком поздно...

Хвала небу: я до сих пор не помню подробностей нашего бурного "общения", и прикладываю все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы не вспомнить! Знаю только, что мне пришлось умереть почти сотню раз кряду, и каждая новая смерть была мучительнее (и утомительнее) предыдущей. Индейские боги забирали себе мои жизни, извлекали их из меня одну за другой, вытягивали их, как тянут нерв из больного зуба, только этим самым "зубом" был весь я, без остатка. Помню, что воля к жизни оставила меня, и я хотел только одного: чтобы все это закончилось как можно скорее, и уготованная мне смерть оказалась обыкновенным небытием, которого я так боялся прежде, а не вечным умиранием...

А потом все это действительно закончилось. Я почему-то был по-прежнему жив, и меня кто-то обнимал за плечи, а перед моими почти ослепшими от боли глазами нечетко проступали контуры полужнакомого лица. Через несколько секунд я кое-как сфокусировал зрение и узнал это лицо.

— Один, откуда ты здесь взялся? — Тихо спросил я. — Никогда не думал, что после смерти попаду в Вальгаллу... У меня ведь не было меча в руках, и вообще никакого оружия у меня не было: оставил его где-то, болван этакий!

— А ты и не попал в Вальгаллу. — Лаконично сообщил Один. — Ты жив.

Здорово ты влип, гость! И как тебя угораздило? Нельзя бродить без оружия по незнакомым местам.

— Думаю, что с оружием тоже не очень-то можно. — Слабо улыбнулся я.

— Ты идиот. — Сердито сказала Афина. Только тут до меня дошло, что это именно она нежно обнимает меня за плечи — я поверить не мог в такое чудо! — Почему ты не там, где тебе положено быть? — Ворчливо спросила она — как строгая мамаша, обнаружившая, что ее чадо пошло в кино вместо того, чтобы делать уроки.

— А где мне положено быть? — Горько усмехнулся я.

— Сам знаешь! — Буркнула она.

— Я устал быть там, где мне "положено"! Я очень хотел остаться один. Хотя бы на пару часов, а еще лучше — навсегда. — Я обнаглел настолько, что опустил

более того...

— И каково оно — быть наваждением? — С неподдельным интересом спросил Один. — Мертвым я уже был, а вот наваждением — никогда...

— Я тоже был мертвым, — гордо сообщил я, — правда, всего пару раз и совсем недолго...

Если честно, мне совсем не понравилось.

— Мне тоже. — Серьезно кивнул Один.

— А вот быть наваждением — редкостное удовольствие: все равно, что быть живым, только еще лучше. — Доверительно сообщил я.

— Мне понравилось, как ты это сказал. Ты произнес свои нескладные слова, в которых не было ни капли пошла скальной твари, так, что на миг меня посетили все твои чувства.

Это великий талант — говорить так, гость! Ты мог бы стать знаменитым скальдом...

— Скальдом? Я уже пробовал однажды, получилось не очень-то. — Смущенно признался я. — Правда, тогда я был ужасно молодой и такой глупый — завидки берут!

— Значит тебе следует попробовать снова. Глядишь, теперь получится. Ты не кажешься мне молодым, хотя на твоём лице отпечаталось не слишком много свидетельств прожитых лет. — Обнадеживающе заметил он. Мне показалось, что теперь Один смотрит на меня с явной симпатией — насколько его единственный глаз вообще был способен выражать мало-мальски теплые чувства.

— Ладно, я попробую, — улыбнулся я, — если еще успею...

— Все можно успеть, — строго сказал Один, — даже за день до Последней Битвы еще можно успеть сделать все, что должно. Если бы я так не думал, я бы уже давно узнал на собственной шкуре, что такое отчаяние...

— Что ж, я рад, что ты до сих пор не знаком с его горьким вкусом, от которого сохнут губы и появляются слезы на глазах...

Один поморщился.

— Не продолжай, гость. Ты слишком хороший скальд! Если ты произнесешь еще несколько слов, я, чего доброго, сам почувствую этот проклятый вкус...

— Извини. — Удивленно сказал я. — Но думаю, что дело не в моих гипотетических талантах. Просто ты сам — гениальный слушатель.

— Это почти правда. — Спокойно согласился он. — Больше того: я — единственный НАСТОЯЩИЙ слушатель. Всякий скальд слагает слова в строчки лишь для того, чтобы доставить мне радость, даже те, кто не подозревает о моем существовании — и горе тому, чьи труды не достигли моего слуха! В его стихах не будет силы: как бы мастерски не сплетал он слова, без моей помощи они не найдут путь ни к одному из сердец...

— Теперь все ясно: уж мои-то труды явно не достигали твоего слуха! — Рассмеялся я. — Оно и к лучшему: по крайней мере, сегодня мне не приходится краснеть.

— Веселитесь? Ну-ну... Впрочем, это не так плохо: наконец-то в моем доме хоть кто-то веселится! А то в последнее время здесь уже стены стонут от наших с Одином угрюмых рож... — Афина вернулась к нам в главе целой армии своих больших оживших игрушек — Любимцев, как она их называла. Эти трогательные

мохнатые существа тут же принялись хлопотать, торопливо расставляя где попало многочисленные мисочки и кувшинчики. У меня создалось впечатление, что их хозяйка велела им с максимальной скоростью загромоздить посудой все свободное пространство, не слишком заботясь о правилах сервировки: один из драгоценных сосудов они умостили точнехонько между носками моих сапог. Я выразительно потоптался на месте, рыжий плюшевый медвежонок виновато пискнул и торопливо потянул посудину в самый дальний угол. Мне оставалось тихо умиляться...

— За тебя, гость! Ты не только избавил нас от охотников, ты принес в этот дом радость.

Вечер, завершившийся улыбками — такой роскоши мы давненько не знали. — Торжественно сказал Один, поднимая восхитительную чашу — подобной красоты я не встречал ни в одном из альбомов по античному искусству. Еще бы — это же была не какая-нибудь очередная археологическая находка, а личное имущество великой богини!

Афина протянула мне точно такую же чашу и ободряюще подмигнула: дескать, не бойся, не отравлено! Я попробовал было сделать глоток: этого требовала элементарная вежливость, но у меня ничего не вышло. Вообще-то, мне не раз снились сны, в которых я ел и пил — порой в таких невероятных количествах, что вспомнить страшно! Самое смешное, что иногда после таких сновидческих пирушек я просыпался в самом настоящем похмелье — это при том, что наяву не пил ничего крепче обыкновенного чая!

Но на сей раз у меня ничего не получилось — кажется в моем горле просто отсутствовали какие-то важные приспособления, с помощью которых производятся глотательные движения...

— Плохо все-таки быть наваждением! — Виновато сказал я. — Ни тебе выпить, ни тебе пожрать... Обидно! Вы уж не сердитесь, ребята: в этой истории я скорее пострадавший...

— Ты не можешь есть? Интересно! — Афина разглядывала меня с откровенным любопытством, словно у меня только что появилась еще одна пара глаз и начала прелевываться третя.

— Обычно могу. — Я уже чуть не плакал от досады!

— Надеюсь это не потому, что наше угощение тебе не по нраву? — Забеспокоился Один.

— Угощение-то мне как раз по нраву. — Вздохнул я. — Тем более, что на хояву укус сладкий, и все такое... Просто я разучился есть — вот уж никогда не думал, что со мной может случиться нечто подобное! Надеюсь, что это временно, иначе что за жизнь у меня начнется? Никаких развлечений!

Афина рассмеялась, Один сочувственно покачал головой. Уж он-то не счел мои слова шуткой! Впрочем, я и вправду чувствовал себя пострадавшим: в кои-то веки получил возможность попробовать легендарные нектар и амброзию — и тут на тебе, такое расстройство!

Тем не менее, вечеринка вполне удалась — невзирая на то, что под конец я пал так низко, что принялся рассказывать своим новым приятелям анекдоты — почему-то мне в голову приходили только самые бородатые и все больше про Чапаева. Разумеется им не было смешно! Ребята сосредоточенно морщили лбы, пытаясь постичь таинственную логику анонимных сочинителей этих шедевров — увы,

и мое невовремя растаявшее сердце внезапно сжалось от ужасающего предчувствия: оно уже откуда-то знало, что странные незнакомцы. причудливые силуэты которых я едва мог различить в темноте, пришли сюда за моей жизнью, и у них хватит могущества и упорства получить то, что они хотят...

— Не надо. — Растерянно сказал я. Сам не знаю, кого я надеялся уговорить!

— Надо. — Флегматично возразил мне чей-то свистящий шепот. — Ты лишил нас хорошей добычи, но это не беда: ты сам — наилучшая добыча! У тебя много жизней — есть, что взять. Именно то, что мы ищем...

Разумеется, за моей головой явились старые добрые индейские боги — дружно, всем коллективом. Им не было никакого дела до нашего дурацкого "конца света", и моего — более чем высокого! — статуса в созданной по этому случаю структуре. Эти хищные ребята сошли со страниц совсем иных историй, и у них были свои представления о том, как следует поступать, когда земля начинает дрожать у тебя под ногами. Они были гораздо старше и в каком-то смысле гораздо мудрее всех нас — как бабочка бывает мудрее философа: пока он размышляет о метаморфозах материи, бабочка переживает их на собственном опыте. Они оказались настолько иными — или иными? — что даже для того, чтобы просто смириться с их существованием, мне следовало расстаться с большинством своих представлений о возможном — и это после всего, что успело со мной случиться!

Мне хватило одной тошнотворно длинной секунды, чтобы понять все: эти красавчики пришли сюда с твердым намерением убить меня, и они это сделают, поскольку я никогда не был бессмертным — просто счастливым обладателем довольно большого — но, к сожалению, конечного и легко выражаемого с помощью всего лишь трехзначного числа! — количества жизней.

— Забери меня отсюда! — Потребовал я у невидимого Джинна, но он не откликнулся. Я с ужасом подумал, что мой могущественный телохранитель вполне мог передумать — в самый последний момент! — сжалиться надо мной и предоставить мне возможность все-таки побыть в полном одиночестве — так мило с его стороны... Настолько несвоевременных подарков мне еще никогда не делали!

Причудливые существа обступили меня тесным кольцом. Я почувствовал их тяжелый неприятный запах, что-то среднее между запахом дерьма и формалина.

А потом я узнал его и содрогнулся от воспоминания: однажды в юности я случайно зашел в грязную ветеринарную аптеку возле городского рынка, стены которой были пропитаны этим запахом и сразу подумал: "боже, это запах дурной смерти!" Тогда я сам испугался собственной формулировки: в то счастливое время в моей романтической голове редко появлялись подобные образы — мрачные, точные и лаконичные. Теперь я испугался снова — черт, у меня были все основания испугаться! Но еще больше меня страшило их абсолютное спокойствие: если бы индейские боги испытывали ко мне враждебные чувства, если бы они собирались расчитаться со мной за то, что я назвал их имена Одину, или вздумали предотвратить грядущий конец света, устраняя одно из главных действующих лиц, или просто разгневались, как бедняга Сетх, обнаружив на своем пути докучливое человеческое существо — о, тогда мне наверняка нашлось бы что им противопоставить! Но в глазах этих странных тварей я был всего лишь долгожданной пищей — лакомым куском, вроде бутерброда с икрой. Их общая убежденность парализовала меня: под тяжестью их голодных глаз я почти

"Before she came I lived alone upon the mountain..." и глубокомысленный вывод: "the time is like a promise" — вроде бы ничего особенного, и если бы я услышал эту дребедень на своем родном языке, я бы наверняка снисходительно поморщился... но факт остается фактом: когда-то эти строчки нежно выворачивали меня наизнанку! Мои губы невольно расплылись в улыбку — черт, еще немного, и я вполне мог бы пустить самую настоящую слезу, мокрую и соленую... Однажды, несколько лет и целую вечность назад, моя старинная подружка подарила мне кассету, на которую записала кучу каких-то неизвестных мне песенок. За ней вообще водилась слабость дарить друзьям этикетки музыкальные винегреты, дикую смесь банальных хитов и никому не известных вещей, которые обычно были чудо как хороши, хотя я никак не мог постичь безумную логику, которой она руководствовалась при составлении этих сборников. Я смутно подозревал, что это был ее личный способ получить некую незначительную, но изысканную власть над людьми, которые ей дороги: заставить нас слушать выбранные ею мелодии, в установленном ею порядке, даже тогда, когда ее не было рядом — и ведь мы, как правило, действительно слушали, поскольку ее выбор почти всегда был безупречен: девочка как-то умудрялась угадывать вкусы и желания каждого, кому предстояло получить ее фирменный подарок. При этом она никогда не повторялась: фонотека у барышни была богатая! Так вот, одна из этих песенок оказалась тем самым единственным и неповторимым набором звуков, который почему-то был способен вытрясти из меня душу, а потом вернуть ее на место, чистенькую и посвежевшую, как старое пальто, побывавшее в американской химчистке... У меня богатый словарный запас, но внятно объяснить, что именно делала со мной эта простенькая песенка, я никогда не смогу: наверное ни в одном из человеческих языков нет подходящих слов, помню только совершенно дурацкую мысль: "если бы вдруг оказалось, что рай действительно существует, и я попал бы в этот самый рай после смерти, кто-то из ангелов непременно спел бы мне что-то в таком роде, прямо на пороге..." Несколько недель я не вынимал кассету из плеера, почти не вслушиваясь в остальные песенки, которые тоже были вполне хороши: 57 минут я существовал в режиме ожидания, потом следовали три минуты абсолютного кайфа: ровно столько звучала эта МОЯ песенка, потом все начиналось сначала... А потом все внезапно закончилось, я был изгнан из неожиданно обретенного рая: магическая мелодия вдруг перестала меня трогать — словно она была апельсином, из которого я выцедил весь сок, и его больше не осталось, ни капли, только пересохшие ошметки истерзанной мякоти и сморщенная оранжевая кожура. Моя нетерпеливая жадность все испортила, и какое-то время я чувствовал себя по-настоящему несчастным — как ни смешно это звучит...

Тогда я понял, что частые прикосновения способны угробить любую страсть — впрочем, мне так и не пришлось применить это полезное знание на практике: с тех пор в моей жизни не было ничего такого, что мне действительно захотелось бы сохранить навсегда...

Но сейчас мое сердце вздрогнуло так сладко, словно я слышал свою чудесную песенку в первый раз — можно было подумать, что я все-таки оказался в раю, и сладкоголосый ангел на пороге встречает меня, как я и предчувствовал... Несколько минут я наслаждался простым, но совершенно сокрушительным чудом, которое почему-то вдруг решило со мной случиться, потом глупо ухмыльнулся от удовольствия и огляделся по сторонам. Только тогда я понял, что уже давно не один,

почти безуспешно. Тем не менее, я был вынужден признать: такой задушевной болтовни у меня давно ни с кем не получалось. Мне ужасно не хотелось просыпаться — возвращаться к дурацкой действительности, больше всего похожей на замысловатую продолжительную галлюцинацию душевно больного генерала. Хуже всего, что после пробуждения мне предстояло хорошенько подумать о том, как мы с ними будем воевать. Думать об этом мне, разумеется, не хотелось, а уж предпринимать какие-то действия — тем более...

— О, да у вас тут весело, а меня почему-то не позвали. — Я обернулся и увидел, что на пороге стоит невысокая симпатичная барышня с совершенно роскошной кудрявой шевелюрой.

— И трудиться не стоило: ты же любишь приходить без приглашения. И как это мои Хранители тебя пропустили? — Хмуро сказала Афина. Я сразу понял, что она не слишком рада гостю. "Не рада" — это еще мягко сказано!

— О, договориться с Хранителями было проще простого. — Злорадно сообщила гостья. — В сущности, они — всего лишь тени, а мне всегда было легко находить общий язык с существами, рожденными темнотой...

— Сидела бы ты лучше на амбе Геры и усердно возносила хвалу Зевсу за то, что он не захотел оставлять тебя без крова! Я, знаешь ли, еще не успела истоскаться по тебе, Геката! — Афина в сердцах швырнула на пол свой пустой кубок и отвернулась.

— Не стоит сердиться на нашу гостью, Паллада. — Мягко сказал ей Один. — Нельзя гнать на улицу того, кто стоит на твоём пороге: сколько раз я тебе говорил, что такие поступки отпугивают удачу.

— Это — всего лишь твои суеверия, Игг. При чем тут я? — Сердито буркнула она.

— Ты напрасно злишься на меня, Минерва. — Примирительно сказала гостья. Я заметил, что она оценивающе и с нескрываемым интересом разглядывает мою персону — словно напряженно раздумывает: брать ли меня на ответственную должность в своей фирме, или поискать кого-нибудь другого.

"Геката, Геката... — я мучительно напрягал свою дырявую память. — Богиня ночи, кажется... Опасная дамочка, если я ничего не перепутал! Странно, что я ее до сих пор не видел... Но по-моему, она должна быть трехликой, огромной и ужасающей — разве нет? Впрочем, какую только чушь порой не вычитаешь в книжках..." Мои сумбурные размышления были прерваны довольно бесцеремонным образом.

— А это кто такой? — Спросила Геката, бесцеремонно тыча в мою сторону указательным пальцем. — Он мне нравится!

— Приятно слышать. — Растерянно сказал я. И честно добавил:

— Хотя вообще-то мне по фигу...

— Ну и правильно. — Неожиданно согласилась она. — Ладно, кто ты такой — это не так уж интересно. Пойдем, прогуляемся.

— С какой это стати? — Удивился я.

— Просто так. Луна сегодня чудо как хороша — уж я-то знаю толк в оттенках лунного света!

— Что ты замышляешь, Геката? — Встревоженно спросила Афина. — Не вздумай причинять вред моему гостю. Пока он здесь, он под моей защитой!

Я был приятно удивлен: так мило с ее стороны — знать кто я такой, и все равно заботиться о моей безопасности!

— Поверь мне, Минерва: легче погасить десяток звезд на небе, чем причинить хоть какой-то вред твоему драгоценному гостю. — Усмехнулась Геката. — Впрочем, ты и сама это знаешь...

— На твоём месте я бы не пренебрегал приглашением такой девы, гость! — Неожиданно вмешался Один. Мне показалось, что он чертовски рад такому развитию событий. Ну да, я уже сделал свое дело: немного поднял им с Афиной настроение, а теперь мне следовало выметаться, оставить их вдвоем, чтобы он еще раз попробовал найти путь к каменному сердцу сероглазой богини... Мне показалось, что у Одина нет никаких шансов, и он прекрасно знает, что их нет, но все-таки попытается — да на его месте я бы и сам попытался!

— В любом случае мне пора исчезать. — Я пожал плечами. — Этот сон о том, как я сижу у вас в гостях, был одним из лучших снов в моей жизни, но любой сон должен заканчиваться пробуждением — если он не хочет оказаться смертью...

— Хорошо сказано. — Важно одобрил Один.

Афина выразительно посмотрела на меня — мое сердце сжалось от этого ее взгляда.

"Все хорошо, что хорошо кончается, и смотри, не вздумай еще раз сюда заявиться!" — Говорили ее глаза. Впрочем, было в них еще что-то — кажется, гремучая смесь нежности и сожаления... или мне это примерещилось?

— Вот и хорошо. Я провожу тебя до порога. — Невозмутимо заявила Геката.

— Для того, чтобы исчезнуть, мне необходимо остаться в одиночестве. — Возразил я.

— Догадываюсь. Ничего, я же сказала: только до порога. — Она решительно ухватила меня за руку и потащила к выходу, как заботливая мамаша, спешащая увести свое чадо из дурной компании. Я так растерялся, что безропотно последовал за ней. Пресловутый порог быстро остался далеко позади, а Геката с энтузиазмом увлекала меня все дальше в душистую темноту летней ночи. Я взбунтовался и попытался отнять руку.

— Ты же сказала: "только до порога"!

— Мало ли, что я сказала! — Она наконец остановилась и отпустила мою ладонь. В темноте ее глаза фосфоресцировали, как у огромной кошки. — Ты всегда такой идиот, или только в полнолуние? — Ее лицо исказилось от ярости, но голос звучал спокойно и насмешливо.

— По обстоятельствам. — Сухо ответил я. — А с какой это стати ты вдруг решила, что можешь учить меня уму-разуму, голубушка?

— Сначала скажи, с какой стати ты решил сообщить этим лопухам имена Охотников? — Гневно спросила она. — Все могло быть так замечательно!

Сегодня вечером мне удалось привести Охотников к месту сборища моих драгоценных родственничков. Я здорово рисковала, между прочим: им-то абсолютно все равно, чью жизнь забирать... И вдруг выясняется, что я зря старалась: этот одноглазый уже снабдил почти всю компанию защитными амулетами! Пришлось спешно делать вид, что я в восторге от его находчивости, и все такое... Если бы ты поменьше болтал языком, от этих никчемных божков уже не осталось бы и воспоминания, а Один убрался бы восвояси — туда, где ему следует

Владыка. — Неохотно согласился Джинн. — Но может быть, ты позволишь мне сопровождать тебя?

Мой взгляд ничего не весит, можешь мне поверить! К тому же я могу стать невидимым и не издавать никаких звуков. Мое присутствие будет необременительным, обещаю!

— Ладно, — улыбнулся я, — если так, пошли!

Мне не пришлось повторять приглашение: поток теплого воздуха тут же подхватил меня и почти растворил, я испытал сладковатую дурноту головокружения, но через несколько секунд все закончилось: мои ноги снова стояли на твердой земле. Здесь было очень темно, и я на мгновение удивился: там, в пустыне недавно миновал полдень, неужели Джинну взбрело в голову отволочь меня аж в другое полушарие? Но потом вспомнил:

Джинн в свое время говорил мне, что на всей земле воцарилась вечная ночь, и только мой путь почему-то по-прежнему освещался солнцем, что, вроде бы, не слишком-то увязывалось с моим новым имиджем...

Я огляделся и понял, что нахожусь в лесу: об этом свидетельствовали мощные стволы окруживших меня деревьев, бархатно-черные в темноте, и головокружительный аромат хвои. Здесь было удивительно тихо, даже ветер не пересчитывал листья на ветвях.

Джинн, судя по всему, находился где-то рядом, но честно держал слово и ничем не выдавал свое присутствие. Я уселся на толстый слой мха и опавшей хвои и вопросительно улыбнулся сам себе: дескать, вот ты и остался один, душа моя — что теперь? Я не мог сформулировать ответ на этот вопрос, но он был мне известен и понятен, что-то вроде: "просто немного побуду старым добрым Максом, а не каким-то там "Владыкой", и все..." Ага, размышлял!

Мало того, что я так и не обнаружил этого самого "старого доброго Макса" ни в одном из закоулков своей идиотской души — два часа блаженного одиночества только ухудшили дело: я окончательно перестал узнавать себя, любимого и знакомого, в этом странном типе, который был способен неподвижно сидеть на земле, не беспокоясь ни о чем, и даже не давая себе труда подумать о собственном будущем. Никакого будущего больше не было, да и прошлое у меня не очень-то было, если разобраться! Впрочем, даже мое драгоценное "здесь и сейчас" казалось хрупким и нежным, как весенняя льдинка, к нему не следовало прикасаться, чтобы оно не растаяло — я и не прикасался... Просто сидел на земле и с наслаждением вдыхал упоительно сладкий воздух — вот уж не предполагал, что способен свести свою бурную деятельность исключительно к вдохам и выдохам и не заскучать через пятнадцать секунд!

Разумеется, рано или поздно это должно было закончиться, поскольку в соответствии со сценарием вечное блаженство мне пока не светило. Правда, я наивно полагал, что прекращу свою незапланированную медитацию добровольно и совершенно самостоятельно — ага, размышлял...

В какой-то момент я услышал, что где-то рядом играет музыка, через несколько секунд я узнал мелодию и негромкий бесполый голос, который пел что-то простое и обворожительное на полужакомом мне языке: "If rain will fall high appear upon the mountains, the grass will grow..." — дальше я почему-то никогда не мог разобрать, а потом еще была пронзительно печальная констатация незамысловатого факта:

все такое... Можешь себе представить: мое глупое сердце наотрез отказывается понимать, что такое "конец", и ведет себя соответственно...

Она изумленно посмотрела на меня, потом понимающе кивнула:

— Ну да, конечно. Просто для тебя это никакой не конец, правда? Только короткий эпизод твоей неописуемо долгой жизни, не имеющей ни начала, ни конца... И не надо снова говорить мне, что ты — такой же, как мы, все равно не поверю! Да ты и сам не веришь... — Она развернулась и медленно пошла прочь, а я уселся прямо на горячий песок и закрыл лицо руками. Мне ужасно хотелось по-детски расплакаться, жалобно уткнувшись носом в плечо кого-то большого, мудрого и всесильного, но у меня не было ни слез, ни этого самого плеча, поэтому я просто сидел и терпеливо ждал, пока утихнет незапланированная буря в моем слабоумном организме...

Потом мне все-таки пришлось заняться делами. Я вернулся на свой импровизированный "оборонный завод" — как раз вовремя! Плод совместных усилий лучших авиаторов всех времен и народов и моего мудрого Джинна, невероятно красивая крылатая тварь из сверкающего черного металла горделиво стояла на песке.

Господа летчики взирали на нее с немим восхищением, мне оставалось только присоединиться.

— Шайсе! — Проникновенно сказал я: все остальные слова временно вылетели из моей непутевой головы: я был потрясен.

— Нравится, да? — Понимающе улыбнулся кто-то рядом со мной — кажется, это был фон Рихтхоффен, герр "Красный барон", во всяком случае его лицо вызывало у меня смутные ассоциации с картинками на коробках с моделями самолетиков фирмы "Аэрфикс": была у них в свое время такая серия — "Великие летчики", или что-то в таком роде.

— Еще бы! А вы уже испытывали это чудо? Летать-то оно умеет?

— Мы как раз собираемся бросить жребий. — Кивнул он. — Возникла небольшая проблема: всем хочется сесть за штурвал!

— Мне уже тоже хочется. — Улыбнулся я. — Но я предпочитаю уступить эту честь профессионалам. Пойду, еще погуляю. Удачного вам испытания, ребята! — Я обернулся к Джинну и спросил его, повинуюсь какому-то внезапному порыву:

— Ты не мог бы перенести меня туда, где вообще никого нет? Ни моей армии, ни наших драгоценных противников, ни мертвых, ни живых, ни людей, ни богов — вообще никого... Думаю, на этой земле теперь найдется немало безлюдных мест... безлюдных — и "безбожных", заодно.

— Таких мест немало. — Подтвердил Джинн. — Но почему ты хочешь остаться в полном одиночестве? Это опасно, Владыка.

— Опасно? Для меня? Не говори ерунду! — Улыбнулся я. — Подозреваю, что я — единственный парень, которому вообще не грозят никакие опасности. Выполни мою просьбу, ладно? Я устал, дружище. На меня все время кто-то смотрит, даже когда я сплю, и с этим ничего нельзя поделать: вокруг слишком много народа... Никогда не думал, что человеческий взгляд осязаем, но в последнее время я это чувствую. Я уже начал сутулиться: оказывается, взгляды могут быть чертовски тяжелыми!

— Я сделаю так, как ты хочешь, ибо обязан выполнять все твои желания,

смирно дожидаться дня своей смерти... А теперь они живы, здоровы и обнаглели настолько, что собираются напасть на твою армию. Послезавтра, на рассвете, к твоему сведению!

— Стоп! — Решительно сказал я. — Начнем сначала. Спасибо за информацию, конечно... А с чего это ты так жаждешь крови Олимпийцев? Я думал, вы заодно...

— Думай пореже, мой тебе совет. — Язвительно хихикнула Геката. — Судя по всему, это у тебя не очень-то получается, так что нечего и стараться! Я играю на твоей стороне, ты еще не понял?

— А если ты на моей стороне, почему ты до сих пор не в моем войске? — Удивленно спросил я. — Только не говори, что нас трудно было найти — не поверю! Когда все человечество бредет по пустыне, это довольно сложно не заметить... Хотя бы познакомиться заглянула!

— Ну вот, считай, уже познакомились. — Нетерпеливо отмахнулась она. — А что касается этого сброда, который бредет за тобой — с какой стати я должна болтаться среди них? Я не одна из них, я — Геката, я всегда сама по себе!

— Ну да, и бродишь, небось, где вздумается... — Улыбнулся я.

— Разумеется. — Сухо согласилась Геката. Судя по всему, она никогда не читала Киплинга, так что моя робкая попытка пошутить не возымела успеха. — Так почему все-таки ты шляешься к ним в гости, да еще и оказываешь столь ценные услуги? Неужели Афина тебя приворожила? Ну и вкус у тебя!

— Ты действительно рассчитываешь, что я стану объяснять тебе причину своих поступков? — Я наконец вспомнил, какой я "большой начальник" и взял соответствующий тон. — Не заставляй меня сердиться, Геката!

К моему величайшему удивлению, это подействовало. Геката тут же присмирела.

Яростный огонь в ее глазах потух, теперь она смотрела на меня снизу вверх, как и положено такой миниатюрной барышне.

— Это какая-то хитрость, да? — Уважительно спросила она. — Но ты мог бы рассказать мне... Я же должна знать, как мне себя с ними вести. Я могла бы тебе помочь.

Собственно говоря, для этого я здесь...

— Приходи ко мне, когда я буду бодрствовать, тогда и поговорим. — Холодно сказал я. — А пока я сплю, никаких производственных совещаний! Так что будь любезна, оставь меня одного: мне уже давно пора просыпаться... И подумай, как ты объяснишь Афине и Одину свое долгое отсутствие.

— Я скажу им, что мы с тобой занимались любовью! — Расхохоталась она. — И пусть завидуют!

— Было бы чему! — Усмехнулся я.

— Если хочешь, мы можем сделать так, что мои слова будут звучать правдиво. — Кокетливо предложила она.

— Не хочу. — Честно сказал я.

— Ты не любишь женщин? — Геката не только не обиделась, но почему-то даже обрадовалась своему открытию.

— Не люблю. — Я немного подумал и ехидно добавил:

— Кроме того я не люблю мужчин, детей и домашних животных. В последнее время я что-то вообще никого не люблю — сам себе удивляюсь!

— А богинь? — Лукаво спросила она. — Например, сероглазых богинь. Я же

видела, как ты пилился на Афины — тоже мне, роковая страсть!

— Я же сказал: никого. И не старайся меня рассердить: это довольно легко, а вот успокоить меня потом будет непросто. — Грозно сообщил я.

— А таких богинь, как я?

Я действительно начинал сердиться: с какой стати эта стерва решила, что ей позволено портить мои сны своей бессмысленной болтовней? И вообще, я жуткий консерватор: мне больше нравится самому приставать к малознакомым девушкам, чем быть объектом их сексуальных домогательств... Но пока я набирал в легкие побольше воздуха, чтобы хорошенько на нее рявкнуть, Геката удивительным образом преобразилась. Теперь передо мной стояла настоящая великанша: метра три, не меньше! Ее роскошные черные волосы оказались пучком живых гадюк, которые дружно уставились на меня крошечными равнодушными бусинками глаз.

Три прекрасных и яростных женских лица вызывающе смотрели на меня из темноты — мифы все-таки не врал... "Боже, неужели она действительно надеется произвести на меня впечатление?!" — Устало подумал я.

— Таких, как ты — в первую очередь. Мой тебе совет: когда придешь ко мне в гости, постарайся выглядеть хоть немного приличнее. Что случилось с твоей прической, дорогуша?

— Что, и так не нравится? Ладно, дело хозяйское. Тебе же хуже! — Я и не заметил, когда она успела вернуть себе прежний очаровательный облик.

— О'кей, договорились. Мне действительно хуже. — Примириительно сказал я.

— А теперь все-таки оставь меня одного. Мне и правда пора просыпаться, и я не хочу делать это в твоём присутствии.

— Не хочешь, или не можешь? — Насмешливо уточнила она.

— Не хочу. — Твердо сказал я. — Те дни, когда я чего-то не мог, давно остались в прошлом.

Прощай, Геката. И учти: если хочешь играть на моей стороне — добро пожаловать, но тебе придется научиться говорить с другим интонациями. Чего я терпеть не могу, так это хамства.

— Я могу и передумать. — Буркнула она. — Никто никогда не ставил мне никаких условий!

— Все когда-нибудь происходит впервые. — Ухмыльнулся я. — А если передумаешь — на здоровье! Обходился же я как-то без тебя до сих пор! Скажу по секрету: я вообще могу обойтись без кого угодно! Даже если все мое войско завтра решит разбежаться, я только вздохну с облегчением.

— Что ж, значит ты сильнее, чем я думала. — Удивленно сказала Геката. — Это хорошо. Я приду к тебе завтра... или через два дня. Одним словом, скоро. Очень скоро.

— Ладно, приходи. — Вздохнул я. Она кивнула, развернулась и горделиво удалилась.

Некоторое время я с равнодушным любопытством смотрел ей вслед: у Гекаты была на редкость легкомысленная походка, она так энергично вертела задом, словно решила меня насмешить, напоследок. Впрочем, я здорово опасался, что это была не прощальная шутка, а обыкновенное женское кокетство. "Что-то в последнее время меня то и дело пытаются соблазнить. — Весело подумал я. — Сначала эта соленая индейка, теперь вот еще одна... Схватились! Где они все раньше были, хотел бы

пустить слезу, но мне не дали.

— Если я правильно понял, нам предстоит большое сражение? — Князь Влад внезапно возник откуда-то из-за моей спины.

— Что? А, ну да. Ты все правильно понял, дружище. — Кивнул я, пряча снисходительную улыбку: я уже привык относиться к этому легендарному парню как к большому ребенку, трогательному, наивному и жестокому, как все дети.

— Я хотел спросить: мы будем брать пленных? — Осторожно поинтересовался он.

— Не знаю. — Удивленно отозвался я. — Не думаю... Впрочем, посмотрим, как сложится...

— Может я пока колышков настругаю? — Робко предложил он. — Мало ли что...

— Зачем?! — Я уже не знал, плакать мне, или смеяться.

— Ну, может случится так, что кто-то из пленных разгневет тебя, и ты захочешь посадить его на кол... — С надеждой предположил Дракула.

— Не может! — Я все-таки решил, что в данной ситуации скорее следует смеяться.

Доротея тоже тихонько хихикнула.

— Никто не может знать заранее, в каком расположении духа ему предстоит пребывать на следующий день. — Робкий-то он робкий, наш князь Влад, но упрямый, как дюжина ослов! — Иногда в плен попадают люди, способные разгневать кого угодно, даже тебя, Владыка. — Тонем знатока добавил он.

— Поверь мне: твои драгоценные "колышки" нам не понадобятся! — Сухо сказал я.

Посмотрел на его скорбную физиономию и растрогался. — Если тебе очень хочется, ты можешь их настругать, дружок. Но не обещаю, что я позволю тебе пустить их в дело.

— Ничего, там видно будет! — Оживился Дракула. — Так я пойду поищу...

— Что ж, по крайней мере, он ушел вполне счастливым! — Усмехнулась Доротея, глядя ему вслед.

— Ну и компания у нас! — Я нахмурился, потом махнул рукой и расхохотался.

— Теперь еще Герман Геринг пожаловал, с товарищами... Надеюсь, ребята не передерутся в самый ответственный момент!

— Конечно не передерутся! — Уверенно успокоила меня Доротея. — Все, что случилось с ними при жизни, теперь не имеет никакого значения.

— Почему ты так думаешь? — Заинтересовался я.

— "Почему"? — Она изумленно нахмурила брови. — Да хотя бы по собственному опыту!

Впрочем, не только по собственному... Ты обратил внимание, как подружились Мухаммед и князь Влад? Основатель мусульманской религии и средневековый христианин — фанатик, пересажавший на кол сотни последователей нашего Мухаммеда... Старые разногласия больше никого не волнуют. Все мы мудрее, чем нам самим кажется, Макс. Мы очень хорошо понимаем, что такое конец — если не разумом, то сердцем!

— О'кей, значит я — болван, которому приходится предводительствовать мудрецами! — Улыбнулся я. — Спасибо за лекцию, Дороти. Мне ужасно стыдно, и

просто живые люди... по крайней мере, мы все еще ощущаем себя таковыми.

Нас ждет неизвестность, а людям свойственно бояться неизвестности...

— Почему ты так упорно называешь себя обыкновенным человеком? — Робко спросила она. — Я отлично помню, как на меня подействовал твой голос, в самом начале нашего пути! Собственно говоря, тебе удалось воскресить меня из мертвых, и не только меня, как видишь... — Она небрежно махнула рукой куда-то в сторону неритмично колышущегося моря человеческих голов. — И еще я помню, что ты сотворил с храмом Сетха, и как это выглядело со стороны!

— Я уже устал объяснять: я не совершаю чудеса, они сами со мной происходят, когда им приспичит. Это большая разница. — Тихо сказал я. — Меня никто не спрашивает: "Эй, Макс, не хочешь ли совершить пару-тройку чудес сегодня после обеда?" Я ничего не решаю. Иногда я чувствую себя распахнутой форточкой, через которую в дом может ворваться все что угодно: и свежий ветер, и золотистый лист вяза, и комок грязи, и шаровая молния...

Но какая-то часть меня сидит в комнате вместе с вами и с ужасом ждет, что будет дальше. Так что мы в одной лодке...

— А что будет дальше, ты знаешь? — Робко спросила она. — Чем все закончится?

— Какая разница, чем все закончится?! — Я пожал плечами. — Скорее всего, всех нас сметет неведомо кем затеянная буря, вот и все. Не думаю, что о нашей храбрости сложат легенды, поскольку делать это будет некому, так что слава нам не светит... Тем не менее, ничего страшного не происходит, наверное. Все мы с самого начала знали, что любая человеческая жизнь заканчивается смертью: это входит в условия задачи.

Можно сказать, что нам еще повезло: никто никогда не обещал нам, что накануне конца с нами случится множество невероятных чудес, тем не менее, они уже происходят, и это только начало! Прежде, чем умереть, мы успеем побывать куда более живыми, чем прежде — не худший подарок напоследок!

— Это правда. — Тихо сказала Доротея. — Я никогда не чувствовала себя такой живой. Мне никогда не удавалось так долго смотреть на небо, Макс. А теперь только этим и занимаюсь: дромадеры бредут так медленно, и ритм их ходьбы примиряет меня с судьбой... Даже наша поездка через храм Сетха была чудо как хороша, хотя я ужасно боялась... И самое главное: никаких вареных яиц с гренками по утрам, никаких вечерних газет в метро по дороге со службы... и никаких ежедневных поцелуев по привычке — жалких попыток избежать одиночества, прикасаясь к чужому телу. Рядом со мной нет никого из старых знакомых, но это к лучшему. Я больше не чувствую себя одинокой — скорее уж наоборот... Наверное, это и есть рай — и кто я такая, чтобы жаловаться, что мне нельзя остаться в этом раю навсегда! Хорошо, хоть пустили постоять на пороге, не так уж мало! — По ее щеке скатилась одна-единственная слезинка, но губы невольно сложились в мечтательную улыбку. Мое сердце сжалось от нежности и восхищения. Вот это и есть настоящее мужество, вся моя бесшабашная храбрость бессмертного не стоила ее улыбки — куда уж мне!

"Этот парень, Аллах, помнится, говорил, что мое войско будет состоять исключительно из "мертвых духом". — Подумал я. — Кажется, он здорово ошибался... Видел бы он сейчас ее лицо!" Одним словом, я уже приготовился

я знать?!" На этот раз мое пробуждение не сопровождалось всенародной истерикой. Насколько я мог судить, мое войско все еще мирно созерцало сладкие предрасветные сны. Только неугомонный Джинн немного поворчал, что я, дескать, завел себе дурную привычку не дышать во сне. Потом я с удивлением выяснил, что ужасно выгляжу и получил здоровенную кружку горячего шоколада. Кажется ему просто ужасно понравилось меня опекать. У меня не было никаких возражений на сей счет, и вообще я проснулся в невероятно благодушном настроении, из меня можно было вить веревки — к счастью, никто кроме Джинна об этом не догадывался, так что обошлось.

— Ерунда какая-то получается! Все не правильно! — Жизнерадостно сообщил я своим "генералам" за завтраком.

— Что именно кажется тебе не правильным, Али? — Осторожно уточнил Мухаммед.

— Все. — Я улыбнулся еще лучезарнее. — Ты небось всю ночь провел на ногах, возился с нашими полководцами, пока я предавался созерцанию сновидений — а толку-то!

Авиации-то у нас пока нет. Надо что-то делать.

— Нельзя сказать, что мы понапрасну тратили время. — Задумчиво сказал Мухаммед. — Достойные мужи, с которыми мне пришлось иметь дело, показались мне искушенными в воинской науке...и вообще они произвели на меня благоприятное впечатление, хотя большинство из них не почитает Аллаха. Но я по-прежнему не понимаю, что такое "авиация", поэтому твои мудрые советы могли бы пойти нам на пользу.

— Ну, мои-то вряд ли, а вот мудрые советы какого-нибудь специалиста... — Протянул я. — А ну-ка, позовите ко мне Германа Геринга, ребята. Думаю, он — неплохой специалист...

Правда, есть ребята и покруче, наверное... — Я беспомощно посмотрел на Доротею:

— Поройся в своем списке, ладно? Отметь там еще десяток-другой хороших летчиков.

Всех зовите ко мне. Будем что-то придумывать...

Через несколько минут ко мне подошел пожилой толстяк, одетый явно не по сезону: на нем было наглухо застегнутое кожаное пальто.

— Ты звал меня, мой фюрер? — Его голос дрожал от едва сдерживаемого восторга. Я подскочил от неожиданности: вообще-то, в последнее время я был готов к чему угодно, но только не к такому обращению!

— Герман Геринг. — Весело подсказал Анатолий. — Номер семьсот восемьдесят четвертый в нашем списке.

— Я могу послужить твоему великому делу? — С энтузиазмом поинтересовался Геринг.

— Не уверен, что оно такое уж "великое", — невесело усмехнулся я, — тем не менее, вы действительно вполне можете ему послужить, герр Геринг — почему бы и нет?! В сущности, у вас просто нет выбора...

Он не обратил никакого внимания на мое задумчивое мычание. Какое там, дядя испытывал натуральный религиозный экстаз! Кажется, близость к моему телу действовала на него как пригоршня стимуляторов. Честно говоря, мне стало

немного не по себе от этого открытия, хотя я уже давно мог бы привыкнуть...

— Ага, вот и герр Адольф Галанд подтянулся! — Жизнерадостно заявил Анатоль. — И генерал Мак-Артур почему-то... Странно, вроде бы ты не включал его в список! И правильно, на кой он нам сдался?!

— Зато я включала. — Невозмутимо заявила Доротея. — А чем, интересно, тебе не угодил генерал Мак-Артур? Что, он много курил?

Эти двое тут же затеяли жизнерадостный спор о достоинствах генерала Мак-Артура, вреде курения и вообще обо всем на свете. Я бы с удовольствием включился в их дискуссию, но на меня наседали возбужденные авиаторы. Я здорово надеялся, что они не станут выяснять отношения между собой: большинство этих ребят были непримиримыми противниками в годы Второй Мировой войны. Впрочем, им, кажется, и в голову не приходило пускаться в воспоминания, к моему величайшему восторгу...

"Господи, а ведь считается, что я здесь самый главный, и все такое! — Тоскливо подумал я. — Почему же, в таком случае, я понятия не имею, о чем говорить с этими ребятами?!"

Кажется, теперь я как раз должен объяснять им, что от них требуется — какой ужас!" Впрочем, я как всегда преувеличивал. Никакие ужасы мне не светили. Разговор оказался приятным и необременительным. Я лаконично сообщил своим новым военачальникам, что в ближайшее время нам придется пережить налет вражеской авиации, потом попросил Джинна включить волшебный телевизор и наглядно продемонстрировал технический потенциал наших противников.

— У них очень мало самолетов. — Оптимистически заметил Геринг. И пренебрежительно добавил:

— И по большей части одно старье!

— Зато на этом старье летают боги. — Усмехнулся я. — Это не метафора. Они самые настоящие боги. Олимпийцы. Читали в детстве мифы Древней Греции? Ну вот, с ними нам и предстоит иметь дело. Да, и еще Один со своими валькириями — чтобы нам с вами мало не показалось!

— Один — это серьезный противник. — Спокойно согласился Геринг. — Думаю, Олимпийцы — тоже. Тем не менее, эти ребята летают на настоящей рухляди.

Вчерашний день!

— Даже позавчерашний. — Согласился я. — Но у нас с вами пока вообще нет никаких самолетов.

— Но ведь ты можешь сделать так, чтобы они были! — Геринг не спрашивал, а утверждал.

Он был почти прав: я здорово сомневался, что действительно могу справиться с этой проблемой, зато у меня имелся замечательный личный Джинн, который уж точно мог все что угодно. Собственно говоря, для того я и затеял это совещание, чтобы наконец-то обзавестись самолетами...

— Лучше всего мессершмидты последнего поколения. — Деловито добавил Геринг. Его коллеги с энтузиазмом закивали — я отметил, что в этом вопросе они пришли к полному единодушию: ни англичане, ни американцы даже не пытались лоббировать свои отечественные модели.

— Реактивные, что ли? — Вздохнул я.

— Ну да, конечно! Me-262.

— А почему не Hellcat? — Обиженно осведомился Анатоль откуда-то из-за моей спины.

— Потому что джентльмены предпочитают Me-262 — а кто мы с тобой такие, чтобы спорить с профессионалами! Осталось только разжиться некоторым количеством этих самых "Ме"!... Сделаешь? — Я вопросительно уставился на прозрачное облачко над своей головой — видимо, Джинн решил, что в таком виде он будет меньше смущать наших новых знакомых.

— Если ты объяснишь мне, что такое "реактивные мессершмидты", ты получишь их столько, сколько пожелаешь. — Отозвалось облачко.

— Да уж, чего-чего, а объяснений ты от меня вряд ли дождешься... — Растерянно протянул я. — Разве что у ребят хватит на это интеллекта. — Я с надеждой обернулся к авиаторам:

— Кто из вас способен растолковать Джинну, что такое "реактивный мессершмидт"?

К моему величайшему удивлению, они отнеслись к этой идее с неописуемым энтузиазмом. Через полчаса я понял, что могу сойти с ума от нагромождения технических терминов и чудовищных чертежей, которые они рисовали прямо на песке, и тихонько покинул эту милую компанию — пусть сами разбираются! У меня были весьма незамысловатые планы: прогуляться, размять ноги и желательно поболтать о пустяках с подходящим собеседником. Честно говоря, на моем глупом сердце лежал довольно увесистый камень, и с каждым часом его вес понемногу увеличивался. Я делал что мог, можно сказать, честно выполнял свой "профессиональный долг", старался подготовить свою огромную, но совершенно необученную армию к первой битве с Олимпийцами, как и полагается всякому порядочному Антихристу... Но когда я думал о том, что возможно уже завтра новенький, извлеченный из небытия моим верным Джинном, мессершмидт под управлением Адольфа Галанда атакует "Бристоль" Афины, я чувствовал себя законченным идиотом. В глубине души я здорово надеялся, что Афина все еще вполне бессмертное существо, но ведь удалось же безумным индейским богам убить Диониса, Геру и Афродиту, которым, если верить мифам, тоже полагалось бы быть бессмертными...

Я сам не заметил, как позволил невеселым размышлениям захватить все мое внимание. Я брел по пустыне, не глядя по сторонам, петляя наугад между нашими флегматичными дромадерами, сложенными на земле одеялами и их владельцами, взирающими на меня с благоговейным трепетом, пока не угодил прямехонько в объятия Доротеи.

— Еще немного, и ты сбил бы меня с ног, как пьяный шофер, Владыка! — Рассмеялась она. — Ищешь кого-то?

— Нет. — Честно ответил я. — Спасибо, что нарушила ход моих размышлений, Дороти. Уж очень они были безрадостные, эти самые размышления!

— Мои тоже. — Вздохнула она. — Я уже говорила тебе, что мне страшно?

— Говорила. — Печально улыбнулся я. — А я, часом, не отвечал тебе, что мне тоже?

— Отвечал, с завидным постоянством. Извини, но в твоих устах это утверждение звучит не очень-то убедительно...

— Ну так вот: я говорил тебе правду. Наверное, это нормально: мы с тобой —

только и всего! — Усмехнулся я. — Рассказывать ему, какое великое войско собрал твой господин, как лихо вы отколотили "беднягу Одина" и "его никчемных приятелей", и что вы собираетесь устроить в Последний день.

Хвастай так, словно ты — сумасшедший подросток, а не рассудительный муж, и тогда, возможно, Лодур поверит тебе...

— Ты не разгневаешься, если я задам тебе вопрос, Один? — Почтительно спросил Улисс. Надо отдать ему должное, он знает, как следует говорить с такими, как я!

Тем не менее, я все равно терпеть его не могу — чем дальше, тем больше. В глубине души я вынужден признать: мне не нравится что мы с ним немного похожи. Этот смертный, каким-то образом умудрившийся растянуть свою жизнь на почти бесконечно долгий срок и даже ускользнуть от человеческой судьбы своих соплеменников, великий хитрец и храбрый воин... А я предпочитаю оставаться единственным хитрецом среди простодушных воинов — просто потому, что так было всегда!

— Что ж, задай свой вопрос, и узнаешь, разгневаюсь я, или нет. — Насмешливо предложил я. Он и бровью не повел.

— Рассказывают, что этот самый Лодур находится в весьма прискорбном положении.

Дескать, он беспомощен, связан по рукам и ногам, да еще и корчится под струями какого-то яда, а его верная жена сидит рядом и пытается собирать этот самый яд в чашу — весьма похвальное поведение, конечно... Это правда?

— Враки! — Хмыкнул я. — Всего-то недельку мы его так подержали, а шуму было!

— Да, так часто бывает. — Сдержанно улыбнулся Улисс. — Людская молва беззастенчиво преувеличивает страдания великих, но обходит равнодушным молчанием бедствия всех прочих... Но где мне его искать?

— Искать его тебе придется до скончания времен, и даже дольше, если я не помогу.

Есть один способ... — Тут я крепко задумался, поскольку не хотел давать в руки этому пройдохе ни одного обрывка своего сокровенного знания: вдруг он из тех редких мудрецов, которые могут вообразить, каков океан, глядя на каплю воды?

Поразмыслив, я решил: пусть его, догадывается, если сможет, невелика беда!

Изучение моей магии требует времени, а времени ни у кого из нас уже почти не осталось... Я извлек из-за пояса нож, на костяной рукояти которого было вырезано одно-единственное украшение: крест не правильной, несимметричной формы — руна Наутиз, самая опасная из моих рун, несущая не смерть, а порабощение, которое хуже смерти...

Я испытующе посмотрел на Улисса. Мне показалось, что он готов слушать, и я заговорил.

— Тебе надо отправиться к пределам Утгарда — это место, где Локи предпочитает проводить свои дни. Утгард очень далеко отсюда... Впрочем, было бы правильнее сказать, то он просто НЕ ЗДЕСЬ, поэтому ни один смертный, даже такой ловкий, как ты, не способен добраться до окраин Утгарда. Но это — не твоя забота: мой конь отнесет тебя туда за несколько часов. После того, как Слейпнир опустит

голову на ее плечо — в конце концов, я столько раз умер за этот бесконечно долгий день, что имел полное право делать все, что хочу, просто потому, что мои телодвижения как бы и не являлись настоящими осмысленными поступками — так, продолжение затянувшейся агонии...

Заодно я позволил себе закрыть глаза и с наслаждением сосредоточиться на одноединственном ощущении: прикосновении моего затылка и левого уха к теплому плечу Афины. К моему величайшему восхищению, она не предпринимала никаких попыток прекратить это безобразие.

— Как вы здесь оказались, ребята? — Я быстро приходил в себя: во мне уже проснулось любопытство. — И как вам удалось прогнать этих тварей? По-моему, они самые могущественные существа во Вселенной — разве нет?

— Мои руны гораздо сильнее. — Гордо сообщил Один. — Видел бы ты, как они корчились, когда здесь появились мы с Палладой! Они бежали от нас, как проворные зайцы. — И великодушно добавил:

— Но если бы не твоя помощь, моя магия оказалась бы бесполезной. Поэтому мы сразу отправились выручать тебя, когда твой удивительный раб пришел к нам за помощью.

— "Раб"? Какой такой "раб"? — Удивился я.

— Призрачный сладкоречивый великан. — Пояснила Афина. — Он появился на моей амбе, перепугал моих Любимцев, заморозил Хранителей... Скажи ему, что я очень на него сердита!

— А, Джинн! Теперь ясно, куда он подевался... Понял, что ничем мне не поможет и рванул за подмогой — какой молодец! — Улыбнулся я. — И вы так сразу согласились прийти мне на помощь? — Я повернул голову и внимательно посмотрел на Афины:

— Как ты-то решилась? Ты ведь знаешь, кто я такой.

Может быть, эти голодные индейские боги собирались оказать вам величайшую услугу...

— Тебе не понять. — Надменно сказала она. — Мы с Одним привыкли платить по счетам.

Неблагодарный быстро теряет удачу, знаешь ли... Ты помог нам, мы помогли тебе.

Теперь мы в расчете и можем больше не церемониться друг с другом. — Пока Афина ораторствовала, моя голова по-прежнему лежала на ее плече, и она не предпринимала никаких попыток положить конец этому безобразию — ее слова самым восхитительным образом расходились с делом, и это превращало меня в совершенно счастливое существо — быстро же я оклемался!

— Я тоже знаю, кто ты. — Неожиданно сообщил мне Один. К моему величайшему удивлению, он говорил спокойно и даже вполне дружелюбно. — Я развязал язык Гекате — это оказалось не слишком сложно! Конечно, я мог бы догадаться и раньше, но что происходит с отпущенной нам мудростью, когда наше время подходит к концу...

— И ты знаешь? — Я окончательно перестал что-либо понимать. — Но почему, в таком случае?...

— Ты любопытен, как женщина. — Усмехнулся Один. — Другой на твоём месте перестал бы интересоваться даже собственным именем — после такой-то

переделки! — а тебя по-прежнему занимают чужие дела... Сколько раз ты только что умер?

— Много. — Я на мгновение задумался и решительно помотал головой:

— Я не считал, знаешь ли...

— Когда я принес себя в жертву и побывал за чертой — всего один раз! — я переменялся так, что серебряные зеркала, перед которыми я стоял прежде, отказывались отражать мое лицо, а тебе все как об стену горохом! — Удивленно заметил он.

— И все-таки, почему? — Упрямо спросил я.

— Потому что было бы глупо продолжать считать тебя настоящим врагом. — Один пожал плечами — как мне показалось, довольно снисходительно. — Я больше не думаю, что ты — Сурт из Муспелльсхайма, и я совершенно уверен, что ты — не Локи: его бы я узнал в любом обличи... Безумная ведьма Вельва ни единым словом не упомянула тебя в своем пророчестве, и это дарит мне великую надежду! Ты не умеешь ненавидеть и быть неистовым... думаю, ты и сражаться-то толком не умеешь!

— Не умею! — Гордо подтвердил я. Потом вспомнил свои подвиги у храма Сетха, решил, что приbedняться все-таки не стоит и честно добавил:

— Разве что, просто уничтожить все, что под руку подвернется — иногда, под настроение...

— Уверен, что ты действительно вполне способен разрушить то, что осталось от этого прекрасного мира — скорее всего, случайно, или нечаянно, или просто "под настроение", как ты сам выразился. — Серьезно кивнул Один. И насмешливо добавил:

— А иногда твоего могущества не хватает даже на то, чтобы сохранить собственную жизнь — как это случилось сегодня... Ты — не воин, ты — гость, любопытный вечный скиталец вроде дружка Паллады, Улисса, и совсем не случайно ты назвал себя Гестом в нашу первую встречу... Одним словом, ты не враг нам. Правда, ты и не друг — ни нам, и вообще никому.

Так, наваждение. Афина с самого начала была права, а я ей не верил... Но ты помог нам, когда это требовалось, и ты не хочешь нашей гибели. О таком противнике можно только мечтать! Если тебя не будет, найдется кто-то другой, чтобы возглавить твою армию. Думаю, это будет Лодур, как и предсказывала Вельва, и тогда все пойдет как по-писаному... Я думал всю ночь и понял, что нам следует дорожить твоей жизнью.

— Хорошая идея. — Хмыкнул я. — Вот уж не надеялся, что она может прийти тебе в голову...

— Ты же сам вспомнил, что одно из моих имен — Отец Мудрости. — Снисходительно заметил Один.

— При чем тут мудрость... — Вздохнул я.

— Ты не рассуждай, а лучше скажи, что ты теперь собираешься делать! — Потребовала Афина. — Что, ты все равно будешь вести свою кошмарную толпу к месту Последней Битвы? А потом мы будем сражаться? Но это бессмысленно! Нам вроде бы нечего делить... И учти: мы спасли твою жизнь не для того, чтобы ты погасил солнце своим огненным мечом — до сегодняшнего дня Игг упорно утверждал, что именно это ты и намерен проделать... Смотри, не вздумай! — Она

Улисс не в счет, он — смертный, и предан мне крепче, чем мои Хранители!

— Не нравится он мне. — Вздохнул я. — Ладно, делай как знаешь...

— Вот и славно. Думаю, Улисс будет здесь уже сегодня ночью: он не медлит, когда я его зову.

Афина поднялась и пошла к своей летающей машине. Наверное решила, что ее крылатый приятель тоже нуждается в утешительной беседе после сегодняшней передрыги. Уж он-то точно остался цел только по милости нашего мягкосердечного врага! Что касается меня, мне было о чем поразмыслить. Я достал из-за пазухи мешочек с рунами, взвесил его на ладони и спрятал обратно. Сердце говорило мне, что время для гадания неподходящее: моя судьба еще сама не решила, как быть дальше, так что мне не следовало полагаться на ее советы...

Улисс действительно оказался легок на ногу: часа через два после заката он уже сидел у ног удобно расположившейся на ложе Афины и прилежно внимал ее речам.

Время от времени он с энтузиазмом кивал: "да, я понял", — и снова почтительно умолкал. Через полчаса я окончательно убедился, что Афина мелет полную чушь — оно и понятно: Паллада ни разу в жизни не встречалась с моим бывшим побратимом и не имела ни малейшего представления о том, как с ним следует говорить! — но я не стал вмешиваться в их беседу. "Пусть себе болтает", — снисходительно думал я.

Признаться, мне было даже любопытно: придет ли ей в голову спросить моего совета, хотя бы под конец?

Наконец она покончила с длинным перечнем бесполезных и невыполнимых указаний и обернулась ко мне. Оно конечно, лучше поздно, чем никогда...

— Я все правильно говорю, Хрофт?

— Нет. Ты все говоришь не правильно. Придется начинать с самого начала.

— Как это? — Афина была смущена и рассержена. — А чего же ты тогда слушал и молчал? Надо было сразу сказать, если что-то не так...

— Все не так. — Усмехнулся я. — Мне пришлось бы перебивать тебя после каждого слова. Поэтому будем считать, что ты просто рассказала своему другу сказку — увлекательную повесть о том, чего никогда не случится... Не печалься, Паллада: твой план был бы хорош, если бы мы собирались провести кого-то из твоих родичей.

С моими же надо вести себя совсем иначе. Улисс не должен притворяться его другом: Локи все равно не поверит. У него не может быть друзей — ни в одном из миров! Он привык жить в полной уверенности, что ни одно существо — ни живое, ни мертвое! — не может желать ему добра. Да так оно, в сущности, и есть: даже те, кто должен выступить на его стороне в день Последней битвы связаны с ним судьбой, а не личной привязанностью. Я — единственный, кто был ему другом... пока мог!

— Как мило с твоей стороны! — Буркнула Афина. — И что же тогда должен делать бедняга Улисс? Лезть в драку? Тогда он даже не успеет сообщить Лодуру, что все идет не так, как надо...

— Еще как успеет. — Заверил ее я. — Лодур любопытен. Он не станет сражаться с тем, кто его озадачит.

— И как я его озадачу? — Заинтересованно спросил Улисс.

— О, все куда проще, чем ты думаешь! Ты будешь перед ним похвалиться,

дальше слов дело не пойдет!

— И ты всерьез полагаешь, что ему будет достаточно твоей болтовни? Так может думать только неразумная девчонка! — Серdito сказал я.

— На что будем спорить? — Тут же подскочила она.

— Предлагаешь биться об заклад? — Удивился я. — Что за странная затея!

— Пусть странная. — Упрямо сказала Афина. — Что ты поставишь, Твэгги?

— Все что угодно. — Усмехнулся я.

— Отлично. — Кивнула она. — Если я выиграю спор — если окажется, что действительно смогу вить из него веревки, отделяясь лишь пустыми обещаниями! — ты выполнишь любую мою просьбу. Так даже лучше: сейчас я еще не знаю, что мне может от тебя понадобиться...

— А если ты проиграешь спор? Что я получу от тебя в этом случае?

— Я не проиграю! Ладно, допустим... а что бы ты хотел получить?

— Тебя. — Хмыкнул я.

— Как это — меня?

— Не прикидывайся, что не понимаешь. — Серdito сказал я. Передразнил ее:

— "Разве ты не заметил, как он смотрел на меня?" — а разве ты никогда не замечала, как смотрю на тебя я?

— Стараюсь не замечать. — Холодно сказала Афина. — У тебя есть некоторые достоинства, ради которых можно простить даже сладострастные взоры... Было бы лучше, если бы ты продолжал валяться по кустам в обществе Гекаты: ей это нравится, да и для дела полезно...

— Не пытайся заделаться моей свахой, ладно? — Я с трудом обуздал гнев. — Что ты смыслишь в этих делах? Чем решать, с кем я должен "валяться", скажи: ты принимаешь мое предложение?

— Дурацкая затея... Впрочем, как хочешь. Все равно я не проиграю этот спор!

— Может так, а может — нет. Поживем — увидим. — Вдохнул я. — Но в случае чего как я узнаю, что ты его проиграла?

— Я никогда не лгу тем, кого считаю равными себе. — Высокомерно заявила она.

— Это ты напрасно! — Усмехнулся я. — Только с равными и стоит лукавить: остальные не в счет.

— Не учи меня уму-разуму, ладно? — Вдохнула Афина. — Я не так молода, чтобы меня можно было переделать, а если учесть, что наш последний день не за горами, не стоит и пытаться... Ну что, я пошло за Улиссом?

— На кой ляд тебе этот пройдоха? Думаешь, он научит тебя, как уклоняться от поцелуев?

— Этому я сама кого угодно научу... Улисс нам сейчас очень нужен, Один.

Или ты сам собираешься навестить своего бывшего побратима? Мне, например, что-то пока не хочется соваться ему в пасть... А кто-то ведь должен рассказать ему, что творится!

— Кто-то должен. — Неохотно признал я. — Но почему именно этот твой любимчик?

Почему бы не послать, к примеру Гермеса? Он же у вас от рождения Вестник...

— Гермес не только Вестник, он — один из нас. Нам не стоит делиться своими планами с кем-то еще. Пусть это будет нашим с тобой секретом...

здорово завелась, и я не на шутку опасался, что сейчас эта прекрасная богиня просто набьет мне морду — так, для профилактики.

— Да нет у меня никакого огненного меча. — Устало сказал я. — И не было никогда.

Надеюсь, что и не будет — нужен он мне, как шило в заднице! А что касается как ты выражаешься "кошмарной толпы"... Разумеется, я поведу их дальше! Я каким-то образом вернул этих людей к жизни, заставил подняться из могил, они дышат в одном ритме со мной, и их дыхание замирает, когда я на время их покидаю, так что теперь я должен оставаться с ними. Я за них отвечаю, так уж вышло... Да я и сам не хочу их бросать, если честно! Один дело говорит: если я уйду, вместо меня тут же появится кто-то другой. Я — не герой и не воин, как справедливо заметил Один, и вообще — не бог ведь что, к тому же я не слишком любил своих коллег по роду человеческого, когда все мы были живы... но пока я остаюсь с этими людьми, у них есть хоть какой-то шанс победить в Последней Битве — не вас, конечно...

— А кого? — Изумленно спросила Афина.

— Не знаю. — Вдохнул я. — Может быть, свою человеческую судьбу, которая обрекла их родиться "мертвыми духом"... У некоторых это уже получается, и еще как!

— Не о них речь. — Нетерпеливо перебил меня Один. — Нам с Палладой нет дела до этих людей. Нам вообще нет дела до людей, можешь мне поверить...

Послушай, я предлагаю тебе соглашение. Эти могущественные твари, которые убивали тебя — хорошие охотники, и теперь они не оставят тебя в покое. Тебе нужна защита, и я могу помочь.

Взамен мне требуется только твое обещание...

Я решительно покачал головой.

— Я не могу давать обещаний. Никаких. Не потому, что не хочу, просто мои обещания не имеют никакого смысла. Так, пустой звук. Ты еще не понял, Один?

Я ничего не решаю.

Я не отвечаю за свои поступки. Я их даже не совершаю. Все происходит само собой, а мне поневоле приходится принимать в этом участие. Единственное, что я действительно сделал по собственной воле — пришел к вам и продиктовал этот знаменитый список имен индейских богов, да и то, для меня все это случилось во сне...

— Ты бы хоть дослушал сперва, а потом спорил! — Ворчливо перебил меня Один. — Скажи лучше: ты знаком с пророчеством Вельвы?

— Еще бы! — Невольно улыбнулся я. Вот уж никогда не предполагал, что от моих экзотических литературных увлечений будет хоть какая-то практическая польза!

— Славно. Я хочу от тебя только одного: чтобы все совершалось не так, как она напроорочила. Все что угодно, лишь бы это не было похоже на ее проклятое предсказание!

— Потому что оно сулит тебе смерть? — Понимающе спросил я.

— И поэтому тоже. — Спокойно подтвердил он. — Но даже моя смерть — пустяки по сравнению с моей ненавистью к неизбежному! Если меня убьет не Гарм, а кто-то другой — да хотя бы ты! — я умру победителем... Ты понимаешь, о чем я толкую?

— Я понимаю. — Кивнул я. — Знал бы ты, как я тебя понимаю! В этом мы ужасно похожи — кто бы мог подумать...

— Значит, ты согласен на сделку? — Обрадовалась Афина.

— На какую сделку? — Флегматично спросил я.

— Как это — "на какую"?! — Возмутилась она. — Что с твоей головой, бедняга? Все очень просто: одноглазый снабжает тебя амулетом, при виде которого эти могущественные поганцы жалобно визжат и убегают туда, откуда пришли, а ты...

— А с чего ты взяла, что мне действительно нужен какой-то амулет? — Я ее здорово огорошил: Афина растерянно заморгала — сейчас она была похожа на растерянную девчонку, "поплывшую" на выпускном экзамене. Честно говоря, в таком виде она нравилась мне еще больше!

— По-моему, это и так ясно. — Наконец сказала она. — Они снова придут за твоей головой — и что ты тогда будешь делать?

— Посмотрим. — Я равнодушно пожал плечами. — Думаю, в следующий раз я на них все-таки как следует рассержусь, а когда мне удастся рассердиться, все становится так просто — описать не могу!

— Ничего не понимаю! — Сердито сказала она. — Если ты такой грозный, какого черта нам с Одином пришлось спасать твою шкуру? Если это шутка, то она дороговато тебе стоила!

— Просто я не смог рассердиться. — Терпеливо объяснил я. — Я — не хозяин своего настроения, к сожалению... Спроси своего приятеля Одина, он тебе расскажет о священном безумии берсеркеров. Чтобы как следует разозлиться эти ребята грызут щит, и все такое... Мне тоже не помешало бы завести такую привычку! Может, заодно и курить брошу... Эти красавчики очень хорошо рассчитали: я как раз расслабился, в кои-то веки позволил себе такую роскошь, за что и поплатился. А тут еще эта их песенка...

Но знаешь, больше они меня не застанут врасплох: я не из тех ребят, которые постоянно наступают на одну и ту же швабру!

— При чем тут какая-то швабра?! — Вот теперь она действительно созрела, чтобы залепить мне оплеуху, я это задницей чувствовал!

— Подожди, Паллада. — Мягко сказал Один. — Если ему не нужна наша помощь — что ж, нам меньше хлопот! Пусть выкручивается сам, как может. — Он внимательно уставился на меня своим единственным глазом. Эта "флюорография" продолжалась несколько долгих секунд, потом он вкрадчиво спросил:

— Тем не менее, тебе ведь тоже хочется устроить все по-своему? Не так, как было предсказано...

— Да. Все всегда должно быть так, как я хочу. — Твердо сказал я. — Все остальные варианты меня смертельно раздражают, с детства!... — Я горько усмехнулся и добавил:

— Проблема в том, что по большому счету я уже ничего не хочу — разве что выйти из игры, оказаться подальше отсюда, и никогда не вспоминать об этой истории — а как раз такое великое чудо мне, пожалуй, не светит...

— Значит, мы договорились. — Удовлетворенно кивнул Один. Он даже не спрашивал, он утверждал, и эта его уверенность почему-то меня здорово разозлила. Я сам себя не узнавал: только что все было так хорошо, мы мило беседовали обо всем понемножку, и вдруг меня накрыла холодная волна такой сокрушительной

мой ученик. — Гордо сказала она. — Неужели ты думаешь, что у меня в запасе не найдется хорошей хитрости для нашего врага?

— Ладно, выкладывай свою хитрость. — Неохотно согласился я. Почему бы и нет?

Иногда в голову этой сероглазой приходят мудрые мысли...

— Я так поняла, что в соответствии с пророчеством, армию наших врагов должен был возглавить твой старинный недруг по имени Лодур, верно? — Осторожно спросила она.

— Верно. — Нахмурился я. — Ну и что?

— А он знает, что его место занято? — Лукаво спросила Афина.

— Знает ли он? Да, это хороший вопрос! — Я внимательно посмотрел на нее:

— Может быть, знает, а может и нет... Продолжай, Паллада!

— Ты и сам можешь продолжить, ты ведь у нас "Отец Мудрости" — разве нет?

Нужно просто сравнить этих ребят и посмотреть что будет! — Торжественно заключила она.

— Хорошо говоришь... Но если Лодуру повезет, он одолеет этого парня и займет его место, окажется, что пророчество исполняется. — Нахмурился я.

— Одолеет? Не смей меня, Один! Неужели ты думаешь, что нашего врага так легко одолеть? Если бы это было так, мы бы и сами справились... Впрочем, даже если этот твой Лодур на редкость удачлив, мы всегда сможем встрять в их драку и помешать ему — разве нет?

— Также верно. — Я задумался, и решил, что Афина предлагает мне не самый скверный выход из положения: что бы там не случилось между этими двумя, хуже чем есть все равно не будет! И потом, в пророчестве Вельвы ни слова не говорилось о ссоре между предводителями армии наших врагов — значит, мы просто обязаны постараться столкнуть их лбами!

— Ладно, допустим, что ты права... А если они столкнутся? Если наш враг обрадуется и скажет Лодуру: "занимай мое место, мне все надоело!" Когда мы беседовали, мне показалось, что он только и ждет шанса умыть руки...

— Я не позволю ему "умывать руки". — Решительно сказала Афина. Я удивленно уставился на нее: что она еще задумала?!

— Разве ты не заметил, как он смотрел на меня? — Горделиво спросила Афина. — Если я позволю ему хотя бы надеяться, что когда-нибудь ему будет позволено поцеловать меня... знаешь, Один, возможно в этом случае Последняя битва пройдет по моему сценарию!

— Кое-кто однажды говорил мне, что прожил бесконечно долгую жизнь, не оставляя на своем теле отметины чужих губ, и не хочет менять это в самом конце... — Сердито сказал я. Мне очень не понравились ее слова, а улыбка, притаившаяся в уголках рта Марлона Брандо — и того меньше. Странная она была, эта улыбка, не слишком похожая на те, что я привык видеть на устах этой сероглазой — в какое бы тело она не рядилась...

— Я же говорю, что просто позволю ему надеяться! — Рассмеялась Афина. — Не надо так мрачно смотреть на меня, Игг! Ты — друг, поэтому тебе я сразу сказала правду.

Но это не значит, что я должна быть столь же прямодушна с нашим врагом...

Мало ли, какие слова я буду ему говорить! Слова — это всего лишь слова, а

амбы — а толку-то! Вообще-то, наше поражение в битве не было ни такой уж великой бедой, ни даже неожиданностью — да я и сам говорил Олимпийцам, что глупо рассчитывать на победу, когда сражаешься со всеми представителями рода человеческого одновременно... особенно если их предводитель — окончательно рехнувшееся, но все еще могущественное древнее божество, из тех, кого почитали не тшедушные и трусливые предки людей, а мои собственные гордые родичи — я слышал, что на заре времен были времена, когда они возносили к небу свои молитвы... После сегодняшней битвы я в очередной раз был вынужден пересмотреть свое мнение об безумном скальде, возглавившем армию мертвецов. И с какой стати я вообще вообразил, будто он той же породы, что и мы с Афиной?! А мы-то хороши, дурни, еще и на выручку ему давеча поспешили — попались на его удочку как дети малые, честное слово!

— Все не так плохо. — сказала Афина, усаживаясь рядом со мной. Со вчерашнего дня она не расставалась с обликом загорелого актера, даже во сне: я слышал, как каменные своды нашего жилища содрогались от его мужицкого храпа.

— Что именно "не так плохо"? — Проворчал я. — По-моему, хуже некуда!

— Этот парень, наш враг... Судя по всему, он все еще дорожит нашими жизнями. Мне показалось, что он внимательно следил за тем, чтобы никто не причинил нам вреда...

— Твоя правда, Паллада. — Кивнул я. — Все равно, паскудно получилось.

Знаешь, я ведь никогда прежде не проигрывал сражений...

— Можешь себе представить, я тоже. — В тон мне откликнулась она. — Но может быть, мы и не проиграли это сражение, друг мой? По-моему, битва закончилась вничью...

— Называй это как хочешь, — Сердито сказал я, — но я предпочитаю не лукавить наедине с собой. — Пока мы сражались с его людьми, мы славно держались, хотя их летающие машины показались мне куда совершеннее ваших.

Но когда он наслал на нас этот проклятый ветер... Знаешь, Паллада, до сих пор я сам договаривался с ветром, и он остерегался дуть мне в лицо без моего позволения!

— Да, это было обидно. — Согласилась она. — Но знаешь, все действительно не так плохо! Я уверена, что наш, с позволения сказать, "враг" наслал на нас свой ветер, когда испугался, что его воины нас одолеют. Дело ведь к тому шло, как это не печально... Он оберегает нас — тебе это не пришло в голову? А значит, все идет как надо — по крайней мере, так, как ты хотел, вопреки предсказаниям этой твоей кошмарной мудрой старухи.

— Так-то оно так. — Неохотно согласился я. — Но завтра он может решить, что наши жизни ему больше не нужны, а я, знаешь ли, не привык зависеть от чьих-то капризов — кем бы он ни был!

— Если бы здесь был Улисс, он бы непременно сказал, что любого капризного бога можно обвести вокруг пальца — было бы желание! — Улыбнулась Афина.

— Что, теперь ты предлагаешь позвать этого твоего любимчика и попросить у него совета? Еще чего не хватало! Я до сих пор обходился без чужих советов, обойдусь и теперь!

— Неужели и моим побрезгуешь? Не хмурься, Вотан, если Улисс нам и понадобится, то уж никак не в качестве советчика. В конце концов, он — всего лишь

ярою, что мне пришлось сделать над собой невероятное усилие, чтобы небо тут же не обрушилось на землю и не раздавило моих недавних спасителей — я с ужасом осознал, что оно уже вполне готово рухнуть — было бы желание! Мои новые приятели внезапно показались мне самыми отвратительными существами во Вселенной, даже очарование Афины на меня больше не действовало. Я быстро взял себя в руки — а что мне еще оставалось?

Устраивать демонстрации своей невесты откуда появившейся силы с обязательным метанием шаровых молний мне не хотелось: как-никак эти двое только что спасли меня от наихудшей разновидности смерти, к тому же маленький ехидный паренек, который обитает в одном из переулков моего сознания и обожает комментировать мои мысли и поступки, злорадно подсказал мне, что все следует делать вовремя, а с метанием молний я опоздал как минимум на полчаса... Злость прошла, словно ее и не было, осталась только бесконечная усталость и такая же бесконечная печаль, стирающая все остальные чувства, словно мокрая тряпка следы мела...

— Мы ни о чем не договорились! — Сухо сказал я, поднимаясь на ноги. — Было очень приятно поболтать с вами, ребята. Спасибо, что пришли на помощь... Впрочем, как вы сами справедливо заметили, за вами был небольшой должок. Теперь мы в расчете. И не пытайтесь перетянуть меня на свою сторону: в этой истории я ни на чьей стороне, даже не на своей собственной, к сожалению...

— Как это "не договорились"?! — Опешила Афина.

— А вот так. — Равнодушно ответил я. — Время от времени я действительно думаю, что больше всего на свете хотел бы быть вашим союзником, ребята. А еще лучше — вашим добрым приятелем, который иногда заходит к вам в гости, чтобы поболтать и узнать последние новости... Но это ничего не меняет. Мы ни о чем не договорились, и не договоримся, потому что я — не тот, с кем договариваются, я — то, что происходит. И когда судьба возьмет меня в руки, как дубину, чтобы молотить ею по вашим головам, все наши "договоренности" можно будет спустить в унитаз. Так почему бы не сделать это с самого начала? Без напрасных надежд как-то проще живется... Прощайте, ребята.

Мне очень жаль, что все так глупо устроено, можете мне поверить!

На этот раз мне не пришлось прикладывать никаких усилий, чтобы вернуться туда, где мне следовало быть, я даже не думал об этом, не строил планы, не прикидывал, хватит ли моего скромного могущества на такое чудо — я просто знал, что сейчас исчезну, и Один с Афиной растерянно переглянутся, поскольку не ожидали от меня такой прыти...

Так оно и случилось: через мгновение мои глаза, привыкшие к темноте, зажмурились от нестерпимо яркого света послеполуденного солнца. Я сел на теплый песок и подозвал к себе Джинна — он предусмотрительно болтался поблизости.

— Мои спасители смогут вернуться к себе? — Спросил я. — По-моему, я оставил их довольно далеко от дома... Может быть, нам следует им помочь?

Все-таки, я их должник...

— За ними скоро прилетят валькирии. — Флегматично сообщил Джинн. — Один призвал их, и эти проворные девы уже в пути.

— Тем лучше. — Кивнул я. — Кстати, я должен сказать тебе спасибо за то, что

ты их позвал.

— Ты очень шустро соображаешь, душа моя!

— Зато ты — не очень, Владыка. — С мягкой укоризной сказал Джинн.

— Согласен. — Равнодушно кивнул я. — Что делать, какой есть... Ты мне вот что скажи: ты, часом, не в курсе, сколько еще жизней у меня осталось?

— Ведешь, небось, бухгалтерию?

— Ровно пятьсот пятьдесят пять. — Невозмутимо сообщил Джинн. — Тебе везет на красивые числа, Владыка.

— Дорого же мне обошелся этот отдых в тихом местечке! — Вздыхнул я. — Так мне и надо, идиоту!

— Твои спасители о чем-то просили тебя в обмен на... на свою бесценную услугу? — Осторожно спросил Джинн.

— Было дело. — Усмехнулся я.

— И что ты решил?

— Ничего. Вернее, я решил, что я ничего не решаю. — Флегматично сказал я.

— О чем и сообщил нашим уважаемым противникам... Не переживай, дружище, я не переметнулся на их сторону. Они мне действительно нравятся. Мне хотелось с ними подружиться, и все такое... Но я прекрасно понимаю, что это невозможно: я же не маленький!

— Рад слышать от тебя разумные речи. — С явным облегчением сказал Джинн.

— Когда я решил позвать их на помощь, я сделал это только ради тебя — не ради дела. Я был почти уверен, что мы тебя потеряли — в любом случае!

— К тому шло. — Признался я. — Тем не менее, можешь считать, что вы меня наконец-то нашли... Кстати: "вы" — это кто? Ты и мой приятель Аллах? Я с самого начала подозревал, что вы с ним — одна команда!

— Иногда твои уста приобретают свойство произносить слова, не имеющие отношения к истине. — Вежливо заметил Джинн. — "Мы" — это мы. Я и те, кого ты приблизил к себе, и вся твоя армия — мертвые люди, которым ты дал шанс прожить еще один кусочек жизни — возможно, самый сладостный — и попробовать столкнуться с вечностью.

— А у тебя-то самого какой интерес в этом деле? — Удивился я. — Ты же не человек...

— Ну и что? Мы, Джинны, способны существовать очень долго, можно сказать, что мы столковались с временем, но уж никак не с вечностью! Для меня наш поход — такой же шанс переменить судьбу, как и для всех остальных в твоём войске... кроме, разве что, тебя самого...

— Почему это "кроме меня"? — Вяло полюбопытствовал я.

— Потому что у тебя нет никакой судьбы. В каком-то смысле ты сам и есть судьба — для тех, кто встречает тебя на своем пути. — Неопределенно объяснил Джинн.

Я удивленно поднял брови, но не стал его расспрашивать. Если честно, мне было абсолютно все равно — совершенно на меня не похоже!

Остаток дня прошел без событий — вернее, событий-то было более чем достаточно, но они происходили не со мной. Я неподвижно сидел на песке и равнодушно слушал рев моторов нашего стремительно разрастающегося воздушного флота. Гонка вооружений как-то утрясалась без моего участия — оно и

— Знаешь, у меня такое ощущение, что все мы попросту утратили чувство страха. — Задумчиво сказал Анатолий. — По идее, накануне первого сражения люди просто обязаны волноваться! А если учесть, что вокруг бродят эти твои "смертики" с косами наперевес и выключивают наши тени — так бедные родственники обхаживают умирающего дядюшку... Тем не менее, их никто не боится. И вообще никто ничего больше не боится, вот что удивительно! Я сам ловлю себя на том, что периодически пытаюсь испугаться — поскольку, мой разум говорит мне, что с нами произошло множество ужасных вещей, а будущее таит такую угрозу, что у меня не хватает воображения, чтобы ее оценить! — но вместо того, чтобы испугаться, я благодушно говорю себе: "пока Макс здесь, все будет в полном порядке". Знаешь, это совсем на меня не похоже! Я никогда не был одним из тех ребят, которые чувствуют себя спокойно, спрятавшись за спину какого-нибудь "старшего брата", скорее уж наоборот...

Знаешь, я ведь сам довольно долго был "большим боссом" и привык брать на себя ответственность за все происходящее!

— Догадываюсь. — Улыбнулся я. — Между прочим, это заметно... Что ж, хорошо, что никому не страшно. Значит, я буду бояться будущего в одиночестве: один за всех. Должен же хоть кто-то это делать...

— Ты шутишь? — Понимающе ухмыльнулся он.

— Нет. — Вздыхнул я. — В последнее время я делаю это все реже и реже...

— Верится с трудом. Как ты-то можешь чего-то бояться?.. Ох, я тебе уже говорил, что совершенно не понимаю, что с нами происходит? — Со вздохом спросил Анатолий.

— А я тебе уже говорил, что и сам этого не понимаю? — В тон ему откликнулся я. Нам бы улыбнуться друг другу после такого обмена одинаковыми репликами, но почему-то улыбки у нас не получилось... Потом он все-таки отправился спать, а я остался сидеть у костра. Рассвет я встретил в одиночестве: Джинн тактично удалился куда-то еще ночью, чтобы дать мне возможность побыть одному — насколько возможно...

— Спасибо, что ты все еще даешь себе труд окрашивать небо в такие невероятные цвета. — Совершенно серьезно сказал я солнцу. — И имей в виду: что бы там не мел этот непомерно начитанный парень по имени Один, я не собираюсь гасить тебя каким-то там "огненным мечом"!

Солнце, разумеется, осталось совершенно равнодушно к моим излияниям. Оно невозмутимо взбиралось на небо, и великолепие этого зрелища завораживало меня, как какую-нибудь экзальтированную поэтессу с несложившейся личной жизнью... А потом я увидел темные точки на горизонте, и сразу понял, что это такое: торопыга Один спешил доказать мне, что он не зря носит имя "Отец битв", а его приятели Олимпийцы сочли за благо присоединиться к мероприятию.

— Всем пора просыпаться. — Сказал я и сам поразился громовому звуку собственного голоса. — Воевать будем. — Лаконично добавил я в надежде, что это сообщение взбодрит мою армию почище утреннего кофе...

— Игг, к тебе уже можно приближаться на расстояние вытянутой руки, или как? — Я удивился: голос Афины звучал нарочито весело, что не совсем уязвлялось состоянием наших дел. Да, все мы были живы, и благополучно вернулись на свои

— Не обращай на меня внимания, дружище. — Примирительно сказал я Джинну.
— Просто у меня сегодня выдался плохой день. Меня слишком долго и мучительно убивали, а это здорово действует на нервы...

— Так ты не сердись, что я замолвил словечко за Теневики? — С облегчением спросил Джинн. — В свое время они дали мне приют в своем пустынном Мире, и это было лучше чем ничего...

— Ты же видишь: звезды не гаснут, и небо не рушится на землю! — Улыбнулся я. — Значит, я не сержусь... Да и как я могу на тебя сердиться, дружище?

Что бы я без тебя делал!...

— Без меня тебе было бы гораздо труднее. — Спокойно согласился Джинн. — Впрочем, в этом случае у тебя не осталось бы ни малейшего шанса вести себя подобно избалованному царевичу... Иногда я думаю, что моя опека только вредит тебе. Тем не менее, судьба предоставила мне возможность немного послужить тебе, напоследок.

Думаю, ей виднее.

— Кто знает, дружище, — печально откликнулся я, — кто знает...

— Тебе следует отдохнуть. — Тонем заботливой няньки заметил Джинн. — Завтра у всех нас будет тяжелый день.

— Да, наверное. — Вдохнул я. — Ладно, я отдохну...

Легко сказать! Судя по всему, бог сна Морфей встал на сторону своих родственничков Олимпийцев — по крайней мере, он наотрез отказался меня обслуживать. Все человечество уже мирно дрыхло (никогда прежде оно не делало это так дружно и согласованно!) а я неподвижно сидел у костра и смотрел на огонь. Воспоминания о более чем неприятной встрече с индейскими богами постепенно покидали меня, желание навестить Афины и Одина больше не возникало, и это было к лучшему...

Размышления о предстоящей воздушной битве не слишком меня тревожили — если честно, в моей голове вообще не было ничего, хотя бы смутно напоминающего размышления, и мне это нравилось.

— Что за странные твари с косами шныряют среди нас, Макс? — Анатолий подошел ко мне так бесшумно, что я вздрогнул от звука его голоса. — Они молотят какую-то дикушу.

Впрочем, некоторым даже нравится... Ты с ними знаком?

— А, это ты. — С облегчением улыбнулся я. — Ты имеешь в виду "смертников"?

— "Смертников"? — Прыснул Анатолий. — Да, действительно похожи... Но насколько я понял, наши жизни их не интересуют. Только тени.

— Ага. — Кивнул я. — Можешь себе представить, они их едят. Эти красавчики заявили ко мне, чтобы я дал им разрешение забирать тени моих людей — после смерти, разумеется.

Я сказал, что они должны договариваться с вами, а не со мной.

— Вот они и договариваются. — Усмехнулся Анатолий. — Насколько я знаю, еще никто не согласился. Оно и понятно: какой дурак захочет отдавать свою тень неизвестно кому?!

Вдруг самому пригодится — мало ли что...

— Я тоже так подумал... Ничего, пусть бродят. Скоро они поймут, что здесь им ничего не светит, и оставят нас в покое. Как там ребята — не перепугались?

к лучшему! Я не очень-то годился для каких бы то ни было хлопот: давешняя передрыга душу из меня вытрясла, и не только душу...

Мои руки то и дело нашаривали рукоять ятагана "Тысяча молний", а щит Змея теперь парил над моей головой, а не над мирно пасущимся Синдбадом, как это было прежде: я поспешил приторочить его к собственному поясу. Единственное, на что у меня хватило сил, так это вооружиться до зубов: мне ужасно не понравилось быть беспомощным, и еще больше не понравилось умирать, и я твердо решил, что с меня хватит!

— Ты не согласишься принять посетителей, Владыка? — Осторожно спросил Джинн.

— Каких посетителей? — Настороженно спросил я. Вообще-то, я здорово сомневался, что индейские боги решатся отправить ко мне своих парламентариев, но чем черт не шутит...

— Это не враги, Владыка. — Поспешно заверил меня Джинн. — Впрочем, назвать их союзниками тоже было бы ошибкой... Они посторонние, но у них свой интерес в этом деле... Одним словом, это Теневики. Они умоляют тебя о встрече.

— "Теневики"? — Фыркнул я. — Они что, хотят отмыть с моей помощью свои сомнительные доходы? Ну ладно, если умоляют, давай их сюда... — Я обнаружил, что все еще способен испытывать простое человеческое любопытство, и несказанно обрадовался этому открытию.

Через несколько секунд мне пришлось убедиться, что я в состоянии не только испытывать любопытство, но и удивленно распахивать рот. Меня окружила толпа таких экзотических личностей — хоть в обморок падай! Высокие как баскетболисты, тощие, как узники плохо профинансированного концлагеря — сквозь бледную кожу их рук явственно просвечивали хрупкие косточки — в просторных плащах с капюшонами, да еще и с огромными косами наперевес, эти ребята были почти точной копией смерти — не настоящей смерти, невидимой и непостижимой, а ее традиционного изображения, символического и карикатурного одновременно. Даже их мертвенно бледные лица здорово напоминали человеческие черепа: у этих красавчиков были не правдоподобно огромные глаза, уродливо короткие курносые носы и длинные тонкогубые рты.

Робкие улыбки обнажали великолепные крупные зубы — можно было подумать, что эти красавчики явились ко мне рекламировать какой-нибудь очередной "Колгейт".

Мне понадобилось какое-то время, чтобы смириться с мыслью, что эти пупсики существуют на самом деле, а не являются моей галлюцинацией. Пока я смирялся, они почтительно помалкивали. Наконец я взял себя в руки.

— Джинн сказал, что у вас ко мне какое-то дело, господи. И чем же я могу вам помочь?

— Надеюсь, мы не слишком помешали твоему отдыху, Владыка... — Робко начал один из них.

— Не слишком. Как раз в меру. — Устало усмехнулся я. — Давайте, формулируйте.

— Мы просим прощения, что отрываем тебя от забот, Владыка... Нам нужен суший пустяк — всего лишь бумага за твоей подписью, можно сказать — справка...

— "Справка"?! Какая такая справка?! — Изумленно спросил я. — Мне не

послышалось?

— Позволь мне рассказать тебе о наших гостях, Владыка. — Вмешался Джинн.

— Мне кажется, ты зришь на них так, словно видишь впервые. Что ж, возможно, вы действительно никогда не встречались прежде... Теневики — частые гости на этой прекрасной земле, но обитают они в своем собственном Мире, где самой большой ценностью являются тени живых существ. Замечу, что это очень бедный Мир, Владыка... и очень голодный! Человеческие тени — их любимая пища, самая редкая и дорогая. Нетрудно догадаться, что основное занятие тамошних жителей — охота за тенями твоих соотечественников. Забрать тень живого человека невозможно, поэтому им приходится подкарауливать момент, когда человек умирает. Если правильно выбрать время, можно срезать тень умирающего с поверхности земли, как сухую траву...

— Как только некоторые не развлекаются! — Сдержанно улыбнулся я. — Ладно, а я тут при чем?

— Тени людей, которых ты вернул к жизни, принадлежат тебе — по крайней мере, формально. — Объяснил Джинн. Улыбчивые косари энергично закивали.

— Нам не следует претендовать на то, что принадлежит тебе. — Почтительно сказал один из них. — Но говорят, что ты не испытываешь привязанности к своему имуществу. А поскольку сейчас вы готовитесь к большому сражению, и уже завтра в твоём войске могут появиться первые потери...

— А что, обитатели других Миров всегда заранее знают о моих планах на предстоящий день? И заодно сплетничают о моих привычках? Скажите еще, что мои похождения — главная новость на всех ваших телеканалах... Ну и дела! — Я озадаченно покачал головой. — Ладно, я все понял. Вам нужно, чтобы я подписал бумагу, в которой будет сказано, что я разрешаю вам забирать тени моих умирающих воинов? Извините, ребята, но ничего не получится.

— Почему? — Жалобным хором спросили косари.

— Потому что я жадный. — Надменно сообщил я.

— Но ведь ты сам не станешь есть их тени, Владыка! — Робко сказал Джинн.

— Почему бы не отдать тени погибших тем, кто нуждается в пище?

— Просто потому, что я не знаю, что будет с моими людьми после смерти. — Решительно ответил я. — Вдруг окажется, что их тени нужны им самим? Если бы я узнал, что кто-то торгует моей собственной тенью, не поинтересовавшись моим мнением по этому вопросу, мне бы это очень не понравилось... В общем, я ничего вам не подпишу, ребята.

Если хотите, можете обойти мое войско. Если на вашем пути встретится безумец, который добровольно согласится отдать вам свою тень — на здоровье!

— Ты позволяешь нам побеседовать на эту тему с твоими людьми? Что ж, и это удача! — Я даже не ожидал, что они так обрадуются.

— Беседуйте с ними о чем угодно. — Я пожал плечами.

— Тебе не кажется, что разговоры о скорой смерти испугают наших спутников? — Осторожно возразил Джинн.

— Тем лучше. О смерти не стоит забывать: она всегда стоит где-то рядом, а уж сейчас — тем более. — Вдохнул я. — Если мы не будем произносить вслух слово "смерть", она все равно не обойдет нас стороной...

Делегация косарей отправилась общаться с моим войском, а Джинн остался со

мною.

— Напрасно ты не выполнил их просьбу. — Вдохнул он. — До сих пор тени умерших в тех немногочисленных Мирах, где у живых существ есть тени, всегда считались их законной добычей...

— Мало ли, что "считалось"! — Я пожал плечами. — Я никого не просил назначать меня "великим начальником" всего происходящего, напротив, я как мог отказывался от этой сомнительной чести — мой приятель Аллах тому свидетель! Мне на фиг не нужна была ни власть над умирающим миром, ни сам этот мир, если уж на то пошло: кому-кому, а уж мне-то было куда улизнуть, я ведь — редкий счастливчик, вроде того художника из китайской сказки, который скрылся от всех бед в глубине собственной картинки. Знал бы ты, какая она у меня замечательная, эта "картинка"!... Но если уж меня припахали командовать этим дурацким парадом — значит теперь все будет так, как я скажу! — Я сам не заметил, как мой голос зазвенел от холодной ярости.

Она переполнила меня так же внезапно и беспричинно, как в конце свидания с Афиной и Зевсом. Испытывать ее было чертовски приятно, и это настораживало... Джинн укоризненно покачал головой.

— Не надо гневаться, Владыка. Ты не из тех, кто может позволить себе подчиниться собственному настроению. Твоя ярость может стать слишком разрушительной...

— Ничего, — холодно усмехнулся я, — сегодня я наконец-то понял, что мне следует злиться как можно чаще, по любому поводу, и вовсе без повода. Лучше уж разнести все на своем пути, чем еще раз позволить каким-то тварям убивать меня, пока не придет грозный дядя Один со своими волшебными рунами — и все это только потому, что у меня, видите ли, лирическое настроение!

Мне следовало уяснить это гораздо раньше...

— Все хорошо в свое время, Владыка. — Мягко сказал Джинн. — Не следует злиться на течение реки, которое уносит тебя неведомо куда, но это не значит, что можно позволить разбушевавшимся водам захлестнуть тебя с головой... Балансируй, Макс.

Держи равновесие.

Стоило ему сказать мне "Макс", и моя ярость благополучно сошла на нет, как грозная туча, разодранная на мелкие безобидные клочки пронзительным свежим ветром.

— Ты никогда раньше не называл меня моим настоящим именем. — Удивленно заметил я.

— Это не настоящее имя, а всего лишь одно из твоих многочисленных имен. — Возразил Джинн. — Я воспользовался им, чтобы доставить тебе удовольствие.

Ты почему-то весьма привязан к этому сочетанию звуков — можно подумать, ты всерьез полагаешь, что оно и есть ты сам...

— Иногда я именно так и полагаю, можешь себе представить! — Я невольно улыбнулся, окончательно оттаял, и тут же почувствовал себя виноватым. Не стоило демонстрировать Джинну головокружительные перепады моего драгоценного настроения: уж кто-кто, а он-то не заслужил такого обращения!

Стоило мне стать большим начальником, и у меня тут же начал портиться характер...

"божественной природы", вы все равно посылаете меня подальше и продолжаете подозревать, что я — это очень круто...

О'кей, давай на время решим, что так оно и есть. А потом давай предположим, что все многочисленные боги, которым молилось человечество на протяжении тысячелетий — такие же ребята, как я: веселые странники, ссутулившиеся под грузом собственного могущества и одиночества, со своими странностями, причудами и переменчивым настроением... кстати, познакомившись с Афиной и Одином, я начал всерьез думать, что так оно и есть!

— Познакомившись с тобой, я тоже начал подозревать нечто в таком роде. — Улыбнулся Анатолий.

— Вот и ладно... А теперь сам подумай: на кой черт таким ребятам чьи-то коленопреклоненные молитвы? Если богам что-то и нужно от людей, так это чтобы среди них нашелся кто-то, способный составить им хорошую компанию, разделить их одиночество... ну и взвалить на свои плечи часть их обременительной ноши! Почему бы людям не взять на себя ответственность за собственную судьбу вместо того, чтобы бормотать очередную молитву? Это был бы достойный жест — именно та жертва, которую давным-давно ждут боги.

Впрочем, судя по тому, что сейчас творится на этой прекрасной земле, они уже перестали надеяться и махнули на все рукой!... А ведь это только звучит так страшно: "взять на себя ответственность", а на самом деле, это приносит невероятное облегчение. Вот послушай: однажды я ехал на автомобиле со своим хорошим приятелем, по узкой горной дороге — знаешь, это когда пропасть маячит то с одной стороны, то с обеих сразу! И пока он сидел за рулем, я дрожал на заднем сидении и пытался понять, сколько еще вдохов и выдохов мне осталось сделать прежде, чем наш несчастный джип загремит по отвесному склону. Мой приятель казался мне самым великим героем всех времен и народов: пока я умирал от страха, он невозмутимо делал свое дело... А через несколько часов он пожаловался на усталость и попросил меня сменить его за рулем. Честно говоря, я чуть в штаны не навалил, когда понял, что он от меня хочет! Я собирался отказаться, но так и не смог признаться, что мне страшно... И знаешь что? Уже через несколько минут я лихо крутил руль и удивлялся собственной способности преувеличивать опасность, а мой героический спутник съехал на заднем сидении и обзывал меня последними словами за такую лихую езду. В тот день я понял, что контролировать ситуацию куда проще и приятнее, чем доверить это кому-то другому. Страшно бывает только тому, кто беспомощно сидит на заднем сидении и пытается убедить себя, что руль в надежных руках...

— Хорошая метафора! — Одобрительно сказал Анатолий.

— Это не метафора, а просто случай из жизни. — Улыбнулся я. — Что бы ты там не думал о моей непостижимой сущности, но эта история действительно произошла со мной — года четыре назад...

— Слово скаута? — Неожиданно рассмеялся он.

— Слово скаута! — Весело согласился я.

Не знаю, пошла ли моя лекция на пользу Анатолию — впрочем, с ним и так все было в полном порядке, без всяких лекций! — зато она оказалась очень своевременной для меня самого. Я наконец-то с облегчением понял, что вся ответственность за происходящее лежит исключительно на мне, и нет никаких

тебя на землю, ты должен идти прямо на север, не сворачивая и не останавливаясь — пока хватит сил. Когда поймешь, что больше не можешь сделать ни шагу, остановись, вонзи этот нож в землю и призови Лодура. Просто выкрикни его имя, громко и повелительно — этого достаточно. Видишь узор на рукояти ножа? Этот знак сковывает волю и принуждает. Его силы хватит, чтобы заставить Локи явиться на твой зов и удержать на месте — может быть, четверть часа, может быть больше: я не знаю, насколько он сейчас силен... Поэтому тебе придется поторопиться.

Говори ему хвастливые речи, как я тебе советовал. Скажи, что твой господин искушен в магии рун. Для Локи это будет серьезный удар: он сам так и не смог достичь вершин в искусстве хитросплетения знаков, как ни старался...

— Да, я понял. — Кивнул Улисс. — А теперь скажи мне, Один: у меня есть хоть какой-то шанс уйти от него живым? Эта твоя руна — она защитит меня от его гнева, или же мне следует полагаться только на собственные силы?

— Лучше полагайся только на себя. Наугиз подчинит себе его волю, но ненадолго. А потом тебе может достаться на орехи... — Я решил, что должен говорить с ним откровенно: от его усердия слишком много зависело!

— Хорошо, — спокойно откликнулся он, — так я и думал... А вы не будете возражать, если я сначала нанесу визит тому, кто якобы является моим "господином"?

— Зачем это? — Нахмурился я.

— Если я узнаю, каков из себя этот предводитель мертвецов, и что делается в его войске, мои речи будут звучать правдоподобнее. — Объяснил Улисс.

— И только? — Настороженно спросила Афина.

— Возможно, он сочтет меня своим другом и даст мне оружие, которое поможет мне выстоять в беседе с Локи. — Задумчиво объяснил Улисс. — Если вы не можете дать мне защиту, ее следует искать у другого могущественного существа — почему бы и нет?

— Имеешь право. — Вздохнула Афина. — Не я дала тебе жизнь — я только научила тебя ловко ускользать от смерти — впрочем, ты оказался весьма способным учеником... Что ж, я не стану требовать, чтобы ты легко расстался с жизнью!

Ладно, Улисс, можешь отправляться к этому... надо же: я до сих пор не знаю, как его зовут! Вызнай, ладно?

— Сделаем. — Улыбнулся Улисс. — Если у него есть хоть какое-то имя, ты скоро его узнаешь, Паллада!

— И вот еще что... — На губах Марлона Брандо снова заиграла странная улыбка Афины, которая так мне не понравилась несколько часов назад. — Ты передашь ему мое послание. Только не в начале беседы — чтобы не вызывать ненужных подозрений!

— а перед тем, как попрощаться.

— Передам. — Покорно кивнул он.

— Только не забудь переменить внешность прежде, чем бежать на свидание! — Насмешливо сказал я Афине. — А то срам будет великий!

— Не забуду. — Невозмутимо кивнула она.

Мое настроение совершенно не тянуло на настроение предводителя только что победившей армии. Я чувствовал себя опустошенным и печальным — не самое

лучшее сочетание! Вообще-то, мне полагалось торжествовать: сегодня я в очередной раз превзошел собственные представления о возможном — небрежным движением руки отражал хваленые зевсовы молнии, даже те, что полыхали за несколько миль от моей макушки, заставлял подниматься к небу струи горячего песка, заклинал ветер, одним словом, творил черт знает что, и наши храбрые летчики были в восторге от моей удалости.

Теперь они слонялись на почтительном расстоянии от моей грозной персоны и буравили меня верноподданническими взглядами. Эти грозные дяди походили на стеснительных фанов какой-нибудь дурацкой поп-звезды: меня не покидало ощущение, что ребята собираются попросить у меня автограф, а еще лучше — лоскут от моей рубахи, чтобы хранить его в изголовьи всю оставшуюся жизнь — черт, не так уж и долго!...

— Нерон был дурак! — Задумчиво сказал кто-то за моей спиной.

— Почему? — Изумился я. Обернулся, увидел Анатоля и обрадовался: до сих пор этот парень почти всегда ухитрялся поднять мне настроение. — Садись рядом. — Я похлопал по теплему песку неподалеку от собственной задницы. — И объясни мне, ради всего святого: с чего ты вспомнил Нерона? Ты его только что встретил?

— Да нет, бог миловал. — Улыбнулся Анатолий. — Просто вспомнил... Ты ведь знаешь эту историю о том, как Нерон отдал приказ поджечь Рим? А потом созерцал сполохи пожара с холма и пытался сложить песню... — Я кивнул, и он продолжил:

— Я хочу сказать, что Нерон здорово ошибался, когда рассчитывал вдохновиться зрелищем горящего Рима.

Хорошему поэту вполне достаточно того Рима, который горит в его собственном сердце...

— А если ему просто хотелось увидеть, как горит Рим?

— УВИДЕТЬ, как горит Рим может только тот, кто горит вместе с Римом, а не тот, кто взирает на это с холма. Есть же разница!

— Есть. — Согласился я. — А с чего это ты его вспомнил?

— Можно сказать, что сегодня я сам впервые "оказался в горящем Риме". — Вздохнул он. — Прежде я был таким же дураком, как Нерон... Видишь ли, я тоже думал, что "смотреть с холма" — вполне достаточно!

Потом Анатолий ушел, мечтательно сказав, что собирается поспать. Я мог только позавидовать: упрямец Морфей по-прежнему не желал одарить меня своими милостями... Больше меня никто не беспокоил, даже Мухаммед не появился: видимо он расстелил свой коврик для намаза и бурно общался с Аллахом, которого сам же когда-то и выдумал. Джинн, вероятно, находился где-то поблизости, но ничем не выдавал своего присутствия. Так что я мог сколько угодно наслаждаться одиночеством, жрать его большими ложками — лишь бы не захлебнуться!

Незаметно до рассвета я услышал тихое поскрипывание песка где-то в темноте. Мой щит хранил спокойствие, он даже не дрогнул — значит, ко мне приближался не враг.

Выразить не могу, как это меня радовало: признаться, я все время ждал нового визита своих индейских недоброжелателей. Их неторопливость была хорошим подарком, но меня она даже настораживала. Что толку? Смерть тоже не слишком торопится на свидание с каждым из нас, иногда она демонстративно медлительна, и мы начинаем надеяться, что она вообще никогда не появится на нашем пороге, но

будешь убит только ты один, твоя смерть удовлетворит прогневавшееся на них небо, и все будет в полном ажуре... Есть и такие, кто готовится прикрыть тебя своей грудью, в надежде, что за это им будет даровано "вечное блаженство" — по ту сторону жизни и смерти... Некоторые полагают, что Последней Битвы вовсе не будет, и ты собрал нас для того, чтобы вечно водить по пустыне, пока это великое путешествие не завершится всеобщим просветлением. А некоторые думают, что в конце пути ты выберешь "лучших из лучших" и возьмешь их с собой куда-то, в "лучший мир", а остальным предстоит погибнуть в битве... Теперь они пытаются понять, какими критериями ты будешь руководствоваться, выбирая "лучших из лучших". Есть и специальные мудрецы, которые заявляют, что им ведомы пути к твоему сердцу...

— Ладно, я уже понял. — Вздохнул я. — Полный набор суеверий, скопившихся за долгую и невнятную историю человечества... Им позарез нужен "большой начальник", хоть какой-то заваливающий Мессия, который проведет их через пустыню в райские кущи, или в нирвану — это уж как получится! — умрет за них, если понадобится... Как будто действительно можно умереть "за кого-то"! Разумеется, за эту небольшую услугу ребята готовы пить мою мочу, тысячу раз повторять мое имя перед сном, и так далее, по полной программе.

Если я пушу слух, что мне требуются толпы юных девственников или младенцев для кровавых жертвоприношений, они еще обрадуются, что дешево отделались!

— А ты не очень-то жалуешь род человеческий, да? — Неожиданно серьезно спросил Анатолий.

— Я стараюсь! — Вздохнул я. — Аллах свидетель — я так стараюсь! Но вы не даете мне вас любить...

— "Мы"? — Нахмурился Анатолий. — Чем мы-то тебя достали?

— Да не "вы" — в смысле: ты, Доротея, Мухаммед и князь Влад, а "вы" — в смысле: люди...

К тем, кто рядом со мной, у меня как раз нет никаких претензий, дружище!

— Устало вздохнул я. — Наоборот, я бы давно рехнулся без нашей болтовни каждый вечер у костра, без твоих фирменных улыбок в девяносто три зуба и лекций о вреде курения, которые, вне всякого сомнения, весьма полезны накануне всеобщего конца... А когда я заглядываю в глаза Доротеи, я начинаю думать, что из нас двоих она — куда более загадочное и непостижимое существо, даром, что все сговорились называть меня каким-то там "владыкой"!

— Я замолчал, представил себе толпы взрослых людей, совершенно серьезно твердящих перед сном мое драгоценное имя, и резко заключил:

— Дерьмо это все!

— А с чего ты так зашелся? — Удивленно спросил Анатолий. — По-моему, это скорее забавно...

— Забавно. — Печально согласился я. — А знаешь, вполне возможно, что этот мир так быстро подошел к концу только потому, что все боги преисполнились отвращения к молящимся...

— Ты так думаешь? — Заинтересованно осведомился он.

— Да. Некоторые так называемые "тайны мироздания" начинаешь понимать на собственном опыте... — Я помолчал, собрался с мыслями и продолжил:

— Как бы я там не отнекивался, когда вы поднимаете шум вокруг моей

слушаю их рассуждения о предстоящем нам путешествии через море — можно подумать, будто мы могли позволить себе роскошь строить хоть какие-то планы!

— Знаешь, Макс, у меня очень смешные новости! — Я обернулся и увидел, что рядом с моим Синдбадом вышагивает дромадер Анатоля. Я почти искренне обрадовался ему: несколько дней назад этот неугомонный парень отправился в "инспекционную поездку" по нашим воинским частям: "посмотреть, что за люди в нашей войске, и чем они дышат"

— по его собственному выражению.

— Смешные — это хорошо... — Рассеянно улыбнулся я. — И какие же именно?

— В нашей войске буйным цветом расцветают религиозные секты! — С энтузиазмом выпалил он и выжидающе уставился на меня — дескать, "ну как тебе это нравится?"

— Самое время! — Фыркнул я. — И кому же они поклоняются, эти гениальные ребята?

— Как это — "кому"?! Тебе, разумеется! — Невозмутимо ответил он.

— Мне уже не смешно. — Вздыхнул я.

— Напрасно! Знал бы ты, как они развлекаются, эти ребята!

— Могу себе представить...

— Боюсь, что не можешь! Для начала скажу, что некоторые из этих замечательных людей рисуют твои портреты и вешают их себе на шею. У них есть идейные противники, которые полагают, что изображать твое лицо — величайший грех, поскольку оно — лишь видимость... Ну, сам знаешь: типичный религиозный спор между иконописцами и иконоборцами! Наши "иконаборцы" считают своим долгом уничтожать все твои изображения, которые увидят — оно и к лучшему: по большей части эти портреты воистину ужасны... Самое смешное, что как-то они по запарке разорвали в клочки и сожгли портрет Фредди Мекьюри, а потом — фотографию "Биттлз" — наверное, решили, что это новая разновидность ереси: изображать тебя в четырех ипостасях одновременно...

— Какой ужас! — Я не выдержал и расхохотался. Давно меня так не смешили!

— Это еще цветочки! Хочешь ягодку, Владыка?

— Гулять, так гулять — давай твою "ягодку"! — Покорно кивнул я.

— Среди некоторых твоих поклонников бытует убеждение, что приближенные к тебе счастливики — то есть, мы! — пользуемся возможностью каждое утро выпивать по глотку твоей благословенной мочи... Я вот думаю: а может, и правда, попробовать?

— На здоровье! — Фыркнул я. — Для вас мне ничего не жалко!

— Эти чудесные ребята надеются, что если они будут вести себя хорошо: например, тысячу раз повторять твое имя перед сном и храбро сражаться, когда-нибудь судьба дарует им эту уникальную возможность... Разумеется, у них тоже есть противники: эти утверждают, что у тебя не может быть никакой мочи — в силу твоей божественной природы, сам понимаешь!

— Они жестоко заблуждаются! — Фыркнул я.

— Правда? — Заинтересованно переспросил Анатолий.

— Правда, правда... давай, рассказывай дальше!

— Ага, тебе уже интересно! Что ж, слушай: среди них есть люди, которые считают, что им уготована вечная жизнь, потому что в день Последней Битвы

однажды она все-таки приходит...

Я обернулся и увидел невысокого мужчину средних лет — из тех неприметных ребят, чью внешность можно описывать десятками неуверенных предложений, но поток слов так и не даст никакого представления об их облике. Мой незнакомец был обладателем самого заурядного из человеческих лиц: оно не было ни красивым, ни уродливым, и самое главное — оно не было запоминающимся. С таким парнем можно познакомиться и провести в его обществе несколько часов, а на следующий день вы не узнаете его, столкнувшись нос к носу у входа в подземку... "Один из летчиков — так, что ли? — Неуверенно подумал я. — Пришел ко мне, чтобы заявить, что предпочитает летать на каком-нибудь "фантоме", а не на музейном "мессере" времен Второй Мировой... Оно и понятно: я еще удивляюсь, что до сих пор никто не забастовал. Это же только бедняга Геринг думает, что снабдил своих ребят последним словом авиационной техники!" Впрочем, я уже тогда понял, что никакой это не летчик — просто мне позарез требовалась хоть какая-то, пусть притянутая за уши, зато разумная и успокоительная версия происходящего. Очень уж не хотелось думать, что один из индейских богов принял неприметный человеческий облик, чтобы нанести мне очередной дружеский визит, да еще и умудрился как-то усыпить бдительность моего чуткого щита... Моя правая рука совершенно самостоятельно опустилась на рукоять ятагана, мускулы напряглись, переноса вес тела на ступни и колени — поза, в которой я сидел прежде, осталась почти неизменной, но теперь, чтобы вскочить на ноги, мне понадобилось бы короткое мгновение, а не несколько тягучих секунд.

— Я не враг. — Поспешно заявил незнакомец. Очевидно, мои машинальные приготовления к возможной драке не ускользнули от его внимания.

— О'кей, не враг, так не враг. — Согласился я. — А кто ты, в таком случае? — В этот момент я наконец-то понял, что так насторожило меня в этом незнакомце: я был готов поклясться, что он — не из моего войска. Понятия не имею, откуда взялась такая уверенность: я с самого начала знал, что он не один из моих людей — просто знал, и все тут!

— Я — тот, кого когда-то звали Улиссом. Думаю, тебе знакомо это имя, правда?

— Правда. — Удивленно ответил я. — Ты — Одиссей? Который из книжки? С ума сойти можно!

— Да, я тоже читал Гомера, и не раз. — Улыбнулся он. — Забавно было наблюдать, как меняется текст от столетия к столетию, от перевода к переводу... Приятно читать о собственных приключениях! Впрочем, там с самого начала было не так уж много правды...

— Так всегда бывает. — Понимающе кивнул я. — Книжки — это книжки, а живые люди — это живые люди, и когда их жизнь начинают втискивать в формат книжных страниц, получается ерунда... порой такая обворожительная ерунда! В общем, тебе-то еще повезло: эхо твоей истории очаровало не одно поколение — а значит, это было хорошее эхо!

— Не спорю. — Он улыбнулся еще шире. — Ты позволишь мне немного посидеть рядом с тобой? Я пришел ненадолго, и у меня нет никаких важных дел к тебе.

Просто хотел своими глазами увидеть того, кто собирается разрушить этот изумительный мир...

— Да ничего я не "собираюсь"! — Сердито буркнул я. — Этот, как ты говоришь, "изумительный мир" сам намеревается рухнуть, и не моя вина, что он выбрал меня в качестве меча для своего харакири!

— Красивая метафора. — Одобрительно заметил Одиссей. — Так ты не возражаешь против моего общества?

— Почему бы и нет? Я как раз начал думать, что эта ночь — самая длинная ночь в моей жизни... Садись рядом, Одиссей. Я рад тебе... Скажи, ты ведь все еще живой? — Он молча кивнул и выжидательно уставился на меня. — И как тебе это удается? Что, твоя покровительница Афина не пожалела для тебя напитка бессмертных?

— И это тоже. — Неопределенно согласился он. — Много всего было... Мне пришлось потрудиться, ускользая от смерти, но оно того стоит!

— Твоя правда. — Задумчиво согласился я. — А почему ты решил ко мне заявиться? Только из любопытства? Не верю!

— Не только, конечно. Но любопытство оказалось одной из основных причин, это правда... Думаю, на моем месте ты бы и сам сгорал от любопытства!

— Не знаю... не думаю! — Честно сказал я. — Скорее всего, на твоём месте я бы предпочел оказаться как можно дальше отсюда!

— Какая разница, где оказаться? — Одиссей пожал плечами. — Когда рушится мир, он рушится весь, без остатка... Я слышал, что кроме этой прекрасной земли есть и другие миры, населенные причудливыми существами, но мне неведомы пути, уводящие туда...

Может быть, подскажешь?

— Не знаю. Может быть, и подскажу... — Удивленно согласился я. — Почему бы и нет? Мне не доставит удовольствия мысль о том, что ты сидишь здесь, как тигр в клетке: возможно ты — единственное существо, у которого есть шанс тихонько слинять отсюда накануне конца — почему бы не попытаться?

— Вот. Это — еще одна причина, по которой я решил с тобой повидаться. — Серьезно кивнул он. — Я подумал, что ты наверняка испытываешь симпатию к бездомным странникам, таким же, как ты сам...

— Но прежде ты расскажешь мне, как ускользал от смерти. — Решительно сказал я. — Не думаю, что твой способ окажется хорош для меня, но... почему бы не попробовать?

— Я сам не очень-то знаю, как ускользал от смерти. — Вдохнул Одиссей. — Афина не только угостила меня напитком бессмертных, она помогла мне переменить внешность.

Думаешь, я всегда выглядел таким замухрышкой? Но она сказала, что красивое лицо и царственная осанка — непозволительная роскошь для того, кто убегает от смерти... И еще она подарила мне особое зрение: то были времена ее могущества, и она была способна делать своим избранныкам такие подарки.

Теперь я все время вижу призрачную тень смерти, сопровождающую меня... и знаешь, я научился вовремя уворачиваться от ее цепких рук. В отличие от прочих людей, я заранее вижу ее приготовления к охоте и успеваю ускользнуть в самый последний момент. Тогда моя смерть заключает в свои объятия того, кто стоит рядом и успокаивается — на какое-то время, конечно!

— Ну да, а друзья этого бедняги, не вовремя оказавшегося рядом с тобой,

всего шестьдесят секунд на сборы, как пожарному! Но я с самого начала подозревал, что такое счастье мне не светит...

— Не гневи судьбу, Макс. Она не любит жалоб, особенно если они сходят от ее избранных. — Неожиданно серьезно сказал Одиссей — и тут же заулыбался:

— Ты позволишь мне называть тебя этим именем, раз уж я его знаю?

— Почему бы и нет? Чем ты хуже нескольких тысяч моих знакомых, которые употребляли это сочетание звуков в течение последних тридцати трех лет!...

Расскажи-ка мне еще о Локи, и об Утгарде. Что ты там говорил о его "туманных границах"?

Одиссей наморщил лоб и удивленно посмотрел на меня.

— "Туманные границы"? Я так сказал? Да, действительно: они почти незримы, но поблизости от них испытываешь явственно осязаемое сопротивление, а если прикрыть веки, можно увидеть, что густой холодный воздух тех мест переливается перламутроворозовой зеленью, как крылья ночного мотылька, которого называют Оливковым Бражником, но преодолеть их — великий труд. Сам не понимаю, как мне удалось войти под своды Утгарда... да и был ли я там?

Черт, а ведь я уже почти ничего не помню! Чем дольше я здесь с тобой сижу, тем больше забываю... Наверное, Утгард — одно из тех зачарованных мест, память о которых умирает быстрее, чем муха-поденка!

Я недоверчиво покачал головой: небось, опять хитрит! Но на лице Одиссея было написано самое настоящее отчаяние.

— Что я скажу Афине!? — Огорченно вздохнул он. — Она так надеялась, что я вернусь с новостями...

— Скажешь ей то же, что и мне. — Ехидно посоветовал я. — Или пригласи ее туда на прогулку: пусть сама смотрит!

— Она не захочет. — Печально возразил Одиссей. — В последнее время Паллада не чувствует себя такой сильной, как прежде, и старается избегать зачарованных мест...

Ты не рассердишься, если я покину тебя прямо сейчас, пока помню хоть что-то?

— Надо бы рассердиться. — Ворчливо сказал я. — Но злодей из меня всегда был никудышный! Скажу больше: я такой идиот, что еще и помогу тебе убраться отсюда с максимальной скоростью... Джинн, ты тут, душа моя?

Разумеется, он был тут — где же еще! Так что через несколько секунд услужливый маленький смерчик аккуратно оторвал от земли обалдевшего от изумления Одиссея — мгновение, и он исчез.

"Вот черт, я же хотел предать с ним записку Афине! — Огорченно подумал я.

— И как только забыл?!" Впрочем, какая-то часть меня ликовала: раз уж с запиской ничего не получилось, значит можно отправиться на свидание — просто, чтобы не оказаться законченным хамом. Я в очередной раз напомнил себе, какие пакости обычно случаются со слабоумным "Владыкой" по имени Макс, когда он начинает расслабляться и исполнять свои идиотские прихоти, но на сей раз не помогло даже это горькое лекарство...

Весь остаток ночи я провел не смыкая глаз, да и день, последовавший за этой ночью, не принес мне успокоения. Я предпринимал героические усилия, чтобы мои "генералы" не стали жертвами скверного настроения своего, с позволения сказать, предводителя: выжимал из себя любезные улыбки и делал вид, что заинтересованно

этот щит был куда надежнее, чем все мои колдовские прибабасы...

Первые полчаса Одиссей был совершенно недоступен для контакта. Он не просто ел, он жрал, а я умилялся, как заботливая бабушка. Если бы наши припасы не были неистощимы благодаря могуществу Джинна, они бы закончились прямо сегодня.

Наконец он перевел дух и уставился на меня глазами совершенно счастливого человека.

— Извини за эту паузу: я немного увлекся. Хорошо живешь, Владыка! Так шикарно я не питался даже в те благословенные дни, когда этот мир еще не собирался рушиться....

— Рассказывай, не тяни. — Устало попросил я. — Что за тип этот Локи? И о чем вы говорили — кроме как обо мне?

— Да считай, что больше и ни о чем... — Задумчиво протянул Одиссей. — О тебе, да о нем самом! Локи все твердил, как ему чертовски повезло: избавиться от такого тяжелого бремени...

— На его месте я бы тоже радовался! — Кивнул я. — Жаль, что я не на его месте!

— Забавно, — улыбнулся Одиссей, — Один так боится, что все начнет происходить в полном соответствии с древним пророчеством... Он почему-то уверен, что его старый враг сделает все, чтобы пророчество исполнилось! Ему и в голову не пришло, что Локи не меньше, чем он сам, озабочен, как бы уйти от судьбы... Он слышал о тебе, но опасался, что это — досужая болтовня.

Обитатели Утгарда не очень-то знают, что творится за его туманными границами... Знаешь, Утгард — странное место! Там много удивительных существ, среди которых я узнал наваждения, морочившие меня во время моих странствий, и встретил множество тварей, доселе мне неведомых. Все они считают Локи своим господином, но я таки не понял, в чем, собственно, выражается его господство: обитатели Утгарда делают все, что заблагорассудится, и никто не ограничивает их свободу... Оно и понятно: какому безумцу взбрет в голову всерьез повелевать миражами!

— Любому, кто любит повелевать. — Флегматично возразил я. — Какая, к черту, разница — кем?!

— Может оно и так... — Рассеянно согласился он. — Насколько я понял, Локи весьма дорожит возможностью и дальше оставаться в этом удивительном месте... Он расспрашивал меня о тебе и твоём войске, и очень радовался тому, что все происходит без его участия. Он сказал, что за такую услугу не грех и расплатиться, и просил передать тебе, что не станет медлить.

— Хотел бы я знать, где он найдет монеты, которые я соглашусь принять?! — Горько усмехнулся я. — Чем, интересно, он собирается расплачиваться? В какой валюте?

— Мне показалось, что у такого существа, как Локи, найдется хороший подарок для каждого, — задумчиво возразил мой гость, — даже для тебя — почему бы и нет?

— Ладно, это его проблемы! — Решительно сказал я. — Жил же я как-то до сих пор без его благодарности, и ничего... Дорого бы я дал за то, чтобы он явился сюда с гневным криком: "уйди, противный!" — честное слово, мне бы потребовалось

недоумевают:

"какая безвременная кончина!" — Невесело усмехнулся я. — Всегда подозревал, что человек может умереть не только своей смертью, но и чужой — если очень не повезет!

— Да, это правда. — Спокойно подтвердил мой легендарный собеседник.

— В любом случае, мне не подходит твой способ. — Вздохнул я. — Даже если я ухитрюсь обзавестись этим самым "особым зрением" — что само по себе довольно сомнительно! — мне не слишком улыбается все время видеть перед собой собственную смерть...

— Какая разница: видеть ее, или не видеть? — Рассудительно возразил Одиссей. — Все равно она есть, и от этого никуда не денешься... Конечно, можно идти по краю пропасти с закрытыми глазами, чтобы не смотреть вниз, но по мне лучше распахнуть их пошире и внимательно глядеть себе под ноги...

— Ты действительно такой мудрый, как рассказывал Гомер. — Улыбнулся я. — Рассудительный и хитроумный Одиссей, с ума сойти можно! Кстати, я все хотел спросить: это правда насчет сладкого голоса сирен? Я имею в виду: неужели перед их пением действительно невозможно устоять?

— Это почти правда. — На невзрачном лице Улисса промелькнуло странное выражение, нежное, мечтательное и в то же время немного испуганное. — Впрочем, дело не только — и не столько! — в их благозвучных голосах...

Однажды Афина сказала мне, что у сирен есть своя песня для каждого из смертных, поэтому то, что слышал я, вряд ли тронуло бы сердца моих спутников, или, к примеру, твое...

— Знакомая история! — Хмуро сказал я. — Они, часом, не говорили тебе, что это их "последний подарок"?

— Говорили.

— Хорош подарочек! В таком случае, приманку в капкане тоже можно считать подарком охотника будущей жертве...

— Ты говоришь так, словно у тебя личные счета с сиренами. — Удивленно заметил Одиссей.

— Думаю, что так оно и есть. Во всяком случае, я знаю ребят, которые действуют точно так же... и это знакомство обошлось мне в сотню жизней с лишним!

Он озадаченно покачал головой — дескать вот оно как бывает! — и задумчиво уставился на пламя костра.

— Ты сказал, что можешь научить меня своему способу покидать этот мир. — Наконец сказал он. — Ты передумал? Или...

— "Моего" способа больше не существует. — Печально улыбнулся я. — Сидел бы я здесь в противном случае, как же! Но может быть я сумею узнать, каков твой способ... А может быть, ты сам сделаешь это раньше меня. Время еще есть — не так уж много, но есть.

Навести меня осенью.

— Навешу. — Кивнул Одиссей. — Что ж, надежда — это не так уж много, но лучше, чем ничего... Скажи, а кем ты был прежде? Иногда мне кажется, что мы уже встречались...

— Прежде чем — что? — Усмехнулся я. — Прежде, чем возглавить эту армию "мертвых духом" и убедиться, что я ничем не лучше, чем они? Кем-то там я был,

конечно — так, ничего особенного! Не думаю, что мы с тобой встречались: пока ты ускользал от своей смерти, я ходил путанными путями и занимался сущей ерундой... Но прежде, чем стать этим смешным мальчиком, я был еще кем-то: слишком много народу узнает меня и называет чужими, ничего не значащими для меня именами, а то и просто "Владыкой"...

Знаешь, больше всего на свете я боюсь вспомнить эту бездонную часть своего прошлого!

— Напрасно боишься. — Удивленно сказал он. — Полезно хранить свое прошлое в тайне от прочих, но опасно иметь такие тайны от себя самого!

— Опасно. — Вяло согласился я. — В последнее время я то и дело чувствую, что вот-вот вспомню себя самого... и отчаянно торможу.

— Удастся затормозить? — Весело спросил Одиссей.

— Пока удастся, как видишь. — Я пожал плечами.

— Ты удивительно прямодушен. — Заметил он — не то одобрительно, не то насмешливо. — Ты говоришь со мной столь откровенно, что я, пожалуй, рискну ответить тем же...

— А что, хитроумному Одиссею удаются откровенные разговоры? — Усмехнулся я.

— Все люди меняются. — Равнодушно сказал он. — А у меня было очень много времени, чтобы перемениться!

— И что ты собираешься мне поведать? — Настороженно спросил я. Честно говоря, только сейчас, после его рассуждений об откровенности, я вспомнил, что с этим парнем следует быть очень осторожным.

— Не "поведать", скорее уж попросить о помощи. — Вздыхнул он. — Видишь ли, мне предстоит повидаться с Локи — с тем парнем, чье место ты почему-то занял, вопреки пророчествам, в свое время до смерти перепугавшим нашего общего одноглазого знакомого... Признаться, я боюсь этой встречи. Я столько столетий ускользал от смерти, но если она споется с этим могущественным божеством...

— Так в чем проблема? — Удивился я. — Не ходи к нему, и все тут! Если я правильно понял, он ведь не гоняется за тобой с обнаженным мечом?

— Пока не гоняется. Но я не могу отменить это свидание. Меня просила Афина. Знаешь, моя благодарность к ней — не то чувство, которое можно погасить доводами разума.

Когда она была по-настоящему сильной, она сделала для меня гораздо больше, чем боги обычно делают для людей... Без нее я был бы просто царем Итаки — одним из многих правителей крошечных государств, о которых забывают дня через три после поминок, а после — бессмысленным мертвецом, одним из многих в твоём войске, оживших на короткое время, чтобы снова угаснуть — теперь уже навсегда...

— Ну да, это как раз понятно. — Нетерпеливо кивнул я. — Но на кой черт она посылает тебя к Локи? Она что, с ума сошла?

— Может и так, может — нет. — Флегматично откликнулся он. — Афина нервничает. Она хочет знать, что он такое... и наверное, она хочет быть уверена, что вы с ним — не одно и то же существо... Одним словом, она посылает меня на разведку, а ее одноглазый приятель любезно одолжил мне свой талисман, способный сковать его волю — увы, совсем ненадолго!

Насколько я понял, в моем распоряжении будет четверть часа, а то и меньше...

горке". Я, знаешь ли, не воспитан кентаврами, а уж если имеешь дело с такой тварью как Слейпнир... Впрочем, я пришел не для того, чтобы жаловаться!

— Я вижу, мой щит сослужил тебе хорошую службу. — Улыбнулся я. — Во всяком случае, ты вполне похож на живого...

— А я и есть живой... Знаешь, самое забавное, что твой щит не понадобился. Впрочем, талисман Одина тоже оказался без надобности. Локи сам встретил меня, и наша беседа была дружеской и неторопливой... Его позабавило, что я явился к нему, подготовившись к битве. "Какой дурень станет сражаться с гонцом, принесшим добрую весть!" — такими были его слова...

— А что это за "добрая весть", которую ты якобы ему принес? — Нахмурился я. — Обо мне небось сплетничали — так, что ли?

— О ком же еще! — Невозмутимо подтвердил Одиссей. Многочисленные обрывки информации наконец-то сложились в моей голове в цельную картину. Вообще-то, мог бы и раньше догадаться: не так уж сложна была эта интрига, так — пазл для начинающих, из пятидесяти четырех крупных деталей...

— Конечно! Тебя посылали не на какую-то там "разведку". — Вздыхнул я. — Ты просто должен был настучать Локи, что какой-то выскочка взялся делать его работу!

— Признаться, я самого начала был уверен, что ты обо всем догадываешься, и только делаешь вид, что веришь моим словам. — В голосе Одиссея не было виноватых интонаций, скорее уж в нем звучало плохо скрываемое разочарование.

— Так мило с твоей стороны: явиться ко мне за помощью и при этом делать из меня идиота! — Сердито сказал я. — Мог бы сказать мне правду, ничего страшного! Если Локи захочет занять мое место, я скажу ему "добро пожаловать", да еще и бутылку коньяка выставлю, на радостях!

— Он не захочет. — Улыбнулся Одиссей. Мои упреки ему были до лампочки, он и не думал краснеть. Ну да, что с него взять, с этого хитреца! Сколько бы он не твердил, что у него было достаточно времени, чтобы измениться, я был совершенно уверен, что горбатого могила исправит... Впрочем, насколько я знаю, горбатых не исправляет даже могила!

— Могу его понять! — Угрюмо согласился я. — Ладно, рассказывай подробно.

— За тем я и пришел. — Одиссей одарил меня самой ослепительной из улыбок:

— Слушай, Владыка... или тебе больше нравится, когда тебя называют Макс? Я слышал, как этим ничего не значащим именем назвала тебя красивая женщина с молодым лицом и седыми волосами...

— Называй как хочешь, — буркнул я, — самое главное — не называй меня Майклом Джексонем, а то я страшен в гневе... Так что ты хотел спросить?

— Я конечно понимаю, что ты — предводитель армии мертвых, Разрушитель Мира и, как сказали бы мои религиозные друзья, скорее всего, Антихрист...

Но может быть, в твоём черном сердце осталась хоть капля сострадания к усталому путнику? Я ничего не ел дня четыре кряду, а перед этим жевал какую-то дрянную черствую лепешку и запивал ее теплой кока-колой: ничего другого в моей сумке не нашлось... У тебя не принято кормить усталых гостей, Владыка?

— Принято. Ты сам виноват: с этого следовало начинать, а то ты сбил меня с толку своими интригами... — Я невольно улыбнулся: на этого парня было совершенно невозможно сердиться! Вообще-то Одиссей здорово недооценивал свое обаяние, когда просил у меня какое-нибудь оружие: он родился со щитом в руках, и

живы, а наши аэропланы — целехоньки, и это не так уж мало." — Эти слова были написаны размашистым крупным почерком. Потом она, очевидно, поняла, что на лоскутке бумаги осталось слишком мало места, и приписала так мелко, что я едва разобрал: "Если ты придешь в гости, я не буду делать вид, будто действительно верю, что мы — враги." Это было круто: меня трогательно благодарили за разгром, который я им устроил, да еще и звали в гости, а ее фраза "спасибо за твой ветер" была чудо как хороша! Честно говоря, я тут же начал таять... Мне пришлось взять себя в руки и припомнить выразительные черты неземных лиц моих новых "приятелей", могущественных индейских богов: как они выглядели, когда выцеживали из меня мои жизни, и какие дивные ощущения я при этом испытывал... Это было очень жестоко, но действовало отрезвляюще.

Единственный стоящий урок, который я действительно вынес из этой скверной передыжки: мне нельзя расслабляться, ни на мгновение! В конце концов, война есть война... Поэтому я не стал призывать к себе чудесные сны о том, как я навещаю Афины и Одну — ни в эту ночь, ни в последующие. "Если Одиссей все-таки выполнит свое обещание и придет меня навестить, передам ей записку. — Решил я, — В конце концов, эпистолярный жанр таит в себе невыразимое очарование... Этим и ограничусь!" Одиссей вернулся дней через десять. Честно говоря, я не слишком рассчитывал на то, что он действительно заявит ко мне с докладом! Я сделал ему хороший подарок и выдал неуверенное, но более чем заманчивое обещание впридачу, но почему-то полагал, что он предпочтет держаться от меня подальше — до поры, до времени. Что ж, мне пришлось в очередной раз убедиться, что я совершенно не разбираюсь в людях!

Конечно, у каждого свои недостатки, но у меня их обнаруживалось как-то слишком уж много, моему работодателю Аллаху уже давно следовало бы нагрнуть с инспекцией и отправить меня в отставку...

К тому времени я все-таки додумался каждый вечер окружать себя несколькими кольцами вооруженной охраны. Я, разумеется, не верил, что эти ребята смогут меня защитить, в случае чего, но здорово надеялся, что у них хватит гениальности поднять шум, если к моему костру попрется какой-нибудь подозрительный незнакомец: мне надоело каждую ночь прислушиваться к тихому шелесту ветра, заплутавшего среди песчаных дюн и гадать, когда объявятся Кецалькоатль и компания: сегодня, или когда-нибудь потом...

Впрочем, визит Одиссея здорово поколебал мою уверенность в способности стражей вовремя заорать "караул". Он проскользнул незамеченным и разбудил меня легким прикосновением к плечу. Этот дядя был самым настоящим невидимкой: по всему выходило, что его никто не замечает — кроме меня и Джинна, разумеется.

— Надеюсь, Один никогда не узнает, что я зашел к тебе прежде, чем появиться у них! — С улыбкой сказал Одиссей. — Впрочем, он сам виноват: его крылатый конь сбросил меня в нескольких милях отсюда и исчез... Не могу сказать, что я действительно обиделся, но решил сначала навестить тебя: просто потому, что это по дороге!

— Крылатый конь? Что, тебе повезло покататься на Слейпнире? — Уважительно спросил я.

— "Повезло" — не совсем уместное слово. — Вдохнул он. — Вообще-то эта проклятая поездка больше походила на продолжительное катание на "Русской

— А от меня-то ты чего ждешь? — Нахмурился я. — Мои враги посылают тебя на разведку — ладно, на здоровье! Но я тут при чем?

— Ты же и сам знаешь, что вы не враги. — Мягко сказал Одиссей. — В твоём сердце нет ненависти к ним, да и они не могут заставить себя говорить о тебе с должным отвращением... Судьба поставила вас на противоположные стороны игрового поля и разукрасила в разные цвета, но уже завтра она может перемешать свое варево — и кто знает, как будут переставлены фигуры в вашей бессмысленной, но захватывающей партии!

— Твоими бы устами... — Печально усмехнулся я. — Ты зря стараешься, дружище. Я уже давно понял, что надежда — роскошь, которая мне не по карману! Ладно... Чего ты от меня хочешь?

— Может быть, у тебя найдется хорошее оружие? — Оживился он. — Оружие, без которого ты сможешь обойтись — хотя бы несколько дней. Я непременно верну его тебе... если уцелею, конечно!

— Оружие? — Удивился я. — Оружие-то у меня есть, но у меня сейчас такой неприятный период жизни, когда мне не хочется с ним расставаться.

Впрочем... Эй, Джинн, ты здесь?

— Я здесь, и я слушаю ваш разговор. — Тут же отозвался мой верный опекун.

— Не гневайся, Владыка: твои тайны все равно становятся моими — хотим мы этого, или нет.

Так уж все устроено...

— Да бог с ними, с тайнами! — Отмахнулся я. — Скажи лучше: ты можешь раздобыть копию моего щита? Я с ним не расстанусь — ни за какие коврижки!

Но может быть, где-то во Вселенной обитает его близнец?

— У каждой вещи есть двойник. — Важно кивнул Джинн. — Ты хочешь отдать его своему другу?

— Хочу, наверное. — Удивленно согласился я. — Сам не знаю, почему, но я хочу ему помочь!

— Так уж связаны ваши судьбы. — Безапелляционным тоном заезжего восточного мудреца сообщил Джинн. — Твой гость был прав, когда говорил, что в свое время ваши пути пересекались. Вы действительно встречались однажды, и теперь твоё сердце требует отдать дань старой дружбе.

— Когда это мы встречались? — Заинтересованно спросил я. Немного помедлил и добавил:

— И кем я тогда был?

— Ты вспомнишь, Владыка. — Оптимистически пообещал Джинн. — Не сейчас, так позже...

Впрочем, ваша встреча не была таким уж значительным событием в ваших судьбах — так, пустой, но приятный эпизод. Вы даже не сочли нужным сообщить друг другу свои имена...

— Ладно, не хочешь говорить — не надо! — Обиженно буркнул я. — Мог бы позаботиться, чтобы я не умер от любопытства... Так мы можем добыть второй щит Змею для Одиссея?

— Можем. — Лаконично ответил Джинн. — Это не повредит никому из вас — почему бы не доставить тебе удовольствие ощутить себя щедрым дарителем? Ты ведь любишь приносить дары, верно?

— Люблю. — Согласился я.
— Я вспомнил нашу встречу! — Изумленно рассмеялся притихший было Одиссей.

— Твой призрачный помощник прав: это была пустячная, но приятная встреча.
Лет семьсот назад, или даже больше... Я не помню, как назывался город, но силуэт раскидистого сухого дерева, под которым мы сидели, стоит у меня перед глазами. Ты выиграл у меня несколько партий в нарды, а потом вернул деньги, рассмеялся и сказал, что любишь приносить дары... А потом кто-то позвал тебя, и только из уст этого незнакомца я узнал твое имя. Он называл тебя Али...

— Опять мое славное мусульманское прошлое! — Вздыхнул я. — Почему-то мне труднее всего поверить именно в эту часть своей туманной биографии!

Точная копия моего щита тем временем легла к ногам Одиссея. Джинн снова превратился в невидимое облачко и умолк.

— Возьми прочный шнурок и привяжи этот щит к своему поясу. — Сказал я Одиссею. — Он сам защитит тебя от любого нападения... надеюсь, что от любого! Тебе и пальцем шевелить не придется. Но имей в виду: его можно заморозить. Во всяком случае, как-то раз одной индейской барышне удалось вывести из строя его брата. Поэтому будь начеку!

— Макс, о чем ты разговариваешь с огнем? — Я оглянулся и увидел, что рядом со мной на корточках сидит заспанная Доротея и растерянно оглядывается по сторонам.

— Почему — с огнем? — Удивился я. — Знаешь, кто этот парень? Это...
— Какой "парень"? — Она еще энергичнее завертела головой. — Что, к тебе пришел невидимка?

— По всему выходит, что так. — Озадаченно согласился я и вопросительно уставился на Одиссея.

— Для того, чтобы увидеть меня, тоже требуется "особое зрение". — Он комично развел руками, вид у него при этом был виноватый и гордый одновременно. — Я слишком долго скрывался, знаешь ли... Ты не обидишься, если я попрощаюсь? Мне не хочется смущать твоих людей своим шепотом призрака...

— Делай как знаешь. — Кивнул я. — Можешь оставить щит себе: это подарок, а не прокат бытовой техники... Не хочу связывать тебя никакими обязательствами, но мне тоже чертовски интересно узнать, что за зверь этот самый Локи, и с чем его едят. Может, завернешь ко мне на обратном пути, расскажешь? — Мне и правда хотелось получить хоть какую-то информацию о Локи. Как-то я угробил несколько часов, чтобы убедиться, что волшебный телевизор Джинна не способен показать мне кадры его заманчивой жизни.

Наверное, этот парень очень здорово замаскировался...
— Спасибо за подарок. Я непременно вернусь, чтобы рассказать тебе о своем путешествии — если уцелею, конечно! — Он поднялся, повернулся, чтобы уходить и в самый последний момент театрально хлопнул себя по лбу:

— Совсем запамятовал!
Афина узнала, что я собираюсь навестить тебя, и долго меня отговаривала... а когда поняла, что это бесполезно, попросила передать тебе эту записку.
Я нерешительно протянул руку за лоскутом пергамента. Честно говоря, я почему-то ждал подвоха — может быть просто потому, что прекрасно помнил, что

мой собеседник в свое время являлся инициатором и руководителем знаменитого проекта "троянский конь"...

— Бумага не отравлена — стал бы я таскать ее за пазухой, да еще только для того, чтобы всучить одному из бессмертных! — Одиссей расхохотался так неудержимо, словно на протяжении столетий изо всех сил сдерживал смех, и вот его прорвало, наконец-то!

Впрочем, вполне возможно, что так оно и было... Доротея поехала от звуков его смеха, как от холодного ветра. А потом он ушел в синие предрассветные сумерки. У него была удивительно легкая походка — честно говоря, я не уверен, что его ступни действительно касались земли...

— Кто это был, Макс? — Нерешительно спросила Доротея.
— Можешь себе представить: Одиссей. Он же Улисс, он же царь Итаки...
— Одиссей? Настоящий? Так что, он был на самом деле? — Озадаченно моргнула она.

— А мы с тобой были "на самом деле", дорогая? — Печально улыбнулся я. — Или понарошку? В любом случае, он не менее настоящий, чем мы с тобой, хоть и невидимка — чего только не случается с людьми за долгую-долгую жизнь!...

— Везет ему! — С искренней завистью вздохнула Доротея.
— Да, наверное... — Рассеянно согласился я. Записку Афины я сунул в карман своего безумного зеленого плаща: мне не хотелось читать ее в присутствии Доротеи. Впервые, мало ли, что она там написала, а во-вторых... Если честно, я все-таки здорово опасался, что стал счастливым обладателем очередного "троянского коня", а у Доротеи, в отличие от меня была всего одна-единственная жизнь, драгоценная и неповторимая, как жемчужина, сияющая в глубине раковины вместо дряблого тела моллюска...

День был блаженно долгим и упоительно спокойным: мы просто двигались вперед, на север, ничего особенного не происходило: ни чудес, ни сражений, ни незваных гостей... Впрочем, одно чудо со мной все-таки случилось, самое желанное из чудес: ритмичная поступь Синдбада убаюкала меня, и я задремал, сидя на его надежной спине, да так сладко, словно к моим услугам была наилучшая из райских спален... На закате дремота оставила меня, я открыл глаза и с удовольствием подумал, что так хорошо не чувствовал себя даже в раннем детстве, после крепкого сна на открытой веранде в ясную летнюю ночь.

Откуда-то возник вездесущий Джинн с чашкой ароматного яблочного чая — именно то, чего мне всю жизнь хотелось, а я, дурак, не догадывался!

Только покончив с чаем, я вспомнил о записке Афины, которую так и не удосужился прочесть. С ума сойти можно: всего несколько дней назад я потерял голову, увидев на экране своего волшебного телевизора ее прекрасные серые глаза и неопишимо длинные ноги, эффектно обтянутые кожаными штанинами, пускал слюни, мазал по лицу романтические розовые сопли и вытворял черт знает какие чудеса, чтобы наведаться в гости к этой красотке — хотя бы во сне... А теперь я мог позволить себе роскошь засунуть в карман ее послание и тут же забыть о ней — вот уж никогда бы не подумал, что способен на такой подвиг! Я извлек из кармана жесткий кусочек пергамента и с любопытством на него уставился: давненько мне девушки записок не писали, а уж прекрасные богини — вроде бы и вовсе никогда!

"Спасибо за твой ветер. Это было довольно унижительно, но все мы остались

Письмо Афины оказалось на редкость лаконичным. "Берегись, Макс: Геката что-то затеяла!" — Сообщала она. Ниже следовала приписка: "Ты обещал вернуться и объяснить, что означала твоя фраза "уйти вместе с ветром". Мне все еще интересно."

— И кто ее учил сообщать информацию?! — Проворчал я. — Геката, видите ли, "что-то затеяла"! А что именно? И когда мне следует ждать ее в гости? И чего мне следует беречься?

— Эта новость уже устарела. — Флегматично заметил Джинн. — Геката приходила сюда две ночи назад...

— Как это?! — Опешил я. — Я что-то ее не заметил...

— Разумеется. Ты спал, Владыка. Я решил, что ты не слишком обрадуешься такой гостье, и не стал тебя беспокоить.

— А как же ты с ней разобрался? — Удивленно спросил я.

— Это было просто. Знаешь, она переменяла внешность... Она выглядела в точности как эта сероглазая богиня, которая пишет тебе письма.

— Как Афина? Вот это да! — Я уже вообще ничего не понимал.

— Она решила провести тебя, Владыка. Не гневайся, но я подозреваю, что у нее были некоторые шансы на успех...

— Но зачем?

— Иногда твоя наивность меня поражает. — Улыбнулся Джинн. — Она хотела соблазнить тебя — теперь я ясно выражаюсь?

— Более чем! — Я почувствовал, что краснею. — Это у нее навязчивая идея, любовь с первого взгляда... Она, видишь ли, считает меня роковым красавчиком!

— Скорее она считает, что это хороший способ отнять у тебя твою силу и встать во главе твоей армии. — Сурово сказал Джинн. — Наверное, тебе кажется, что это глупости, но такое действительно возможно! По крайней мере, теоретически...

— Да? — Рассеянно переспросил я и с изумлением уставился на своего могущественного опекуна. — Но как же ты с ней разобрался?

— Я решил, что ее идея касательно перемены внешности весьма недурна...

Одним словом, я придумал себе твой облик и устроил ей хорошую встречу.

Знаешь, поначалу она мне поверила — даром, что богиня!

— А ты воспользовался случаем и получил удовольствие по полной программе?

— Я начал смеяться. — Ты хоть знаешь, что ты — самый настоящий гений?!

— Я не гений, я просто Джинн. — С достоинством ответил он. — Представляешь, как она разгневалась, когда поняла, что к чему?

— Не представляю! — Искренне признался я. — У меня слишком жалкое воображение... Но почему я не слышал шума борьбы... и вообще никакого шума?

— Потому что ничего не было: ни шума, ни борьбы. — Гордо ответил Джинн. — Женщинам — в том числе и богиням! — очень опасно иметь дело с нами, джиннами. Геката больше не представляет никакой опасности — ни для тебя, и вообще ни для кого, даже для этих ослабших богов, которые дали ей приют.

Можешь вообразить: мне пришлось помочь ей добраться домой: после нашего свидания ее могущества не хватало даже на это!

— Так ты спас меня и молчал? — Улыбнулся я. — Ну ты даешь!

— Какое там — "спас"! Просто избавил тебя от ненужных хлопот. — Скромно сказал Джинн.

"разгневанных небес", которые только и ожидают, когда я расслаблюсь, чтобы немедленно покарать меня за это должностное преступление. Если и был какой-нибудь могущественный сторонний наблюдатель, вззирающий на мои действия, ему было глубоко по барабану, как я себя веду: я уже давно сам "сидел за рулем", и только от меня зависело — рухнуть в пропасть, или вписаться в поворот...

Одним словом, этой ночью я позволил себе закрыть глаза, взглянуть в темноту под веками и увидеть там узкую каменистую тропинку, залитую молочным светом ущербной луны, и пройти по этой тропинке до самого входа в жилище Афины. На пороге я увидел Марлона Брандо и огорчился: хорошо, конечно, что хозяйка встречает меня на пороге, но какого черта она вцепилась в этот облик? Я-то шел в гости к настоящей сероглазой Афине Палладе и рассчитывал получить удовольствие от созерцания ее божественного лица по полной программе...

— Спасибо, что принял мое приглашение. Лучше поздно, чем никогда, не так ли? — Тон Марлона Брандо показался мне излишне официальным... Впрочем, чего я еще мог ожидать — поцелуев в щеку?! Но я бы и сам, пожалуй, не дался!

— Ты не обидишься, если на сей раз тебе не приснится, что я приглашаю тебя в дом? — Вежливо спросила тщательно замаскированная Афина.

Я улыбнулся, оценив комизм ситуации.

— Если не приснится, значит я сам и виноват. Сон-то мой, на кого обижаться?! А что мне сегодня приснится, если не секрет?

— Прогулка по этой тропинке, вниз по склону столовой горы... Не самый чарующий сон в твоей жизни, я полагаю... Но и не самый плохой, верно?

— Он мог бы стать самым чарующим, если бы ты перестала казаться Марлоном Брандо.

— Честно сказал я. — Никогда не любил этого актера... он по-настоящему хорош разве что в "Апокалипсисе" Коппола, но там он совсем старый и обрюзгший, так что не стоит... А как насчет твоих собственных прекрасных глаз, Минерва? Может быть они мне все-таки приснятся?

— Я чувствую себя беззащитной, когда становлюсь женщиной — пусть даже богиней. — Неохотно призналась она. — В женском теле есть какой-то изъян, который не позволяет полностью владеть ситуацией — словно кроме тебя есть еще кто-то, от кого зависит, что ты сделаешь в следующее мгновение...

— Ты думаешь, этот изъян присущ только женщинам? — Искренне удивился я. — А я-то, болван, всю жизнь думал, что это — только моя проблема!

— А ты уверен, что ты — не женщина? — Заливисто расхохотался Марлон Брандо. Я задницей почувствовал, как внезапно спало напряжение. Странно: стоило мне признаться в собственной слабости, и Афина тут же расслабилась и засияла, словно весенне солнышко. Впрочем, я уже не раз замечал, что окружающие начинают есть у тебя из рук, стоит только несколько раз публично назвать себя идиотом — при этом даже совершенно не обязательно быть искренним!

— У меня имеется ряд неопровержимых доказательств, предьявлять которые не стану, дабы никого не шокировать. — Улыбнулся я. Марлон Брандо неодобрительно покачал головой.

— Ну вот! И ты еще хочешь, чтобы я бродила с тобой в темноте, облачившись в беззащитное женское тело! — Проворчала она. И вдруг махнула рукой и неудержимо расхохоталась, лицо Марлона Брандо исказилось в гримасе смеха, а

когда он отсмеялся, я с восхищением обнаружил, что вижу пред собой настоящую Афины — во всяком случае, именно такой я ее запомнил.

— Спасибо. — Искренне сказал я. — Я буду вести себя достойно: не употреблять бранных слов, не хлопать тебя по заднице, и все такое... Я вообще очень интеллигентный молодой человек!

— Могу себе представить! — Снова рассмеялась она. — Сказать по правде, у меня случайно получилось. Оказывается, когда смеешься от души, трудно сохранять контроль за собственной внешностью... Знаешь, у тебя редкий дар поднимать мне настроение. Никогда еще мне не было так весело, да еще и рядом с моим злейшим врагом!

— Ты ведь и сама знаешь, что говоришь ерунду, да? — Мягко спросил я.

— Ну да, сейчас ты в очередной раз скажешь, что никакой мне не враг, и уж тем более не "злейший"... — Вздохнула она. — Тем не менее, факт остается фактом: мы уже сражались, и твой ветер чуть не превратил в щепки моего беднягу "Бристоля"... и даже если мы оба решим, что с нас хватит, нам все равно предстоит сражаться в самую длинную ночь этого последнего года, и здесь уже никто ничего не изменит!

— Знаешь, — задумчиво сказал я, — если бы я был абсолютно уверен, что ничего нельзя изменить, я бы не пришел к тебе в гости, Паллада. Я люблю делать глупости — что правда, то правда! — но в последнее время мне надоело это занятие. Поэтому я и не откликнулся на твое приглашение сразу же — думаешь, мне не хотелось?

— Но ты ведь отказался принять предложение Одина и сыграть в эту игру на нашей стороне! — Сердито сказала она. — Хочешь сказать, что передумал? Или снова будем толочь воду в ступе?!

— Не самое бессмысленное занятие! — Улыбнулся я. — Просто никто не пробовал делать это достаточно долго — даже алхимики, которые каких только глупостей не натворили в поисках своего философского камня... Что касается предложения Одина, оно мне не нравится. Не могу объяснить, почему... вернее, могу, наверное, но не сейчас. Я ведь сплю и вижу сон — ты не забыла?

— А почему бы тебе не прийти ко мне в гости по-настоящему? — Спросила Афина. — Тебе ведь не составит труда преодолеть это расстояние? Во всяком случае, Улисс хвастал, что твой ветер донес его сюда за несколько секунд...

— Это был не ветер, а смерчик, и не мой, а Джинна... Но знаешь, мне почему-то спокойнее приходить сюда во сне и думать, что это — всего лишь пустое сновидение...

— Никакое не пустое! — Сердито сказала она. — Если бы оно было пустое, я бы не видела тебя перед собой... Да ты и сам это знаешь, просто упрямо цепляешься за свои детские представления о том, что сон — это только сон, и ничего больше.

— Твоя правда. — Равнодушно согласился я. — Что ж, может быть, я еще заявлюсь сюда "по-настоящему", как ты выражаешься — почему бы и нет... А кстати, зачем ты меня приглашала, Паллада? Неужели только потому, что я поднимаю тебе настроение? Или вы боялись, что я споюсь с Локи и хотели меня отговорить? А ведь я бы с ним, пожалуй, действительно спелся — если бы он возмутился и захотел отобрать у меня свои маршальские погоны: мне чертовски надоела вся эта затея с дурацкой "Последней битвой" и армией "мертвых духом"... Они поклоняются мне, знаешь ли... И уже спорят между собой, потому что никак не

Если это не слишком заметно, имей в виду: у меня от рождения угрюмая рожа, так что ее выражение далеко не всегда правильно описывает происходящее...

— Да нет, никакая она не угрюмая! — Рассмеялся Одиссей. Потом понизил голос до шепота и сообщил:

— Я собираюсь просто исчезнуть куда-нибудь подальше. Оказаться за пределами этого прекрасного мира мне пока не светит — ну и ладно! Но ведь здесь теперь полно мест, где никого нет — ни людей, ни богов... Тяжело находиться рядом с Олимпийцами и наблюдать, как их покидают последние остатки могущества и здравого смысла — всех, даже Палладу, как это не прискорбно! Я ведь знаю ее слишком долго, чтобы позволить себе роскошь не замечать перемен... Да и здесь у тебя не сахар, ты уж извини! Ты-то сам в порядке, но вокруг тебя вертится слишком много мертвецов, и рожи у них самые что ни на есть паскудные... Я очень хочу оказаться там, где нет никого, и бродить в одиночестве, пока не начнут гаснуть звезды над моей головой, и звучный голос невидимого распорядителя скажет, что представление закончено. Не так уж много я хочу, правда?

— С тобой все ясно. — Понимающе кивнул я. — Не так давно на меня напала точно такая же блажь... Знаешь, чем это кончилось? Меня тут же обнаружили индейские боги и начали убивать: деловито, сосредоточенно и очень профессионально!

— А, охотники! Да на кой я им сдался я же не какой-нибудь бог! — Равнодушно отмахнулся Одиссей. — К тому же Одноглазый расщедрился, состряпал для меня амулеты, так что выкручусь, в случае чего... А твой могущественный слуга может помочь мне оказаться где-нибудь далеко-далеко?

— На каком-нибудь краю света? Почему бы и нет! — Я покосился на Джинна и вежливо спросил его:

— Тебе ведь не составит труда?

— Нет проблем, босс! — С чудовищным акцентом типичного нью-йоркского таксиста пробасил он. На его огромной голове тут же появилась чудовищная форменная фуражка, которая, впрочем, сразу же исчезла. Мы с Одиссеем расхохотались от неожиданности. Не успев досмеяться, он исчез — вот это, я понимаю, быстрое обслуживание!

Джинн вернулся через несколько секунд и невозмутимо предложил мне стакан тоника без джинна и льда, но с толстым ломтем горького лимона — в последнее время я почему-то предпочитал именно такую, безжалостно кастрированную версию своего любимого коктейля.

— Куда ты его зафутболил? — С любопытством спросил я.

— Куда-то очень далеко. Не знаю, как называются эти земли: в те времена, когда я изучал географию, их еще не было на картах... Это очень далеко, за Великим Западным Океаном, Владыка. Там хорошо.

— Да? Какая-нибудь из Америк, надо полагать... Наш друг Одиссей там не пропадет?

— Не знаю. — Флегматично ответил Джинн. — Вообще-то, пропасть можно где угодно, было бы желание...

— Тоже верно. — Задумчиво согласился я. — Ладно, по крайней мере, он получил, что хотел. Большая удача, по нынешним-то временам!

Я наконец развернул измятый листок бумаги, который принес мне Одиссей.

полоумной прабабки.

— А ведь это ужасно интересно: чем занимаются Анна, Лиз и Кейт после того, как ты выключаешь компьютер, правда? — Спросил его насмешливый шепот.

И добавил совсем тихо:

— Прощай, Макс!

— Тоже мне, величайший дзенский коан всех времен и народов! — Усмехнулся я ему вслед. — "Чем занимаются Анна, Лиз и Кейт", видите ли...

Спасибо хоть по голове не долбанул... — Впрочем, как бы я не выпендривался, а этот хитрец Локи умудрился задеть какие-то нежно звенящие струнки в моем сердце. Он оказался совсем не таким, как я его себе представлял в те далекие дни, когда повсюду таскал за собой потрепанную "Эдду": тогда у меня была слишком бурная фантазия... и при этом никакого воображения!

Я был благодарен этому парню за его дружеский визит и нашу беседу — смутную, как диалог из кинофильма, который привиделся во сне. Я получил по заслугам: кажется, он приходил, чтобы отнять у меня надежду — как я сам недавно отнял ее у своих людей... и еще для того, чтобы наконец сформулировать мои смутные опасения, которые я не решался облечь в хрустящую оболочку слов. Формулировка оказалась простой и конкретной — дальше некуда: "ням-ням" — и все! Тем не менее, он не напугал меня, скорее наоборот. По крайней мере, теперь я наконец-то точно знал, чего хочу: чтобы никакой "ням-ням" не состоялся. А ведь моим желаниям было положено сбываться — разве не так?...

Визит Локи оказался чем-то вроде эпиграфа к новой эпохе в моей жизни: благословенное монотонное спокойствие последних недель внезапно закончилось. На меня посыпались посетители, новости и прочие безобразия.

Сразу после заката, когда наш невероятный караван остановился, чтобы перевести дух после дневного перехода, и я собирался получить какой-нибудь удовлетворительный ответ на вечный вопрос: "а что у нас сегодня на ужин?" — у моего костра неожиданно появился Одиссей. Я так и не заметил, когда он успел усесться напротив меня — честно говоря, только после того, как Джинн вежливо осведомился, не желает ли мой гость выпить чего-нибудь с дороги, до меня дошло, что этот самый гость уже давно пытается прервать мои суматошные размышления обо всем понемножку своим вежливым, но довольно громким молчанием.

— Экий ты все-таки неприметный! Рад тебя видеть. — Улыбнулся я. — Что новенького?

— Ничего кроме очередной записки от Афины. — Флегматично сказал он. — Кажется, она окончательно решила, что из меня может получиться неплохой почтальон...

— С другой стороны — а что ей еще делать? Она же не может послать мне факс... — Рассудительно сказал я. — Хотя, это, конечно, идея!

— Не думаю. — Усмехнулся Одиссей. — Знаешь, она чертовски консервативна!

— Правда? — Рассеянно переспросил я. — Ну давай его сюда, это письмо... И если ты хочешь выпить перед ужином, скажи Джинну, что ты предпочитаешь.

— Спасибо, — вздохнул он, — если честно, я бы не отказался от бокала хорошего светлого пива. А больше ничего не нужно, даже ужина. Я собираюсь исчезнуть, и чем скорее — тем лучше!

— Исчезнуть? Отсюда, что ли? Можешь не торопиться: я рад тебя видеть.

могут решить, чей способ поклоняться лучше. Скоро, того гляди, драться начнут... Можешь себе представить?

— Я-то как раз могу. — Усмехнулась она. — Сам понимаешь, у меня всю жизнь были схожие проблемы... А ты все еще хочешь получить ответ на свой вопрос?

— Хочу... если только это будет правдивый ответ.

— И то, и другое — вот тебе самый правдивый из моих ответов! Конечно, мне не хотелось бы, чтобы ты сговорился с Локи — сам посуди: разве могла я вести себя иначе! Но дело еще и в том, что мне действительно нравится с тобой говорить. У меня никогда не было друзей: у богов их не бывает, ты и сам должен это знать! Мы слишком погружены в себя: в свое могущество и одиночество... Пожалуй, этот хитрец Один действительно мог бы стать мне другом, если бы мы встретились в лучшие времена. Сейчас мы можем быть только товарищами по несчастью... А ты мог бы стать лучшим из моих друзей — если бы не был врагом!

— Спасибо. — Улыбнулся я. — Могу еще раз сказать, что никакой я не враг — ни тебе, ни кому-то еще... Ладно, не буду!

— Улисс сказал мне, что твои люди иногда называют тебя по имени. Тебя действительно зовут Макс?

— Вроде бы, да... — Задумчиво протянул я. — Но это — не то имя, которое Один может сообщить своим рунам: не подействует! Все вокруг то и дело твердят, что оно не настоящее.

— А я не затем спрашиваю. Просто надо же мне тебя как-то называть...

— Называй. — Согласился я.

— Ты думал о том, что с нами случится? — Неожиданно спросила Афина. — Я имею в виду — после этой проклятой Последней Битвы? С тобой, с Одним, со мной, со всеми остальными богами... с твоими людьми, в конце концов. Мы умрем навсегда, или...

— Откуда мне знать? — Я пожал плечами. Вообще-то ситуация складывалась более чем комичная! Вот уж не думал, что когда-нибудь ко мне явятся боги, чтобы спросить у меня, что будет с ними после смерти...

— Ты действительно не знаешь, или не хочешь говорить?

— Разумеется, не знаю. Знал бы — непременно выболтал бы! Разве у меня на лице не написано, что я патологически болтлив? — Горько усмехнулся я. А потом я и сам не заметил, как внезапно переменялось мое настроение: только что я был готов заплакать от невыразимой жалости к себе и прекрасным богам угасающего мира заодно, а теперь мои губы сами расползлись в мечтательную улыбку.

— Вы ведь очень любите кино — ты и твои родственнички, правда?

— Уже нет, наверное... Но прежде любили. — Удивленно ответила она. — А при чем тут кино?

— Ты помнишь, был такой фильм — "Унесенные ветром"?

— Да. Ну и что?

— Вслушайся в эти слова, Паллада: "Унесенные ветром" — по мне, так дерьмовая мелодрама, нежно любимая невзыскательным большинством, но какое восхитительное, завораживающее, воистину магическое название! Когда слышишь его в оригинале, получается еще лучше: "Gone with the wind" — "ушедшие с ветром"...

— Почему ты об этом говоришь?

— Да я вот думаю: а может быть, это выход?
— Что — выход?
— Уйти вместе с ветром.
— Для кого?
— Для всех, душа моя, — я даже рассмеялся от избытка чувств, — для всех!
— Объясни. — Нахмурилась она.
— Для этого мне сначала придется проснуться — далеко-далеко отсюда, а потом оседлать джиннов смерчик и вернуться к тебе. Я не могу ничего объяснить — ни тебе, ни даже себе самому... Просто сейчас я ЗНАЮ, что есть выход — выход, который устроит всех, представляешь?! — но пока понятия не имею, какие выводы мне следует сделать из этого бесценного знания, и какие действия предпринять... Есть только эта магическая фраза: "ушедшие с ветром", и она уносит меня все дальше — туда, где обитает надежда!

Я внезапно почувствовал, что этот счастливый приступ хорошего настроения окончательно меня обессилел: мне очень хотелось лечь плашмя на выжженную траву и уснуть — если разобраться, выходило, что на самом деле мне хотелось проснуться, но в настоящий момент мне было плевать на точность формулировки...

— Отвернись пожалуйста. — Попросил я, и сам едва услышал свой голос. — Мне пора просыпаться, а пока ты смотришь на меня, это очень трудно сделать.

— Приходи еще, поболтаем, — как-то нерешительно предложила она, — во сне, или наяву, как получится...

— Спасибо, я прииду... — я на секунду замялся и добавил:
— наверное. Я боюсь давать обещания, Паллада.
— Я понимаю. — Кивнула она.
— Только не рассказывай Гекате, что я снова повадился ходить сюда в гости. Она утверждает, что играет на моей стороне — ты знаешь об этом? — но мне она почему-то здорово не нравится...

— Еще бы! — Звонко рассмеялась Афина. — Геката просто не может нравиться — никому... кроме, разве что этого одноглазого бродяги! Впрочем, это приносит пользу: она выболтала ему все свои секреты, или почти все... Не такие уж великие секреты, конечно! Одним словом, я знаю, что она старалась натравить на нас разъяренных Охотников — всех разом, и теперь очень зла на тебя за то, что ты ей помешал...

— А еще больше за то, что я не прельстился ее воистину неземной красотой!
— Фыркнул я.
— А ты не прельстился? — Недоверчиво спросила Афина. — Она говорила...
— Могу себе представить! Подумай полчаса и реши, кому из нас следует верить.
Афина действительно задумалась — правда, всего на секунду — и снова хихикнула, тоненько, как девчонка:

— Вообще-то, никому, но в данном вопросе... скорее уж тебе! Могу тебя понять! Ничего, пусть себе злятся... — Она внезапно стала серьезной и доверительным шепотом сообщила:

— Геката хорохорится, но ее дела очень плохи. Может быть, хуже, чем у всех нас вместе взятых... Один сказал мне, что у нее болит зуб — представляешь? Геката это скрывает, но уж он-то умеет почувствовать чужую боль, если захочет... Вообще-то, это совершенно невозможно: зубы болят только у людей!

пользователей...

— В смысле — "для чайников"? — Сухо спросил он. — Ну-ну... Ты не очень расстроишься, если узнаешь, что в последнее время я месяцами путешествовал по Сети? Между прочим, на досуге я успел сотворить несколько неплохих макровирусов...

— О'кей, в таком случае чайник — это я, а ты — великий и могучий, прекрасный и свободный! Договорились? — Я рассмеялся: сообщение Локи здорово подняло мне настроение — не знаю уж, почему!

— Договорились. — Снисходительно промолвил он. — Рассказывай дальше. Что там приключилось с твоей железкой?

— Ничего с ней не приключилось. Не в компьютере дело... Знаешь, в Windows — по крайней мере, в версии 3.11, которую мне поставили, есть такая карточная игра:

"сердечки".

— Да, ну и что? Нетерпеливо спросил он.

— Игра как игра... Я вспомнил о ней потому, что там играешь с виртуальными партнерами. Вечные Анна, Лиз и Кейт — почему-то мне всегда казалось, что они — пожилые старые девы...

— Точно! — Обрадовался Локи. — Так оно и есть!

— Ну вот, — вздохнул я, — со временем эти барышни стали для меня кем-то вроде дальних родственниц... Впрочем, не в этом дело. Я хотел сказать тебе вот что: иногда, когда мне не нравилось, как складывается партия, я просто прерывал игру: выходил из нее и тут же заходил снова, и начинал играть с нуля — словно предыдущей неудачной партии никогда не было... Я, знаешь ли, не люблю проигрывать!

— Охотно верю! — Понимающе кивнул он. — Но к чему ты все это рассказываешь?

— А вот к чему: в отличие от меня, эти виртуальные барышни, Анна, Лиз и Кейт, никогда не могли прервать партию, если она складывалась неудачно для кого-то из них, и начать новую... Незавидная участь — даже для того, кто не существует на самом деле!

— Ясно. — Снисходительно улыбнулся Локи. — Сейчас ты скажешь, что теперь стал похож на одну из них, верно? Что ты не можешь выйти из игры и начать новую...

— Все правильно. — Уныло подтвердил я.

— Может и правильно... А ты никогда не думал, что твои Анна, Лиз и Кейт плевать хотели на исход вашей игры? — Лукаво спросил он. — Что игра с тобой — их скучная и обременительная обязанность, а настоящая, интересная жизнь начинается для них только после того, как ты выключаешь свой компьютер?

Подумай об этом на досуге! — Он поднялся, потянулся до хруста в суставах. — Я пойду, пожалуй! Скоро утро, твой костер гаснет, а я люблю уходить через ту же дверь, из которой вошел... К тому же, я совершенно уверен, что ты прекрасно справишься со всеми проблемами, даже с Ермугандом!

Почти угасшее было пламя костра внезапно взметнулось к небу уже знакомым мне оранжевым столбом. Локи шагнул в огонь — лицо у него при этом было самое что ни на есть скучающее, как у человека, засидевшегося в гостях у своей

Я нетерпеливо помотал головой и вопросительно уставился на него.

Драматическая пауза продолжалась несколько секунд, потом Локи внезапно опустил голову и принялся вычерчивать какие-то странные узоры на медленно остывающем песке.

— Эти твари, которые придут к месту последней битвы, чтобы сразиться на моей стороне — впрочем, теперь уже на твоей! — знаешь, чем они займутся, когда сражение подойдет к концу? Ням-ням, друг мой, ням-ням! Вельва сказала мне по секрету, что Мировой Змей сожрет всех: и меня, и моих людей, и трупы, которыми будет усеяно поле...

— Ничего себе новость! — Я поморщился, поскольку печаль оказалась сродни физической боли. Впрочем, я совсем не удивился: с самого начала предполагал какую-нибудь пакость вроде этой.

— Понимаешь теперь, почему я так не хотел принимать участие в этой затее?

— Сочувственно спросил Локи. — Да не хмурься ты так, коллега! Выше нос: пророчество Вельвы больше не имеет никакого значения: ты возглавил мою армию, да и Один, насколько я знаю, дал деру из Вальгаллы, так что теперь все пойдет наперекосяк!

— Твоими бы устами... — Вздохнул я.

— Я знаю, что говорю! — Настойчиво сказал Локи. — Теперь все будет не так, как было предсказано. Как — не знаю, может быть даже хуже, но по-другому, это точно!

— "Может быть даже хуже" — как это верно замечено! — Саркастически хмыкнул я.

— О, да ты способен впадать в уныние! И долго ты этому учился? — Беззаботно спросил Локи.

— Лет тридцать. — Буркнул я. — У меня неплохо получается, верно?

— Махни на все рукой! — Посоветовал он. — Пусть идет как идет!

— Я уже махнул. — Мрачно сообщил я. — Знаешь, что мне не нравится в этой истории?

— Подозреваю, что тебе не нравится абсолютно все. — В голосе Локи неожиданно зазвучало такое искреннее сочувствие, словно он только что подрядился работать моим психотерапевтом.

— Могу рассказать тебе одну историю... даже не историю — так, что-то вроде притчи.

Переживешь?

— Переживу. — С серьезным видом кивнул он.

— В свое время — совсем недавно, когда меня называли Максом, а не "Владыкой", и я сам был совершенно уверен, что так оно и есть — у меня был маленький, простенький компьютер. — Начал я. С сомнением покосился на своего собеседника:

— Извини, я не подумал: ты же наверное не знаешь, что это такое...

— Представь себе, знаю! — Он выглядел почти обиженным. — Я всегда интересовался всякими забавными человеческими выдумками... Хотел бы я знать, за кого ты меня принимаешь?!

За могущественного скандинавского бога. — Улыбнулся я. — Извини, Локи. Я должен был догадаться, что с тебя станется даже записаться на курсы для

— И это лишний раз доказывает, что я — обыкновенный человек... по крайней мере, был им не так давно. — Печально усмехнулся я, вспомнив свой последний визит к стоматологу — не так уж давно это было, если измерять время с помощью часов и настенных календарей! Я решительно отогнал сие омерзительное воспоминание — только этого мне не хватало! — и попросил Афину:

— А теперь все-таки отвернись, ладно?

Мне действительно пора...

Она кивнула, развернулась на сто восемьдесят градусов и быстро зашагала по залитой лунным светом тропинке. Потом меня подхватила упоительно сладкая темнота, а через несколько мгновений — или часов? — я проснулся возле своего угаасающего костра, в таком замечательном расположении духа, что это даже настораживало.

— У тебя снова изменились планы, Владыка? — Понимающе спросил Джинн. На сей раз его глухой голос не звучал укоризненно: наверное, он уже смирился с моими причудами...

— Представь себе, нет. — Улыбнулся я. — Нет у меня никаких планов, так что и меняться нечему. Пусть себе идет, как идет!

— Я воистину счастлив услышать, сколь искренне ты произносишь это вечное заклинание мудрецов. — Почтительным шепотом сообщил Джинн.

— Сейчас я тебя разочарую. — Улыбнулся я. — Я вспомнил, что у меня все-таки есть одно неотложное дело. Сначала я его сделаю, а вот потом, пожалуй, действительно стану мудрецом: всю жизнь собирался, а тут такой шанс...

У меня действительно имелась проблема — всего одна, но мне казалось, что ее надо уладить как можно скорее. Все эти религиозные секты, о которых рассказывал Анатолий... Смех смехом, но было в них что-то катастрофически не правильное! Пока я пил изумительный чай с сильным привкусом кислых зеленых яблок, я понял, в чем дело.

В этом я был ужасно похож на своего коллегу, Одина: я тоже ужасно боялся совпадений с каноническим описанием конца мира. Только для Одина "каноническим" было прорицание Вельвы, а для меня — видения сумрачного отшельника Иоанна. Вообще-то пока все было в порядке: я имел все основания полагать, что все-таки не являюсь "зверем, выходящим из бездны", или "космическим узурпатором", а обещанная "труба архангела" принадлежала чернокожему Чарли Паркеру, да и действовал я отнюдь не "во имя свое", а по просьбе этого неотразимого мультяшного красавчика, Аллаха... Но были там слова "в храме Божиим сядет он как Бог, выдавая себя за Бога". Разумеется, ни за какого "бога" я себя не выдавал — и не собирался! — но мне очень не нравилось, что мои ребята справились с этой задачей и без моего участия.

Надо было выбить из них эту дурь, и чем скорее, тем лучше!

— Мне надо прочесть коротенькую, но содержательную лекцию своему верному войску. — Сообщил я Джинну. — Как бы мне устроить, чтобы они меня услышали — все до единого?

— Забавный вопрос, Владыка! — Снисходительно улыбнулся он. — Тебе достаточно просто этого захотеть... Впрочем, я могу помочь тебе вознестись в небо над их головами...

— Пожалуй, не стоит... — Нерешительно возразил я. — Я как раз собираюсь

сообщить им, что я, в сущности — такой же чайник, как и они сами. Если при этом они увидят в небесах мой сияющий лик, все мои аргументы будут выглядеть довольно бледно, сам понимаешь...

— Ты собираешься сказать этим несчастным людям, что ты — не бог, и поэтому они не могут рассчитывать на то, что в последний момент ты спасешь их никчемные жизни и души заодно? — Печально спросил Джинн. — Но им вряд ли нужна такая жестокая правда.

Ты отнимешь у них последнюю надежду...

— Вот! Именно это я и собираюсь сделать! — Весело согласился я. — И не потому, что я — такой уж великий злодей, скорее наоборот. Чтобы получить шанс на бессмертие, надо отказаться от надежды на него... вообще отказаться от надежды. Отчаяние — удивительный ключ к могуществу, даже не ключ, а отмычка, способная открыть почти любой замок... и обычно это — единственный ключ, доступный человеку!

— Я не понимаю. — Нерешительно сообщил Джинн.

— Конечно, ты не понимаешь! Ты же не человек. — Согласился я. — А мой рецепт хорош только для людей.

— И ты действительно уверен, что отчаяние пойдет им на пользу? — Впервые на моей памяти голос Джинна звучал столь недоверчиво.

— Я никогда ни в чем не уверен. — Улыбнулся я. — И скажу тебе по секрету: это самое неоспоримое из моих немногочисленных достоинств!

А через полчаса я уже разглагольствовал, стоя в центре необозримо огромной толпы.

Таинственная связь, которая установилась между мной и моей армией во время перехода через призрачный храм Сетха и заставила их дышать в одном ритме со мной, снова дала о себе знать: теперь я чувствовал, что даже те люди, чьи головы казались мне разноцветными точками у линии горизонта, и те, кого я не видел вовсе, слышат каждое мое слово — мне даже не требовалось повышать голос.

— Я пришел, чтобы отнять у вас последнюю надежду. — Начал я, памятуя о недавнем диалоге с Джинном. — Я пришел, чтобы сказать вам: я — не тот, кто сможет спасти вас.

Единственное, что я могу, так это в назначенный срок привести вас к тому месту, где решится наша общая судьба. Поклоняться мне глупо и бесполезно, ребята. С таким же успехом вы можете поклоняться друг другу — или выпросить у моего Джинна по зеркалу и молиться собственному отражению — чем не икона?! Может быть, я — просто один из вас, может быть, меня лепили из другого теста — какая, к черту, разница! Я, как и вы, не знаю, что ждет нас завтра — и уж, тем более, в это роковое полнолуние последнего декабря...

Я, как и вы, боюсь смерти, и пытаюсь отсрочить тот день, когда она пригласит меня прогуляться за линию горизонта. И имейте в виду: если кто-то и сможет уговорить судьбу переменить свое ужасающее решение, то этот парень — не я. Поэтому не тратьте драгоценное время на то, чтобы повторять мое имя перед тем, как заснуть: эти удивительные мгновения между явью и сном можно использовать с большей пользой...

А меня не надо ни любить, ни бояться — это просто непрактично, поскольку ничего не меняет. Я — не "большой папочка", который может спасти праведных и

— Да, я так и подумал. — Согласился Локи. — Ладно, теперь к делу! Этот загорелый бродяга, который довольно неуклюже врал, что является твоим посланцем — он передал тебе, что я считаю себя твоим должником? Когда я удостоверился, что ты занял мое место... Ты знаешь, что это был наилучший подарок моей вздорной судьбы, я и не надеялся!

— Догадываюсь. — Сухо согласился я.

— Возможно, есть что-то, что я мог бы сделать для тебя? — Радужно спросил он. — Знаешь, вообще-то я отнюдь не помешан на этой дурацкой идее — отдаривать каждый подарок — но ты оказал мне совершенно исключительную услугу!

— Есть такое дело. — Спокойно подтвердил я. — Ладно, если так — подскажи: как мне переправиться через море? Сегодня утром я как раз думал о том, что до сих пор не знаю, что буду делать, когда окажусь на берегу...

— Как — "что"?! Строить Нагльфар, разумеется! — С энтузиазмом сказал Локи.

— Этот ваш легендарный "корабль из ногтей мертвецов"? — Хмуро откликнулся я. — Извини, дружище, но мне не нравится эта идея. Мертвецов-то у меня достаточно, настричь ногтей — не проблема... Но есть в этой идее нечто неопишимо идиотское!

— Конечно — если понимать ее буквально! — Насмешливо улыбнулся Локи. — Это же метафора, дурик!

Слово "дурик" в устах грозного скандинавского бога показалось мне настолько неуместным, что я от души расхохотался. Мой собеседник с удовольствием составил мне компанию. Пока мы смеялись, я с удивлением понял, что мы могли бы стать хорошими приятелями — в другое время, при других обстоятельствах... в какой-нибудь совсем иной и иначе устроенной жизни, одним словом!

— О'кей, метафора, так метафора. — Отсмеявшись сказал я. — Но что она, в таком случае, означает? Какой корабль? При чем тут ногти и мертвецы?

— "Ногти" — это очень хорошая метафора! — С пафосом заявил Локи. — Часть человеческого тела, которая все время растет и изменяется, от которой необходимо время от времени избавляться, чтобы она не мешала действовать...

Некоторые суеверные люди полагают, что в ногтях и волосах хранятся воспоминания — ерунда, конечно, но я понимаю, почему они так думают...

Нагльфар — это корабль, сотканный из воспоминаний — только и всего! Вернее будет сказать, что это не один корабль, а множество кораблей, поскольку твои люди хранят в себе воспоминания о разных кораблях. Тем не менее, Нагльфар один, просто одни сочтут его веселым драккаром, а другие — атомным ледоколом. Я не удивлюсь, если твоим людям — да и тебе самому! — покажется, что кораблей было неисчислимо много...

— Ты не можешь выражаться яснее? — Устало спросил я.

— Не могу. — Спокойно согласился он. — Ты сам все увидишь, когда выйдете к побережью... Нагльфар — не твоя забота, да и не моя. Такие видения может соткать только сама судьба — и она это сделает, будь уверен!

— Ладно, — вздохнул я, — в общем-то, я так и думал, что все само как-нибудь утрясется...

— Утрясется, будь спокоен! Лучше-ка я расскажу тебе о том, что действительно может быть интересно для тебя... Знаешь, о чем Вельва не сказала Одину, но потом шепнула мне?

что-то вроде ярко-красного леденца на палочке, я глупо ухмыльнулся и осторожно взял подарок.

Только тут я понял, что никакой это был не леденец, а совершенно живой крошечный дракончик, немилосердно насаженный на эту самую палочку, как на кол. Тварь крутилась, верещала и норовила цапнуть меня за палец. Я хотел было с отвращением зашвырнуть его в огонь, но в последний момент передумал: рядом со мной находился один парень, который мог бы стать по-настоящему счастливым, получив сей сомнительный сувенир.

— Влад! — Позвал я. — Эй, князь Влад! Разбудите его кто-нибудь, ребята!

Теперь пришла очередь Локи удивленно хлопать глазами. Я с деланным равнодушием ждал Дракулу, стараясь держать беспокойного дракончика на максимальном расстоянии от своего лица. Наконец из темноты выскочил заспанный князь.

— Ты звал меня, Владыка?

— Ага. Тут ко мне заглянул приятель и принес подарок — специально для тебя. Так мило с его стороны... Возьми!

Влад нерешительно протянул руку, я поспешно всучил ему адский "леденец"

Локи. Как я и ожидал, парень быстро понял, что к чему и расцвел от восторга.

— Дракон, умирающий на колу — я всегда хотел нарисовать такую картину на своем фамильном гербе! — Прочувствованно сказал он. — Как я могу отблагодарить тебя, Владыка?

— Да ничего особенного: просто скажи спасибо дяде Локи и отправляйся спать, душа моя. — Вдохнул я. Сам не знаю почему, но князь Влад всегда будил во мне какие-то извращенные родительские инстинкты...

— Спасибо. — Дисциплинированно сказал Дракула, повернувшись к Локи.

Вежливо поклонился ему и скрылся в темноте.

— Ты первый, кто не выбросил мой подарок! — Уважительно заметил Локи. — Я подшучивал таким образом и над богами, и над людьми. Некоторые швыряли его мне в рожу, некоторые — просто в сторону, а некоторых хватал удар... Но ты первый, кому пришло в голову тут же подарить его еще кому-то!

— Зачем же выбрасывать хорошую вещь? — Усмехнулся я. — Любой пакости можно найти должное применение, было бы желание...

— Это была не "пакость", а мой малыш Снорри, самый маленький дракон на земле. — Вдохнул Локи. — Надеюсь, твой приятель будет за ним присматривать... Передай ему, что Снорри любит получать гаснущие угольки к завтраку... да, и его ни в коем случае нельзя снимать с деревяшки: через отверстие в теле из него тут же уйдет жизнь!

— Не думаю, что Влад станет что-то менять: ему дай волю, он бы всех на кол пересажал: и драконов, и людей, и богов заодно! — Фыркнул я.

— Похвальная целеустремленность! — Весело согласился Локи. Он снова одарил меня ослепительной улыбкой:

— Ты уж не обижайся на меня за этот подарок, коллега! Многие сетуют на мой тяжелый характер и считают мои невинные шутки верхом злодейства — даже когда я сам хочу казаться душкой!

— У меня тоже были похожие проблемы, особенно когда я учился в школе! — Рассмеялся я.

наказать нехороших — его попросту нет, и никогда не было. У вас осталось слишком мало времени, чтобы тратить его на старые добрые глупости.

Миллионы человек вокруг меня молчали, затаив дыхание. Их молчание не было ни гневным, ни испуганным — это обнадеживало. Мне даже показалось, что в конце моего "большого откровения" по толпе пробежал тихий вздох облегчения, всколыхнувший неподвижные лица людей, как полуденный ветерок сухую траву. А потом я понял, что все они ужасно хотят спросить у меня: "ладно, шеф, положим, ты действительно не "большой папочка", но скажи: что нам теперь делать?" — даже не так, на самом деле, каждый из них хотел спросить: "что теперь делать МНЕ?"

— Давайте будем просто жить и идти дальше — это наша судьба, изменить которую мы с вами пока не в силах. — Мягко сказал я. — Мы все знаем, что скоро этому прекрасному миру придет конец, но сегодня сверкающие песчинки рассыпаются под нашими ногами, и солнце каждое утро и каждый вечер поджигает горизонт — специально для наших с вами глаз — все еще широко открытых! — а потом сумерки окрашивают все в изумительно синий цвет... У нас очень мало времени, но оно все еще есть, и мы можем попробовать закончить свою биографию, коряво нацарапанную на клочке туалетной бумаги таким ошеломительно красивым росчерком, что ангелы, ответственные за чтение этой макулатуры, раскаются и сделают себе хакакири... Только прекратите ваши идиотские споры о том, каким образом следует преклоняться перед моей персоной, ладно? Как крупный специалист в области познания себя, могу однозначно порекомендовать: ничего не надо. Вообще ничего!

Я повернулся и пошел прочь — в ту сторону, где не было никакой толпы, только вдалеке паслись несколько белоснежных дромадеров, хозяев которых я уже как-то незаметно привык считать своими друзьями... Я чувствовал себя очень усталым и одновременно таким легким, что хотелось набить карманы камнями, чтобы ветер не унес меня как воздушный шарик — как любой человек, только что успешно закончивший тяжелую, но очень нужную работу, которая долгое время висела на нем невидимым, но тяжелым грузом...

Наше путешествие на север продолжалось. Я не вел счет дням и не утруждал себя составлением перечня событий. Кто бы мог подумать: я был спокоен и почти счастлив... и самое главное: я больше ничего не боялся! Я даже не спешил на свидание к Афине — не потому, что мне этого не хотелось, просто знал, что время еще не пришло: в моем сердце появился какой-то загадочный таймер, возможно — просто старинные песочные часы, и я с ленивым любопытством наблюдал, как золотистые крупинки одна за другой оседают в нижней половине этого невидимого прибора.

В один из дней я обнаружил, что в ушах Анатоля поселились крошечные наушники, а в кармане его куртки — аккуратный голубой плеер "sharp". У него было счастливое отрешенное лицо удачливого путешественника по виртуальной реальности, и я тут же начал умирать от зависти.

— Где ты взял эту игрушку? — После того, как я проорал этот вопрос раз пять, Анатолий наконец встрепенулся и соизволил удовлетворить мое любопытство.

— Как это — "где"?! Попросил у твоего собственного Джинна, о недогадливый Владыка двадцати девяти с половиной триллионов песчинок!

— А ты уверен, что их именно двадцать девять с половиной триллионов? —

Уважительно осведомился я.

— Почти уверен. Впрочем, можешь пересчитать! — Безмятежно улыбнулся он.

Я изумленно покачал головой: я так долго объяснял своим спутникам, что со мной надо обращаться без излишних церемоний, а теперь, когда у одного из них наконец-то начало получаться, растерялся от неожиданности! Я тут же призвал к себе Джинна, ткнул пальцем в сторону блаженствующего Анатоля и коротко сообщил: "Хочу!" Мой могущественный интендант тут же вручил мне точно такой же голубенький "sharp", как у Анатоля. "Так, понятно: этот парень просто лоббирует интересы фирмы "Sharp"! — Весело подумал я. — Интересно, сколько они ему заплатили?," Потом я занялся подбором фонотеки. Джинн, которому поневоле пришлось принять участие в этом процессе, внезапно заинтересовался содержимым многочисленных компакт-дисков.

Сначала он попробовал воспользоваться моими наушниками, но они оказались слишком неудобными для его призрачных ушей.

— Если хочешь послушать музыку, тебе просто нужно добыть нормальный проигрыватель с колонками. — Подсказал я. — Тогда наушники не понадобятся.

— А что такое "нормальный проигрыватель"?

Джинн с интересом выслушал мои путанные объяснения — нет ничего сложнее, чем описать какую-нибудь банальную вещь вроде проигрывателя существу, которое никогда в жизни ее не видело! — понимающе покивал, и извлек на свет божий еще один "sharp", побольше — я ни на секунду не сомневался, что он уже никогда не изменит своей любимой фирме! Через несколько минут он с искаженным от неопишуемого волнения лицом слушал первые аккорды знаменитого Болеро Равеля в исполнении Лондонского симфонического оркестра: я почему-то решил, что начинать его музыкальное образование следует именно с этого — и не ошибся! С этого дня наше путешествие проходило исключительно под музыку. Новенький плеер мне так и не понадобился, скорее уж мне требовались какие-нибудь мощные затычки для ушей: музыкальный центр был водружен на спину моего многострадального Синдбада, а когда я протягивал руку, чтобы выключить его хоть на время, Джинн не возражал, но смотрел на меня глазами голодного ребенка, которого за руку уводят от рождественского стола — этого взгляда я вынести не мог!... Поэтому музыка не утихла даже ночью: джинны ведь не спят. Правда, по ночам Джинн милосердно уменьшал громкость, к тому же наши с ним пристрастия, к счастью, полностью совпадали: чаще всего мы крутили "Квин" — то "Ночь в опере", то "Innuendo", а то просто сборники их хитов, и нам не надоедало, почему-то...

Однажды утром я обратил внимание, что окружающий нас пейзаж неувовимо изменился. Впрочем, перемены обнаруживались во всем: утренний ветерок был непривычно свежим, где-то высоко в небе кружили почти невидимые птицы, и даже в моем благодушном настроении появились почти неразличимые аккорды беспокойства — впрочем, это даже доставляло мне некоторое удовольствие. Я вдруг понял, что кажется, пришла осень, да и море уже совсем близко, и озадаченно улыбнулся этому открытию.

Честно говоря, я до сих пор не очень-то представлял, как мы будем переправляться через это самое море! Убаюкивающая фраза "как-нибудь" больше не казалась мне четким ответом на этот вопрос...

Этой ночью мне опять не спалось. Я сидел у костра и смотрел на огонь: в последнее время это был мой любимый способ коротать досуг, новая привычка, которая казалась мне не самым плохим приобретением. Внезапный, почти ураганный порыв ветра — на удивление холодного, словно я уже успел забрести далеко на север, ошеломил меня своим неожиданным нахальством: с какой это стати? Вроде бы, я ничего такого не заказывал! А мысль о том, что какие-то причудливые природные явления могут происходить не только по моей инициативе, вызывала у меня смутное недовольство.

Пламя моего костра судорожно задергалось, словно собиралось угаснуть, но уже через секунду вспыхнуло с новой, порядком обескуражившей меня силой.

Теперь столб огня был не меньше человеческого роста, а его цвет показался мне противоестественно ярким, вызывающе морковно-оранжевым, как в каком-нибудь безумном мультфильме.

Я разинув рот уставился на это редкостное безобразие и с изумлением обнаружил в центре огненного столба смутный силуэт какого-то человекообразного существа.

"Саламандра, наверное. — Растерянно подумал я. — Саламандрам же положено плясать в пламени... Хотя ЭТО не пляшет, да и на ящерицу оно не слишком-то похоже..."

— Привет, коллега! — Голос был вполне человеческим, но пол говорящего совершенно не поддавался определению. Мне пришлось смириться с очевидным: кажется, странное существо, появившееся в огненном столбе, чувствовало себя прекрасно, да еще и намеревалось вести со мной светскую беседу.

— Ты позволишь мне составить тебе компанию? — Дружелюбно спросил все тот же голос.

— Запросто. — Растерянно кивнул я.

— Вот и славно. Этот фокус с появлением в пламени чудо как хорош, но вести связную беседу, пребывая в таком состоянии, более чем затруднительно!

Теперь пол моего собеседника не вызывал никаких сомнений. Он шагнул ко мне, отряхиваясь от огненных искр — так только что искупавшийся ньюфаундленд избавляется от капель воды на своих черных лохмах — и я увидел перед собой невысокого худощавого мужчину. На вид ему можно было дать от двадцати до сорока: бывают такие ребята, которые выглядят не правдоподобно мужественными в юности, а вот с возрастом в их внешности появляется что-то неувовимо мальчишеское. Мой новый знакомый, вне всякого сомнения, относился именно к этому редкому типу. Он посмотрел на меня исподлобья, внимательно и настороженно, что совершенно не вязалось с его легкомысленными интонациями, а потом вдруг ослепительно улыбнулся — в этой стратегической операции принимали участие не только губы, но и глаза, и брови, и смешно наморщившийся нос, и даже руки, совершившие плавный жест, словно вычерчивая в воздухе еще одну невидимую улыбку — с такой обезоруживающей искренностью, что мое, вроде бы вполне каменное сердце начало подтаивать, как мороженое в июльский полдень.

— Ты Локи, да? — Не знаю уж, как меня осенило, но меня действительно осенило. Вовпервых, я вспомнил, что он обещал меня навестить, а во-вторых...

Черт, в конце концов, я же когда-то был таким начитанным мальчишкой!

— Угадал. — Обрадовался он. — Тебе причитается приз! — Он протянул мне

"А ведь он не врет! — Удивленно подумал я. — Он действительно хочет только одного: чтобы с нами все было в порядке, и хотел этого с самого начала. Поэтому и явился, чтобы сообщить нам имена Охотников — просто решил помочь, и еще он хотел с нами познакомиться, и понравиться нам он тогда хотел неимоверно, а больше — ничего... Станными путями ходит твоя судьба, Один!"

— Ну как, Отец Мудрости, я пролился на вас "благодатным дождем"? — Неожиданно спросил он, поднимаясь на ноги и с видимым удовольствием потягиваясь, как огромный несуразный кот. — Я жду вас, ребята. Бросайте свои дурацкие амбы, берите в охапку своих приятелей — или бросайте их на произвол судьбы, как получится! — и присоединяйтесь ко мне. Не понравится — всегда сможете уйти: мы не будем подписывать долгосрочные контракты — ни чернилами, ни кровью!

— Присоединяться? — Эхом переспросила Афина. Но его уже не было — он исчез, и даже я не успел заметить, как это случилось...

— Что ты об этом думаешь, Один? — Растерянно спросила она.

— Думаю, что я уже выиграл свою битву! — Торжественно сказал я. — Чем бы там не кончилось дело, но все уже вышло по-моему. Может быть, наш гость — это и есть легендарный Сурт, и он действительно идет с юга на север, но он на нашей стороне! Не будет сражения Лодура с Хеймдаллем, не будет Хрюма на палубе Нагльфара, не будет Видар мстить Фенриру за мою смерть...

Предсказание не сбудется — а я-то всегда думал, что даже мне не под силу изменить ход вещей!

— Ты считаешь, нам действительно следует к нему присоединиться? — Неуверенно вымолвила Афина. — Ехать рядом с ним, плечом к плечу к месту Последней Битвы и ждать, чем все закончится?

— А почему бы и нет? — Весело спросил я. — Что касается меня, я собираюсь повидаться со своими родичами. Думаю, беседа будет долгой и трудной. Они, знаешь ли, уже приготовились оплакивать мою смерть в пасти Фенрира, даже похоронные драпы наверняка написали заранее... им нелегко будет смириться с тем, что я ухватил за хвост совсем другую судьбу — не знаю уж, какую, но иную!

— Но ведь многим из них тоже суждено пасть в этой битве. — Рассудительно заметила Афина. — Неужели они не ухватятся за возможность что-то изменить?

— Посмотрим. — Усмехнулся я. — Знаешь, иногда я думаю, что они так долго жили, совершенно точно зная, как и когда умрут, что успели привыкнуть к мысли о смерти... да что там "привыкнуть" — полюбить ее! И теперь они предпочтут эту предсказанную смерть неизвестности — вот чего я боюсь...

Впрочем, я знаю, как заставить их переменить решение!

— И как же?

— Очень просто. Я предложу им выбор: или они идут со мной, или я убью их, не дожидаясь, пока это сделают другие чудовища! — Расхохотался я.

— Разумное решение. — Спокойно согласилась Афина. — А скажи-ка мне, Один: ты не мог бы предоставить в мое распоряжение нескольких крылатых дев из тех, что так славно охраняли нашего Ареса?

— Могу. Но зачем?

— Ты и сам знаешь ответ. А если не знаешь, спроси свои руны! — Сердито прошептала она. И закончила, чуть не плача:

— Ты молодец! — Торжественно заключил я. А потом задумчиво уставился на писульку Афины.

— Так мило с ее стороны предупредить меня об опасности... и так глупо — воспользоваться услугами обыкновенного гонца! Неужели она не могла найти другой способ связаться со мной? Она же все-таки богиня!

— Почти утратившая свое бывшее могущество, не забывай! — Заметил Джинн. И задумчиво добавил:

— Впрочем, может быть, она хотела, чтобы ее письмо попало к тебе слишком поздно?

— Натравить на меня Гекату и посмотреть, что будет? И на всякий случай — если окажется, что вполне способен справиться с этой бедой — отправить мне это письмо, свидетельство дружбы и участия... Неплохая интрига! — Печально улыбнулся я.

— Если это действительно интрига, то довольно примитивная, Владыка. — Возразил Джинн. — Боюсь, что ты никогда прежде не интересовался делами такого рода.

Возможно, они казались тебе незаслуживающими внимания, а может быть, ты никогда не считал окружающих тебя людей серьезными противниками и, как следствие, не утруждал себя изучением их стратегии... Так или иначе, но я уже давно заметил, что ты не слишком силен в искусстве хитростей и уловок!

— Теперь уже не обязательно этому учиться, правда? — Вздохнул я. — Во-первых, у меня есть ты... а во-вторых, какие уж теперь "хитрости и уловки": все равно, скоро все закончится.

— Кто знает... — задумчиво протянул Джинн, — кто знает! — Он не добавил:

"дорогой Ватсон", хотя мне показалось, что к тому шло...

Ночь принесла с собой тревогу — во всяком случае, мне опять не спалось. Я не мигая пялился на пламя костра, хотя знал наверняка, что Локи там не появится. Уж он-то был не из тех ребят, которые имеют дурную привычку возвращаться после того, как их губы произнесли слово "прощай". Я мог спорить на что угодно, что Локи больше никогда не возникнет в моей жизни — разве что я сам сверну дюжину-другую гор, чтобы еще раз перекинуться с ним парой словечек! Тем не менее, я продолжал смотреть на огонь — словно действительно верил, что теперь все мои гости будут входить именно через эту дверь... Ага, как бы не так!

На этот раз "гости" появились из темноты — незванные, молчаливые и безжалостные, они плотным кольцом окружили меня. На этот раз я не испугался и не удивился, увидев их снова — скорее просто по-детски огорчился тому, что они все-таки вспомнили обо мне, вопреки моим смутным надеждам, основанным исключительно на собственной склонности бросать те дела, которые не удавалось сделать с первой попытки, а уж со второй — и подавно!

У меня по-прежнему не было никакого плана. Я понятия не имел, каким образом буду сражаться с многоликими богами древних ацтеков — могущественными, непостижимыми и полными сил, как в первый день творения...

Черт, если разобраться, я как был беспомощным мальчиком, так им и остался!

Правда, я больше не был перепуганным — не знаю уж почему... Вместо страха я испытал какое-то отрешенное, равнодушное, но вполне поддающееся формулировке раздражение: "ну вот, здарсьте, опять все сначала!" И тут Джинн совершил

поступок, которого я никак от него не ожидал — самый идиотский и бессмысленный, как мне тогда показалось. Вместо того, чтобы попытаться извлечь меня из молчаливого враждебного кольца нечеловеческих силуэтов, или, на худой конец, снова отправиться за подмогой к Одину, он просто нажал на кнопку "play" на нашем новеньком музыкальном центре.

Сказать, что я был ошеломлен — значит не сказать ничего! Откуда-то издалека, словно во сне, я услышал первые аккорды квиновского "Innuendo".

"Мать твою, они пришли за моей головой, а мой единственный защитник вдруг решил заняться музыкальным оформлением этого знаменательного события!" — Эта мысль — слишком уж четко сформулированная, если учесть, что мне следовало не выпендриваться с комментариями, а спасать свою единственную и неповторимую шкуру — оказалась первой и последней в моей внезапно опустевшей голове... Впрочем, что касается шкуры — я совершенно точно знал, что у меня нет никаких шансов!

Но индейские боги почему-то не торопились приступать к операции. Кажется, выходка Джинна порядком озадачила и их — или они просто слушали музыку?!

Наша немая сцена затягивалась, "квины" уже успели добраться до середины, до того самого места, на котором я всегда ощущал изумительный щекочущий холодок, поднимающийся по позвоночнику к затылку, когда их голоса, трогательно и вульгарно смахивающие на голоса начинающих ангелов, старательно выводили: "You can be anything you want to be". "Ты можешь быть, чем захочешь" — это было здорово похоже на подсказку, но я все еще не знал, что мне делать с этой чертовой подсказкой...

— Делай, как они говорят, Владыка! У тебя больше нет ни секунды времени!

— Яростно крикнул Джинн.

Это было похоже на внезапное пробуждение после долгого тяжелого сна — пробуждение от пронзительного телефонного звона, когда сначала вскакиваешь на ноги и несешься к верещащему аппарату, каким-то образом отвечаешь впопад, и вообще ведешь себя так, как надо, и только потом, закончив разговор, с изумлением прислушиваясь к ощущениям в собственном теле, каким-то чудом вернувшись к жизни, вспоминаешь, с каким волнением ждал этого самого звонка накануне вечером — или всю жизнь?... Все было очень похоже: мне каким-то образом удалось стряхнуть с себя смертельно опасное оцепенение и наконец-то с пронзительной ясностью осознать, что я действительно "могу быть всем, чем захочу" — да здравствует немудреная университетская лирика "квинов"! Мне больше не было нужды оставаться беднягой Максом — перепуганным и беспомощным человечком, окруженным неведомыми, непостижимыми и чертовски опасными существами. Я мог быть чем угодно, в том числе и одним из них, и я стал одним из них, и с облегчением расхохотался — или визгливо замяукал? — оскаливая великолепные клыки ягуара — поскольку моя голова больше не была человеческой головой, а мои многочисленные конечности не имели ничего общего с двумя неумелыми человеческими руками, к которым я, признаться, изрядно привык... Где-то на периферии моего сознания промелькнула сцена: я вонзаю зубы в первое попавшееся горло и маленькими, но жадными глотками пью теплую солоноватую кровь, а мои когти вонзаются в тонкую кожу надбровных дуг и медленно ползут выше, оставляя на своем пути широкие багровые борозды. Это

богов и людей, живых и мертвых... Может быть, нам предстоит сражаться даже не со змеем, а с самой судьбой — но что еще нам остается?

— Положим, ничего. — Согласился я. — А знаешь ли ты, что кроме нас есть еще и другие? Валькирии в свое время сообщили мне, что воины Христа уже давно приготовились к битве "со злом" — по их собственному выражению — и они предлагали мне союз, а кроме них есть еще кто-то... Даже если я уговорю своих несговорчивых родичей не бряцать мечами прежде, чем их об этом попросят — впрочем, в случае чего, их можно и заставить! — что ты будешь делать с остальными?

— Разберемся! — Он махнул рукой, словно речь шла о сущих пустяках. — Я ведь сказал тебе, Один, что могу справиться и один — сейчас я все могу, и даже не удивляюсь этому! Я пришел к вам только потому, что смутно верю: рядом со мной вам будет лучше. Что касается остальных — до них мне нет дела!

— Но почему тебе все-таки есть дело до нас? — Тихо спросила Афина. — Ну я еще понимаю, зачем тебе понадобился Один: он все еще полон сил и может быть хорошим помощником. Но зачем тебе я и мои родичи? Может быть, ты еще не знаешь, но могущества у нас осталось не больше, чем у тех, кто следует за тобой...

— Ну, положим, у тех, кто следует за мной, могущества сейчас столько, что мне самому не верится... Да нет, при чем тут какое-то могущество! — Задумчиво сказал он. — Я до сих пор помню, как читал о вас в книжках — по крайней мере, среди моих путаных и противоречивых воспоминаний есть и такие... О тебе, Паллада, я узнал еще в раннем детстве, а о тебе, Отец Битв, гораздо позже, но это ничего не меняет: истории о вас были моими любимыми сказками... Замечу, что эти балбесы, смертные, рисовали вас на картинках хуже чем просто поганю, поэтому при встрече вы понравились мне еще больше! Наверное, дело в том, что я вас люблю...

— Что это значит? — Хмуро спросила Афина. — Уж не собираешься ли ты?...

Он посмотрел на ее насупленные брови и звонко расхохотался.

— Не тревожься, Паллада, это не означает, что я собираюсь использовать ваши тела, чтобы доставить себе физическое удовольствие! — Наконец вымолвил он. — Это надо же до такого додуматься! Вот что значит опыт общения с Зевсом! Это за твоим папенькой водилась милая привычка трахать все, что попадалось на его долгом жизненном пути, если мифы не врут... А я как-нибудь перетопчусь. Ты действительно кажешься мне самой прекрасной из женщин, Афина, но я вполне могу обойтись без твоих поцелуев: в конце концов, любой поцелуй — это всего лишь прикосновение мокрых губ к другим мокрым губам, было бы из-за чего спорить! Моя любовь — очень простая штука.

Мне ничего от вас не нужно. Вполне достаточно знать, что вы есть, и дышать с вами одним воздухом... впрочем, даже это не обязательно! Я рад, что вы оба действительно существуете, и мне хочется, чтобы так было и дальше...

Да, кстати! Я не могу обещать тебе, Один, что нам действительно удастся выкрутиться, но что касается Фенрира, гарантирую:

Видару не придется с ним возиться, эту проблему я беру на себя. И скажи Тору, чтобы не вздумал приставать к Ермуганду, а потом умирать от его яда — кто угодно, но только не Тор! И вот еще что: имей в виду, я не собираюсь сжигать этот прекрасный мир, и другим не дам — просто, чтобы прищемить подол старой мегере Вельве и доставить тебе удовольствие!

— Это почти правда. — Вот это новость: Афина снова начала улыбаться, совсем как прежде! — Футбол — это такая игра, Игг... Одним словом, Макс хотел сказать, что ты одержал над ним своего рода победу!

— Макс? Это твое имя, гость? — Удивленно спросил я. Хороша же Афина: знала его имя, а мне не сказала!

— Одно из. Совершенно бесполезное, в смысле — не настоящее... да и нет у меня настоящего имени, и не было никогда! Но оно до сих пор нравится больше прочих. — Охотно объяснил он.

— Ладно, ты хорошо говоришь. А теперь скажи сразу: чего ты хочешь от нас?

— Спросил я. — Ни за что не поверю, что тебе от нас ничего не надо!

— Мне? От вас? — Он всерьез задумался, потом развел руками. — Сам не пойму: и что мне от вас может быть надо? Скорее всего, все-таки ничего... кроме вашего участия в игре, разумеется. Вообще-то, вы можете спокойно сидеть на своей амбе и раскладывать пасьянсы, я и без вас отлично справлюсь, но... Знаете что? Вы мне нравитесь, ребята. И мне будет приятно прожить свои последние дни на этой прекрасной земле в вашем обществе. А там — черт его знает: вполне может оказаться, что никакие они были не последние... Вот, собственно, и все!

— Ты-то чего себя хоронишь? — Усмехнулся я. — Насколько я понимаю, тебе ничего не грозит.

— Я тоже так думал сначала. Враки все это! В Последней Битве не может быть победителя... Знаешь, что твоя подружка Вельва рассказала твоему же приятелю Локи? В финале намечается великое "ням-ням"!

— Ты можешь выражаться не столь витиевато? — Спросил я. — Я и сам люблю говорить иносказаниями, да чего уж там, я — первый, кто завел такой обычай!

Но я не понимаю тебя, гость.

— А тут и понимать нечего! — Отрезал он. — Локи сказал мне, что в конце битвы Мировой Змей должен сожрать победителей. Понимаешь теперь, почему он не стал драться со мной за честь предводительствовать армией мертвецов? Он был счастлив, как именинник! И понимаешь ли ты теперь, почему я решил играть в твою игру? Мы все в одной лодке, Один. А раз так — почему бы нам не объединиться с самого начала? У нас есть общий враг — это самое великое "ням-ням". Кто бы нас не переживал — все плохо... Я решил, что этому не бывать. А если уж я решил — значит, так и будет. Вышло так, что я здесь самый главный — вот и воспользуюсь служебным положением в личных целях!

У меня голова кругом шла от скороговорки этого безумца, но я уже смирился с тем, что его невозможно заставить говорить так, как это принято между разумными мужами.

— А теперь позволь и мне спросить вслед за Одином: чего ты хочешь от нас, гость? — Судя по всему, Афина тоже пыталась выпутаться из паутины его болтовни. — Все, что ты говоришь, хорошо, но невнятно. "Объединиться" — что ты имеешь в виду, когда произносишь это слово?

— Чего тут непонятного? "Объединиться" — это и значит: объединиться.

Прибыть к месту Последней Битвы не с разных сторон, а приехать всем вместе, а там — по обстоятельствам... Кстати, было бы неплохо объяснить вашим коллегам: и твоим Олимпийцам, Паллада, и твоим Асам, Один, что сражаться мы будем не друг с другом, а с этой тварью, которая собирается проглотить нас — всех, без разбора,

продолжалось всего мгновение, но окружившие меня боги успели заглянуть в мои сверкающие глаза, уяснить, что к чему, и деликатно отступить на несколько шагов, разомкнув кольцо. Впрочем, мне так и не довелось узнать вкус их крови: драки не вышло, она попросту больше не была нужна. Мы были одной породы — я и эти странные ребята, единственные существа, которых я по-настоящему, смертельно боялся в последние месяцы, и уж тем более ни на миг не мог вообразить своими потенциальными приятелями. Впрочем, мы с ними действительно никогда не нуждались в обществе друг друга, а уж сейчас — и подавно. Я снова оскалил зубы и зарычал — теперь звуки, вылетавшие из моей гортани не имели ничего общего со смехом: я больше не желал веселиться, я защищал свою территорию — весь этот прекрасный умирающий мир был моей территорией, и я не собирался проявлять гостеприимство: существо, которым я стал, вообще понятия не имело, что такое гостеприимство, и зачем оно нужно... Мои лапы взметнулись к звездам: я желал, чтобы они ушли отсюда и указывал им путь. Они согласились с моим решением, поскольку знали, что сейчас сила на моей стороне, к тому же, им всегда было глубоко безразлично, где находиться...

Потом у моего костра осталось только одно чудовище, и это был я сам. Но я быстро сообразил, что мне не обязательно вечно оставаться этим самым чудовищем: теперь я вполне мог позволить себе роскошь еще какое-то время побыть душкой Максом с двумя руками, двумя ногами и умеренно обаятельной рожей на одной-единственной голове — почему бы и нет? Это обличье по-прежнему нравилось мне больше прочих: все-таки привычка — великая сила!...

— Они приходили, чтобы разбудить меня, да? — Тихо спросил этот самый Макс у своего приятеля Джинна. Я слышал свой голос как бы со стороны и знал, что теперь так будет всегда: кем бы я ни стал, настоящий Я всегда будет стоять немного в стороне и с равнодушным любопытством прислушиваться к происходящему...

— Разбудить... или убить — как получится. Думаю, им было абсолютно все равно, чем закончится ваша встреча. — Спокойно сказал Джинн.

— Спасибо, что включил эту песенку. — Улыбнулся я. — Без нее, пожалуй, ничего бы не получилось!

— Ты сам ее включил. — Флегматично ответил Джинн. — Я не прикасался к этой игрушке. Я вообще ничего не делал, пальцем о палец не ударил со дня нашей встречи, все эти маленькие нестоящие чудеса ты совершал сам, просто тебе было удобнее думать, что их делаю я...

Я не стал ни возражать, ни даже удивляться. Сам, так сам — какая, к черту, разница?!

Возможно, мой могущественный опекун действительно был просто одной из моих конечностей — самой самостоятельной и непостижимой, но все-таки моей собственной рукой...

— Я хочу отправиться в путь — прямо сейчас! — Сообщил я Джинну. — Море уже близко — часах в трех пути, и наши странствия по пустыне должны закончиться еще до рассвета.

Не думаю, что моей армии действительно так уж необходимо дрыхнуть по ночам — просто они помнят, что делали так всегда, пока были живы, и не хотят ничего менять.

Забавно, что человек способен остаться при своих привычках даже после

смерти, правда?... Ничего, как привыкли, так и отвыкнул! Поехали.

Только тут я понял, что говорю сам с собой. Джинна больше не было — он исчез, не прощаясь и не предупреждая, просто исчез, растаял, как предзвездный туман. Я уже откуда-то знал, что он ушел навсегда, теперь он был свободен от необходимости ошиваться вокруг моей персоны, и вообще от любой необходимости — просто потому, что я больше не нуждался в его помощи, защите и опеке — и поморщился от сокрушительной боли в груди — она была короткой, но пронзительной и жестокой. Я удивленно понял, что все еще способен страдать, теряя друзей — а каким еще словом можно назвать существо, чье исчезновение причиняет тебе боль?! — и еще я понял, что так будет всегда: никакое могущество и никакие метаморфозы не смогут избавить меня от боли — разве что теперь у меня хватало силы жить так, словно она разрывает чужое сердце...

— Прощай, душа моя. — Тихо сказал я равнодушной темноте. — Мне было спокойно за твоей надежной спиной — даже если она была обыкновенным наваждением! И спасибо за твои чудеса — кто бы из нас их не совершал...

Ласковый теплый ветерок дунул мне в лицо, он принес с собой сладкий запах цветущих фруктовых деревьев, а через несколько секунд я с изумлением убедился, что мои волосы и плечи усыпаны нежными розовыми лепестками — кажется, именно так цветет персик, хотя ботаник из меня тот еще, конечно...

Это было самое настоящее чудо — простенькое и совершенно непрактичное, зато сокрушительно очевидное, и оно не было делом моих рук, в этом я мог поклясться! Мой приятель Джинн каким-то образом услышал меня и ответил — я был в этом совершенно уверен. Я понял, что по моей щеке ползет горячая мокрая дрянь — дань сентиментальности и явно несамурайскому воспитанию, полученному в детстве — но через короткое мгновение мои глаза были абсолютно сухими, тело — легким, как один из этих чертовых персиковых лепестков, а сердце — пустым и веселым, как никогда прежде. Синдбад сам подошел ко мне и опустился на песок, чтобы мне было легче забраться на его горбатую спину.

— Поехали, ребята. — Тихо сказал я. Мой дромадер зашагал вперед размеренным шагом.

Я не оборачивался, поскольку и так знал, что мои люди уже проснулись и последуют за мной, как миленькие — а куда они денутся?!

Мы так долго шли к морю — кто бы мог подумать, что оно умудрится открыться нашим взорам так внезапно, словно до сих пор мы вообще не подозревали о его существовании! Когда до меня дошло, что линия горизонта уже сливается не с золотисто-серым песком, а с водой, я вдруг вспомнил дурацкий старый анекдот: "ничего себе пляжик отгрохали", и криво улыбнулся правым уголком рта. Создавалось такое впечатление, что чувство юмора сохранилось только у моей правой половины — боюсь, рассмешить левую сейчас не удалось бы даже мистеру Бину!

— Как мы будем переправляться через море, Али? — Озабоченно спросил Мухаммед.

— Как-нибудь, по воле Аллаха. — Ехидно усмехнулся я.

— Ты собираешься строить корабли? — Не унимался он.

— Никаких кораблей! — Твердо сказал я. — Любой корабль станет Нагльфаром, или тенью Нагльфара, или воспоминанием о нем... Поэтому кораблей не будет.

— Какого еще дядюшку? — Удивленно спросила она.

— Посейдона, кого же еще? — Из его перекошенного рта вырвался короткий смешок. — Вообще-то, я не собирался его обижать. Сам не заметил, как это случилось...

Впрочем, черт с ним! Не каяться же я к вам пришел, в самом деле! Я даже не чувствую себя виноватым, поскольку никогда в жизни не был лично знаком с сэром Посейдоном, а если верить нашему общему знакомому Одиссею, у него был вздорный характер...

— Это правда. — Кивнула Афина. — А почему ты так долго не приходил к нам?

Ты обещал...

— Я был занят. — Усмехнулся он. — У меня, знаешь ли, довольно беспокойная работа: она отнимает все мое время... И потом, я как-то почти забыл, что вы есть на свете — только не считайте, что я хочу вас обидеть, ребята! Я просто стараюсь быть честным — надо же когда-то и этому учиться... Я и о себе-то забыл, не только о вас! А сегодня вспомнил — спасибо Посейдону и его дурацкой субмарине!

— Ты пришел не просто так. — Я решительно пресек нескончаемый поток его слов.

Кем бы он не стал, этот наш таинственный гость, но его рот все еще был болтлив непомерно — в этом он ни капли не переменялся! — Знаешь ли ты, что мне сказали руны перед твоим приходом?

— Что я заявилось к вам с самым заманчивым предложением, от которого вы просто не сможете отказаться! — Весело кивнул он. — Знаешь что, Один? Я решил сыграть в твою игру! Помнишь, что ты предложил мне когда-то? Делать все так, чтобы наша Последняя Битва не была похожа на предсказание твоей подружки Вельвы, и все в таком роде... Так вот, я согласен. Более того, если ты передумал, я буду тебя уговаривать!

— С чего это такая честь? — Настороженно спросил я. — Что-то ты больно мягко стелешь... В прошлый раз стоило мне только заикнуться, чтобы ты нам подыграл — помнишь, как ты взбеленился?

— Взбеленился, было дело. — Спокойно согласился он. — И знаешь почему, Отец Битв?

Тогда я был очень слабый, очень гордый — как все слабые! — и очень глупый — как все гордецы. Ты говорил дельные вещи, Один, но я слушал не тебя, а свое капризное сердечко, которое требовало, чтобы я ни за что не играл в чужую игру — только в свою собственную!... Но с тех пор у меня было достаточно времени, чтобы узнать себя получше. Я понял, что просто рожден для того, чтобы играть в чужие игры — хотя бы потому, что своей собственной "игры" у меня отродясь не было, и никогда не будет — так уж все забавно устроено! Скажу тебе больше: с того дня, как мы расстались я только и делаю, что играю по твоим правилам — правда, я сам не сразу это заметил...

Одним словом, ты забил мне хороший гол, Один. И это правильно, так мне и надо!

— Что я сделал?

— Забил мне гол. Не знаешь, что такое футбол? Спроси у Афины: насколько я понял, их, Олимпийцев, в свое время от телевизоров за уши оторвать было невозможно!

давно перестал на нее сердиться. Исчезновение ее любимчика Улисса оказалось последней каплей, после этого Афина окончательно перестала улыбаться и целыми днями просиживала на пороге своего жилища, безучастно уставившись на бледное осеннее небо. "Если уж даже Улисс оставил меня, значит дела мои не просто плохи, а безнадежны. — Как-то сказала она мне, и прибавила:

— Улисс — великий хитрец, если уж он бежит с корабля, значит, на этом корабле не следует оставаться... и не потому даже, что корабль идет ко дну, просто он стал прибежищем потерявших удачу... У Улисса хватило бы мужества и благородства до конца оставаться на тонущем судне — но только вместе с настоящей Афиной. А настоящей Афины больше нет — от меня за версту смердит человечиной!" В тот день я не смог найти для нее убедительный возражений.

Крыть нечем, Афина была совершенно права: ее сила почти иссякла, она даже перестала являться мне в облике Марлона Брандо, да и дела ее родичей были не лучше. Уже давно никто из них не показывался у нас в гостях, и я догадывался, почему: в последние дни Афина перестала подходить к своей летающей машине — у нее попросту не доставало могущества, чтобы заставить аэроплан оторваться от земли без топлива, которого у Олимпийцев отродясь не водилось.

— Так что за гость к нам придет? — Снова спросила она.

— Не притворяйся, что не понимаешь. Сейчас к нам может прийти только один гость — тот, кого мы с тобой ждем. — Сказал я. — Не знаю, что ему вдруг понадобилось, но он будет здесь этой ночью.

— Он давно не заглядывал, хоть и обещал. Думаю, он уже далеко — да и что ему до нас?...

— Далеко, близко — какая разница! — Усмехнулся я. — Руны обещают, что он прольется на нас благодатным дождем — значит, так тому и быть.

— Именно "благодатным дождем"? — Недоверчиво переспросила Афина. — С какой это стати ты говоришь так о нашем враге, Один? Какой такой "благодати" можем мы от него ожидать? И вообще, что хорошего может еще случиться на нашем веку?!

— Так говорю не я, а руны. И прекрати причитать, как вздорная баба! — Сурово отрезал я. — Даже если у тебя не осталось ни капли могущества, разум-то должен быть при тебе до последнего мгновения!

— Доброй ночи, господа боги! Грустим понемножку — так, что ли? — Пока я пытался убедить Афины, что мои руны всегда говорят правду, обещанный гость уже явился и теперь стоял на пороге, скрестив руки на груди, и криво улыбался одной половиной рта. Другая половина его лица оставалась неподвижной. Я сразу увидел, как он переменялся — куда подевался тот несмышленный мальчишка, которого нам пришлось вызволять из цепких рук Охотников?! Теперь перед нами был кто-то совсем иной, бесконечно могущественный и безмерно равнодушный к собственному могуществу — и даже моей мудрости не хватало, чтобы понять, что сулят нам такие перемены.

— Доброй ночи и тебе, гость. — Ответил я. — С чем ты пришел на этот раз?

— Сам еще не знаю. — Он уселся прямо на пороге — где стоял, там и сел. — Для начала, я должен извиниться перед Афиной: сегодня я отправил в космос ее дядюшку...

Надеюсь, ты была не слишком к нему привязана, Паллада?

— Думаешь, воды позволят нам пройти по ним, как по суше? — Понимающе спросил Мухаммед.

— "По воде аки по суше"? Это мне тоже не подходит: слишком похоже на одну знакомую легенду. — Решительно сказал я. — Ну их к дьяволу, эти легенды!

Без них мне как-то спокойнее.

— Но как же тогда? — Не отставал Мухаммед.

— Поживем — увидим! — Улыбнулся я. — Еще полчаса можно не утруждать себя размышлениями. Целых тридцать минут, каждая из которых состоит из шестидесяти секунд — ты можешь сосчитать, сколько счастливых мгновений безмятежности уголовила нам наша щедрая судьба? Будь мужественным, друг мой, и прими этот бесценный дар!

Магомет изумленно посмотрел на меня — в другое время и в другом месте я бы непременно подумал, что он вспоминает номер телефона, по которому можно вызвать дежурную бригаду Скорой Помощи. После долгой паузы он покорно кивнул, развернулся и уехал — наверное, отправился транслировать мой незамысловатый ответ своим коллегам.

Что касается меня самого — я честно воспользовался собственным советом и еще полчаса наслаждался возможностью не предпринимать никаких умственных усилий.

— Такая мокрая вода! — Весело сообщил я небу над своей головой, когда ленивая волна прибоя с любопытством лизнула мозолистые ноги своего дромадера. Синдбад недовольно помотал головой и отступил на шаг назад.

— Эта мокрая вода еще не знает, что она вполне может стать твердой и сухой. — Снисходительно сообщил я Синдбаду. — Куда уж ей: в этих местах никогда не было зимы. Теперь будет. — Это решение пришло ко мне совершенно самостоятельно: я вдруг вспомнил, что в природе существует такая замечательная штука как мороз, который превращает зыбкую и ненадежную стихию в скучную, скользкую, но вполне надежную твердь. Стоило только подумать: мне в лицо ударил первый порыв ледяного ветра. Он дул с севера и, судя по всему, намеревался в кратчайшие сроки заморозить все, что встретится на его пути. Несколько секунд я зябко ежился, а потом просто утратил представления о "холодном" и "теплом": температура воздуха, соприкасавшегося с моей кожей, больше не имела для меня никакого значения.

Ничего удивительного, если разобраться: не страдал же я до сих пор от жары — путешествуя по Сахаре в самый разгар лета, между прочим!... Да и никто в моем войске от нее не страдал — в некоторых случаях не так уж плохо быть мертвым!

— О'кей, делаем привал. — Сказал я. — Если все так пойдет, через час можно будет ехать дальше...

— Макс, а куда подевался Джинн? — Робко спросила Доротея. — И у кого теперь можно попросить чашечку кофе?

— Джинна больше нет. Его контракт кончился. Подозреваю, что он счастлив и свободен, чего и нам желает... А что касается чашечки кофе, просить ее теперь не у кого. — Печально улыбнулся я. — Пикник закончился, дорогая, начались суровые походные будни... Впрочем, я совершенно уверен, что если ты здорово захочешь, ты получишь свою чашечку кофе и вообще все, что тебе понадобится — не знаю уж, каким способом!

— Смотри-ка, она уже у меня в руках! — Растерянно сообщила Доротея. —

Горячая какая...

— Это ты сделал?

— Не думаю. — Честно сказал я. — Скорее всего, ты сама.

— Но как?

— Тебе виднее. — Улыбнулся я. — У меня есть хорошая новость, Дороти: мы в стране чудес, и каждый из нас может все... У меня есть еще одна новость: мне кажется, так было с самого начала, еще до того, как началась эта дурацкая катавасия с "концом света", просто мы никогда толком не пробовали "смочь" это самое "все" — руки не доходили. Ежедневные хлопоты, размеренный ритм жизни, скучная утренняя газета, скучный вечерний трах — какие уж там чудеса!

Доротея нерешительно кивнула и тут же отпрянула в сторону: на нее обрушился целый ворох газет. Они появлялись из ниоткуда и медленно кружась в воздухе, опускались под ноги доротеиной верблюдницы.

— Боже! Стоило только на мгновение загрустить, что я уже никогда не прочитаю утреннюю газету — и вот... — Растерянно прошептала она.

— Хорошо, что ты соскучилась именно за газетами — в противном случае, на тебя могла бы свалиться толпа голых мужчин. — Рассмеялся я. А потом сочувственно добавил:

— Теперь тебе придется быть очень осторожной с маленькими мимолетным желаниями: такова расплата за могущество!

— Что ты со мной делаешь? — Дрожащим голосом спросила она. — Что ты делаешь со всеми нами?

— Я ни с кем ничего не делаю. Оно само с вами происходит. Вернее, с нами.

Можешь считать, что я — первый подопытный кролик... или крыса: говорят, они на редкость живучие твари... Учти: первый — отнюдь не значит "самый лучший", а посему воздержись от восторженного преклонения — вон даже Мухаммед воздержался!

— "Я только прелюдия для лучших игроков, о братья мои! Делайте по моему примеру! И кого вы не научите летать, того научите быстрее падать!" — Произнес за моей спиной голос Анатоля.

— Что? — Изумленно переспросил я. Анатолий с видимым удовольствием продемонстрировал нам великолепную работу своего дантиста: его роскошная улыбка обнажала штук семьдесят зубов, никак не меньше!

— Так говорил Заратустра. — Невозмутимо объяснил он. — Когда-то в юности у меня была слабость к Ницше, и я до сих пор помню несколько отрывков. Все ждал случая блеснуть интеллектом, а тут такая оказия!

— Хорошо сказано. Наверное, когда он это говорил, над ним отверзся Космос... а из Космоса на него тут же посыпались утренние газеты — в точности как на меня. — Невозмутимо сказала Доротея.

— На кого — на Ницше? — Обрадовался Анатолий — Да нет, на Заратустру! — С самым серьезным видом возразила она. Мы с Анатолием переглянулись и расхохотались от неожиданности.

— Да нет, вряд ли! — Сквозь смех пробормотал я. — Ну откуда было твоему Заратустре знать о такой сакральной тайне человеческого бытия, как утренняя газета?!

— А у меня получится какое-нибудь чудо? — Заинтересованно спросил Анатолий.

— Хороший вопрос! — Обрадовался я. — Разумеется, я молчу о сущих пустяках: ничего "важного" у нас уже не осталось...

— Может быть, нам пора идти? — Неуверенно предложила она.

— Может быть. — Легко согласился я. — Пошли, если хочешь... Кстати, у меня хорошая новость: сегодня у нас намечается привал на всю ночь — как в старые добрые времена.

Только Джинна не будет... Впрочем, у нас уже давно каждый сам себе джинн!

Через несколько часов солнце устало взирать на творящиеся под ним безобразия и решительно поползло к северному горизонту — я уже давно заметил, что оно больше не считает своим гражданским долгом покидать небо непременно через традиционный западный выход. Мы остановились на ночлег: на эту ночь у меня были большие планы.

Я увидел, что впереди один за другим загораются костры — не думаю, что кто-то из наших действительно нуждался в тепле, но возможно, они просто полюбили часами смотреть на огонь?...

На сей раз я не стал укладываться спать, чтобы увидеть во сне амбу Афины и своих не то врагов, не то старых приятелей. Я просто дождался, когда луна разбавит своим молочным светом густую темноту ночи, и долго смотрел на эту небесную колдунью из-под полуопущенных век, пока все остальное — задумчивые лица моих "генералов", светлые силуэты наших дромадеров, которых мы, сентиментальные олухи, так и не потрудились превратить во что-то иное, яркие точки далеких костров и холодные бусинки еще более далеких звезд — не исчезло в белесом тумане. А потом туман рассеялся, я опустил глаза и увидел под своими ногами знакомую узкую тропинку, взбирающуюся вверх, к жилищу прекрасной сероглазой богини... Я был вынужден признать себе, что выбрал довольно замысловатый способ преодолевать пространство — вообще-то, мне было бы вполне достаточно просто высказать вслух свое пожелание, и все совершилось бы само собой, без продолжительной медитации, лунного света, медленной замены одной реальности на другую и прочей книжной чепухи... Но я всегда был любителем чесать левое ухо левой же рукой, предварительно перекрутив ее вокруг шеи, как самый идиотский из шарфов!

Я торопливо пошел по тропинке, с удовольствием отмечая, что мое сердце больше не бьется о ребра, как перепуганный крольчонок о прутья клетки, и дыхание не учащается на крутом подъеме — это было приятное открытие. Честно говоря, до сих пор моя спортивная форма всегда заставляла желать лучшего...

— Сегодня у нас будет гость, Нике. — Сказал я, пряча за пазуху мешочек с рунами.

Афина ничего не ответила, только удивленно посмотрела на меня — дескать, "с чего ты взял?"

— Вот увидишь. — Пообещал я. — Мои руны еще никогда мне не лгали — еще чего не хватало!

— А что за гость? — Неохотно спросила она. — Это они хоть знают, твои хваленые руны?

Я не обратил внимания на ее непочтительный тон: на моей памяти нрав Афины всегда был тяжелым, а уж в последнее время он испортился окончательно, но я

— А это еще что такое? — Изумленно спросила Доротея, указывая в сторону моря.

— Ничего особенного, — снисходительно ответил Анатоль, — просто очень много соленой воды... ой!

— Вот именно, что "ой"! — Насмешливо сказала она. — Это подводная лодка, я ничего не перепутала?

— Ты ничего не перепутала. Самая настоящая субмарина, немного старомодная — времен Второй Мировой войны, если я не ошибаюсь. — Удивленно согласился Анатоль. Он с надеждой покосился на меня:

— Макс, ты что-нибудь понимаешь?

— Нет. — Гордо заявил я. — Я никогда ничего не понимаю. Причем от рождения!... Впрочем, в данном случае я все-таки догадываюсь, кто сидит в брюшке у этой селедочки. Сейчас оттуда вылезет дядюшка моей подружки Афины — Нептун, он же Посейдон, собственной персоной. Если верить Гомеру, у него скверный характер... Впрочем, не думаю, что он опаснее, чем его сумасшедшие родственники! Скорее уж, наоборот.

— Хорошо, когда есть Макс! — Улыбнулась Доротея. — Ты все разъяснил, и сразу стало смешно: бог Нептун на субмарине — это надо же! Бред какой-то!

— Конечно, бред! — Фыркнул я. — А как ты хотела?!

Я неохотно оторвал свою задницу от песка, выпрямился и с удовольствием потянулся. А потом сделал несколько шагов к воде, навстречу нашему новому оппоненту. Честно говоря, я собирался просто сказать ему, чтобы убирался на фиг — не до него, дескать, сейчас. Но в последний момент я передумал: решил насмешить своих ребят.

— Десять, девять... — я старался говорить бесстрастным металлическим голосом оператора из Центра Управления Полетами, — пять, четыре, три, два, один — старт!

Субмарина послушно взмыла вертикально вверх, вода вокруг нее кипела и булькала — вернее, грохотала!

— Что ты с ним сделал, Али? — Изумленно спросил Мухаммед.

— Отправил его в космос. Извини, дружище: эта шутка не для тебя и, боюсь, не для князя. Вы-то никогда не смотрели по телевизору, как стартуют космические корабли, и вообще не знаете, что это такое...

— Он улетел вверх, к облакам? А он не потревожит Аллаха? — Осторожно поинтересовался Мухаммед.

— Не знаю. — Честно сказал я. — Надеюсь, что нет... Впрочем, если даже и потревожит — так им обоим и надо!

Я вернулся на свое место и задумался. "Надо бы все-таки разобраться с Олимпийцами.

Чтобы больше не было никаких недоразумений. Не хочу я с ними воевать — а значит, не буду! А уж с Одином тем более... Нечего идти на поводу у дурацких предсказаний! — Решил я. — Сегодня же к ним и отправлюсь — чего тянуть?! Да и времени у нас почти не осталось. Не знаю уж, когда наступит этот чертов зимний солнцеворот, но подозреваю, что очень скоро..."

— О чем ты молчишь? — Робко спросила Доротея. — О чем-то важном, или о пустяках?

— Сначала тебе придется закурить! — Фыркнула Доротея. — Некурящие очень медленно обучаются творить чудеса... да и "быстро падать" вашему брату трудновато!

Анатоль попытался изобразить возмущение на своей физиономии, но махнул рукой и снова рассмеялся. Мы стояли на берегу замерзающего Средиземного моря и ржали как школьники, впервые попробовавшие марихуану, а северный ветер делал свое дело: начиналась зима — но даже про себя я не называл ее "последней зимой человечества" — и не только потому, что терпеть не могу пафосных формулировок, просто уже тогда я совершенно точно знал, что на смену этой зиме может прийти новая весна — стоит только захотеть...

Наш путь через ледяную пустыню, в которую превратилось одно из самых теплых морей, был долгим, но мои воспоминания о нем вполне могут уместиться в нескольких строчках: дни сменялись ночами, а мы шли вперед сквозь сияющее ослепительной белизной пространство, не оглядываясь и не останавливаясь.

Оглядываться было некуда, останавливаться — незачем: никто из нас не нуждался ни в отдыхе, ни в еде, ни в тепле. Ничего удивительного: армия мертвецов — самая подходящая команда для штурма Северного Полюса, который, впрочем, нам пока был без надобности...

— Теперь зима вполне может закончиться. — Сказал я, когда натруженные ноги моего дромадера ступили на усыпанный снегом песок. Звуки собственного голоса вывели меня из дремотного оцепенения, в котором не оставалось места ни для того Макса, которым я был когда-то, ни для того странного существа, которым я стал. Я оглянулся назад с искренним интересом человека, проснувшегося в незнакомой обстановке. То, что я увидел, не потрясло меня до глубины души — но только потому, что я давно утратил счастливую способность испытывать потрясение. Вообще-то, зрелище, представшее перед моими глазами вполне заслуживало того, чтобы распахнуть рот, аккуратно уложить на грудь нижнюю челюсть, и пребывать в таком состоянии несколько часов кряду... Однородной пешей толпы, которая долго и нудно топала за мной по пустыне, больше не было. Мои ребята совершенно самостоятельно обзавелись самыми разными транспортными средствами, облегчающими передвижение по льду — это только я, как последний идиот по-прежнему восседал на верблюде! Здесь были снегоходы и северные олени, автомобили с обмотанным цепями колесами и собачьи упряжки.

Некоторые просто встали на лыжи, или надели коньки. Кошмарная эклектика, но я был в восторге!

— Молодцы, ребята. — Нежно сказал я. — Можете ведь, если захотите!

Подняв голову, я обнаружил, что у нас по-прежнему есть авиация — более того, к нашему заслуженному авиаполку, отличившемуся в бою с Олимпийцами, присоединились и другие любители: среди одинаковых реактивных мессершмидтов я увидел и музейные экспонаты начала века, и парочку дельтапланов, и один здоровенный пассажирский Боинг-747 с эмблемой компании Delta, и совсем уж странные экспериментальные конструкции, футуристические очертания которых могли бы украсить любой авиасалон.

Сейчас все они неподвижно зависли в воздухе — вообще-то, это совершенно невозможно: так могут вести себя только вертолеты, которых было не слишком много в моем безумном военно-воздушном флоте — однако факт оставался фактом,

все эти летательные аппараты замерли, словно кто-то нажал соответствующую кнопку и на время остановил изображение на киноэкране. Я сразу понял, в чем дело: никто из моих людей не мог опередить меня ни на шаг, они были вынуждены следовать по моим следам, и отменить этот закон природы было так же невозможно, как совсем недавно было невозможно отменить закон всемирного тяготения... Мне тут же пришло в голову, что когда-нибудь им непременно придется научиться и этому — перспектива явиться к месту Последней Битвы в хвосте собственной армии казалась мне более чем соблазнительной! "А почему, собственно говоря, "когда-нибудь"?! — Тут же подумал я. — Вот прямо сейчас пусть и попробуют!" Через несколько секунд один из самолетов — трехэтажная фанерная "этажерка", выкрашенная в вызывающе яркий красный цвет, с пафосными черными крестами на крыльях медленно полетел вперед. Я вспомнил, что видел это трогательное сооружение в одном из каталогов и понимающе рассмеялся, поскольку в свое время где-то вычитал, что знаменитый фон Рихтгоффен имел милую привычку возить в кабине своего "фокера" коробку с сигарами и ящик с шампанским — я ни на секунду не сомневался, что этот ценный груз и сейчас имеется на его борту.

— Молодец, Красный барон! Так и надо! — Весело сказал я, задрав голову к небу и с удовольствием отмечая, что некоторые авиаторы уже последовали его примеру.

Снег под моими ногами тем временем стремительно таял. Зима, которая, по идее, должна была стать эффектной декорацией к "закату человечества", благополучно заканчивалась. Я спешился и опустился на влажный песок.

Откуда-то тут же появился Мухаммед и уселся рядом. У него было счастливое лицо, беззаботное, мечтательное и немного усталое, как у школьника в первый день летних каникул. Вот уж никогда бы не подумал, что лицевые мускулы сурового пророка способны так радикально расслабиться! Подтянулись и остальные, моя великолепная четверка "всадников Апокалипсиса" в полном составе бухнулась на песок рядом со мной. Я заметил, что Анатолий обнял за плечи Доротею — так непринужденно, словно вот уже много лет только этим и занимался, да и она, судя по всему, приняла его нежный жест как должное.

"Так и надо, — подумал я, — не знаю уж, почему, но так и надо!..." Князь Влад, судя по всему, окончательно впал в детство: я заметил, что он достал из-под плаща крошечного дракончика — сувенир на память о моем приятеле Локи — и осторожно погладил его по голове. Рептилия воспользовалась случаем и цапнула за палец своего благодетеля, Дракула поспешно сунул травмированную конечность в рот — в точности, как пятилетний мальчишка!

Мои невольные волонтеры, тем временем, бросали на берегу свои транспортные средства и неторопливо шли дальше. Как я и хотел, они спокойно проходили мимо меня — некоторые отвешивали мне вежливый поклон, некоторые — о, небо! — просто проходили мимо, спокойные и глубоко равнодушные к моей персоне. Оно и правильно: ребята явились ко мне не откуда-нибудь, а прямехонько из своих могил, а мертвым не должно быть никакого дела до того, кто ведет их к неведомой (и на фиг им самим не нужной) цели!...

— Теперь мы будем следовать позади всех. — Ответил я на немой вопрос в глазах Доротеи. — Так надо.

Она молча кивнула. Мы остались сидеть на песке, а мимо нас проходили люди.

Только теперь я понял, что в моем войске было далеко не все человечество: насколько я мог судить по их лицам и одежде, подавляющее большинство составляли наши современники — среди них были представители всех рас и социальных слоев — и обитатели средневековья — в основном, европейцы, арабы и иудеи. Встречались, конечно, и совсем экзотические ребята: то какой-нибудь обремененный грузом драгоценностей и парадным костюмом восточный правитель, то обнаженный эллин — но погоды они не делали.

— Хотел бы я знать, где все остальные? — Кажется, Анатолий сделал те же выводы, что и я. — Где индийцы? Где, черт побери, китайцы? Их же должно быть не знаю уж сколько миллиардов! Где самураи, викинги и африканские вожди?

— Викинги, скорее всего в Вальгалле. — Улыбнулся я. — Что касается остальных — получается, что они тоже в каких-нибудь своих "вальгаллах"... играют там в карты с Анной, Лиз и Кейт!

— Что?! — Опешил Анатолий.

— Не обращай внимание, дружище. — Вдохнул я. — Эта шутка предназначалась не тебе, а Локи. А поскольку его тут нет, будем считать, что я просто бормочу себе под нос всякую чушь — с кем не бывает...

— Они не "мертвые духом". — Сумрачно сказала Доротея. Эти ваши китайцы, индийцы и африканские вожди. Они лучше нас.

— Не лучше, а просто другие. Другие люди. с другой судьбой. — Неожиданно сказал князь Влад. Мы все подскочили как ужаленные и изумленно уставились на него.

— Мне надоело быть самым безумным... и самым глупым из вас. — Спокойно сказал Дракула. — Мне с самого начала хотелось участвовать в ваших мудрых беседах на равных, но ваши речи казались мне смутными, да и все остальное было как в тумане. Я очень хотел стать таким же как вы... или даже умнее вас. Кажется, у меня получилось... но теперь ваши разговоры больше не кажутся мне такими уж мудрыми, да и я сам не излечился, просто сменил одно безумие на другое. Никогда еще я не чувствовал себя столь растерянным, господа!

— О, если уж ты чувствуешь себя растерянным, значит ты действительно стал мудрецом, князь. Уверенность — привилегия дураков. Им можно позавидовать. — Вдохнул Мухаммед.

— Сожаления — тоже привилегия дураков. Только по этой причине я не сожалею о том, что стал таким же, как вы. — Спокойно кивнул Влад.

"А почему бы и нет? — Подумал я. — Дороти захотела получить утренние газеты — и получила. Другие захотели пересечь замерзшее море на снегоходах, или пролететь над ним на "Боинге" — и пожалуйста! А князь захотел стать "таким же умным", как мы — и получил, чего хотел, почему бы и нет?!"

— Если верить одной дурацкой, не помню уж, из какого текста выдернутой цитате, то мы в аду, ребята. — Неожиданно рассмеялся Анатолий. — Какой-то умник однажды ляпнул, что ад — это исполнения самых заветных желаний. Но если так оно и есть... По-моему, все не так уж страшно!

— Не так уж страшно, да. — Согласился Дракула. — Но и не сахар...

Потом мы дружно умолкли и принялись ждать, когда вся наша армия пройдет мимо. Это продолжалось почти целую вечность, но мы не так уж и торопились, если честно...

— И все-таки, куда мы пойдем?

— Куда — не знаю, но мы уже там! — Рассмеялся я. — Как всегда, достаточно было захотеть!

Здесь темно, а ведь только что был полдень... Посмотри под ноги: нет больше никакого загородного шоссе, только узкая каменистая тропинка во мху.

Кажется, я никогда раньше здесь не был, хотя все может быть: иногда темнота изменяет очертания знакомых мест...

— Шишка. — Констатировала Афина, подняв с земли какую-то штуковину.

Отбросила ее в сторону, подняла еще что-то и самым серьезным тоном сообщила:

— Еще одна шишка.

Мы в лесу, да?

— Наверное. В лесу, или в очень большом парке. Думаю, что скорее второе: здесь чувствуется рука человека. Тропинки слишком ровные... ага, я угадал!

Видишь, там, среди деревьев фонари, просто сейчас они не горят... Но все равно здесь здорово.

Чувствуешь, как пахнет воздух?

— Да, — рассеянно согласилась она, — хвоей, сыростью и еще чем-то...

— Дымом. — Проникновенно сообщил я. — Можно подумать, что местный зритель дезертировал из моей армии, вернулся на работу и принялся жечь прошлогодние листья... Если так, то я на него не в обиде!

— Макс, а зачем?... — Неуверенно начала Афина и умолкла на полуслове.

— Зачем мы сюда пришли? — Закончил я. — Ты и сама отлично это знаешь, правда? Ты давно меня раскусила, разве не так? Ты ведь знала, что делаешь, когда присылала ко мне Гекату, принявшую твой облик — счастье, что мой Джинн ее вычислил! Ладно, дело прошлое... Одним словом, я очень хочу, чтобы ты проиграла этот ваш с Одином дурацкий спор насчет поцелуев — вот, собственно и все. Если эта идея вызывает у тебя отвращение, скажи сразу. Мы можем тут же вернуться обратно и пообедать, или сходить по нужде — на выбор, впрочем, можно напоследок оттянуться по полной программе, позволить себе и то, и другое... Правда здорово?

— Почему ты говоришь так сердито? — Тихо спросила она.

— Потому что я нервничаю. — Честно признался я. — Я ужасно боюсь, что ты пошлешь меня подальше, прямо сейчас — и все!

— Прямо сейчас не пошло. — Спокойно сказала Афина. — Может быть, позже...

Сначала я хочу спросить...

— Уже легче! — Улыбнулся я. — Спрашивай.

— Почему ты затеял этот разговор? — Ее голос звучал печально и смущенно.

— Все и так было неплохо...

— Плохо. — Я помотал головой. — Ты и сама знаешь, что плохо! Может быть, ты никогда не признаешься себе, что тебе и самой позарез требовалось услышать от меня что-то в таком роде — неважно! Я видел твои глаза сегодня, и мне больше не требуется никаких доказательств. Не знаю, как ты, а я не хочу угрожать последние мгновения своей жизни на мучительные сожаления — просто не могу позволить себе такую роскошь! Я и так слишком долго тактично отмалчивался — из уважения

— Без их помощи я буду неделями добираться даже до ближайшей амбы! А уж догнать Макса и вовсе не успею, даже если эта ваша хваленая битва случится на год позже! Или ты думаешь, кто-то из моих родичей сумеет мне помочь?

— Вот оно что... Ладно, я дам тебе четверых валькирий и прикажу им помогать тебе во всем. — Согласился я. — Не думал, что ты решишься...

— Значит, ты меня плохо знаешь, Вотан! — На мгновение я увидел перед собой прежнюю Афину, прекрасную, заносчивую и опасную, как орава берсеркеров. — Неужели ты думал, что я стану сидеть дома и ждать, чем все закончится — "раскладывая пасьянсы", как изволил выразиться наш непомерно великодушный гость?! Неужели ты думал, что я, как эта дура Геката, попрошу своих родичей закопать меня в землю и часами плясать вокруг меня, прихлопывая в ладоши — в надежде, что это вернет мне утраченную силу? Я — Бог войны, Один, как и ты, а это значит, что я буду сражаться, даже когда смерть станет единственным противником, которого видят мои глаза... Ты ругал меня — перед тем, как заявился наш гость — и ты был совершенно прав: можно утратить могущество, можно утратить бессмертие и разум — так тоже бывает, но это еще не конец... Я слишком рано сдалась, и мои родичи тоже, но у нас есть шанс изменить свою жалкую участь, и мы будем последними дураками, если им не воспользуемся! Я собираюсь повидаться с ними, а потом догоню Макса — и будь что будет!

— Что ж, я рад такой перемене. — Кивнул я. — Делай, что задумала.

Надеюсь, мы еще увидимся.

— Увидимся. — Твердо сказала она.

— Знаете, ребятки, Один сказал мне, что с нами собираются сражаться некие "воины Христа". — Весело сообщил я своим "генералам". — Хорошо бы с ними познакомиться...

Лично я погибаю от любопытства: кто они такие, откуда взялись, почему не в моем войске? Продвинутое, видать, ребята, если их с нами нет!

— Если их с нами нет, значит, они неверные! — Пожал плечами Мухаммед. Ему можно было позавидовать: мир в его представлении по-прежнему оставался не слишком уютной, но очень простой и понятной штуковиной!

— Или святые. — Тихо добавил Дракула. С тех пор, как сбылось его заветное желание "быть таким же умным, как мы", этот парень стал нашим штатным гением: истине вдруг понравилось говорить исключительно его устами — наверное, она просто обожает разнообразие!

— Конечно, святые — и как я сам не подумал?! Молодец, князь! — Обрадовался я. — Теперь только осталось понять, где они засели...

— А зачем тебе это понимать? — Удивилась Доротея. — Просто пожелай, чтобы они нанесли нам визит... так мило с твоей стороны постоянно забывать о собственном могуществе!

— Умница! — Прочувствованно сказал я. — Это хорошая идея. Пусть пошевелят своими вдохновенными задницами — заодно и нимбы проветрят!

— Они не могут быть святыми. — Упрямо сказал Мухаммед.

— Могут, могут, уж ты мне поверь! — Вдохнул я. — Впрочем, это ничего не меняет...

Я приосанился, задрал голову к небу и во всеуслышание заявил:

— Господа святые, просьба явиться в мой кабинет на закате. Форма одежды парадная.

— У тебя же нет кабинета! — Спокойно возразило небо — по крайней мере, голос звучал именно сверху.

— Вот это да! — Расхохотался я. Судя по всему, эти самые "господа святые"

— те еще штучки!

— Так куда явиться-то? — Невозмутимо спросило небо. — Нам и самим любопытно...

— Держите курс на моего дромадера, не ошибетесь! — Фыркнул я. — Я здесь один такой дурак на верблюде. Нормальные люди все больше на роликах катаются... — Это было чистой правдой: в последнее время в моем войске началось повальное увлечение роликовыми коньками — благо наш путь теперь проходил по удобным асфальтовым шоссе старушки Европы.

— Ладно, договорились, на закате мы придем. — Пообещало небо. Потом оно умолкло, хотя я был не прочь еще потрепаться...

— Предлагаю считать сей поучительный диалог выдающимся успехом нашей дипломатии. — Весело сказал я своим притихшим "генералам". — Ну, чего вы приуныли?

Сегодня мы ждем в гости святых — такое светское мероприятие! Надо было воспользоваться случаем, когда Один с Афиной выпытывали, что мне от них нужно, честно сказать, что я жажду всяческих материальных благ, и наложить лапу на запасы нектара и амброзии — а то чем теперь гостей потчевать?!

— В последнее время ты стал такой веселый, что страшно делается... — Тихо сказала Доротея.

— Страшно будет, когда я стану печальным занудой. — Улыбнулся я. — Ты еще не знаешь, как это выглядит, дорогая! Во-первых, в такие моменты у меня делается несчастное лицо, так что меня все жалеют — даже мой шеф не выдерживал и бежал покупать мне пирожные... а во-вторых, со мной становится смертельно скучно. Представляете?

— Нет. — Хором ответили они. Кажется, я вполне мог считать, что моя жизнь уже удалась: такие комплименты дорогого стоят!

Остаток дня ушел у меня на то, чтобы выслушать многочисленные советы и рекомендации по обращению со "святыми": у каждого из моих ребят были свои представления о правилах техники безопасности, и они трогательно пытались наставить меня на путь истинный. Кажется, я их здорово распустил: вообще-то считается, что не положено приставать к боссу накануне важного совещания!

Мухаммед никак не мог решить: следует ли нам сразу же порубить "этих неверных" ятаганами, или все-таки сначала попробовать их вразумить. Князь Влад многозначительно посоветовал мне быть осторожным: "С этими святыми никогда не знаешь, как может обернуться..." — Задумчиво прибавил он.

Анатолий предлагал раздобыть компакт-диск с органами мессами, чтобы произвести на святых хорошее впечатление. Я ехидно поинтересовался, не следует ли нам переодеть свою армию в белые туники с крылышками — чтобы максимально усилить положительный эффект от первого знакомства. К моему величайшему изумлению, он не стал смеяться, а задумчиво пробормотал, что, дескать, "звучит неплохо"... Доротея от советов воздержалась. Она нервно покусывала губы и

то есть настоящее солнце. Я есть, пока кто-то играет с зеркальцем в темном углу... и наверное я исчезну, когда комната озарится настоящим солнечным светом.

Я почувствовал, что кладезь моей мудрости, и без того не слишком глубокий, окончательно иссяк, развернулся и поехал вперед. Моя армия последовала за мной, и я чувствовал, что каким-то непостижимым образом все-таки умудрился поднять их настроение — странно, я ведь, кажется, так и не сказал им ничего особенно обнадеживающего...

— Ты говорил правду? — Афина уже довольно долго ехала рядом со мной, и наконец решила нарушить молчание.

— Я? Да, наверное... Впрочем, я и сам не знаю. Спроси лучше у Гермеса: у твоего брата, как у всякого профессионального шулера нюх на чужое вранье...

— Ладно, неважно! — Нетерпеливо отмахнулась она. — Скажи: ты что, действительно можешь исчезнуть, как солнечный зайчик?

— Только когда темная комната наполнится настоящим солнечным светом. — Улыбнулся я. — Кто станет тосковать по дурацкому блику, увидев настоящее солнце?

— У каждого свои предпочтения. — Сухо сказала она. — Зачем мне какое-то солнце? Ты меня вполне устраиваешь, от добра добра не ищут!

Я изумленно посмотрел на нее, но Афина уже свернула в сторону и сейчас с преувеличенным интересом расспрашивала о чем-то Одина. Я не стал прислушиваться: мне было не до того.

"У тебя больше нет времени, чтобы мечтать о том, что когда-нибудь она сама бросится тебе на шею! — Сурово сказал я самому себе. — Ты и так слишком долго топтался на месте, как провинциальный интеллигент под дверью пустого туалета — дескать, а вдруг там все-таки кто-то сидит, и я его потревожу..." Незадолго до полудня мы снова позволили себе остановиться — почему бы и нет?

Можно было не сомневаться, что судьба сама найдет нас, даже если мы опоздаем к месту встречи, которое не было отмечено ни на одной из карт — а значит, любое место вполне подходило для предстоящего нам увеселительного мероприятия... Я спешил и посоветовал Синдбаду попробовать пожевать астры, в изобилии растущие за невысоким забором загородного дома, напротив которого мы оказались: они показались мне довольно аппетитным завтраком для моего дромадера.

— Идем, прогуляемся, Паллада. — Решительно сказал я Афине.

— Сейчас, — растерянно отозвалась она, — но вообще-то я собиралась пообедать...

— К чертям собачьим твой обед! — Улыбнулся я. И сочувственно добавил:

— Не пытайся затормозить, ладно? А то, не дай бог, получится...

— "Затормозить"? — Смущенно переспросила она. — Я не понимаю, что ты имеешь в виду, но... ладно, не буду! А куда ты собираешься прогуляться?

— Куда-нибудь на край света. — Усмехнулся я. — Ты не против?

— У этого мира нет никаких "краев", к сожалению. — Вздохнула она. — Он шарообразный — ты знаешь?

— Знаю, мне уже кто-то об этом говорил... Зато безлюдных мест видимо-невидимо, особенно в последнее время. — Я пожал плечами. — Главное, чтобы на нас никто не пялился, правда?

— Ну, если ты так говоришь, значит правда. — Растерянно согласилась Афина.

шутит?! — взлететь, вместо того, чтобы катиться под откос... а может быть даже обнаружить, что никакой пропасти нет, и никогда не было! Не забывай об этом... и постарайся что-нибудь придумать, черт бы тебя побрал!"

На рассвете я увидел, что моя поездка закончилась: впереди меня простиралось совершенно пустое шоссе, залитое не правдоподобно розовым утренним светом. Я обернулся и увидел своих спутников. Мои "генералы", хмурый, как туча Один, весело перешептывающиеся Олимпийцы — я и не заметил, как они последовали за мной, но все к лучшему: они были рядом, и я понял, что ужасно этому рад. Мне предстояло что-то сказать своему войску, немедленно найти для них какие-то ободряющие слова — не успокоительную чепуху, которую обычно говорят обреченным на смерть, а что-то иное, я и сам не знал, что именно... Теперь я мог говорить не с каким-то абстрактным "человечеством", а со своими друзьями — какой-никакой, а все-таки выход!

— Нам всем было несладко этой ночью. — Тихо сказал я. Впрочем, я не сомневался, что мой голос слышен каждому, кто хочет его услышать. — Я знаю, что вы ощутили, когда увидели восход почти полной луны — возможно, самый последний на нашем веку — потому что и мое сердце сжалось от тоски и тревоги... Мы дураки, ребята: нам следовало обрадоваться. Наше долгое путешествие подошло к концу, и это самая лучшая новость, на какую мы могли рассчитывать! Все становится на свои места. Мы наконец-то знаем, что у нас совсем нет времени — но его у нас не было никогда, с самого начала. Время, которое у нас якобы есть — самое лукавое из наваждений, и хорошо, что оно рассеялось, мы и так слишком долго позволяли ему нас дурачить... Все, что у нас есть — это одно-единственное мгновение, и уж оно-то по-прежнему в наших руках! Это мгновение может стать минутой слабости, или часом силы — все зависит только от нас.

Собственно говоря, нам нечего бояться: все будет так, как мы захотим. За последнее время вы научились множеству чудес, которые начинаются с этой нахальной магической фразы: "все будет, как я пожелаю!" — и я бесконечно рад, что так случилось.

Теперь нам придется научиться самому невероятному чуду: сделать морду тупой, нагло посмотреть в глаза судьбе и с максимальной убедительностью повторить эту универсальную формулу... У нас должно получиться, поскольку это единственный выход — и для вас, и для меня!

— И для тебя? Но разве ты — один из нас? — Я так и не понял, кто задал этот вопрос, скорее всего, никто не произносил его вслух, просто мои ребята уже давно ждали случая выяснить, что за дядя ими командует, и все их невысказанные вопросы наконец-то меня настигли.

— Наверное, я все-таки — не один из вас. — Честно признался я. — Но это не имеет никакого значения, ребята... вернее, я сам не имею никакого значения! Я бы мог сострять отрешенное лицо и с пафосом провозгласить вам какие-нибудь ошеломительные соображения касательно собственной персоны. Но у меня нет времени корчить рожи и строить гипотезы на свой счет, поэтому обойдемся без великих откровений, ладно?

Давайте договоримся, что я — маленькое чепуховое чудо, которое с вами почему-то случилось, солнечный зайчик в темной комнате, пятнышко света, суматошное мелькание которого вызывает улыбку и свидетельствует о том, что где-

вообще выглядела порядком ошарашенной: кажется, мои переговоры с небом произвели на нее неизгладимое впечатление — а ведь нам всем давным-давно следовало привыкнуть еще и не к таким чудесам!

Они пришли на закате, как и обещали. Их было всего трое — все, как один мужчины средних лет, бородатые, загорелые и мускулистые. Нервы у моих "генералов" оказались ни к черту: они как-то незаметно рассосались, разбрелись кто куда, так что мне пришлось встречать наших дорогих гостей в гордом одиночестве.

— Маловато вас что-то! — Удивленно сказал я. — Я-то думал...

— А если бы мы пригласили тебя прийти к нам, ты бы потащил за собой всю свою армию? — Усмехнулся один из них.

— Вряд ли. — Согласился я.

— Ну вот и мы решили, что всем идти не обязательно. — Кивнул он и вдруг протянул мне руку — я, признаться, никак не ожидал, что он захочет поздороваться со мной столь традиционным способом. Рукопожатие оказалось жестким и энергичным, а ладонь — сухой и горячей.

— Я — Иоанн. Тот самый, у которого были видения, в свое время напугавшие чуть ли не все человечество. — Будничным тоном сообщил он. — И я рад, что ты совсем не похож на Антихриста... впрочем, Иисус с самого начала говорил, что я позволил своему больному воображению вмешаться в интерпретацию видений...

— А он... он тоже с вами? — Осторожно спросил я.

— Ага, как же! — Делать ему больше нечего! — Мои гости дружно рассмеялись, словно я нечаянно выдал на-гора их любимую, старую, но все еще актуальную шутку.

— Он обещал, что непременно навестит нас на следующий день после битвы, в костюме Санта-Клауса и с мешком подарков, чтобы как следует отпраздновать очередное Рождество. — Отсмеявшись, сказал Иоанн. — Видишь ли, Иисус не верит в конец мира. И теперь я начинаю понимать, что он и тут оказался прав.

— Отпраздновать Рождество? А, ну да, конечно, день рождения — это святое!

— Усмехнулся я. — Располагайтесь поудобнее, ребята. И извините, что мое приглашение было облечено в столь бесцеремонную форму. В последнее время я здорово обнаглел — сам не заметил, как это произошло...

— Он еще и извиняется! — Изумленно сказал один из моих гостей. Он тоже протянул мне руку и уселся рядом. — Только не падай, — добродушно сказал он, — я — тот самый Иуда, которому полагается сидеть в одной из пастей Люцифера.

— А, так вы тоже читали Данте... — Рассеянно отметил я. — Да нет, с какой стати мне падать! Я, знаете ли, был таким начитанным мальчиком, а у наших господ литераторов нашлось столько разнообразных версий на ваш счет... Вы в курсе?

— Ну да, а как же! — Энергично кивнул он. — Странная слава мне досталась!

Самый яркий персонаж, апостол и предатель в одном флаконе... Ребята вдоволь надо мной потешились: они таскали мне книги, как друзья носят утренние газеты какому-нибудь актеру, "проснувшемуся знаменитым"...

— А как было на самом деле? — С любопытством спросил я. — Нет, я помню, что у нас есть более актуальные проблемы, которые требуется обсудить, но мне так интересно...

— Верю. — Невозмутимо кивнул Иуда. — Это всем интересно. А ведь на самом деле... — Он закашлялся, махнул рукой и рассмеялся. Его спутники взирали на нас

с нескрываемым ехидством. "Ну вот, началось "великое откровение"!" — Было написано на их лицах.

— Это была обыкновенная тренировка, одна из многих. — Наконец сообщил Иуда. — Я тут на досуге просматривал всякие книжки и случайно выяснил, что такого рода практика теперь называется "сталкинг". Как ни назови, а сильная штука! Очень быстро уничтожает личность — всего за несколько десятилетий...

— "Сталкинг"? — Тупо переспросил я. — Ну-ну...

— Предательство как раз мне легко удалось. — Доверительно сообщил Иуда. — Обыкновенный любительский спектакль, заодно и денег заработали... А вот когда Иисус заставлял меня неделями ходить в женском платье, да еще и вести себя, как настоящая женщина... Вот это было по-настоящему трудно! Помимо всего прочего, мне приходилось бриться три раза в день, да еще и так, чтобы этого никто не видел — представляешь?!

— "Любительский спектакль", говоришь? — Растерянно протянул я. — Но ведь твоего шефа довольно убедительно распяли в финале...

— Да нет, не его! — Наперебой сообщили мои гости. — Распяли совсем другого парня, в этом-то и была настоящая шутка! Был такой беспокойный юноша, тоже шлялся по Иерусалиму, что-то проповедовал... Правда его больше интересовала так называемая "социальная несправедливость"!

— Слушай, а как вышло, что ты ничего не знаешь? — Отсмеявшись спросил Иоанн. — Ты ведь — не обыкновенный обыватель, если уж оказался во главе этой кошмарной армии...

— Представьте себе, меня допустили к этой работе без экзамена по истории религии! — Буркнул я. — У меня даже таблицу умножения не спрашивали... Так вы говорите, вместо Иисуса распяли совсем другого парня? Действительно неплохая шутка... для всех, кроме пострадавшего. Ничего себе повеселились!

— Да нет, ерунда! — Отмахнулся Иоанн. — Впрочем, тогда мы тоже были шокированы, почище, чем ты сейчас! Иисус ужасно рассердился и чуть было не разогнал нашу компанию: кричал, что мы — тупые сентиментальные идиоты, и все такое... впрочем, потом он благополучно оживил этого беднягу: у него в то время как раз был такой пункт — оживлять все, что перестало шевелиться... Кстати, эта встряска оказала потрясающее воздействие на нашу случайную жертву: негативный опыт обычно приносит куда больше пользы, чем позитивный! Этот человек потом недолго оставался с нами: он первым обрел настоящую свободу, о которой мы сами до сих пор только смутно догадываемся...

Они неожиданно посерьезнели и испытующе уставились на меня: видно, пытались раз и навсегда уяснить, что я за зверь, и под каким майонезом меня следует подавать к столу...

— Ты — очень могущественное существо, это сразу видно, но ты — не воин духа! — Неожиданно строго сказал Иуда. — Я вижу, что ты — не обещанный Иоанном Зверь: его сердцевина должна быть крепка, как скала, а твоя — нежна, как ладони младенца. Ты бы должен плестись в хвосте своего войска, среди самых бесполезных людишек, а ты управляешь ходом вещей и диктуешь свои условия силам, которые неподвластны никому... Я никогда не встречал подобных тебе. Кто ты?

— Какая разница, кто я? — Усмехнулся я. — Чем дольше я живу, тем меньше у

дурные предчувствия не стали их новой привычкой. Завтра может быть поздно!

— Твоя правда. — Удивленно согласился я. — Спасибо, Паллада... А что делать-то? У тебя есть идеи?

— Тебе нужно напомнить своей армии, что у нее по-прежнему есть полководец. — Улыбнулась она. — Люди есть люди, Макс. Ты очень хотел сделать их свободными и могущественными — настолько, чтобы они могли обойтись без тебя... и у тебя почти получилось, как это не удивительно! Но сейчас им очень трудно. Неизвестность дышит им в затылок, земля уходит из-под ног... Будь великодушен, напости им, что они не одиноки! Пообещай им защиту и покровительство, а если сам не веришь, что это возможно — наври им с три короба, все лучше, чем ничего...

— Я попробую. — Вздыхнул я. — Защитник из меня тот еще, конечно! Ладно, попробую что-нибудь напости — думаю, они так хотят мне поверить, что поверят любой ерунде, бедняги...

— Ты совсем не знаешь себя, Макс. — Тихо сказала она. — С тех пор, как я здесь, я все время чувствую себя под твоей защитой — никогда прежде мне не доводилось испытывать это чувство, даже стоя за спиной у Зевса, можешь мне поверить!

— Спасибо на добром слове. — Печально улыбнулся я.

— Но это правда. — Упрямо сказала Афина. — Если ты захочешь, все переменится, вот увидишь!

— Сначала надо бы найти того, кто сможет поднять настроение мне самому. — Печально признался я. — Мне ведь тоже тревожно, Паллада. Хочешь узнать секрет? Я не хочу сражаться с чудовищами, не хочу спасти мир от гибели, и уж тем более — умирать...

Если уж на то пошло, я хочу сидеть в своем любимом кресле, пить чай с лимоном и смотреть по телевизору очередную серию новой комедии с Роуэном Аткинсоном — это все!

— Минута слабости может случиться у каждого. — Афина осталась совершенно равнодушна к моим откровениям. — Мало ли, чего тебе вдруг захотелось — это не имеет никакого значения... Твоя сила все еще при тебе, ее нельзя выплеснуть, как суп из тарелки, поэтому будь добр, возглавь свое войско!

— Ладно, — вздохнул я, — если ты думаешь, что так надо...

— Я не думаю, я знаю! — Решительно сказала она.

Остаток ночи я угробил на банальное физическое перемещение из тыла в авангард своей армии. Наверное, можно было просто совершить очередное чудо, или просто одолжить у Одина его крылатого коня, но я предпочел классическую инспекционную поездку — хотя бы потому, что я уже довольно давно не имел случая заглянуть в глаза своим волонтерам. Мои люди не спали, поскольку давно утратили эту привычку — они молча сидели у пылающих костров, и я видел, как их лица, осунувшиеся от внезапного предчувствия беды, начинают светиться улыбками облегчения, когда я проезжал мимо.

"Смотри и запоминай, дорогуша! — Сурово сказал я себе. — Они больше не пытаются бормотать твое имя вместо молитвы на все случаи жизни, они уже слишком хороши, чтобы напаяливать на себя твои изображения, но эти ребята знают, что ты — их единственный шанс удержаться на краю пропасти, или — чем черт не

ледяной холодок ужаса на собственном затылке — черт, а я-то думал, что навсегда расстался со способностью испытывать страх!

Впрочем, я его действительно не испытывал: страх просто стоял за моей спиной, он был где-то рядом, и с его присутствием приходилось считаться...

— Теперь уже скоро, да? — Тихо спросила Доротея.

— Читаем чужие мысли и не краснеем? — Улыбнулся я.

— Нет, просто я тоже посмотрела на небо. Это полнолуние будет последним, да?

— Да. — Коротко ответил я.

— Время — страшная штука. — Жалобно сказала она. — Его нельзя отменить, правда? Даже если очень хочется... Оно идет, и все тут, убаюкивает нас своим ритмичным ходом, и мы начинаем думать, что так будет всегда... но однажды непременно наступает момент, когда выясняется, что его больше не осталось, и все закончилось — именно для меня, а не для кого-то другого, не для безликой статистической единицы, смерть которой не может ни огорчить, ни напугать, на даже насторожить...

— По крайней мере, у нас еще есть целая ночь, и еще день, или даже два — не такая уж она круглая, эта луна! — Мягко сказал я. — В сутках двадцать четыре часа — а сколько это минут, Дороти? Сколько секунд, каждая из которых может стать вечностью?

— Не для нас. — Тихо откликнулась она.

— Что — не для нас?

— Вечность не для нас. — Печально объяснила она. — Мы закончимся, Макс. Я уже почти знаю, как это будет...

— Ничего ты не знаешь! — Сердито сказал я. — И я ничего не знаю, и даже мой работодатель Аллах понятия не имеет... Так что притормози с траурными маршами, ладно?

Все-таки нахально округлившаяся луна и наша грустная беседа выбили меня из колеи, и не только меня. Я загравком чувствовал, как переменялось настроение в моем огромном войске: среди нас поселилась тревога — наверное, что-то в этом роде происходит с домашними животными перед землетрясением: им чертовски хочется убежать, но беззаботные хозяева и не думают открывать клетку... Анатолий совсем перестал улыбаться и куда-то зашвырнул свой плеер — ему вдруг расхотелось слушать музыку. Мухаммед изнуял себя молитвами — какое-никакое, а все-таки лекарство от страха! — а в редкие свободные минуты старался устроиться поблизости от меня: кажется, мое присутствие его здорово успокаивало. Князь Влад вообще не отходил от меня ни на шаг — оставалось радоваться, что мне не хочется в туалет, а то с него бы стало потащиться за мной и туда... Один часами сидел над своими рунами, и на все мои расспросы отвечал только сумрачным взглядом своего единственного глаза. Зато Олимпийцы пребывали в радужном настроении: в последнее время их дела пошли на лад, а все остальное их совершенно не интересовало, по крайней мере, пока. Впрочем, Афина быстро заметила перемены.

— Что происходит, Макс? — Удивленно спросила она. — Твои люди теряют свой дух. Это плохо.

— Плохо. — Флегматично согласился я.

— Надо что-то делать! — Требовательно сказала она. — Прямо сейчас, пока

меня охоты искать ответ на этот вопрос, а уж вам-то и подавно должно быть по фигу... Когда вас уносит смерч, вам уже нет дела, как окрестили этот самый смерч метеорологи из далекой лаборатории: Лаурой, или Карменситой, и какие природные явления стали причиной рождения этого смерча — теплый фронт воздуха встретился с холодным, или какая-то иная херня приключилась...

Смерч просто есть, и пока он несет вас — этого вполне достаточно, все остальное не имеет значения! Профессор, который знает, как называется смерч и почему он возник, не имеет никаких преимуществ перед самым несмысленным дошкольником: у них равные шансы погибнуть, или уцелеть. Со мной то же самое: я — не кто-то, обещанный пророчествами, великий, ужасный и роковой, я вообще не "кто-то", я — то, что происходит, событие, порыв ветра, который может разрушить ваш дом, или просто сорвать с головы старую ненужную шляпу — как получится, так и будет...

Они переглянулись и вдруг заплодировали — словно я только что безупречно исполнил какую-нибудь сложную арию перед собранием истинных меломанов.

— Браво! — Голос Иуды звучал насмешливо и печально. — Ты умеешь говорить, если захочешь... Но что ты собираешься делать, господин "смерч"? Куда ты ведешь свое странное воинство, и чего ты хочешь?

— Да ничего я не хочу. — Честно сказал я. — И я больше никуда не веду свое воинство: вы же видите, я еду за ними — куда приедем, туда и приедем!

Я ничего не делаю, что-то само происходит — с моими мертвыми ребятами, со мной, и с вами, заодно...

— Ты лукавишь. — Покачал головой один из них — тот, что так до сих пор и не представился. — У тебя есть какая-то цель, это заметно.

— Цель? — Удивился я. — Что ж, можно сказать и так... У меня есть великая цель: постараться сделать свою работу как можно хуже. Я никогда не дорожил этим прекрасным миром, а теперь он умирает, и я начинаю понимать, что был круглым дураком. Мир наш вполне хорош — мне нравятся его старые и не слишком удачливые боги, мне даже начали нравиться люди: служба в моей армии пошла им на пользу, и они перестали быть тупыми занудами — давно пора!

Одним словом, я полностью солидарен с вашим шефом: я хочу, чтобы ему было куда прийти в костюме Санта-Клауса на следующий день после предстоящей битвы, и чтобы он нашел, кому дарить свои красные свертки с дурацкими бантиками... Я понятно выражаюсь?

— Ты понятно выражаешься. — Сдержанно улыбнулся он. — А доказательства? С какой стати мы должны тебе верить?

— Не тяни жилы из человека, Петр! — Усмехнулся Иоанн. — Он — не Антихрист, это видно вооруженным глазом.

— Ну, если тебе нравится так думать — на здоровье. — Упрямо сказал Петр.

— Я верю только фактам, а не пустым словам...

— Петр — самый лучший из нас... и самый тупой! — Доверительно сообщил мне Иуда. — Можешь себе представить: шутки шутками, а лет пятьсот после моей знаменитой выходки он требовал, чтобы я выходил из комнаты, если ребята начинали шушукаться о чем-то, что казалось им важным. Говорил, что "как бы там ни было, а предатель — есть предатель". Иисус сначала смеялся, потом злился, а однажды задумчиво сказал: "сколь разнообразен сей мир!" — и как бы закрыл эту

тему...

Петр насупился, его товарищи тактично сдержали ехидные улыбки.

— В конце концов, мне все равно, верит ли мне сэр Петр. — Вздохнул я. — Я вам не враг, ребята. Нападать на вас я не собираюсь. Собственно говоря, я собирался попросить вас, чтобы вы не пытались со мной сражаться: это совершенно бесполезно. Я сейчас слишком сильный — самому противно! Но драться мне не хочется — ни с кем. Невелико удовольствие перешагивать через очередную гору трупов, горделиво думая: "экий я герой!" Лавры Терминатора меня никогда не прельщали, знаете ли...

— Так что, Последняя Битва не состоится? — Весело спросил Иоанн.

— Состоится. — Вздохнул я. — Знаете, кроме меня есть целая куча гадов:

Мировой Змей Ермуганд, например... Он ядом плюется, скотина такая!

— Да? — Заинтересованно переспросил Иоанн. — Не помню ничего такого...

Что ж он мне-то не привиделся?

— Зато он привиделся одной безумной могущественной старухе. — Задумчиво сказал я. — Она тут же нарисовала эту картинку своему приятелю Одину, а он, в свою очередь, нашептал Снорри Стурлусону... Вы никогда не читали "Эдду"?

Смешная литература!

Впрочем, это неважно... Я вот в последнее время думаю: может быть, все дело в том, что Один здорово испугался слова "Рагнарёк"? Знаете, со мной самим так не раз было: прочитаешь какую-нибудь чушь — да хоть дрянной гороскоп на будущую неделю! — проникнешься, впечатлишься, и совершенно самостоятельно устраиваешь себе все неприятности, обещанные дураком астрологом, который при личной встрече производит впечатление человека, не способного предсказать даже когда засвистит его собственный чайник на плите... А Один — очень могущественный парень... и очень впечатлительный, к несчастью! Так что теперь нам предстоит дружно бороться с его страхами... Поможете?

— Как мы можем тебе помочь? — Заинтересованно спросил Иуда.

— Не мне, а себе... впрочем, всем! Ничего особенного: можете покромсать хвост этого самого Мирового Змея, или еще какое-нибудь чудовище замучать — с Гринписом я как-нибудь улажу!

Тут, к моему великому изумлению, расхохотался Петр — до сих пор его лицо сохраняло мрачное и упрямое выражение.

— С Гринписом он, видите ли, уладит! Ой я не могу! — Стонал он. Потом внезапно успокоился и замолчал — кажется, изрядно удивленный собственной выходкой.

— В последнее время мы часто гостим на острове Ирландия... Так часто, что можно сказать, мы там поселились. — Задумчиво сказал Иуда. — Это хорошая земля — одно из немногих мест, где древние чары не мешают, а помогают ищущим... Можешь себе представить: мы очень сдружились с эльфами, которые иногда приходят неведомо откуда, поскольку очень привязаны к умиротворяющим очертаниям тамошних холмов.

Ты знаешь, кто такие эльфы?

— Примерно. — Удивленно кивнул я. — Но при чем тут эльфы?

— Думаю, они с удовольствием помогут тебе разобраться с чудовищами. Эльфы любят сражаться с чужими наваждениями... в отличие от нас. Мы тебе вряд ли

— Кстати, ты еще не проиграла наш спор? — Насмешливо спросил ее Один. — У тебя была куча времени, чтобы его проиграть...

— Нет, не проиграла. — Улыбнулась Афина.

— А что за спор? — Заинтересовался я.

— Да так, ничего особенного. — Ухмыльнулся он.

— Могу и рассказать: это уже не имеет значения, наверное... — Задумчиво протянула она.

— Не вздумай! — Повелительно сказал Один. — Время еще не вышло.

— Не делай из мухи слона, друг мой! — Легкомысленно отмахнулась Афина.

Но мне уже не требовалось продолжение: я вдруг понял, о чем идет речь.

Может быть, мне как-то удалось прочесть их мысли, а может быть, это были фокусы моей интуиции — в конце концов, я родился не таким уж тупым парнем... по крайней мере, иногда у меня случаются периоды просветления! Я почувствовал, что вполне могу покраснеть, повернулся и пошел прочь. Отойдя на несколько шагов, я услышал, как Афина сказала Одину: "Ну вот, он и сам догадался!" — и рассмеялась весело и беззаботно, словно они оба были старшеклассниками, обсуждающими свои амурные дела на большой перемене, а не последними богами мира, замершего над пропастью...

"А действительно, почему я даже не попробовал подкатиться к ней со своими нежными чувствами, прекрасными глазами... и всем остальным, заодно? — Подумал я. — Мог хотя бы попытаться... Дурак ты, голубчик, дураком и умрешь, судя по всему..." Я немного побродил в темноте, еще раз пятьдесят обозвал себя идиотом, после чего довольно быстро понял, что все мои проблемы яйца выеденного не стоят, и вернулся к своим приятелям.

— Не сердись, Макс. Когда мы спорили, мы еще считали тебя своим врагом. — Лучезарно улыбнулась Афина. — У нас головы были забиты всякими стратегическими планами и интригами... Поэтому не сердись, ладно?

— А разве я сержусь? — Удивился я. — Никогда бы не подумал!

Впрочем, я все-таки сердился — на себя самого, разумеется... Потом, когда они улеглись спать, я снова принялся обзывать себя последними словами. К счастью, никто в моем войске не научился читать мои мысли — в противном случае, мне бы не удалось восстановить свой авторитет, и никакие чудеса не помогли бы!

Появление Одина словно подстегнуло время: с этого момента дни стали сменять друг друга так быстро, что я окончательно сбился со счета — если раньше я хотя бы приблизительно представлял себе, что до Последнего дня осталось "около пяти месяцев", или "месяца два с половиной", или "недели три", то теперь я окончательно утратил способность хоть как-то ориентироваться во времени. Я даже не мог понять, началась ли зима: погода теперь зависела исключительно от мимолетных капризов моих спутников.

"Научил на свою голову!" — ворчал я, когда полуденная жара внезапно сменялась обильным снегопадом, на смену которому приходил убаюкивающий осенний дождик, а под ногами начинали шуршать неведомо откуда взявшиеся багровые листья клена. Но однажды, подняв глаза к ночному небу и обнаружив там пугающе круглый бледно-желтый диск луны, я словно очнулся от долгого сна и внезапно понял, что наше последнее полнолуние уже почти наступило.

Теперь счет отпущенного нам времени велся не на дни, а на часы, и я ощутил

детским.

— Хочешь мороженого, милая? — Эта дурацкая фраза оказалась первым, что пришло мне в голову.

— Хочу. — Кивнула она. И обернулась к Гермесу, который ехал рядом с нами:

— Ты знаешь, что на луне есть заяц?

Он выразительно покрутил пальцем у виска, но Афина уже успела отвернуться, так что дело обошлось без очередной пикировки: я успел заметить, что эти двое просто обожали оттачивать друг на друге свое остроумие.

— Макс, ты был совершенно прав: в этом мире действительно много удивительных вещей, на которые я никогда не обращала внимания. Взять хотя бы твоё мороженое! — Доверительно шепнула она. Я был готов зашмыгать носом от умиления: вот тебе и грозная Минерва, кто бы мог подумать...

Ночью мне пришлось снова объявить привал: в отличие от моих людей, Олимпийцы действительно нуждались в отдыхе. Впрочем, я был уверен, что нам некуда торопиться: если мы опоздаем к месту свидания с судьбой, она не поленится выйти нам навстречу!

Один присоединился к нам недели через две. Он приехал один, верхом на своем верном Слейпнире и был мрачен, как туча.

— Твои родичи оказались слишком упрямы? — Сочувственно спросил я.

— Как старые ослы! — Неохотно кивнул он.

— И ты... ты осуществил свое намерение отправить их в Хель, не дожидаясь Дня Судьбы? — Осторожно спросил я.

— Нет. — Неохотно буркнул он. И тут же добавил:

— Пока. Пусть еще подумают... Не суйся в мои дела, ладно? Пусть они остаются только моими.

— Ладно, вопрос закрыт. — Согласился я. — В конце концов, это не имеет никакого значения — как они себя поведут. Все уже и так идет кувырком...

— Да, я тоже так подумал. — Хмуро сказал Один. — Поэтому и оставил все как есть.

— Макс, посмотри! Раньше они меня боялись... — Ко мне подошла Афина, на ее раскрытой ладони сидело крошечное крылатое существо изумрудно-зеленого цвета. — Как оно называется?

— Понятия не имею, — улыбнулся я, — просто такая ночная тварюшка...

— Я рада тебя видеть, Игг. — Она наконец соизволила обратить внимание на Одина. — Ты пришел один, или?...

— Один. А ты?

— Мы все здесь. — Сказала она. — Знаешь, это оказалось очень полезно: плестись хвостом за Максом и его армией. Ко мне возвращается моя сила — постепенно, капля по капле, но это лучше, чем ничего... И не только ко мне:

Зевс вчера метнул молнию и поджег хворост, собранный для костра — впервые за столько дней ему снова удалось хоть что-то воспламенить!

— Рад за него. — Насмешливо сказал Один. — Что ж, значит твои родичи оказались смекалистее, чем мои дурни!

— Да не то, чтобы смекалистее, просто нам было нечего терять. — Она пожала плечами. — Все к лучшему: хороши бы мы были, если бы до сих пор сидели на своих амбах!

сможем помочь — хотя бы потому, что мы не слишком-то верим в существование этих чудовищ, порожденных сном совсем чужого разума... Нам, знаешь ли, хватает своих собственных.

— Он умолк и мечтательно уставился на звездное небо.

— Ты примешь помощь эльфов? — Заинтересованно спросил Иоанн.

— Я приму чью угодно помощь. — Улыбнулся я. — А не будет помощи — и не надо! Самое главное — не нужно мне мешать, ладно? Мне ужасно не хочется вести свой "отсчет утопленников". Чем сильнее я становлюсь, тем меньше мне нравится применять свою силу на практике... Все вокруг такое хрупкое, а я со своим глупым могуществом — как слон в посудной лавке...

— Ладно, тогда мы придем к тебе эльфов. — Кивнул Иоанн. — И мы не будем тебе мешать. Мы будем просто ждать, чем все закончится. Для нас это тяжкое испытание: не вмешиваться. До сих пор у нас это довольно плохо получалось.

Но мы попробуем.

— Спасибо. — Кивнул я. — За обещание... и за твою поучительную историю, Иуда! Я всегда подозревал, что в евангельской версии что-то напутали, но что НАСТОЛЬКО напутали — мне и в голову не приходило!

— Никому не приходило — в этом-то и вся прелесть! — Рассмеялся он.

Перед тем, как уйти, они снова обменялись со мной рукопожатиями, а потом неторопливо зашагали в темноту — никаких тебе внезапных исчезновений с громом и молниями, одним словом — никаких очевидных чудес! "Может быть, это признак настоящего могущества?" — Подумал я.

— Ну что? — Передо мной тут же замаячила физиономия умирающего от любопытства Анатоля.

— Все в порядке. — Улыбнулся я. — Ребята не будут с нами драться. Более того, они обещали прислать подмогу. У них там эльфы от скуки одурели, если я все правильно понял...

— Эльфы?! — Ошеломленно переспросил Анатолий. — Ну и дела! Знаешь, я как-то иначе себе представлял круг общения христианских святых...

— И не только это. — Ухмыльнулся я. — Хочешь узнать истинную историю предательства Иуды? На мой вкус, версия Борхеса все-таки была гораздо тоньше, но жизнь есть жизнь...

Остаток вечера я посвятил изложению этой поучительной истории — по мере того, как я рассказывал, она незаметно обрастала достоверными бытовыми подробностями, которых мне никто никогда не сообщал: что делать, я всю жизнь любил приврать по мелочам!

А ночью меня довольно бесцеремонно разбудила Афина: просто сгребла в охапку, перевела из горизонтального положения в вертикальное и перезнакомила со своими многочисленными родственниками. Они больше не прятались под обаятельными лицами киноактеров: судя по всему, им уже было "не до жиру"... Процедуру знакомства Олимпийцы сопровождали короткими комментариями вроде разочарованного вопроса, обращенного к Афине: "так это он и есть?" Не знаю уж, кого они рассчитывали увидеть...

— Я не ждал вас так скоро. Как вы нас догнали? Верхом на валькириях? — С любопытством спросил я после того, как стряхнул с себя сладкие остатки сна.

— Нет, мы просто приняли решение, и тут же оказалось, что власть над

пространством все еще в наших руках. — Весело сообщил Гермес. — Не так все плохо, Макс!

— Не так плохо, как хотелось бы... — Машинально пошутил я. — Что ж, эта фраза могла бы стать замечательным эпиграфом к финалу, вам так не кажется, ребята?

— Что мы теперь будем делать? — Нетерпеливо спросила Афина. — К чему нам следует готовиться?

— Вопрос не ко мне. — Улыбнулся я. — Максимум, что я могу тебе сказать: поживем — увидим...

— Я думала, что теперь мы союзники, и у тебя нет от нас секретов. — Нахмурилась она.

— Так оно и есть: никаких секретов! Более того, я только что открыл вам свою самую страшную тайну: я понятия не имею, что нам следует делать и куда идти. — Усмехнулся я. — Именно поэтому я скромно пристроился в хвосте своей армии — иногда мне кажется, что эти мертвые ребята отлично знают, куда идти... или скажем так: судьба волочет их вперед более бесцеремонно, чем меня, поэтому им неведомы мои сомнения.

— Ты говоришь странные вещи, не слишком похожие на правду. — Афина нашла более чем тактичный способ сказать мне: "не заливай!"

— Да нет, он не обманывает. — Неожиданно вмешался Гермес. — Он врет часто, можно сказать, почти всегда, но только не сейчас!

— Спасибо. — Улыбнулся я. — Будьте как дома, ребята... Раньше у меня был такой полезный Джинн, он всегда вовремя появлялся с едой и напитками, но его больше нет, так что нам придется справляться с этой проблемой самостоятельно... Вы случайно не захватили с собой нектара и амброзии?

Они растерянно переглянулись и огорченно покачали головами.

— Так и знал, что не захватили! — Вздохнул я. — И черт с ним, с этим вашим нектаром...

Кто хочет кофе?

Кофе, к моему величайшему удивлению, хотели все, так что мне пришлось вперить свой взор в небо и провозгласить грандиозный заказ. Мне в очередной раз удалось совершить чудо — бытовая магия вообще становилась моим коньком, так что из меня вполне мог бы получиться довольно квалифицированный домовой, в случае чего! — мои гости были довольны, а я... Я-то был доволен больше всех, поскольку как бы не корчил из себя этакого отрешившегося от мирских страстей даоса, серые глаза Афины по-прежнему заставляли мое придурковатое сердце замирать от восхищения и лукавой надежды, вполне укладывающейся в незамысловатую формулировку: "а мало ли что!" Потом мои гости улеглись спать — судя по всему, кофеин не оказывал никакого возбуждающего действия на их божественные организмы! — а я остался сидеть у костра, то и дело пытаюсь согнать с собственной рожи глупую счастливую ухмылку, совершенно неуместную в данных обстоятельствах. Получалось не очень-то — совсем фигово, честно говоря, получалось: улыбка расплзалась все шире, пока не заполнила собой всего меня, от макушки до пяток...

Утром к остаткам моего костра подгребла куча народу: смотреть на Олимпийцев.

Вообще-то, я мог их понять: сам бы не пропустил такое зрелище, в случае чего!

Но сейчас я был на стороне своих гостей, поскольку по собственному опыту отлично знаю, как неприятно просыпаться под любопытными взглядами посторонних.

— Ну и чего вы на них устали? — Укоризненно спросил я своих "генералов" и добрую сотню других любителей экзотических зрелищ. — Можно подумать, что я веду прямой репортаж из уборной президента! Дайте людям проснуться по-человечески!

— Не людям, а богам. — Педантично поправил меня Анатолий.

— Людям, дружище, людям — можешь мне поверить! — Печально улыбнулся я. — Нет, ну правда, пойдите погуляйте. Я вас потом познакомлю.

Через час я честно выполнил свое обещание: представил Олимпийцам свою великолепную четверку. Все было очень чинно, просто заглядение!

— Один что-то мне говорил про поле, на котором должна разыграться Последняя Битва...

— Нерешительно начала Афина, когда мы наконец отправились в путь. — Не помню, как оно называется... впрочем, это неважно. Мы туда направляемся?

— Надеюсь, что нет. Никаких полей, к черту роковые предначертания! — Я помотал головой. — Надеюсь, мои ребята приведут нас в какое-нибудь место, которое при всем желании невозможно назвать полем. Учинить все это безобразие на улицах Рима, или Лондона... или еще лучше — в Москве!

Достойное место!

Судя по всему, Афина была не в курсе политической жизни человечества: моя версия насчет Москвы ее совсем не рассмешила.

— Скорее бы! — Тихо сказала она. — Я скоро свихнусь от ожидания...

— Не торопи судьбу, Паллада. — Улыбнулся я. — Лучше сказать ей спасибо: сегодня она подарила нам еще один день жизни. Можно ехать, куда глаза глядят, колдовать по мелочам, если захочется есть, или укрыться теплым одеялом, можно любоваться закатами и пытаться разглядеть на луне силуэт зайца — чем плохо?

— А что, разве на луне есть заяц? — Изумленно спросила она.

— Китайцы считают, что есть... Если очень захочешь им поверить, ты его увидишь.

— Я попробую. — У Афины было растерянное лицо школьницы, которая впервые в жизни дала себе труд прислушаться к монотонному монологу учителя астрономии.

— Ну вот видишь: незачем торопиться с этой чертовой битвой! — Резюмировал я. — В этом мире есть куча интересных вещей, на которых ты до сих пор не удосужилась задержать свой божественный взор. Думаю, тебе было недосуг...

— Это правда. — Удивленно согласилась Афина.

Остаток дня она провела, старательно крутя головой по сторонам — искала обещанные мною "интересные вещи", я полагаю. На закате Афина так же усердно изучала переливы багрового света на горизонте, а с наступлением ночи дисциплинированно уставилась на луну.

— Макс, я его вижу! — Неожиданно заявила она.

— Кого?

— Твоего "лунного зайца"!

Я посмотрел на ее счастливое лицо и рассмеялся: сейчас оно стало совсем

— Ты еще здесь, Али, или с нами осталось только твое брненное тело? — Голос Мухаммеда вернул меня к жизни — не могу сказать, что я был готов к ней вернуться! Это самое "брненное тело" мучительно ныло, словно меня в течение долгого времени подвергали жестоким пыткам, или пытались на старости лет обучить основам акробатики, голова весила несколько тонн, а на душе дружно скребли все представители кошачьего племени, включая Настасью Кински и Малколма Макдауэлла из одноименного кинофильма...

— Я еще здесь. — Наконец признал я, закончив малоутешительную ревизию собственных потрохов. — И ты еще здесь? Почему ты не ушел?

— Как я мог уйти? Я жду, пока нас с тобой призовет Аллах. — Невозмутимо объяснил Мухаммед. Я вспомнил о его талантах и поморщился: уж если этот дядя вбил в свою упрямую голову, что нам срочно надо к Аллаху, значит, так оно и будет, и не отвертишься!

— Это было самое восхитительное зрелище. Жаль, что ты его не видел... — Я обернулся на этот голос и даже не сразу узнал Одина: он показался мне помолодевшим — глубокие морщины на его лице разгладились, на губах блуждала мечтательная улыбка.

— Чего я не видел? — Я невольно улыбнулся ему в ответ.

— Ты не видел, как уходили твои люди... и не только они, конечно! И мои родичи, и Олимпийцы, и эльфы, и еще какие-то твари — я и не заметил, когда и откуда они появились! Но ушли они все вместе, словно между ними никогда не было никаких различий... С юга дул удивительный ветер — его потоки были окрашены в дивные цвета, названия которых я не знаю. Он унес всех, и по их лицам можно было понять, что они весьма довольны своей участью...

— А почему ты не ушел вместе со всеми — если уж тебе так понравился ветер? — Осторожно спросил я. В глубине души я подозревал, что этот гордец просто побрезговал разделить общую судьбу — ребята вроде Одина всегда предпочитают попасть в ад для избранных, если им скажут, что рай — для всех...

— Я хотел уйти с ними. — К моему удивлению, мечтательная улыбка Одина на мгновение стала по-настоящему печальной. — Но знаешь... я ведь подслушал, о чем ты там шептался с эльфами!

— Да? Ну и что? — Искренне удивился я, пытаюсь припомнить, о чем шла речь.

— Ты признался им, что боишься остаться в одиночестве. — Объяснил Один. — А ведь я — твой должник! Мне было неведомо, что твой соратник тоже пожелает остаться, впрочем, это ничего не меняет... Мы с тобой неплохо ладили, даже когда были врагами, и я подумал, что могу тебе пригодиться — что бы не случилось!

— И ты решил составить мне компанию? Спасибо, дружище! — Я не знал: плакать мне, или смеяться. Вот уж не ожидал, что грозный скандинавский бог возьмется опекать меня, как своего любимого племянника!

— Видите, что происходит? Небо опускается. — В голосе Мухаммеда не было никакой тревоги, он просто сообщал нам новость, которую лучше знать, так говорят: "дождь пошел" — тому, кто собирается выйти из дома.

— Как это — "опускается"? — Изумленно спросил я. Задрал голову вверх, и подавился собственным вопросом: небо действительно приближалось к земле, оно уже было не правдоподобно, чудовищно близко. Я растерянно подумал, что еще немного — и можно будет дотянуться рукой до сияющих созвездий, которые по-

к твоей божественной неприкосновенности, и все такое... Все время думал, что когда-нибудь ты сама дашь мне понять, что я напрасно скромничаю... Но сегодня утром я довольно убедительно говорил, что у нас больше нет времени, и вдруг понял, что у меня его тоже нет. Какое уж там "когда-нибудь"!

— Больше нет времени, это правда... — Эхом откликнулась она. — Да, ты умеешь убеждать... Но ничего не выйдет, Макс. Я не могу принадлежать мужчине — ни одному из Бессмертных, ни уж тем более человеку. Такова моя сущность, ничего не попишешь!

— Отлично, — мягко сказал я, — значит тебе чертовски повезло, милая. Мне не нужно "принадлежать" — я и сам-то себе не принадлежу! — кроме того, я не человек и не один из ваших — так, наваждение...

— Солнечный зайчик, да? — Вдруг рассмеялась она.

— Да. — Серьезно согласился я. — Ты всегда знала, что я могу стать единственным исключением из правила. Именно поэтому ты так радовалась моим визитам и никак не могла заставить себя враждовать со мной по-настоящему.

— Ты разбудил что-то в моем сердце, это правда. Но...

— Никаких "но"! — Улыбнулся я. — Ты еще не поняла? Со мной можно все — просто потому, что это не считается. Я — как предраусветный сон, о котором у тебя не останется никаких воспоминаний... а даже если и останутся — какая разница, мало ли, что может присниться?!

Пока я говорил, Афина подходила все ближе — можно подумать, что я притягивал ее, как удав кролика.

— Действительно — мало ли, что может присниться... — Удивленно повторила она. Я почувствовал, что ее теплая ладонь нерешительно прикоснулась к моему запястью — господи, кто бы мог подумать, что обыкновенное прикосновение женской руки может заставить мир завертеться перед моими глазами! В моей голове образовалась дурацкая мальчишеская фраза: "ага, пошло дело!" — увы, у меня не хватило интеллекта сопроводить это замечательное событие более лирическим комментарием...

— Считается, что я попал в совершенно необитаемое место! — Чей-то ворчливый голос заставил нас обоих подскочить на месте. Забавно: мы с Афиной вели себя как школьники, застуканные в подъезде!

— Глазам своим не верю! Что вы здесь делаете, да еще и вместе? — Я с ужасом понял, что к нам приближается не кто иной, как Одиссей. Ну да, он же просил нас с Джинном отправить его в какой-нибудь безлюдный уголок...

Бывают же совпадения! Я был в отчаянии. Сейчас он начнет расспрашивать нас, как идут дела, рассказывать о собственном времяпровождении, возможно, захочет отправиться вместе с нами... одним словом, наше единственное и неповторимое свидание можно было считать завершенным. Афина уже отняла свою теплую ручку и поспешно отступила на несколько шагов.

"Пропади ты пропадом! — Горько подумал я. — Только тебя мне здесь не хватало!

Одиссей, миленький, будь другом, исчезни куда угодно, а лучше всего — в другую Вселенную, благо их число стремится к бесконечности!"

— Куда он подевался? — Изумленно спросила Афина. — Он же только что шел нам навстречу...

Я растерянно моргнул и уставился в темноту. Одиссея действительно больше нигде не было. Потом до меня начало доходить, и я истерически расхохотался.

— Что ты, Макс? — Почти испуганно спросила Афина. — Что вообще происходит?

— Ты не поверишь, но кажется твой приятель Улисс только что загремел в другую Вселенную! — Сообщил я и снова рассмеялся. — Я все-таки умудрился выполнить свое обещание — нечаянно!

— Какое обещание? — Нахмурилась она.

— Однажды он попросил меня помочь ему покинуть этот мир. — Объяснил я. — Твоему приятелю захотелось прогуляться по иным мирам, пока мы здесь будем разбираться со своим скучным апокалипсисом. Я сказал, что постараюсь что-нибудь придумать — просто, чтобы поднять ему настроение: если бы я знал, как отсюда смыться, сам бы давным-давно сделал ноги! А сейчас он появился так невовремя, и я от всей души пожелал ему оказаться как можно дальше отсюда, желательно — в другой Вселенной.

Думаю, именно там он теперь и находится. Все довольны.

Афина еще больше нахмурилась, но вдруг махнула рукой и расхохоталась.

— Счастливчик он, этот Улисс! Если бы ты не зашвырнул его неведомо куда, с меня вполне стало бы испепелить его взглядом: он действительно невовремя появился!

— Я рад, что ты тоже так думаешь. — Улыбнулся я. — Значит, у меня есть шанс снова подержаться за твою лапку. Давай ее сюда.

— В конце концов, мне просто интересно: как это бывает? — Сказала она, решительно и смущенно одновременно.

— Вот так и бывает. — Нежно шепнул я, сграбастывая ее в объятия. А потом мы умолкли — очень надолго, потому что слова наконец-то стали не нужны, даже те слова, которые постоянно крутятся в голове, когда мы по дурацкой привычке описываем и комментируем все, что с нами происходит — этакий непрерывный отчет для внутреннего пользования...

Слова не понадобились и позже. Мы и так знали, что хотим сказать друг другу: нежную бестолковую чушь о любви, которая всегда длится только одно мгновение — а все остальное время заполнено предчувствиями этого невероятного события, или воспоминаниями о нем, и в сущности, нам очень повезло, что у нас почти не осталось времени на воспоминания...

— Это мгновение было очень большим, но оно так и не стало вечностью. Так всегда бывает? — Афина первой нарушила молчание, и мне пришлось сделать над собой невероятное усилие, чтобы стряхнуть с себя дивное оцепенение и снова стать тем, кто способен поддерживать беседу.

— Всегда. — Тихо сказал я. — Мы слишком одинокие существа, чтобы получить в свое распоряжение одну вечность на двоих... Так уж по-дурацки все устроено!

— Это очень больно. — Шепнула она. — Впрочем, я всегда подозревала, что за страсть придется дорого платить, и цена не кажется мне чрезмерной... Но скажи, а другие — они тоже платят так дорого?

— Иногда еще дороже. — Печально улыбнулся я. — Годами скуки, раздражения, тупой боли в груди и жалкими попытками повторить прошлое... Иногда они привыкают и даже умудряются считать себя счастливыми... Это гораздо страшнее,

поперли следом за мной в пасть Змея?! Уж им-то это точно на фиг не было нужно...

— Вопрос в том, стоило ли ее побеждать? — Печально добавил эльф. Вместо того, чтобы пройти через Врата, ты разнес их в клочья — и что теперь?

— Теперь? Теперь ничего, наверное. — Флегматично ответил я. — Знаешь, у меня в свое время был один приятель... Когда он напивался, ему повсюду мерещился Махатма Ганди — вместо зеленых чертиков! — и он начинал истошно вопить: "все что мог, я для индийского народа сделал!" Так вот, я тоже сделал все, что мог... и чего не мог, заодно!

— А солнце все-таки погасло, да? — Жалобно спросила Доротея. — Я думала, что теперь оно снова появится на небе, станет светло, и все вернется...

— Напрасно ты так думала. — Сухо сказал я. — Мы все были молодцами и действовали так хорошо, как могли, но никаких наград нам не светит. Это было ясно с самого начала — разве не так?

— Ты слишком жесток. — Мягко сказал эльф. — Твои люди переступили через себя, чтобы последовать за тобой — можешь мне поверить, им было куда труднее, чем тебе!

— Я не жесток. — Вяло возразил я. — Просто мне нечего им предложить, дружище...

— Есть. — Твердо сказал эльф. — Ты ведь обещал Афине, что все смогут "уйти вместе с ветром", но когда дошло до дела, ты почему-то отпустил только ее... Неудивительно, что она тебя укусила!

— Стерва. — Нежно сказал я. — Маленькая кусачая сероглазая стерва! Злая, но справедливая... Если бы этот чертов ветер принес ее обратно... Но он не принесет, правда?

— Не принесет. — Согласился мой сладкоголосый собеседник. — Тебе ничего не светит, Владыка! Ничего, кроме вечного одиночества — ибо такова плата за могущество, ты и сам знаешь! А теперь призови ветер, полководец. Посмотри на своих солдат: они легки и свободны, и их глаза блестят, как глаза бессмертных — отпусти их с миром!

— Да, конечно. — Устало сказал я. — Странно, я только сейчас понял, что сознательно удерживаю их при себе — потому, что смертельно боюсь остаться один, на краю умирающего мира, под этим переменчивым небом, не похожим на то, под которым я привык бродить... Спасибо тебе, дружище! Хорошо, что вы были рядом со мной — хотя ято думал, что мне понадобится помощь совсем другого рода: мочиться с драконами, и прочая романтическая чушь...

— Я понимаю. — Сочувственно сказал кто-то из эльфов. — Действительность всегда проще... и гораздо страшнее, правда? Вокруг полным-полно драконов, которые то и дело пожирают нас заживо — день за днем, так что мы перестаем обращать на них внимание и считаем, что это и есть нормальная человеческая жизнь...

— Это правда. — Кивнул я. — Ты говоришь так, словно знаешь, что это такое — быть человеком. Впрочем, наверное, ты действительно знаешь...

А потом я лег на спину, закрыл глаза и расслабился — я откуда-то знал, что мне не придется призывать ветер, на этот раз от меня требовалось только одно: НЕ МЕШАТЬ его прохладным потокам пронестись над моей головой, стирая остатки реальности, как пыль с подоконника...

Мировой войны на вражеский танк, но поскольку мой мудрец был где-то далеко, я продолжал корчить из себя последнего солдата всех времен и народов, с идиотской ухмылкой блаженного отвоевывая у Вечности метр за метром безнадежно мертвой земли...

А потом я — невменяемый, оплеванный тьмой, но все еще живой, несмотря ни на что — оказался совсем рядом с пятном тьмы, которое было пастью Змея. Она больше не пугала и не завораживала меня — наверное, просто потому, что я слишком устал, и к тому же успел привыкнуть к факту ее существования, принять ее как малопрятный, но вполне обыденный фрагмент реальности. Я не раздумывая шагнул вперед — это не было осознанным решением, просто я даже не успел подумать о том, что можно притормозить — и только сейчас с изумлением понял, что за моей спиной полным-полно желающих повторить мой нечаянный подвиг: мои спутники, мои невезучие ландскнехты, которым я с самого начала не сулил никакого жалования и даже не обещал отдать им Вечность на разграбление, мои "мертвые духом", ненадолго восставшие из своих могил, мои бессмертные герои и перепуганные дети — черт бы их побрал!

— слишком серьезно отнеслись к нелепому приказу своего непутевого полководца, безвкусному лирическому восклицанию, неуместной цитате: "кто любит меня, за мной!" Их можно понять: вообще-то, в этой фразе действительно есть что-то неотразимое!...

Нас было так много, что глотка Змея оказалась слишком тесной для нас, я явственно услышал тихий царапающий звук, что-то вроде покашливания — "ага, подавился, гад!" — злорадно подумал я, пробираясь все глубже, а потом обступившая нас темнота вдруг рассыпалась, превратилась в мириады невесомых хлопьев, которые медленно оседали на землю и исчезали, соприкасаясь с ее теплой поверхностью — таяли, как непутевый майский снег под лучами полуденного весеннего солнца. Случилось то, о чем я смутно знал с самого начала: наваждение рассеялось, никакого Мирового Змея больше не было, а я еще был, и мои люди оставались рядом со мной, ошеломленные собственной дерзостью и сказочной фальшью счастливого финала.

— Воля Аллаха свершилась, Али! — Воскликнул Мухаммед. — Ты одолел все зло этого мира, и теперь...

— "Все зло этого мира?" Да ну тебя, куда уж мне! И боюсь, что как раз Аллах будет не слишком мною доволен. — Тихо сказал я. — Вообще-то, мы с ним договаривались совсем о другом... ну да ладно, плевать! Ты здесь еще, Отец Битв?

— Да, здесь. — Судя по его тону, Один был весьма удивлен тем, что он до сих пор никуда не подевался.

— Вот тебе и твой хваленый Рагнарёк! Какое-то дурацкое наваждение, не более того...

Ты рад? — Спросил я.

— Я мог бы сказать, что рад — дабы доставить тебе удовольствие — но я больше не знаю, что такое радость. — обстоятельно объяснил он.

— Я тоже. — Понимающе кивнул я. — Того парня, который это знал, больше нет... А я — так, незванный гость в его подержанном теле...

— Кем бы ты ни был, но тебе удалось победить судьбу. — Я услышал мелодичный голос эльфа и лениво удивился: неужели и эти загадочные ребята

поверь мне на слово!

— Ты говоришь о том, как живут смертные, да? Что ж, хорошо, что нас миновала их участь. — Кивнула она.

— Иначе и быть не могло. — Вдохнул я, обнимая ее за плечи. Это последнее нежное прикосновение — все, что у нас осталось, но и оно не могло длиться вечно, поскольку законы мира, в котором мы все еще обитали, гласят, что одно событие непременно должно смениться другим...

— Нам пора возвращаться. — Наконец сказала Афина. — Зачем тянуть? Еще немного, и я узнаю, что чувствуют смертные, когда из их глаз текут слезы, а мне это совсем не интересно... Только не говори Одину, что я проиграла наш с ним спор, ладно?

Я изумленно поднял брови — за кого она меня принимает, хотел бы я знать?!

— Я знаю, что ты не скажешь. Но этого недостаточно. Надо сделать так, чтобы он не догадался. Он ведь довольно проницателен... Мы сможем держать себя так, словно ничего не было?

— Все было так замечательно, что я не слишком-то верю, что это действительно произошло со мной. — Улыбнулся я. — Поэтому мне будет очень легко вести себя так, словно ничего не случилось...

— И мне тоже. — Кивнула она. — Пошли отсюда, ладно?

— Обернись, и ты увидишь огни костров. — Сказал я, неохотно снимая руку с ее плеча — навсегда. — Мы уже вернулись, и я сам не знаю, как это у нас получилось...

— Какая разница, как? Главное, что мы уже там, где нам следует быть. — Афина резко развернулась и пошла туда, где сияли золотистые огоньки. Я смотрел ей вслед и равнодушно думал, что мой личный апокалипсис можно считать состоявшимся — какая, к черту, разница, что будет дальше!

— Где вы пропадали? — Ворчливо спросил Один, когда я уселся неподалеку от него, вытянул ноги и полез в карман за сигаретами — впервые за черт знает сколько времени мне ужасно хотелось закурить.

— Помнишь Одиссея? — Лениво откликнулся я. Один равнодушно помотал головой. — Да помнишь ты его: приятель Афины, которого вы посылали к Локи...

— А, Улисс... Что, у него тоже несколько имен?

— Насколько я знаю, всего два... Парень очень хотел дезертировать — он решил, что сейчас самое время оказаться в каком-нибудь ином мире — а наша Паллада приняла его каприз близко к сердцу. Она неделями ныла, просила меня попробовать ему помочь. Ну, я и попробовал...

— Дался вам этот Улисс! — Проворчал Один. — Столько времени потеряли понапрасну... — И тут же заинтересованно спросил:

— И что, у тебя получилось? Ты отправил его в какой-то другой мир? Такое возможно?

— Может быть. — Я пожал плечами. — По крайней мере, отсюда он исчез, это точно! А вот где он оказался... Честно говоря, я сам понятия не имею!

— Ну и пес с ним. — Мне показалось, что Один уже утратил интерес к этому разговору. — Я ждал тебя. Я должен тебе кое-что показать. Пока вы с Палладой маялись дурью, я решил раскинуть руны — напоследок... Теперь гляди.

Он достал откуда-то из-под плаща маленький кисет из черной кожи и одним

резким движением высыпал оттуда грудю абрикосовых косточек. У меня челюсть легла на грудь: я-то думал, что руны Одина должны быть вырезаны на черепах мертвых берсерков, или, на худой конец на коре Иггдрасиля... в общем, не знаю, на чем, но уж никак не на абрикосовых косточках, это точно!

— Видишь? — Требовательно спросил он. — Они гладкие, как в тот день, когда их извлекли из плодов.

— Вижу. — Растерянно согласился я. — И что здесь удивительного?

— Иногда ты кажешься мне сущим дурнем! — Сердито сказал он. — Я сам вырезал на них знаки — на всех, кроме одной: руна Вейрд, символ великой пустоты должна оставаться чистой... Теперь мои знаки исчезли — ты понимаешь, что это означает? Все мои руны стали одной-единственной руной Вейрд.

— И что означает твоя руна Вейрд? — Помертвевшими губами спросил я. — Пустоту?

Небытие?

— Не все так просто! — Торжественно заявил Один. — Вейрд — это знак непознаваемого.

Остальные руны рассказывают нам о жизни и смерти, и лишь руна Вейрд говорит о том, что остается по другую сторону... Она требует полного доверия к непостижимому и обещает немедленную встречу с судьбой. Это хороший знак, Макс! Лучшее, на что мы могли рассчитывать... вернее, то, на что мы рассчитывать никак не могли!

— Если ты так говоришь, значит, так оно и есть. — Кивнул я, поднимаясь с земли.

— Куда это ты опять собрался? — Ворчливо спросил он.

— Я больше не могу сидеть на месте. Не могу ждать. Что-то тянет меня вперед — наверное, твое хваленое "непознаваемое"...

— Как скажешь. — Усмехнулся он. — Это твоя битва, тебе и решать!

На рассвете я огляделся, и с изумлением понял, что еду по окраине Берлина — по той самой улице, по которой я плутал ранним утром пятого мая. Ну да, конечно: я вернулся туда, где все началось — по крайней мере, для меня. В этом была какая-то дебильная логика, пугающая и озадачивающая — как когда-то в детстве меня испугал и озадачил нехитрый фокус с лентой Мебиуса.

"Вот оно, место Последней Битвы! — Ошеломленно подумал я. Внезапно мне стало весело. — Что ж, оно ничем не хуже и не лучше других! По крайней мере, Берлин не упоминается ни в одном из известных мне предсказаний, и это уже неплохо..."

— Знаешь, где мы? — Спросил я оказавшегося поблизости Анатоля. — Это Карлсхорст — восточная окраина Берлина. Вернее, юго-восточная... Ты здесь никогда не был?

Он равнодушно помотал головой, огляделся по сторонам и вдруг оживился.

— Надо прочитать какую-нибудь воодушевляющую лекцию Герингу и его коллегам.

Насколько я понимаю, у них есть дурная привычка проигрывать битву за Берлин.

Раньше это было их личное дело, но предстоящую битву за Берлин им придется выиграть — не знаю уж, у кого, но выиграть непременно!

— Мне нравится твое настроение. — Одобрительно сказал я. — Где ты им

вдруг осекся, словно захлебнулся собственным монологом, а затем с моих губ сорвались какие-то чужие, непонятные мне самому слова — не то заклинания, не то последние нежные признания на неизвестном мне языке...

Круглые от ужаса серые глаза Афины куда-то исчезли. Несколько мгновений на меня внимательно смотрели желтые совиные глаза, а потом крупная хищная птица с восхитительным яростным криком впиалась кривым клювом в мое плечо — она укусила меня всерьез, до крови, и мне оставалось только радоваться, что ей не взбрело в голову выклевывать мне глаза — у нее вполне могло получиться!

Потом ее крик слился с другими птичьими криками и растаял где-то на недостижимой высоте...

— Ничего себе, поцелуй на прощание! — Ошеломленно сказал я. — Могла бы сказать спасибо: я ведь только что помог ей вырваться на свободу...

— Иногда свобода — это самый страшный дар. — Тихо сказал кто-то рядом. Я обернулся и увидел Гермеса. Он показался мне серьезным и печальным — а ведь до сих пор этот веселый бог не грешил подобным выражением лица даже в самые тяжелые для Олимпийцев дни.

— Мне кажется, Афина любила тебя. — Добавил он. — Нужна ей была эта свобода! Она очень испугалась, это правда, но думаю, она бы все-таки предпочла сунуться в пасть Змея, рука об руку с тобой... Она просила тебя не о свободе, ей требовалось нечто попроще: несколько утешительных слов, ласковый взгляд...

— Утешительные слова и ласковые взгляды еще никогда никого не спасали от смерти. — Усмехнулся я. — Не такой уж я великий злодей, дружище! Мне кажется, я ее тоже любил — так сильно, что теперь, когда ее больше нет рядом, все остальное уже не имеет никакого значения... Поэтому ей достался мой самый лучший дар — тот, который я так и не смог сделать себе самому! А нужен он ей, или нет — откуда нам с тобой знать...

Думаю, со временем она сама разберется! В отличие от нас с тобой, у нее теперь есть время — даже на такие пустяки... А у нас нет: видишь, он уже совсем рядом!

— Что будем делать, Владыка? Есть идеи? — Голос Анатоля не дрогнул, он звучал насмешливо и вызывающе. "По крайней мере, он-то уже выиграл свою битву! — С внезапной радостью подумал я. — Хотя один из нас, и то хлеб!"

— Никаких идей! — Я бесшабашно рассмеялся. А потом набрал в легкие побольше воздуха и заорал во всю глотку:

— Кто любит меня, за мной!

Вообще-то, я вовсе не собирался орать — ни эти слова, ни другие, сам не знаю, как меня угрозило... Но сейчас я понял, почему маленькая одержимая Жанна выбрала именно эту дурацкую фразу, чтобы повести за собой свою армию.

По большому счету, это — единственное по-настоящему честное предложение, которое может сделать полководец своим солдатам... А потом я повернулся лицом к Змею и устремился вперед, а когда первая капля ядовитой тьмы соприкоснулась с моей кожей, нахально расхохотался: "ну ладно, еще одной жизнью меньше, тоже мне несчастье!" Признаться, мне немного не хватало Джинна и его насмешливого глухого голоса, он непременно сказал бы мне сейчас: "Зачем так много эмоций, Владыка?" — или что-то в таком духе, а потом не поленился бы нажать на кнопку и врубить мое любимое "Innuendo", чтобы я, дурак, вспомнил, что могу быть "всеми, чем захочу", и не пер на это непостижимое чудовище, как контуженный герой

традиционным кувшином, Медведицу, совершенно не похожую на знакомый мне с детства неуклюжий ковш, Волопаса с длинным пастушьим посохом... Созвездий было слишком много для небольшого, в сущности, лоскутка неба, открывающегося нашему взору, но они каким-то удивительным образом умудрялись там помещаться, не заслоняя друг друга и снисходительно открываясь нашим восхищенным взорам — все одновременно.

— Змей уже близко. — Озабоченно сказал один из эльфов. — Чувствуешь, как похолодало?

— Нет. Климатические изменения мне уже давным-давно до одного места. — Вздохнул я. — Но я чувствую, как дрожит земля под моими ногами, и воздух стал таким густым, что его надо пить, а не вдыхать... Это он?

— Это он. — Мягко согласился эльф. — Постарайся смотреть на Змея без страха и враждебности — в сущности, он не слишком отличается от тебя самого. Ты — одна рука судьбы, он — другая...

— А кроме нас у этой стервы имеется еще добрая тысяча рук, так что никто не уйдет без рождественских подарков! — Зло усмехнулся я.

— Так оно и есть. — Спокойно подтвердил эльф.

А потом мне стало не до разговоров: я увидел Змея, и удивился собственному равнодушию, граничащему с безумием. Может быть, дело в том, что он не был похож на настоящую гигантскую змею. Он вообще не был похож ни на что — не живое существо, не чудовище, которое можно считать своим врагом, или опасным противником, а просто бесконечно длинный толстый луч абсолютной темноты, живой, сверкающей и осязаемой. В том месте, где эта темнота казалась особенно густой и непроницаемой, находилась пасть Змея — я знал это наверняка, подобно тому, как глядя на дерево, мы сразу понимаем, где его ствол, где ветви, а где корни... Из этой, почти невидимой, пасти извергались сгустки тьмы иного рода — они были почти живыми, алчными и озабоченными поиском пищи, так что они поглощали все, с чем соприкасались: приземистые строения служебных помещений, красные киоски с кока-колой, опустевшие клетки, скамьи и цветочные клумбы исчезали у меня на глазах, как акварельные мазки, небрежно залитые черной тушью. "Вот это и есть хваленый яд Змея, — с флегматичным удовлетворением опытного исследователя подумал я, — хорош был бы Тор, если бы сунулся к нему со своим дурацким молотом!"

Птицы, все это время кружившие над моей головой, испуганно взмыли ввысь: присутствие Змея их явно нервировало, а небо его вроде бы не интересовало, по крайней мере, пока...

— Макс, вот теперь мне страшно! — Я обернулся и увидел отчаянные глаза Афины. Она нервно кусала губы — те самые, которые мне посчастливилось целовать несколько часов — целую вечность! — назад, но мое помертвевшее сердце осталось совершенно равнодушным к ее паническому страху...

— Я не справлюсь с этим, Макс! — Настойчиво сказала она.

— Ну что ж, не справишься — и не надо. — Я пожал плечами. — Тебе вовсе не обязательно оставаться здесь, Паллада. Ты можешь улететь, как эти птицы, почему бы и нет — ты всегда была одной из них, нужно только вспомнить об этом... Ты можешь стать чем угодно и уйти вместе с ветром — помнишь, я обещал тебе, что такое возможно? Он уже начал дуть, твой ветер, позволь ему унести тебя! — Я

разжился?

— Там, где нас нет, Макс, — улыбнулся он, — где же еще?

— Макс, — позвала меня Афина, — ты тут?

— Во всяком случае, мои ощущения не противоречат этому утверждению. — Хмыкнул я и внимательно посмотрел на нее. Она показалась мне спокойной, немного надменной и равнодушно-веселой — как всегда, словно ничего не случилось с нами сегодня ночью неведомо где... и словно нам не предстояло заглянуть в самую глубокую бездну в ближайшие часы. Что ж, это было правильно... Мне оставалось только порадоваться силе ее неукротимого духа и постараться хоть немного походить на эту удивительную сероглазую — то ли богиню, то ли все-таки женщину!

— Хорошо, если так! — Рассмеялась она. — Тут ко мне привязался какой-то странный человек: он говорит, что мы все делаем не так... А он, дескать, знает, как правильно!

— Ну да, — вздохнул я, — мне всю жизнь везло на таких специальных ребят, которые приходят черт знает откуда, делают умное лицо и говорят, что "знают, как правильно"...

Впрочем, ничего удивительного: этим грешит большая часть человечества!

— Это другой случай. — Перебила меня Афина. — Этот человек говорит, что он своими руками записал все речи нашего доброго друга Одина, и все такое... Мне показалось, что тебе будет интересно его выслушать.

— Скорее уж это будет интересно Одину. — Равнодушно откликнулся я.

— Я тоже так сначала подумала. Но к нему сейчас не подступиться. Не знаю уж, на что он уставился своим внутренним взором, но отвлечь от этого зрелища его совершенно невозможно.

Я тем временем переварил информацию и с удивлением понял, что мое любопытство все еще при мне.

— А как его зовут, этого дядю? Если он действительно "записал" речи Одина, его должны звать Снорри...

— У него и спросишь! Вот он. — Афина бесцеремонно ткнула пальцем себе за спину. Там обнаружился невысокий крепыш средних лет, угрюмый и бородатый.

— Я Снорри Стурулсон. — С достоинством сообщил он. — Но откуда тебе известно мое имя?

— Господи, вот уж не думал, что нам доведется познакомиться! — Рассмеялся я. — Можете себе представить, в свое время я прочитал все, что вы написали, правда, в переводах...

Был в моей жизни такой странный период.

— О, да ты знаешь грамоту! — Одобрительно отметил он.

— А по мне не заметно? — Я уже веселился вовсю — вот уж не подумал бы, что такое возможно!

— Ты знаешь, что все идет не так, как было предсказано? — Требовательно спросил Снорри.

— Догадываюсь. — Легкомысленно фыркнул я.

— Еще можно попробовать исправить положение. — Оптимистически сообщил он.

— У меня с собой свиток, где записано "Прорицание Вельвы". Там ясно сказано,

как все должно быть... Многое уже невозможно изменить, но если Один все-таки схватится с Фенриром, и Тор подоспеет вовремя, чтобы вступить в битву с Ермугандом, все пойдет как надо.

Тебе же следует подумать о том, как погасить солнце. И может быть, тебе следует оседлать Мирового Змея? В пророчестве ни о чем таком не говорилось, но такой поступок придаст тебе величия... Если хочешь, мы можем вместе перечитать речи Вельвы и подумать, что еще можно исправить.

— Спасибо, не надо. — Улыбнулся я. — Я приблизительно помню, что там было. И из всех сил стараюсь сделать все наоборот. Рад, что ты это заметил: значит, мои труды не пропали даром!

— Ты стараешься сделать наоборот? — Изумленно спросил Снорри. — Но почему?

— Потому что мне не нравится пророчество вашей Вельвы. — Честно сказал я.

— Чего только баба сдуру не наболтает! И не только мне. Одину оно тоже не нравится.

Собственно говоря, это была его идея — сделать все наоборот. Возможно, я для вас — не бог вещь какой авторитет, но ему-то вы доверяете?

— Как можно доверять Одину? — Удивился он. — Его лукавство всем ведомо...

Так он решил восстать против судьбы? Что ж, это на него похоже!

— Похоже. — Согласился я.

— Нас ждет хаос. — Печально пообещал Снорри. — Пророчество сулило хоть какую-то надежду на то, что все уладится — потом, после битвы...

— Да, с надеждой вам придется расстаться. — Меланхолично кивнул я. — Ничего не уладится — ни после битвы, ни до нее, ни во время... Нас ждет полная неизвестность, друг мой Снорри. Вы должны оценить наши усилия — вы же скальд! Все настоящие поэты во все времена в глубине души предпочитали неизвестность... и оставались поэтами только до тех пор, пока не начинали мечтать о том, что все "когда-нибудь уладится"!... Надо отдать вам должное: ваша идея насчет того, чтобы оседлать Мирового змея, чудо как хороша — от нее пахнет настоящим безумием. Я непременно попытаюсь воплотить ее в жизнь!

Но это — единственное ваше предложение, которое мне понравилось!

— Ладно, как скажешь. — Задумчиво согласился он. — Я должен был догадаться, что такому как ты не понравятся чужие советы... Что ж, по крайней мере, я попытался!

— Подумайте, какие возможности перед вами открываются! — Улыбнулся я. — Вы можете начать писать о том, как все было на самом деле, Снорри! Разве это не лучше, чем без конца переписывать чужие речи?

— Написать? Зачем? — Изумился он. — Для кого? Мир пришел к концу, и даже самому Отцу поэтов суждена гибель — кто будет читать мои письма?

— Скорее всего, никто. — Согласился я. — Но разве это имеет значение?

Грош цена поэту, который пишет в расчете на то, что его каракули когда-нибудь будут прочитаны! Поэт пишет не для людей, и не для богов, и даже не для вечности, которая вряд ли умеет читать, а лишь потому, что обжигающие слова приходят неведомо откуда и безжалостно раздирают грудь, или потому, что у настоящего поэта нет ничего кроме слов, и он боится исчезнуть, если замолчит... О господи, неужели дилетант вроде меня, какой-то сопливый мальчишка, за всю свою жизнь с

речи показались нам заслуживающими внимания... Но, в любом случае, мы пришли сюда по собственной воле. — Спокойно сказал один из них. Голос эльфа оказался настолько прекрасным, что у меня дыхание перехватило. — Мы сочли благом присоединиться к тебе, ибо нам нравится, как ты все устроил: в этом хаосе есть привкус веселья, грех было бы не принять участие... Но жаль, что ты так поспешно сжег Волка! Мы рассчитывали полакомиться его волшебным мясом, а ты оставил от него только пепел.

— Сами виноваты: не надо было опаздывать к обеду! — Усмехнулся я. — Все равно, я вам рад. Самые настоящие эльфы, кто бы мог подумать!... А как насчет "волшебного мяса" Мирового Змея — не желаете? Думаю, он появится с минуты на минуту...

— Ты сам не знаешь, о чем говоришь. — Возразил предводитель этой очаровательной компании. Его изумительный голос звучал насмешливо и печально. — Если бы все было так просто! Но Мировой Змей — это не обыкновенное чудовище, которое можно убить и съесть: у него столько жизней, сколько сердец бьется под этим небом.

— Значит, гораздо больше, чем у меня. — Вздохнул я. — Ладно, что-нибудь придумаем!

— Не надо ничего "придумывать". — Мягко сказал эльф. — Пасть Змея — это врата, ведущие в небытие, но в то же время это врата в бессмертие. Главное — выбрать правильный путь...

— Откуда ты знаешь? — Изумленно спросил я.

— Есть только один способ получить знание — опыт. — Улыбнулся он. — В свое время мы прошли через эти врата, поэтому я знаю, о чем говорю... А пока — посмотри-ка на небо!

Это — редкое зрелище, не пропусти его.

Я послушно задрал голову, остальные повторили мое движение, как безупречные зеркала. Зрелище, открывшееся нам, не поддается никакому описанию: в быстро темнеющем небе мельтешили светящиеся силуэты диковинных существ. От них не исходило никакой угрозы, но их хаотическое движение причиняло мне какое-то мучительное неудобство.

— Кто они? — Ошеломленно спросил я.

— Это созвездия. — Мечтательно вздохнул эльф. — Когда мир рушится, созвездия покидают его небо. Видишь: перед тем, как уйти, они приняли тот облик, который на протяжении тысячелетий приписывали им люди...

— "Перед тем как уйти"? — Возмутился я. — Ну нет, еще не время! Я им не позволю!

— Почему? — С равнодушным любопытством спросил кто-то из эльфов.

— Потому что я не хочу, чтобы этот мир "рушился"! — Твердо сказал я. — Может быть, это самое глупое из моих идиотских желаний, но я так решил... — Я снова поднял голову к небу и требовательно сказал:

— Не вздумайте разбегаться, голубчики! Оставайтесь здесь.

Диковинные существа послушно прекратили свое мельтешение. Разумеется, даже сейчас небо не было похоже на то, что я привык видеть над своей головой по ночам, но теперь я мог разглядеть очертания созвездий — изумительно красивые и обезоруживающе конкретные: гибкое тело Льва, застывшие чаши Весов, Водолея с

одной команде!

— Извини, милый, но тебе придется исчезнуть! — Ласково сказал я, возлагая свои пылающие руки на его огромные лапы — выше я бы просто не дотянулся! Лапы тут же вспыхнули тем самым зеленым пламенем, которым, если верить моим "генералам", полыхало мое собственное тело.

Фенрир замер, а потом дико взвыл, и одна из его чудовищных лап обрушилась на меня.

На этот раз я не позволил тьме небытия поглотить меня даже на мгновение — оказывается, я как-то успел научиться умирать, не теряя сознания! "Ничего страшного, еще одной жизнью меньше — всего-то!" — равнодушно подумал я, лежа на спине и наблюдая, как это потрясающее чудовище горит подобно самому невероятному фейерверку.

— Лихо ты с ним разделался! — Одобрительно сказал Анатолий. Он каким-то образом оказался рядом со мной и протянул руку, помогая мне подняться. — Смотри-ка, а твое пламя погасло! Оно и к лучшему: слишком уж жутко это выглядело...

— Погасло, так погасло. Надо будет — снова разгорится! — Равнодушно откликнулся я, оглядываясь в поисках своего дромадера. Синдбад тут же обнаружился: он переминался с ноги на ногу в нескольких шагах от меня и выглядел вполне невозмутимым.

— Это было здорово! — Афина положила свою тяжелую руку на мое плечо. — Видел бы ты себя со стороны! Маленькая шаровая молния, испепеляющая гиганта. Зевс, бедняга, от зависти чуть последнего ума не лишился!

— Рад, что тебе понравилось. — Улыбнулся я. — А где Один?

— Как это — "где"?! Вот он, идет сюда.

— Все, Отец Битв, свершилось! Кто-кто, а уж ты-то теперь свободен от своей судьбы, что бы не случилось! — Весело сообщил я Одину.

— Спасибо, Макс. Ты сделал мне воистину великий дар. — Торжественно сказал он. — Теперь я твой должник — пока жив.

— Согласен. — Кивнул я. — А где твои родственнички? Уже появились?

— Сам не знаю. — Задумчиво признался он. — Наверное, я просто забыл, какими были их лица... Мне кажется, они пришли, но я почему-то не могу отличить их от прочих.

— Значит, они больше ничем не отличаются от прочих! — Усмехнулся я. — Это элементарно, дорогой Ватсон!

— Что? Как ты меня назвал? Это не мое имя! — Возразил Один.

— Одним именем больше, одним меньше — какая тебе разница: все равно их у тебя целая тысяча... А это кто такие? Не твоя родня, часом? — Только сейчас я заметил, что к нам приближаются какие-то удивительные существа — на первый взгляд, в них не было ничего особенного, разве что пол этих ребят не поддавался мгновенному определению, но невероятная легкость походки и непроницаемая темнота взоров выдавала их нечеловеческое происхождение.

— Нет. — Покачал головой Один. — Но я их знаю. Это эльфы.

— Ого, так наши апостолы сдержали свое слово! — Обрадовался я. — Они ведь обещали прислать эльфов нам на подмогу...

— "Прислали"? Ну уж нет! Иоанн действительно рассказывал нам о тебе, и его

горем пополам зарифмовавший несколько сотен строчек, должен объяснять это такому великому скальду как вы?

— Я тебя не понимаю. — Хмуро сказал Снорри. — Я всегда писал для других людей. Для тех, кто был рядом со мной, и для тех, кто придет потом... Но я никогда не писал оттого, что боялся исчезнуть! Как такое может быть?

— Значит ты еще никогда не был поэтом. — Сердито сказал я, и сам сперва не заметил, что все-таки перешел с ним на "ты" — вообще-то, это следовало сделать с самого начала, но почему-то этот процесс у меня всегда происходит до смешного медленно... — Что ж, у тебя еще есть шанс, используй его!

Умница Синдбад почувствовал мое настроение и зашагал быстрее, так что озадаченный моим романтическим бредом Снорри Стурулсон вскоре остался далеко позади.

— Макс, а куда мы сейчас, собственно говоря, направляемся? Надеюсь, не к Рейхстагу? — Насмешливо спросил Анатолий.

— Да, это было бы совсем уж неуместной пародией! — Весело согласился я. — У меня есть идея получше. Что скажешь насчет зоопарка?

— Абсолютное безумие! — Одобрительно сказал он. — Именно то, что тебе требуется, да?

— Ага. Кроме того, я надеюсь, что еще успею покормить медведей. — Мечтательно протянул я.

— Что? — Ошарашенно переспросил он.

— Покормить медведей. — Спокойно повторил я. — Сколько раз был в Берлинском зоопарке, мне все время обламывали это удовольствие! То мама с папой, то служители зоопарка...

— А что, у тебя были мама с папой? — Недоверчиво уточнил Анатолий.

— Может быть и были. — Усмехнулся я. — По крайней мере, среди многочисленных воспоминаний, не вызывающих у меня особого доверия, есть и такие... Да какая разница! А куда подевалась наша Дороти? Думаю, она тоже захочет покормить медведей. По-моему, она просто создана для этого занятия!

— Я тут. — Тихо сказала Доротея откуда-то из-за моего плеча. — Ты почти угадал: когда-то я очень любила кормить зверей в зоопарке...

— А почему твой замечательный носик опущен к земле? Не грусти, Дороти! Ты так хорошо держалась все это время. Не надо портить эту историю печальным финалом!

Улыбнись, душа моя. Ты еще помнишь, как это делается?

— Я попробую. — Беспомощно сказала она. — Мне здорово не по себе, Макс. Я ведь довольно долго жила в Берлине, правда, в западной части, но этот район я тоже хорошо знаю: тут неподалеку сейчас снимает квартиру мой сын... вернее, снимал — мне следует употреблять прошедшее время, верно? В этом городе прошла моя юность. И сейчас я вспомнила, что это было не так уж плохо...

— Что — "это"? Твоя юность? Вот и славно: значит среди твоих воспоминаний есть не только паршивые — редкостная удача! — Невесело усмехнулся я.

— Моя юность... и вообще жизнь. — Почти неслышно прошептала она. — Рождественские свечи и запах хвои на Рождество, первые листочки и цветущие крокусы весной, пицца с пепероне и дешевое красное вино в итальянском ресторанчике возле Оперы, и наша развеселая компания... Конечно, дело кончилось

тем, что некоторые из наших постарели и стали занудами, обыкновенными скучными бургерами, считающими дни до государственной пенсии, а некоторые успели вовремя умереть... но когда-то мы вместе встречали каждый Новый год, напивались, как поросята, веселились, как сумасшедшие, думали, что любим друг друга больше жизни, и это было почти правдой! Я хочу, чтобы это повторилось, Макс... Знаю, меня посетило самое худшее настроение, совсем не то, с которым следует смотреть в глаза неизвестности, но я ничего не могу с собой поделать!

— Веселые друзья, которые превратились в занудных бургеров? — Ядовито усмехнулся я.

— Да уж, есть о чем пожалеть! Зеленые листочки и прочие чудеса природы, на которые мы не обращаем никакого внимания, пока у нас не начинаются какие-нибудь очередные неполадки в личной жизни, и тогда мы растерянно оглядываемся по сторонам в поисках хоть какого-нибудь жалкого намека на утешение... И новогодние праздники — эти дивные дни, когда люди натужно веселятся, чтобы по традиции отметить наступление еще одного года их короткой и бессмысленной жизни, торопливо поедая что-нибудь не настолько омерзительное, как в будние дни... звонят друзьям и родственникам и собираются в кучки, чтобы получить наглядные доказательства, что они нужны хоть кому-то! Ты уверена, что действительно хочешь, чтобы это все повторилось?

— Почему ты такой злой, Макс? — Ошеломленно спросила она.

— А я злой? Ну, наконец-то! — Я одарил ее самой ослепительной из своих улыбок. — А в каком еще настроении должен пребывать предводитель армии накануне битвы?

Собирать ромашки в палисаднике? Я бы с радостью сорвал для тебя пару ромашек, но что на это скажут Зеленые? Я ужасно боюсь с ними посориться...

Впрочем, если мне удастся замочить Мирового змея, они меня все равно из-под земли достанут! Он же — редкое животное, он вообще существует в единственном экземпляре, если я не ошибаюсь... Идемте в зоопарк, мои дорогие, там я непременно куплю вам мороженое напоследок, и не смотрите на меня так испуганно: я действительно вполне обезумел, но я люблю вас, и требую, чтобы вы немедленно развеселились... А как вы думаете: может быть, нам удастся обойтись малой кровью и просто посадить Ермуганда в террариум? Дирекция зоопарка будет счастлива получить такой редкий экспонат, к тому же это поможет мне не рассориться с Гринписом!

— А кто этот Гринпис? — Осторожно спросил меня Дракула. Оказывается, он уже давно прислушивался к нашему разговору. — Он могущественный повелитель, вроде тебя? Но почему мы до сих пор с ним не повстречались? Что, он пребывает в ином мире?

— Да нет, куда ему! — Фыркнул я. — Не обращай внимания, князь Влад! Тебе ужасно не повезло с полководцем: в критических обстоятельствах я всегда выдаю на-гора рекордное количество чепухи, а обстоятельства у нас теперь самые что ни на есть критические... Пойди, настругай своих колышков, душа моя — может, еще пригодятся! — Я и сам не знал, почему мне так захотелось сказать ему что-нибудь обидное...

Они отступили на несколько шагов и изумленно смотрели на меня.

— Что вы так на меня уставились, ребята? Может быть, у меня не правильно

повязан галстук? Или ширинка расстегнута? — Эти нелепые предположения стали последней каплей — я расхохотался весело и неудержимо, с удивившей меня самого яростью — жуткая безвкусица, так смеются законченные злодеи в голливудских фильмах, а не нормальные живые люди вроде старого доброго Макса!

— Ты горишь. — Тихо сообщил Анатолий. — Горишь, как полено в камине, но каким-то жутким зеленым огнем...

— Разве? — Удивился я. — Ну и черт со мной, горю — так горю! — Я не ощущал никакого жара, но заметил, что окружающий меня мир стал дрожащим и расплывчатым, все предметы приобрели какой-то странный зеленоватый оттенок, но мне было наплевать, если честно!

— Ты пылаешь, как гнев Аллаха, Али. — Уважительно высказался подоспевший к очередной раздаче чудес Мухаммед.

— Довольно плоская метафора. Это мой собственный гнев — при чем тут твой драгоценный Аллах?! — Холодно заметил я, устремляясь вперед.

Может быть, моим спутникам я действительно казался столбом пламени, но звери в зоопарке совершенно меня не боялись. Тигры норовили лизнуть мне руку, когда я выпускал их из клеток, хищные птицы и тучные лебеди дружно кружили над моей головой, а павлины, ламы и медведи преданно брели за мной по пятам. Прежний душка Макс непременно умилился бы, случись с ним такое трогательное приключение, но я едва замечал происходящее. Часовой механизм, все это время ритмично тикавший в глубине моего существа, наконец-то сработал, как бомба террориста, так что от этого самого Макса не осталось ничего — в том числе и фотографии на память! Меня несло неведомо куда — даже не навстречу судьбе, потому что теперь я сам был судьбой — судьбой богов, людей и восхитительного мира, который когда-то дал им жизнь, и от чудес которого и те, и другие так долго и старательно отворачивались... Час пробил, и теперь я молил небо об одном: чтобы все случилось как можно скорее, пока не угасло пламя моей восхитительной, невероятной и такой сладкой ярости. И когда на горизонте появился не правдоподобно гигантский силуэт обещанного пророчеством Волка — его чудовищные размеры превосходили даже возможности моего пылкого воображения! — я был готов расцеловать его хищную морду: за то, что он наконец-то пришел, и теперь я могу убить его и положить конец изматывающей неопределенности последних месяцев.

— Держись от него подальше, Один! — Крикнул я. — Ты помнишь? Тебе нельзя приближаться к этому зверю! И придержи своих ребят, чтобы не подвернулись под горячую руку — если уж Фенрир здесь, значит и они сейчас пожалуют. Не хочу их обижать: они всегда казались мне такими забавными персонажами!

Один ничего не ответил, но я знал, что он слышал мои слова и принял их к сведению — иначе и быть не могло! А потом я забыл о нем, и вообще обо всем на свете, потому что передо мной уже маячила распахнутая пасть Волка.

Фенрир вполне мог позволить себе роскошь не поперхнувшись проглотить меня вместе с моим дромадером, ятаганом, щитом и прочими волшебными причиндалами — которые, как выяснилось, были нужны мне не больше, чем детские погремушки: я так ни разу толком и не воспользовался чудесными дарами Сфинкса... Но он не спешил пообедать — то ли не успел нагулять аппетит, то ли все еще считал меня своим хозяином и повелителем... Ну да, по сценарию-то нам полагалось играть в

прежнему толпились на его темной поверхности.

— Приехали. — Упавшим голосом сказал я. — Напрасно вы остались со мной, ребята!

— Куда подевался прежний веселый Владыка, который храбро лез в пасть Ермуганда? — Один заговорщически ткнул меня локтем в бок, его голос был насмешливым и добродушным, а единственный глаз лучился лукавством. Мы что-нибудь придумаем, Макс! Неужели ты считаешь, что я ни на что не гожусь?!

— Ты-то годишься! — Я выдавил из себя кривую улыбку. — Но я уже ни на что не гожусь, Один. Мое пламя погасло — знаешь, как это бывает?

— Знаю. Когда мы встретились, я тоже мог сказать, что мое пламя угасло... или почти угасло, но теперь оно вспыхнуло с новой силой. Что ж, значит я быстро верну тебе долг — тем лучше! Ненавижу ходить в должниках! — Бодро сказал он, протягивая руку к не правдоподобно близкому небу. Огромное огненное существо, снабженное угрожающими клешнями и не менее угрожающим жалом на хвосте, скользнуло нам навстречу — мгновение, и Один уже сидел на нем верхом, еще миг, и он помог мне занять место впереди себя.

— Если уж я столько лет ездил на этом упрямце Слейпнире — значит, могу прокатиться и на этом чудовище! — Он расхохотался, словно эта фраза была наилучшей шуткой всех времен и народов.

— Ты знаешь, кого мы оседлали? — Растерянно спросил я. — Это созвездие Скорпиона!

Наверное, он может ужалить...

— Я тоже могу, если рассержусь! — Грозно пообещал Один.

— Теперь нам следует предстать перед Аллахом, Али! Он не приветствует неторопливых! — Неугомонный Мухаммед упорно гнул свою линию. Я обернулся на его голос и увидел, что он несется вслед за нами верхом на огромной голой женщине — судя по всему, этот сладострастный пророк оседлал созвездие Девы — кому что, а голому в баню...

Поездка была та еще: злодей Скорпион то и дело порывался цапнуть меня своими клешнями — мой друг Один умеет выбирать транспортные средства, нечего сказать!

Счастье, что мой щит все еще был при мне — думаю, только его проворство спасло мою физиономию от героических шрамов. Впрочем, самому Одину тоже приходилось туго: кажется, ему здорово доставалось от скорпионьего жала, по крайней мере, наше фантастическое путешествие по небесам протекало под его непрерывные проклятия, шум борьбы и жалобный хруст скорпионьих суставов. Да уж, Мухаммед устроился гораздо комфортнее — что правда, то правда! Он удобно восседал на пухлых плечах Девы и деловито оглядывался по сторонам: искал врата в свой несуществующий Эдем, я полагаю!

Самое удивительное, что мы все-таки действительно угодили в этот самый Эдем, все трое! Аллах был прав, когда говорил, что все безумные желания Мухаммеда исполняются с озадачивающей скоростью. Честно говоря, я так увлекся вынужденной самообороной, что не заметил перемену пейзажа — вернее, заметил, когда уже было поздно поворачивать назад... Один тоже отвлекся от битвы со Скорпионом и неодобрительно оглядывался по сторонам. Очевидно, многочисленные прохладные фонтаны, цветущие розовые кусты и залиvistое пение

соловьев не отвечали его эстетическим запросам. Моим, впрочем, тоже, но сейчас я был совершенно счастлив оказаться в столь умиротворяющей обстановке!

— Где это мы? — Наконец спросил он. — Ты знаешь?

— Догадываюсь. — Усмехнулся я. — Думаю, это и есть Эдем — райский сад, как его представляет себе наш друг Мухаммед. Очередное наваждение... впрочем, я не уверен, что оно рассеется! По моим сведениям, наваждения Мухаммеда обладают завидной живучестью! Но все к лучшему: по крайней мере, нам больше не обязательно оставаться на спине этой вредной твари!

Один с энтузиазмом закивал и поспешно прыгнул на землю. Я последовал за ним, а внезапно присмиревший Скорпион поспешно пополз куда-то в розовые заросли.

— Мне здесь не очень нравится. — Пренебрежительно сказал Один. — Слишком все сладко! Слово мы попали в послеполуденный сон ополоумевшей бабы...

— Скорее уж — ополоумевшего мужика! — Доверительно шепнул я. — Сейчас непременно появятся какие-нибудь полуголые красотки: я этого типа насквозь вижу!

Я как в воду глядел: из розовых зарослей тут же выпорхнула стайка смуглых красавиц, не обремененных деловыми костюмами.

— Рыхлые какие! — Неодобрительно сказал Один. — И ноги у них загорелые, как у простолюдинок... То ли дело мои валькирии!

— Твоя правда. — Рассеянно согласился я, вспомнив, в какой ужас пришел в свое время бедняга Мухаммед от грозного облика валькирий. "Зачем Аллах сотворил таких женщин, Али? Какой от них прок?" — растерянно спрашивал он меня, впервые в жизни усомнившись в мудрости Творца...

Гурии тем временем попытались всучить нам кальяны. Мухаммед, разумеется, с восхищением принял подношение. Я покачал головой: честно говоря, у меня сейчас не хватило бы сил, чтобы получить удовольствие от самого обыкновенного перекура, какой уж там кальян! Один повертел подношение в руках, решительно откусил мундштук и вопросительно посмотрел на меня — дескать, что дальше? Я неудержимо расхохотался, Один тут же вспомнил, какой он великий герой, и скорчил зверскую рожу.

— Выплюнь эту штуку, Отец Мудрости! — Сквозь смех простонал я. — Ее не едят, это прибор для курения, впрочем, теперь его можно выбросить на свалку! Ничего, если захочешь, тебе принесут новый — это же рай!

— Для курения? — Надменно переспросил Один. И решительно отрезал:

— Не хочу!

Эта идиллия была прервана появлением Аллаха. За то время, пока мы не виделись, этот красавчик успел обзавестись новым зеленым плащом — точной копией того, который он отдал мне. Мухаммед тут же забыл о кальяне и гуриях и бросился ему навстречу: могу его понять — в конце концов, дядя ждал этого момента всю жизнь... и после смерти тоже! Аллах протянул к нему руки, Мухаммед восхищенно улыбнулся, прибавил скорости, но не пробежав нескольких шагов повалился на землю, закрыв голову руками — кажется, он просто больше не мог переносить великолепия открывшегося ему зрелища. Аллах неторопливо опустился рядом с ним на корточки, положил руку на затылок своего пророка и что-то ему сказал. Через мгновение Мухаммед исчез, оставив на память о себе только примятую траву. Мы с Одним встревоженно переглянулись.

нервы — и как ни в чем не бывало спросит: "ну и куда ты тогда подевался, Один? У меня были такие хорошие планы! Ну да ничего, еще не поздно — вот послушай..."

— Он хотел, чтобы так случилось. — Мягко сказал мне Аллах. Устало вздохнул и подошел поближе. Лицо у него при этом было самое недовольное. — Насколько я понимаю, вы оба забрели сюда случайно: за компанию с моим бедным пророком, и сейчас отправитесь обратно. Эдем — не то место, где вам следует пребывать... Не премину воспользоваться случаем и сказать, что все было просто ужасно! Не ожидал от тебя таких безумств!

— Вам не понравилось? — Нахально удивился я.

— А как ты думаешь? — Сердито усмехнулся он. — Ты все испортил, Макс. Вы добились своего — ты и твой одноглазый приятель! Вы разрушили все мыслимые и немыслимые пророчества, в довершение ко всему тебе как-то удалось уничтожить Мирового Змея, который пришел, чтобы открыть для вас врата в Вечность — и это весьма прискорбно!

Можете радоваться: ваш драгоценный мир цел и невредим, а я вынужден сидеть здесь, как пес на цепи и ждать следующего шанса...

— Как это? — Вот теперь у меня задрожали колени, потому что нет ничего сокрушительнее внезапно обрушивающейся на вас надежды — так и убить можно...

— А вот так! — Сварливо сказал Аллах. — Можете считать, что ничего не было! Целы ваши драгоценные человечки, и их убогие строеньица — целехоньки!

— и их никчемные жизни продолжатся так, словно и не прерывались! Радуйтесь, пока можете, потому что вас ждет худшее из наказаний: вам придется вернуться в этот мир и жить там — обоим, ибо виноваты вы оба!

— А что в этом плохого? — Невозмутимо спросил Один. — Ну, проживем там еще немного — делов-то! И почему ты так гневаешься, незнакомец?

— Я действительно гневаюсь, поскольку давно мечтал обрести покой. — Устало сказал Аллах. — Твой приятель Макс знает, почему: в свое время я был с ним не в меру откровенен... А теперь мне придется остаться здесь.

Впрочем, ваша участь еще менее завидна...

— А что, мне даже нравится! — Весело сказал я Одину. — Доротея была в чем-то права, когда мела свою милую чушь про крокусы и зеленые листочки, зря я на нее так рассердился! Правда, рождественские вечеринки это все равно ужас что такое, но можно организовать свою жизнь так, чтобы их было поменьше... Думаю, на это нашего с тобой могущества хватит!

— Хватит. — Спокойно согласился Один.

— Ладно, вам пора просыпаться. — Ворчливо сказал Аллах. — Тяжело мне с вами!

Мы с Одним переглянулись и дружно расхохотались, не знаю уж, почему...

Я внезапно понял, что тихо смеюсь каким-то своим путаным мыслям, уставившись на пустую банку из-под тоника. Я смущенно огляделся: мое поведение пахло некоторым милым сумасшествием. К счастью, в мексиканском ресторанчике было почти пусто, только за дальним столиком сидела какая-то парочка. Ребята не обращали на меня никакого внимания, и это радовало.

— Ваш кофе. — Улыбчивый мексиканец возник откуда-то из-за моей спины и аккуратно поставил поднос на столик.

— Спасибо. — Кивнул я. — И принесите счет, пожалуйста.

— Угощение за счет заведения. — Невозмутимо сказал официант. — Конечно,

вы с треском провалили порученное вам дело, но это не снимает с меня некоторых обязательств...

Земля ушла из-под моих ног. Невероятные события последних месяцев за один миг пронеслись передо мной, и у меня не было ни малейшего шанса сказать себе, что я просто задремал после долгой утренней прогулки и сытного обеда.

— На самом деле все не так уж плохо. — Доверительно сказал официант, присаживаясь на соседний стул. — Я никогда не был уверен, что конец света действительно так уж необходим... Вам удалось положить конец моим сомнениям. Эти люди, — он небрежно махнул в сторону окна, — не так уж безнадежны. В конце концов, в последний день они вели себя почти безупречно, да и вам это удавалось время от времени... К сожалению, у вас короткое дыхание. Вы — типичный спринтер!

Я судорожно хватал ртом воздух, не в сила справиться с собственным взбеленным сердцем.

— Не надо так волноваться, все уже позади. — Сочувственно сказал официант. — Вам вообще следует научиться контролировать свои эмоции — при ваших возможностях они грозят настоящей бедой!

— Так все действительно было? — Наконец спросил я.

— А вы сомневаетесь? Странно... — Насмешливо заметил он.

— Но это было только со мной, или со всеми? — Требовательно спросил я.

— Это как поглядеть... — Задумчиво протянул он. — Конечно, со всеми! Но если вы попытаетесь обсудить это событие со своими приятелями, они непременно посоветуют вам обратиться к доктору... Видите ли, каждый из них думает, что просто видел довольно странный сон... да и не все помнят, что именно им снилось.

— А кто вы? — Наконец-то до меня дошло, что этот парень не может быть простым официантом.

— Я тот, с кем вы сейчас говорите. — Уклончиво ответил он. — Какая разница, кто я? Я здесь работаю... Да, кстати, видите эту парочку у окна? — Я растерянно кивнул. — Сделайте одолжение: не пытайтесь с ними поздороваться. Они будут вам рады, но...

Одним словом, если вы не хотите, чтобы этот прекрасный мир все-таки рухнул, вы выйдете отсюда, как ни в чем не бывало.

— А кто они? — Тихо спросил я. — Я отсюда не могу разглядеть...

— И не надо! — Решительно отрезал он. — Могу сказать только, что эта милая дама с вашей помощью проиграла один забавный спор... Кажется, сейчас она собирается расплатиться.

Я увидел, как женщина, сидящая у окна, дотянулась через стол до своего спутника и звонко чмокнула его в щеку.

— Символическая расплата. — Прокомментировал официант. — Старик Один куда великодушнее, чем может показаться при первом знакомстве. Так вы выполните мою просьбу?

— Да, конечно. — Кивнул я. — Я бы и сам не стал к ним приставать...

Когда-нибудь, в другое время, в другой жизни... Но не сейчас!

— Это правильно. — Одобрительно сказал официант.

Я поднялся со стула и с трудом передвигая ватные ноги направился к выходу. Он критически оглядел меня с ног до головы и придержал за локоть.

— Вы замерзнете. Подождите, я дам вам свое пальто.

— Замерзну? — Изумился я. — Май месяц, и у меня довольно теплый свитер...

— Не май а декабрь. — Официант сочувственно покачал головой. — Двадцать пятое декабря — а вы как думали?

Я грузно опустился на стул и молча сидел, с тупым любопытством прислушиваясь к звону в собственной голове, пока он не принес мне старенькое черное пальто. Оно оказалось немного широко и коротковато, но жить было можно.

— Счастливого Рождества, герр Макс! — Весело сказал официант, почти силком выставляя меня за дверь. — Как вам мой подарочек?

Косточки сладких плодов в моем кисете по-прежнему остаются гладкими, как чело дурака: у меня больше нет моих рун, кроме одной — непостижимой пустой руны Вейрд, страшную и сладкую силу которой мне довелось изведать в полной мере...

Теперь мне ведомо, что она означает. Я понимаю, что имел в виду Макс, когда говорил, что от него прежнего ничего не осталось: это были не пустые слова. От меня прежнего тоже не осталось ничего — разве что мои воспоминания об Одине, которым я был когда-то, смутные и размытые, словно моя бесконечно долгая жизнь и невероятные события, положившие ей конец — всего лишь старая сага, в которой реальные события причудливо переплелись с необузданной фантазией рассказчика.

Теперь мне приходится иметь дело с людьми куда чаще, чем прежде, и я постепенно начинаю понимать, почему странный незнакомец в зеленом плаще называл предстоящую нам жизнь в этом мире наказанием — впрочем, я все равно ни о чем не жалею! Впервые на моем веку мне приходится зарабатывать на жизнь, и поначалу это показалось мне захватывающим приключением — впрочем, я довольно быстро привык к такому положению вещей. Забавно: сейчас я как раз перевожу "Эдду" со старoisландского на немецкий и заодно стараюсь внести некоторые поправки в писания бедняги Снорри. Надо отдать ему должное: он приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы не слишком перевернуть мои речи, но ведь он — всего лишь человек, так что без ошибок не обошлось...

Я несколько раз видел Афины — наша старая дружба все еще дорога нам обоим, но судьба упорно разводит нас в разные стороны, и это, наверное, правильно: прошлое должно оставаться прошлым, особенно наше прошлое, которое лучше не будить — по крайней мере, до поры, до времени! Иногда по ночам меня будит ее совиный крик: эта сероглазая все не может решить, кем ей следует оставаться — женщиной, или птицей, поэтому то и дело меняет свои обличья, совсем как в те дни, когда ей нравилось казаться загорелым двойником Марлона Брандо. (Из любопытства я пересмотрел все фильмы с участием этого актера, но так и не понял, почему Паллада так дорожила возможностью быть его точной копией...) Когда я хожу по улицам, я внимательно вглядываюсь в лица прохожих. Где-то под этим небом бродит мой бывший враг, мой верный друг и спаситель — тот, кого Вельва называла Суртом, кто должен был погасить солнце и положить конец моим (и не только моим) дням на этой прекрасной земле... Я совершенно точно знаю, что однажды он вынырнет мне навстречу из вагона подземки, или усядется рядом со мной в пивном баре, положит руку мне на плечо, снисходительно одарит меня легкомысленной улыбкой — вроде тех, что порой чертовски действовали мне на